

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 7 (73). №3. Ч. 2.

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол №6 от 5 октября 2021 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения, 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.10 – Международное право; Европейское право, 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.14 – Административное право; административный процесс, 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс, а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (главный редактор)

Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.

Берг Людмила Николаевна, д.ю.н., проф.

Бияев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.

Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.

Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.

Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.

Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.

Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.

Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.

Лютов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.

Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.

Тонков Евгений Евгениевич, д. ю. н., проф.

Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.

Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.

Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.

Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.

Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.

Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.

Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать 05.10.2021. Формат 70x100 1/16

усл. п. л. Тираж 50 экз. Заказ № НП/3

Дата выхода в свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295051, Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-law.cfuv.ru>

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ
ПРОЦЕСС; ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ
ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО**

УДК 343.21

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 3-12

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И
ТРЕБОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ**

Арямов А. А.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В данной статье автор на основе наследия римского права и общей теории права проанализировал корреспондирующие связи между такими отраслями права, как уголовное право, уголовно-процессуальное право, гражданско-процессуальное право... в призме формирования и использования термина «административная преюдиция»; пришел к выводу о том, что таковая преюдицией не является, а вкладываемое в этот термин содержание более соответствует общеюридическому понятию «предикация».

Ключевые слова: юридическая техника, единство правовой системы, единообразие терминологии, презумпция, преюдиция, предикация, римское право, уголовное право, уголовное процессуальное право.

В доктринальном обороте криминологического цикла активно используется термин «административная преюдиция», которым именуют юридическое явление, подпадающее под используемое законодателем словосочетание «совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию...» (см., например, ст. 158.1 УК РФ)¹. Ведутся дискуссии по раскрытию его содержания и определению его юридического значения.

Существенное внимание этой проблеме уделяли такие авторитетные криминологи, как: Н.Ф. Кузнецова, В.П. Малков, Н.И. Пикуров [21, с. 195-198; 26, с. 88-93] и др. Дискуссия о целесообразности закрепления в уголовном законе составов с административной преюдицией «расколола» научный мир.² Криминологи спорят о допустимости административной преюдиции в уголовном праве; но вопрос о том, является ли предмет спора преюдицией вообще (или это какое-то иное юридическое явление), о корректности использования такого термина в обозначенном контексте до настоящего времени на широкое обсуждение не выносился. Явочным порядком термин был введен в оборот в уголовно-правовой доктрине и принят без критического анализа такой новеллы. Рассмотрим взгляды криминологов по этому вопросу.

Так, И.О. Грунтов еще в 1985 г. полагал, что административная преюдиция в уголовном законе – это закрепленная конструкцией состава преступления преюди-

¹ Также ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 171.4, 212.1, 215.4, 282, 264.1, 284.1, 314.1, 315... УК РФ

² Так, Д.Н. Бахрах, В.С. Комиссаров, Н.А. Лопашенко, М.И. Ковалева и В.Н. Курченко являются противниками такого подхода к реформе уголовного закона, а И.Э. Звечаровский, Л.В. Головкин, Д.Э. Марченко и Н.И. Пикуров – его сторонники [23, с. 52–53; 12, с. 42–50; 20, с. 84; 28].

циальная связь между несколькими аналогичными правонарушениями, совершенными в течение года после применения к виновному мер административного взыскания за одно из правонарушений, в силу которой содеянное оценивается как преступление [6, с. 19]. Помимо содержательных проблем данная дефиниция также демонстрирует такой порок юридической техники как тавтологию, в определении используется определяемое понятие: преюдиция – это преюдициальная связь...

В 2019 г. А.В. Богданов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Административная преюдиция в уголовном праве России», в которой определил рассматриваемое понятие как: «включение в диспозиции правовых норм данных о предыдущей административной наказанности лица, выступающих основаниями для криминализации повторных деяний с признаками административных правонарушений, являющихся аналогичными, тождественными или однородными по отношению к предикатному административному правонарушению» [3, с. 13]. Очевидно, что в данном определении автор смешивает два автономных юридических понятия: преюдиция и предикация; но именно в силу такого смешения эта дефиниция представляет для нас интерес в контексте настоящего исследования. Более того, на с. 43 своей диссертации он дает существенно иное определение преюдиции: «преюдиция является юридическим правилом, предполагающим признание достоверности юридических фактов, установленных в решениях судов по результатам рассмотрения юридических дел, которые предreshают результат рассмотрения судами последующих юридических дел, выступая в качестве обстоятельств устанавливающих (отягчающих) юридическую ответственность, либо в качестве доказательств по юридическим делам» [3, с. 43].

Представляет интерес в рассматриваемой тематике мнение О.С. Одоева, что административная преюдиция является правовым состоянием лица, обусловленным фактом назначения ему по постановлению по делу об административном правонарушении административного наказания и влекущее уголовно-правовые последствия в случае совершения этим лицом схожего по объективной стороне состава правонарушения [24, с.155].

Ч.Ф. Мустафаев полагал, что административная преюдиция характеризует субъективную сторону преступления «при повторном совершении деяния (после административного деликта) содержание умысла выражает более негативное, чем прежде, отношение к охраняемым законом социальным ценностям и таким образом влияет на повышение общественной опасности содеянного в целом, что и является основанием для признания данного деяния преступным, само по себе предыдущее административное правонарушения не входит в состав рассматриваемого преступления» [22, с.7-8].

И. В. Ямашева высказывала мнение, что административная преюдиция в уголовном праве – это возможность привлечения к уголовной ответственности, при условии, если деяние совершено в течении определенного периода времени после наложения одного или двух административных взысканий за такое правонарушение [37, с. 69-79].

А. Г. Безверхов считает, что инструмент административной преюдиции законодатель использует не только при конструировании составов преступлений в Общей части уголовного закона, но и при формировании норм Общей части УК РФ;

например, ст. 74 УК РФ (предшествующая ответственность за административный деликт при отмене условного осуждения) [1, с. 49]. Высказывалось также мнение и о присутствии в уголовном праве скрытой административной преюдиции [14, с. 246-254]. В научной периодике встречаются и более категоричные утверждения: «наличие в нормах Особенной части УК РФ административной преюдиции не оспаривается научным сообществом» [3, с. 67]. Однако настоящая работа является наглядным опровержением данного тезиса.

Примечательно, что в тексте отечественного уголовного закона термин «преюдиция» не используется, он «продукт» исключительно криминологической доктрины.

Иногда, в ходе научной дискуссии, криминологи для укрепления собственных позиций (в том числе и по вопросам административной преюдиции) обращаются к практике Конституционного Суда РФ или ЕСПЧ; в частности, А. В. Богданов ссылался на: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 № 6-П. «По делу о проверке конституционности подпункта «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобами Р.В. Боскачева, И.В. Овсянникова и Д.А. Савельева», [3, с. 53] также Постановление ЕСПЧ по делу «Сергей Золотухин против России»: Постановление Европейского суда по правам человека от 10 февраля 2009 г. (Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 1) [3, с. 56]. Однако в тексте данных судебных актов термин «административная преюдиция» вообще не встречается.

В силу ст.61 ГПК РФ (гл.6 «Доказательства и доказывание») не нуждаются в доказывании: обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица. При рассмотрении гражданского дела, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда, не должны доказываться и не могут оспариваться лицами, если они участвовали в деле, которое было разрешено арбитражным судом. Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. Аналогичные положения содержатся и в ст. 69 АПК РФ, и в ст.64 КАС РФ. В доктринальном обеспечении всех указанных отраслей процессуального права понятие преюдиции весьма детально и глубоко исследовано [7, с. 47; 11, с. 91]. Имеет место даже дискуссия о придании преюдициального значения нотариальным актам [8, с. 307].

Согласно ст.90 УПК РФ (которая так и называется «Преюдиция») обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, вынесенного судом в соответствии со ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом, такой приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле. Приведенная норма закреплена в гл.11 УПК РФ «Доказывание». В данной правовой норме императивно указывает-

ся о запрете предрешенности преюдициальным актом виновности субъекта; однако, имеющая место в доктрине уголовного права так называемая «административная преюдиция» предусматривает предшествующее привлечение субъекта к административной ответственности за тождественное деяние, что предполагает установление виновности лица (административное право в отличие от гражданского исключает ответственность без вины). Налицо очередное противоречие между общеюридическим понятием преюдиции и его «вариацией» в уголовном праве.

В соответствии с п.10.6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №25 от 9.12.2008г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»: обстоятельства, послужившие основанием привлечения лица к административной ответственности, не определяют выводы о виновности подсудимого, если в тексте судебного акта о привлечении к административной ответственности были выявлены препятствия для постановления приговора, суд должен возвращать уголовное дело прокурору. В ст. 12.26 КоАП РФ. силу п.8.10 этого же постановления суд, рассматривающий дело по ст.264.1 УК РФ вправе критически переоценить обоснованность предшествующего привлечения подсудимого к административной ответственности по ч. 1 или 3 ст. 12.8 Также согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №21 от 24.05.2016 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 УК РФ» и п. 17.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и др. установлены аналогичные требования в призме комментируемых групп преступлений.

Более того, существует официальное указание на то, что при рассмотрении дела по ст. 264.1 УК РФ суд обязан проверить законность привлечения подсудимого к «преюдициальной административной ответственности», послужившей основанием для привлечения к уголовной ответственности.³ Рассматривая дело по обвинению несовершеннолетнего по ст. 264.1 УК РФ в связи с административной преюдицией, суд должен проверить, проводилось ли его освидетельствование в связи с привлечением к административной ответственности в присутствии законного представителя.⁴ Примечательно, что суды в своих актах используют термин «административная преюдиция», но в своих же требованиях/рекомендациях лишают данное обстоятельство преюдициальной силы, предполагая возможность переоценки предшествующих актов административного правоприменения, поименованных как преюдициальные. Очевидный диссонанс между используемым термином и вкладываемым в него содержанием. Парадокс: преюдиция, лишенная преюдициального значения.

Таким образом, налицо следующий факт: судебная практика не рассматривает предшествующие правоприменительные акты о предварительном привлечении к административной ответственности в качестве преюдициальных, обстоятельства, изложенные в них, в целях устранения выявленных при привлечении к уголовной ответственности нарушений закона вполне могут быть подвергнуты переоценке, а сами акты – ревизии.

³ П.10 Обобщения судебной практики Челябинского областного суда за 1й квартал 2019 г. (утв. Постановлением Президиума Челябинского областного суда от 19.06.2019.

⁴ См. Обзор судебной практики Курского областного суда «Смысл закона старый, подход к применению – новый».

В уголовно-процессуальном праве феномен преюдициальности исследован достаточно полно; при всем многообразии точек зрения на него их всех объединяет позиция понимания его содержания, как признание достоверности юридического факта, ранее установленного судебным актом [2, с. 63-64; 18, с. 8; 4, с. 10; 34, с. 35], в качестве прикладного технического инструмента преодоления потенциальных коллизий правоприменительных актов, обеспечения правовой определенности и единообразия практики правоприменения [35, с.31-35]. Даже классик отечественного уголовного права И.Я. Фойницкий рассматривал его исключительно в качестве процессуального понятия [31, с. 187] Таким образом можно констатировать, что все отрасли процессуального права, как на законодательном, так и на доктринальном уровнях, оперируют понятием преюдиции исключительно в контексте процедуры доказывания (обстоятельства, освобожденные от доказывания).

Понимание преюдиции как процессуального явления нашло свое отражение и актах Конституционного Суда РФ; но при этом Суд, по всей вероятности, понимая проблемность ситуации, иногда использовал термин «...так называемые составы с административной преюдицией», хотя чаще не делает такой оговорки.⁵

Диссонанс в понимании феномена преюдиции в доктрине отечественного уголовного права, с одной стороны, и четырех процессуальных отраслях права (как на нормативном, так и на доктринальном уровнях), с другой стороны, стал очевидным «не здесь и не сейчас». Вопрос о единообразном его понимании в рамках единой системы национального права поднимался неоднократно [27, с. 209; 13, с. 9]. Но проблема и в настоящее время далека от разрешения.

Если к обозначенной проблеме подойти методологически и, опираясь на наследие римского права, в призме генезиса рассматриваемого понятия, определения его места в системе инструментария юридической техники постараться определить его содержание, то можно прийти к весьма любопытным выводам. Общеизвестны следующие инструменты юридической техники, унаследованные от римского права: презумпции, преюдиции, предикации, фикции и т.д. Каждый из них вполне автономен, имеет самостоятельное содержание и не может подменять собой другие. Преюдиция от /лат./ Praejudicium – «praecedo» (идти вперед, предшествовать) и «praecipio» (судить предварительно), praeprediales (позднелатинский термин византийского периода – относящийся к предыдущему судебному решению) [36, с. 296; 30, с. 232]; в римском праве под этим термином понимали предшествующее судебное решение о сущности дела, определяющее судебное решение по основной тяжбе [33, с. 9]: «предрешение вопроса, заранее принятое решение, обстоятельство, позволяющее судить о последствиях» [15, с. 128-137]. Нормативное закрепление преюдиции имело место в законах Октавиана Августа и в так называемом «Своде римского права»; в посвященных проблемам формулярного процесса трудах Цицерона подробно описывались формулы преюдиций равно как и в «Институциях»

⁵ По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. // Рос. газ. – 2012. – 11 января. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. // Рос. газ. – 2017. – 28 февраля; также Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 №3398-О; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 №2-П.

Гая; исследовался этот феномен и в трудах Апулея, Квинтилиана, Курция, Ливия, Мацера, Павла, Плиния, Светония, Сенеки, Тацита, Ульпиана, Фронтоня. Преюдиция в римском праве раскрывалась в единстве следующих ее значений:

- нормативное предписание, которое определяло все последующие процессы после первичного по предмету судебного разбирательства, ранее отраженному в окончательном судебном решении – *res judicata* («дело решено»),
- предварительное разрешение вопроса факта через вынесение предварительного решения, от которого будет зависеть итог по вопросу другому,
- невыгода для одной из сторон, предварительного побочного процесса, в ущерб которой было принято решение;
- инструмент, предотвращающий новый спор между теми же субъектами по тому же предмету, если ранее спор был уже разрешен судом [17, с. 472-488].

Преюдиция в римском праве рассматривалась как инструмент обеспечивающий стабильность судебной практики (единообразие практики правоприменения) и снижающий риск коллизий судебных актов. В своем практическом значении преюдиция тесно взаимодействовала с другим инструментом юридической техники – с судебным прецедентом. От последнего преюдицию отграничивало правило *res judicata* – обязательность судебного акта только для лиц, участвующих в судебном разбирательстве [5, с. 119-120]. Именно в таком качестве преюдиция воспринимается и поныне во всех национальных правовых системах, всех правовых семей зарубежных государств; нигде (кроме постсоветского пространства) не предпринимаются попытки назвать преюдицией характеристику специального субъекта преступления (наличие у него непогашенного административного взыскания за предыдущее тождественное деяние) [10, 9, 32].

Вполне закономерно может сформироваться мнение о том, что использование в процессе оперирования информацией какого-либо термина и придание ему определенной смысловой нагрузки (содержания) – это вопрос сугубо технический. Никто ведь не оспаривает факт существования такого явления, как характеристика специального субъекта преступления по признаку наличия у него непогашенного административного взыскания за ранее совершенное тождественное деяние (причем комплекс знаний об этом предмете органически вытекает из общетеоретического учения о множественности деликтов). Мол, процессуалисты вполне могут вкладывать в этот термин одно содержание, а криминологи иное. Своего рода отраслевой сепаратизм.

По этому поводу наверно не стоит приводить общеизвестные истины о единстве национальной правовой системы, о корреспондирующих межотраслевых связях и т.д. Можно акцентировать внимание на том, что в отличие от ряда иных гуманитарных наук юриспруденция ориентирована на прикладное применение; любое юридическое знание, лишенное перспектив практического применения, утрачивает смысл. Любое положение материального уголовного права реализуется в основном в процессуальной форме. В ходе процесса обучения или научной дискуссии вполне возможны автономные изложение или обсуждение того или иного материала, но в реальном правоприменительном процессе в субъектно-пространственно-временном единстве смыкаются положения и уголовного права, и уголовного процесса, и гражданского права, и гражданского процесса (при рассмотрении в уголовном деле гражданского иска), и административного права, и административного процесса

(особенно в контексте предмета настоящего исследования); в таком случае приращение одному и тому же термину различного содержания приобретает уже характер абсурда. Таким образом можно констатировать, что обозначенная проблема имеет не техническое, а весьма содержательное значение.

Если для обозначения рассматриваемого явления использование термина преюдиция не корректно, то какой термин в данном случае уместен? В инструментарии, унаследованном нами от римского права присутствует такое юридическое явление, как предикация. В науке уголовного права достаточно пристальное внимание уделяется изучению предикатных преступлений (особенно в призме ответственности за легализацию криминальных доходов и приобретения имущества, добытого заведомо преступным путем). Феномен предикации имеет общее значение в различных отраслях человеческого знания: философии, логике, лингвистике, праве и т.д. Необходимо иметь в виду, что в римском праве риторика как инструмент судебного процесса рассматривалась и как часть юриспруденции.

Предикация – предсказанное, ранее сказанное или совершенное [25, с.1854].

Предикация (лат. *praedicatio* — высказывание, утверждение) в лингвистике – одна из функций языкового выражения; предикация соотносит мысль к действительности: состоянию объекта к субъекту, события к ситуации. Предикация — формальное установление связей между субъектом и предикатом.

Это акт соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами (в норме — предикатом и его актантами), с целью отразить «положение дел», событие, ситуацию действительности; акт создания пропозиции [16].

Понятие предикации было известно ещё античным логикам, которые рассматривали её в аспекте не столько акта, сколько результата, в виде десяти категорий, или предикаментов (Аристотель, Порфирий и др.). В средневековой схоластической логике (Боэций, Аврелий) понятие предикации формируется как акт познания на основе соединения нескольких познаваемых явлений. В логической системе Б. Рассела предикация рассматривалась как способ обозначения сложных фактов, как установление эквивалентности через включение во множество [19, с. 12].

Современная философия оперирует понятием субъект-предикатное конструирование как способ раскрытия внутренней логики мышления посредством установления связей между субъектом и явлениями/процессами [29, с. 5].

В контексте изложенного характеристика специального субъекта преступления по признаку предшествующего привлечения к административной ответственности вполне соответствует форме и содержанию понятия предикация, которым оперируют философия, логика, лингвистика, психология и т.д. А именно: посредством установления связи между субъектом (актантом) и предикатом (наличие у лица непогашенного административного взыскания) формируется пропозиция (условие привлечения к уголовной ответственности или усиление таковой); при этом свойства предиката при формировании пропозиции подлежат оценке и вполне могут быть подвергнуты ревизии, что не свойственно преюдиции. Таким образом рассматриваемое правовое явление целесообразно обозначать термином «административная предикация».

Список литературы

1. Безверхов А. Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовном законодательстве России // Российская юстиция. 2012. № 1.
2. Березин А. С. Преюдиции в отечественном уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: Нижний Новгород, 2006.
3. Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России/ диссертация на соискание ученой степени к.ю.н., М. 2019.
4. Гореликова А. Г. Преюдиция в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2010.
5. Горбунов М.А. Правопонимание римских юристов как фактор системности римского правопорядка//Закон и право №5, 2010.
6. Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: дис. ... канд. юрид. наук: Минск, 1985.
7. Дегтярев С. Л. Влияние преюдиции на судебное доказывание в современном арбитражном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1.
8. Дундукова Д. П., Чекачкова Г. Н. Правовое значение нотариального акта в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Молодой ученый. 2017. № 10.
9. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М. Проспект, 2008;
10. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М. Проспект. 2006.
11. Клинова Е.В. О преюдициальности судебного решения // Вестник Московского университета. 2003. № 6.
12. Козлов А. В. О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. Хабаровск: Издательство ДВЮИ, 2012. № 1.
13. Колоколов Н. А. Новые правила преюдиции: как изменяется практика // Уголовный процесс. 2010. № 3.
14. Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступления и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5.
15. Крицкая С.Ю. Преюдиция в российском и римском праве // Ленинградский юридический журнал. Научно-теоретический и информационно-практический межрегиональный журнал. - СПб, №2007. №3(9).
16. Лингвистический энциклопедический словарь/ <https://les.academic.ru/911>.
17. Латинский – русский словарь к источникам римского права. М.: 1997.
18. Левченко О. В. Общеизвестные, преюдициально установленные и законом презюмируемые факты и особенности их использования в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук: Казань, 1994.
19. Лосев А.Ф. Семантические типы предикатов. М., 1982.
20. Лапина М. А., Трунцевский Ю. В., Ручкина Г. Ф. и др. // Декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности: административная преюдиция в действии: монография. М.: Издательство «Юстиция», 2016.
21. Малков В. П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2.
22. Мустафаев Ч. Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: Баку, 1986.
23. Овечкина Е. В. Возвращение к административной преюдиции: «за» и «против» // Закон и право. 2008. № 2.
24. Одоев О.С. Административная преюдиция в уголовном праве России и стран СНГ: М.: Издательство «Юриспруденция», 2018.
25. Павленков Ф. Энциклопедический словарь. СПб. Издательство Эрлиха. 1899.
26. Пикуров Н. И. Административная преюдиция в уголовном праве: возможна ли реабилитация? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции, 25-26 янв. 2002. М.,
27. Попов С. В. К вопросу о системном подходе к исследованию правовой преюдиции // Юридическая техника. 2007. № 1.
28. Рыбак А. А. Административная преюдиция в уголовном праве. [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
29. Смирнов А.В. Пропозиция и предикация// Философский журнал. 2016. Т.9, №1.
30. Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М. Юринформцентр. 1995.
31. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2-х т. СПб: Издательство «Альфа», 1996. Т. 2.

32. Фристер Г. Уголовное право Германии. Инфотропик Медиа, М. Берлин. 2013.
33. Худяков Е. А. Эффективность применения норм с административной преюдицией. М.: Издательство МВШМ МВД СССР, 1981.
34. Чащина И. В. Преюдиции в уголовном процессе России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2011.
35. Шмонин А. В. К вопросу о совершенствовании порядка применения преюдиции в досудебном производстве по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1.
36. Юридический энциклопедический словарь. М. Советская энциклопедия. 1984.
37. Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном праве России // Российское право, 2009. № 10.

Aryamov A. A. Administrative prejudice in criminal law and requirements of legal technology // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 3-12.

In this article, the author, based on the heritage of Roman law and the general theory of law, analyzed the corresponding links between such branches of law as criminal law, criminal procedure law, civil procedure law... in the prism of the formation and use of the term "administrative prejudice"; came to the conclusion that such a prejudice is not, and the content embedded in this term more corresponds to the general legal concept of "predication".

Keywords: legal technique, unity of the legal system, uniformity of terminology, presumption, prejudice, predication, Roman law, criminal law, criminal procedural law.

Spisok literatury:

1. Bezverhov A. G. Возвращение «административной преюдиции» в уголовном законодательстве России // Российская юстиция. 2012. № 1.
2. Berezin A. S. Преюдиции в отечественном уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: Нижний Новгород, 2006.
3. Bogdanov A.V. Административная преюдиция в уголовном праве России/ диссертация на соискание ученой степени к.ю.н., М. 2019.
4. Gorelikova A. G. Преюдиция в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2010.
5. Gorbunov M.A. Правопонимание римских юристов как фактор системности римского правопорядка//Закон и право №5, 2010.
6. Gruntov I.O. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: дис. ... канд. юрид. наук: Минск, 1985.
7. Degtyarev S. L. Влияние преюдиции на судебное доказывание в современном арбитражном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1.
8. Dundukova D. P., СНекачкова G. N. Правовое значение нотариального акта в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Молодой ученый. 2017. № 10.
9. Esakov G.A., Krylova N.E., Serebrennikova A.V. Уголовное право зарубежных стран. М. Просpekt, 2008.
10. ZHalinskij A.E. Современное немецкое уголовное право. М. Просpekt. 2006.
11. Klinova E.V. О преюдициальности судебного решения // Вестник Московского университета. 2003. № 6.
12. Kozlov A. V. О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. Хабаровск: Издательство ДВГУЮИ, 2012. № 1.
13. Kolokolov N. A. Новые правила преюдиции: как изменяется практика // Уголовный процесс. 2010. № 3.
14. Kolosova V. I. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5.
15. Krickaya S.YU. Преюдиция в российском и римском праве // Ленинградский юридический журнал. Научно-теоретический и информационно-практический межрегиональный журнал. - СПб, №.2007. №3(9).
16. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / <https://les.academic.ru/911>.
17. Latino – russkij slovar' k istochnikam rimskogo prava. М.: 1997.
18. Levchenko O. V. Общезвестные, преюдициально установленные и законом презюмируемые факты и особенности их использования в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук: Казань, 1994.
19. Losev A.F. Семантические типы предикатов. М., 1982.
20. Lapina M. A., Truncevskij YU. V., Ruchkina G. F. i dr. // Декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности: административная преюдиция в действии: монография. М.: Издательство «Юстиция», 2016.

21. Malkov V. P. Administrativnaya i disciplinarnaya preyudiciya kak sredstva dekriminalizacii i kriminalizacii v ugovolnom prave // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2008. № 2.
22. Mustafaev CH. F. Administrativnaya preyudiciya v sovetskom ugovolnom prave: avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk: Baku, 1986.
23. Ovechkina E. V. Vozvrashchenie k administrativnoj preyudicii: «za» i «protiv» // Zakon i pravo. 2008. № 2.
24. Odoev O.S. Administrativnaya preyudiciya v ugovolnom prave Rossii i stran SNG: M.: Izdatel'stvo «YUrisprudenciya», 2018.
25. Pavlenkov F. Enciklopedicheskij slovar'. SPb. Izdatel'stvo Erliha. 1899.
26. Pikurov N. I. Administrativnaya preyudiciya v ugovolnom prave: vozmozhna li rehabilitaciya? // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy 4-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 25-26 yanv. 2002. M.,
27. Popov S. V. K voprosu o sistemnom podhode k issledovaniyu pravovoj preyudicii // YUridicheskaya tekhnika. 2007. № 1.
28. Rybak A. A. Administrativnaya preyudiciya v ugovolnom prave. [Elektronnyj resurs] // Dostup iz spravочно-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
29. Smirnov A.V. Propoziciya i predikaciya// Filosofskij zhurnal. 2016. T.9, №1.
30. Tihomirov M.YU. YUridicheskaya enciklopediya. M. YUrinformcentr. 1995.
31. Fojnickij I. YA. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. V 2-h t. SPb: Izdatel'stvo «Al'fa», 1996. T. 2.
32. Frister G. Ugolovnoe pravo Germanii. Infotropik Media, M. Berlin. 2013.
33. Hudyakov E. A. Effektivnost' primeneniya norm s administrativnoj preyudiciej. M.: Izdatel'stvo MVSHM MVD SSSR, 1981.
34. CHashchina I. V. Preyudicii v ugovolnom processe Rossii i zarubezhnyh stran: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk: M., 2011.
35. SHmonin A. V. K voprosu o sovershenstvovanii poryadka primeneniya preyudicii v dosudebnom proizvodstve po delam o prestupleniyah v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 1.
36. YUridicheskij enciklopedicheskij slovar'. M. Sovetskaya enciklopediya. 1984.
37. YAmasheva E. V. K voprosu o vosstanovlenii instituta administrativnoj preyudicii v ugovolnom prave Rossii // Rossijskoe pravo, 2009. № 10.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – С. 13-21.

УДК 342.92

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-13-21

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Евсикова Е. В., Тихомаева В. С.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

В статье раскрываются проблемные вопросы противодействия домашнему насилию в Российской Федерации. Авторы анализируют нормативно-правовые основы профилактики предупреждения домашнего насилия, исходя из изменений, предусмотренных Федеральным законом от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым из диспозиции статьи 116 Уголовного кодекса РФ исключена уголовная ответственность за нанесение побоев близким лицам, а побои в отношении близких лиц, а также совершенные из личной неприязни, перешли в разряд административного правонарушения, предусмотренного статьёй 6.1.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также исследуется ряд практических проблем, возникающих в правоприменительной практике при реализации статьи 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, делаются выводы о необходимости выработки единообразной практики в ходе реализации норм статьи 6.1.1. Также, в статье анализируются и исследуются статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, которые показывают о росте количества правонарушений в данной сфере.

На основе проведенного анализа авторы делают выводы и рекомендации по усовершенствованию нормативно-правового урегулирования в сфере противодействия домашнему насилию в РФ.

Ключевые слова: домашнее насилие; побои; декриминализация; административная ответственность; административное расследование.

В настоящее время проблема предупреждения домашнего насилия является одной из самых актуальных. Она привлекает к себе все больше внимания со стороны общественности, законодателей, правоохранительных органов, а также простых граждан, которые рискуют стать жертвой этого антисоциального и антиправового явления, поскольку конфликты в данной сфере зачастую выходят за рамки мелких бытовых ссор и перерастают в опасные для жизни и здоровья ситуации [1].

Вопросы предупреждения и профилактики домашнего насилия всегда были и остаются на повестке дня и требуют максимум усилий по выработке путей их решения, а также обеспечению качественного нормативно-правового урегулирования противодействия домашнему насилию.

Так, 7 февраля 2017 г. вступил в силу Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» [2], в соответствии с которым из диспозиции ст. 116 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [3] исключена уголовная ответственность за нанесение побоев близким лицам. Побои в отношении близких лиц, а также совершенные из личной неприязни, перешли в разряд административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1. КоАП РФ [4].

Таким образом, что нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указан-

ных в ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью), если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 116 УК РФ, влечет наложение административного штрафа в размере от 5 тысяч до 30 тысяч руб., либо административный арест на срок от 10 до 15 суток, либо обязательные работы на срок от шестидесяти до ста двадцати часов. Т.е. объективная сторона предусматривает деяние в виде нанесения побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но только, если они не повлекли умышленного причинения легкого вреда здоровью, и если такие действия не содержат признаки деяния, предусмотренного ст. 116 УК РФ: побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, совершенные из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Следует отметить, что согласно медицинским критериям определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденным приказом Минздрава России от 24 апреля 2008 г. № 194 не причинившими вред здоровью человека считаются – поверхностные повреждения, в том числе: ссадины, кровоподтеки, ушиб мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностная рана и другие повреждения, не влекущие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности [5].

Анализ статистических данных судебной практики Судебного Департамента при Верховном Суде РФ показывает, что в 2020 г. в суды общей юрисдикции поступило 169 547 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, всего было рассмотрено 168 926 дел, возвращено для устранения недостатков – 27 869, всего лиц, подвергнутых наказанию – 104 832, из них: юридических лиц – 12, должностных лиц – 30, лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица – 14, иные физические лица – 104 776, назначено наказание в виде: предупреждения – 83, штрафа – 87 533, административный арест – 6133, обязательные работы – 11 083, всего наложено административных штрафов по вступившим в законную силу постановлениям на сумму – 409 623 333 руб., из них взыскано принудительно или уплачено добровольно – 150 020 565 руб. [6].

Вместе с тем, в 2019 г. в суды общей юрисдикции поступило 179 753 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, всего было рассмотрено 179 394 дел, возвращено для устранения недостатков – 25 408, всего лиц, подвергнутых наказанию – 118 071, из них: юридических лиц – 54, должностных лиц – 53, лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица – 57, иные физические лица – 117 907, назначено наказание в виде: предупреждения – 98, штрафа – 96 705, административный арест – 7701, обязательные работы – 13 567, всего наложено административных штрафов по вступившим в законную силу постановлениям на сумму – 471 376 812 руб., из них взыскано принудительно или уплачено добровольно – 189 058 290 руб. [7].

При этом, в 2018 г. в суды общей юрисдикции поступило 176 621 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, всего было рассмотрено 176 632 дел, возвращено для устранения недостатков – 24 006, всего

лиц, подвергнутых наказанию – 120 815, из них: юридических лиц – 19, должностных лиц – 56, лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица – 40, иных физических лиц – 120 700, назначено наказание в виде: предупреждения – 76, штрафа – 97 652, административный арест – 8301, обязательные работы – 14 786, всего наложено административных штрафов по вступившим в законную силу постановлениям на сумму – 474 874 535 руб., из них взыскано принудительно или уплачено добровольно – 187 904 573 руб. [8], а в 2017 году в суды общей юрисдикции поступило 162 597 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, всего было рассмотрено 160 926 дел, возвращено для устранения недостатков – 23 586, всего лиц, подвергнутых наказанию – 113 437, из них: юридических лиц – 8, должностных лиц – 52, лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица – 48, иных физических лиц – 113329, назначено наказание в виде: предупреждения – 81, штрафа – 90 020, административный арест – 8850, обязательные работы – 14 486, всего наложено административных штрафов по вступившим в законную силу постановлениям на сумму – 429 492 133 руб., из них взыскано принудительно или уплачено добровольно – 168 474 966 руб. [9].

Как видим, с каждым годом количество дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ значительно растет, как и увеличивается количество лиц, привлекаемых к административной ответственности. При этом, из назначаемых административных штрафов взыскивается или уплачивается меньше половины, что означает, что низкую эффективность реализации данного вида административного наказания, а также невозможность реализации важного принципа – неотвратимости административной ответственности [10], а значит и не достигнет главной цели административного наказания – общей и частной превенции.

Как отметил Конституционный Суд РФ, «если ответственность за деяние смягчена, но не устранена, а само деяние получило другую отраслевую юридическую квалификацию, то его декриминализация при одновременном закреплении тождественного состава административного правонарушения не может рассматриваться как установление нового противоправного деяния, не наказуемого ранее. Такая декриминализация представляет собой смягчение публично-правовой ответственности за совершение соответствующего правонарушения, проявляющееся во введении менее строгих – по сравнению с уголовными – административных санкций, меньшее по степени – по сравнению с уголовно-правовым институтом судимости ограничение прав при применении мер административной ответственности». Однако, отмена законом уголовной ответственности за определенное деяние с одновременным его переводом под действие КоАП РФ свидетельствует о том, что федеральный законодатель продолжает рассматривать данное деяние как правонарушающее, однако по-иному оценивает характер его общественной опасности. Применительно к вопросу о введении административной ответственности за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, на основании вступившей в силу с 15 июля 2016 г. ст. 6.1.1 КоАП РФ это означает не исключение, а смягчение публично-правовой ответственности, что, следовательно, – в силу вытекающих из конституционных принципов справедливости и равенства требований неотвратимости ответственности за совершенное правонарушение, а также определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласо-

ванности в общей системе правового регулирования – предполагает привлечение лиц, совершивших такие действия, хотя и до указанной даты, к административной ответственности.

В иных случаях при оценке последствий изменения отраслевой принадлежности норм, устанавливающих наказуемость определенных форм поведения (например, при введении уголовной ответственности вместо административной или при отказе от уголовной ответственности в пользу административной, что, в свою очередь, влечет усиление либо смягчение санкции соответствующей нормы), также следует иметь в виду не только совпадение объема запрещенного деяния (по признакам, характеризующим его объективную и субъективную стороны, субъекта, потерпевшего, предмет посягательства), но и одновременность изменения природы его противоправности, поскольку лишь синхронные изменения законодательной оценки тождественных деяний означают преемственность правового регулирования публично-правовой ответственности. При этом перевод деяния из категории преступлений в группу административных правонарушений, влекущий смягчение ответственности за его совершение, не может расцениваться как ухудшение правового положения лица, совершившего такое деяние [16].

Однако, с каждым годом, к проблеме качественного правоприменения ст. 6.1.1 КоАП РФ обращает взоры все больше и больше авторов [12; 13; 17].

Побои, предусмотренные ст. 6.1.1 КоАП РФ, можно отнести к числу одних из самых распространенных административных правонарушений, которые совершаются в семейно-бытовой сфере, именно поэтому считаем, что осуществление производства по данной категории дел требует отдельного и повышенного внимания.

Анализируя положения ст. 28.7 КоАП РФ отметим, что в случае совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, проводится административное расследование.

Решение в виде определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования может быть принято должностным лицом органов внутренних дел (полиции), уполномоченным в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ и приказом МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» [11].

Так, Авелина М.А. и Землянский И.И. отмечают, что «при принятии заявления от потерпевшего лица по факту нанесения побоев участковый уполномоченный должен проверить его в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ в срок до 3 суток с момента обращения заявителя. Далее данный срок может быть продлен до 10 суток по ходатайству дознавателя, а при необходимости проведения судебной экспертизы, оперативно-розыскных мероприятий прокурор по требованию дознавателя вправе продлить указанный срок до 30 суток. По итогам проверки и после получения заключения судебной экспертизы делается вывод о наличии или отсутствии признаков составов преступления, предусмотренных ст. 115, 116 УК РФ. Далее участковый уполномоченный выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и передает соответствующие материалы для возбуждения дела в порядке административного производства, т.е. по ст. 6.1.1 КоАП» [12], указанные процессуальные аспекты значительно усложняют производство по делам об административных правонарушениях.

ях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, что выступает нарушением принципа своевременности и оперативности разрешения административных дел, создает дополнительные трудности для правоохранительных органов, и, соответственно, может привести к нарушению прав и свобод граждан, являющихся жертвами домашнего насилия, а значит, требующих повышенного внимания и защиты со стороны государства и общества от противоправных посягательств агрессоров.

Также, к числу необходимых мероприятий, которые сотрудники полиции обязаны осуществить при производстве по данным делам, относится проверка лица, в отношении которого осуществляется такое производство, посредством модуля «Административная практика» Сервиса обеспечения охраны общественного порядка (далее — АП СООП). В случае если при данной проверке будет установлено, что лицо ранее было подвергнуто наказанию за побои по ст. 6.1.1 КоАП РФ, то осуществляются соответствующие мероприятия в рамках ст.ст. 144, 145 УПК РФ. При условии, что в установленный ч. 1 ст. 144 УПК РФ срок не предоставляется возможным получить заключение судебно-медицинского эксперта, продление срока проверки сообщения о преступлении осуществляется в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 144 УПК РФ (до 10 и 30 суток). Аналогичная проверка осуществляется органом дознания и в случаях, когда лицо, совершившее противоправные действия, неизвестно. К имеющимся материалам сотрудник полиции, в частности участковый уполномоченный полиции, должен приобщить справку о проверке по модулю АП СООП и заверенную копию постановления, подтверждающие сведения о вступившем в законную силу постановлении по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.11 КоАП РФ. Также участковый должен выяснить отсутствие (наличие) обстоятельств, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Если такие обстоятельства в ходе проверки выявлены не были, пострадавшему оказывается помощь в оформлении в соответствии с требованиями ст. 318 УПК РФ заявления мировому судье [14].

Руденко А.В. справедливо отмечает, что «абзац 2 части 3 статьи 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, которые указаны в частях 1–2 статьи 23.1 КоАП РФ, производство по которым осуществляется в форме административного расследования, рассматриваются судьями районных судов. В случае же непроведения административного расследования данные дела должны быть рассмотрены мировыми судьями (абзац 6 ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ). Таким образом, вопрос об обязательности проведения административного расследования влияет на наличие или отсутствие альтернативной подсудности по делам, предусмотренным ст. 6.1.1. и 7.27 КоАП РФ. Рассмотрение дела и вынесение постановления по итогам его рассмотрения неправомочным судьей является основанием для отмены постановления и направления дела на рассмотрение по подведомственности». Однако, на практике встречаются кардинально противоположные подходы к обязанности проведения административного расследования по делам, предусмотренным ст. 6.1.1. КоАП РФ, а, следовательно, и выбору суда, уполномоченного на рассмотрение данной категории дел. С одной стороны, признается обязательность проведения административного расследования по ст. 6.1.1 КоАП РФ, что приводит к возвращению мировыми судьями таких материалов для устранения нарушений (проведения административного расследования и направления материалов районным судам для рассмотрения дела по существу). С другой – отсутствие информации о проведении административного

расследования или формальность его проведения с передачей районными судами дел на рассмотрение мировым судьям (позиция о необязательности проведения административного расследования) [13]. Однако, по факту, в процессе разрешения вопроса о том, стоит или нет проводить административное расследование происходит перебрасывание дела от одного юрисдикционного органа к другому. А в результате – страдают люди, многочисленные жертвы домашнего насилия, которые ежедневно и ежечасно терпят побои агрессоров. По нашему мнению, в данной ситуации всегда следует исходить из приоритета защиты прав и свобод человека и гражданина, его жизни и здоровья, которым угрожает опасность, а также принципов своевременности и оперативности рассмотрения административных дел данной категории.

Полностью разделяя позицию Руденко А.В., отметим, что решение о проведении административного расследования уполномоченное должностное лицо в праве принимать исходя из собственного убеждения, поскольку, исходя из анализа вышеуказанных положений КоАП РФ, проведение административного расследования по ст. 6.1.1 КоАП РФ не является обязательным.

Важно указать, что для правильной квалификации деяния по факту нанесения побоев в любом случае возникает необходимость определения характера и степени вреда, причиненного здоровью, поэтому должностные лица обязаны назначить экспертизу. Результаты судебно-медицинской экспертизы имеют квалифицирующее значение при разбирательстве по делам, связанным с причинением вреда здоровью. Обеспечение полного, объективного, своевременного и всестороннего исследования обстоятельств дела возможно лишь при наличии в деле медицинских документов, подтверждающих причинение телесных повреждений, чтобы гарантировать правильную квалификацию деяния. Так, актуальной является проблема об обеспечении выполнения требований должностных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, относительно выполнения процедуры прохождения судебно-медицинской экспертизы пострадавшими.

Также остается неурегулированной нормами права ситуация в случае примирения сторон после совершения административно наказуемого деяния. Как показывает судебная практика- это крайне распространенное явление. Так, дело уже возбуждено по ст. 6.1.1 КоАП РФ и от пострадавшего лица поступает заявление о примирении с лицом, нанесшим побои и просьбой прекратить производство. Однако, в КоАП РФ не предусмотрено прекращение производства в виду примирения сторон. Следовательно, должностное лицо прекратить производство не может в виду чего продолжает его и в последующем направляет в суд. Но, проанализировав судебную практику отметим, что в случае рассмотрения судом дела об административном правонарушении по ст. 6.1.1 КоАП РФ и в случае примирения сторон и признания правонарушителем своей вины в полном объеме, суд выносит постановление о прекращении производства по делу за малозначительностью [15].

Таким образом, по-нашему мнению, прекратить производство разумней было бы еще до передачи дела в суд, что в свою очередь разгрузило бы деятельность судов. Однако законодатель никак не разъясняет насколько правомерны будут действия должностного лица в случае прекращения производства по делам об административных правонарушениях по ст. 6.1.1 КоАП РФ, при подаче заявления о примире-

нии сторон. В качестве меры противодействия домашнему насилию считаем необходимым принять Федеральный закон «О противодействии домашнему насилию в Российской Федерации», в котором дать определение понятию домашнего насилия, определить и раскрыть его виды: физическое, экономическое, психическое, сексуальное, духовное, определить понятия жертва и агрессор, меры противодействия домашнему насилию и их формы и виды, закрепить возможность применения защитного предписания и судебного запрета, отменить институт частного обвинения, что позволит обеспечить неизбежность ответственности агрессоров за совершение домашнего насилия, а значит, будет эффективным инструментом противодействия данному деструктивному и антисоциальному явлению.

Делая вывод всему вышесказанному отметим, что мы остановились лишь на некоторых проблемных вопросах применения административно-правовых норм в сфере противодействия домашнему насилию, ведь, к сожалению, на сегодняшний день их гораздо больше. Исходя из этого, законодателю предстоит большая работа по усовершенствованию существующих норм и созданию действующего механизма регулирования отношений в сфере противодействия домашнему насилию.

Список литературы:

1. Евсикова, Е. В. Органы внутренних дел как субъект предупреждения домашнего насилия / Е. В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 55-67.
2. Федеральный закон "О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации" от 07.02.2017 N 8-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212385/.
3. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
4. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. N 194н "Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://base.garant.ru/12162210/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000
6. Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.
7. Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>
8. Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>
9. Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>
10. Евсикова Е.В., Пономарев А.В. К вопросу о трактовании понятия и принципах административной ответственности в контексте реформирования административно-деликтного законодательства / Евсикова Е.В., Пономарев А.В. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – С. 226-236.
11. Приказ МВД России от 30 августа 2017 г. N 685 "О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание"//Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/71792502/#ixzz6zZwBUTNd>

12. Авелина М.А., Землянский И.И. Проблемные аспекты применения статей 6.1.1 КоАП РФ и 116 УК РФ в практической деятельности / Авелина М.А., Землянский И.И. // Общество и право. № 3 (61). – 2017. – С. 70-72.
13. Руденко А.В. Об обязательности проведения административного расследования / А. В. Руденко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 4. – С. 181-189.
14. Равношюкин, А. В. Административное расследование по делам о побоях (ст. 6.1.1 КоАП РФ): проблемы и перспективы / А. В. Равношюкин // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 марта 2018 года / Под общей редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 416-419.
15. Постановление Советского районного суда Республики Крым по делу № № 5-234/2020 от 28 мая 2020 г. // [Режим доступа]: https://sudact.ru/regular/doc/1kNlQb3b2kIP/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+6.1.1+%D0%9F%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B8%28%D0%9A%D0%9E%D0%90%D0%9F%29®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=3066®ular-txt=&_id=1611866009994®ular-judge=
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 N 23-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" и пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовно... [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300233/.
17. Евсикова, Е. В. Органы внутренних дел как основной субъект предупреждения домашнего насилия: сравнительно-правовой анализ / Е. В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). – № 2. – С. 17-31.

Evsikova E.V., Tihomaeva V.S. Some features of proceeding in cases on administrative offenses in the sphere of domestic violence and the problem of their resolution features and problems of investigation of cases on administrative offenses in the sphere of domestic violence // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 13-21.

The article reveals the problematic issues of countering domestic violence in the Russian Federation. The authors analyze the regulatory framework for the prevention of domestic violence, based on the changes provided for by Federal Law No. 8-FZ dated 07.02.2017 "On Amendments to Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation," according to which, from the disposition of Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation criminal liability for beating close persons was excluded, and beatings against loved ones, as well as those committed out of personal hostility, passed into the category of an administrative offense provided for in Article 6.1.1. Of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, as well as a number of practical problems arising in law enforcement practice when implementing Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, conclusions are drawn about the need to develop a uniform practice in the course of implementing the norms of Article 6.1.1. Also, the article analyzes and examines the statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, which show an increase in the number of offenses in this area. Based on the analysis, the authors draw conclusions and recommendations for improving the legal regulation in the field of countering domestic violence in the Russian Federation.

Key words: domestic violence; beatings; decriminalization; administrative responsibility; administrative investigation.

Spisok literaturi:

1. Evsikova, E. V. Organy vnutrennih del kak sub"ekt preduprezhdeniya domashnego nasiliya / E. V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 55-67.
2. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmeneniya v stat'yu 116 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii" ot 07.02.2017 N 8-FZ (poslednyaya redakciya). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212385/.
3. "Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 01.07.2021). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
4. "Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 01.07.2021). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
5. Prikaz Ministerstva zdравоохранeniya i social'nogo razvitiya RF ot 24 aprelya 2008 g. N 194n "Ob utverzhdenii Medicinskih kriteriev opredeleniya stepeni tyazhesti vreda, prichinennogo zdоров'yu cheloveka" (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : https://base.garant.ru/12162210/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000
6. Sudebnyj Departament pri Verhovnom Sude RF. Dannye sudebnoj statistiki. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchey yurisdikcii i mirovyh sudej za 2020 god. № 1-AP «Otch-

- et o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah». [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.
7. Sudebnyj Departament pri Verhovnom Sude RF. Dannye sudebnoj statistiki. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2019 god. № 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah». [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>
8. Sudebnyj Departament pri Verhovnom Sude RF. Dannye sudebnoj statistiki. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2018 god. № 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah». [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>
9. Sudebnyj Departament pri Verhovnom Sude RF. Dannye sudebnoj statistiki. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2017 god. № 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah». [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>
10. Evsikova E.V., Ponomarev A.V. K voprosu o traktovanii ponyatiya i principah administrativnoj otvetstvennosti v kontekste reformirovaniya administrativno-deliktного zakonodatel'stva / Evsikova E.V., Ponomarev A.V. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 2. – S. 226-236.
11. Prikaz MVD Rossii ot 30 avgusta 2017 g. N 685 "O dolzhnostnyh lichah sistemy Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, upolnomochennyh sostavlyat' protokoly ob administrativnyh pravonarusheniyah i osushchestvlyat' administrativnoe zaderzhanie"//Sistema GARANT: <http://base.garant.ru/71792502/#ixzz6zZwBUTNd>
12. Avelina M.A., Zemlyanskij I.I. Problemyne aspekty primeneniya statej 6.1.1 KoAP RF i 116 UK RF v prakticheskoj deyatel'nosti / Avelina M.A., Zemlyanskij I.I. // Obshchestvo i pravo. № 3 (61). – 2017. – S. 70-72.
13. Rudenko A.V. Ob obyazatel'nosti provedeniya administrativnogo rassledovaniya / A. V. Rudenko // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2017. – T. 3 (69). – № 4. – S. 181-189.
14. Ravnyushkin, A. V. Administrativnoe rassledovanie po delam o poboyah (st. 6.1.1 KoAP RF): problemy i perspektivy / A. V. Ravnyushkin // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava : Sbornik statej po materialam ezhegodnoj vsrossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 23 marta 2018 goda / Pod obshchej redakciej YU.E. Avrutina, A.I. Kaplunova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2018. – S. 416-419.
15. Postanovlenie Sovetskogo rajonnogo suda Respubliki Krym po delu № № 5-234/2020 ot 28 maya 2020 g. // [Rezhim dostupa]: https://sudact.ru/regular/doc/1kNIQb3b2kIP/?page=2&ular-court=@ular-date_from=@ular-case_doc=@ular-lawchunkin-fo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+6.1.1.+%D0%9F%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B8%28%D0%A%D0%9E%D0%90%D0%9F%29&ular-workflow_stage=@ular-date_to=@ular-area=3066&ular-txt=&_id=1611866009994&ular-judge=
16. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.06.2018 N 23-P "Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 1 stat'i 1.7 i chasti 4 stat'i 4.5 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah, punkta 4 stat'i 1 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti" i punkta 4 stat'i 1 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovno.... [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300233/.
17. Evsikova, E. V. Organy vnutrennih del kak osmnovoj sub'ekt preduprezhdeniya domashnego nasiliya: sravnitel'no-pravovoj analiz / E. V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2016. – T. 2 (68). – № 2. – S. 17-31.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – С. 22-34.

УДК 342.951

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 22-34

**К ВОПРОСУ ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
УСТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
НАРУШЕНИЕ ТИШИНЫ И ПОКОЯ ГРАЖДАН**

Евсикова Е. В., Пономарев А. В.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

В статье раскрываются и исследуются нормативно-правовые основы регламентации обеспечения прав граждан на тишину и покой в соответствии в административно-деликтным законодательством Республики Крым. Авторы раскрывают составы правонарушений, предусмотренные административно-деликтным законодательством Республики Крым в сфере прав граждан на тишину и покой, изучают квалифицирующие признаки, систему и градацию административных наказаний за правонарушения в исследуемой сфере.

Авторы делают акцент на необходимости четкого понимания разграничения предметов ведения федерального и регионального административно-деликтного законодательства в сфере обеспечения прав граждан на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и прав граждан на тишину и покой, анализирую статистические данные Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации и правоприменительную практику в данной сфере правоотношений, на основе чего делается вывод о прогрессивной динамике административно-деликтной ситуации в Российской Федерации в целом, на основе чего делается вывод о необходимости качественной законодательной регламентации всех ключевых аспектов, связанных с административной ответственностью за нарушение тишины и покоя граждан. На основе проведенного анализа, авторы разрабатывают свои предложения по обеспечению более качественного нормативно-правового регулирования обеспечения прав граждан на тишину и покой на уровне административно-деликтного законодательства Республики Крым, а также обеспечения прав граждан на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения на уровне административно-деликтного законодательства Российской Федерации в целом.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство; административная ответственность; право граждан на тишину и покой; право граждан на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения.

К теоретическим и практическим проблемам института административной ответственности с каждым годом обращает внимание все больше и больше ученых-административистов, юристов, правоприменителей, представителей публичной власти, а также обычных граждан [1; 2], что особенно актуально в последнее время на волне «третьей» волны кодификации административно-деликтного законодательства Российской Федерации [3].

Поскольку, в современных условиях одним из приоритетных направлений современной государственной политики в сфере противодействия правонарушениям и преступности выступает государственно-правовое реформирование всей целостной системы административно-деликтного законодательства, под которым, понимается единая функциональная система административно-деликтных нормативно-правовых актов, которая базируется на основных общих принципах административно-деликтного права, устойчивых связях актов различного уровня и отраслевой специализации, содержащих основной массив норм административно-деликтного права в качестве важнейшей единой формы их выражения и официального закрепления [4, с. 350].

При этом, продолжающийся процесс формирования и развития современной системы федерального законодательства и иных механизмов правового регулирования в различных областях обуславливает необходимость регулярного уточнения составов многих административных правонарушений в соответствующих главах Особенной части КоАП РФ, поскольку действующий КоАП РФ, был принят около 20 лет назад, и претерпел порядка более 5,5 тысяч изменений, внесенных более 530 федеральными законами, которые, к сожалению, зачастую не носят системного характера, что приводит к нарушению единства правового регулирования сходных по своему содержанию общественных отношений, неурегулированности ряда ключевых для сферы административной ответственности общественных отношений и, в конечном счете, негативным образом влияет на обеспечение прав и законных интересов физических и юридических лиц [5].

Летом в курортный сезон одной из актуальных проблем в сфере государственно-правового регулирования выступает надлежащее урегулирование и обеспечения прав граждан на тишину и покой. В рамках этой цели, в Республике Крым был принят Закон Республики Крым «Об обеспечении тишины и покоя граждан на территории Республики Крым и внесении изменений в отдельные законы Республики Крым» (далее – ЗРК О тишине) [6], который регулирует вопросы обеспечения тишины на территории Республики Крым.

Следует четко понимать, что положения ЗРК О тишине не распространяются на действия граждан, должностных лиц и юридических лиц: 1) направленных на предотвращение и пресечение правонарушений, предотвращение аварий, стихийных бедствий, иных чрезвычайных ситуаций и ликвидацию их последствий; 2) по проведению неотложных работ, необходимых для обеспечения безопасности граждан и (или) функционирования объектов жизнеобеспечения населения; 3) совершаемые при отправлении религиозных обрядов в рамках канонических требований соответствующих конфессий, а также при проведении культурно-массовых мероприятий, разрешенных органами государственной власти РК или органами местного самоуправления муниципальных образований в РК; 4) являющиеся правонарушениями, административная ответственность за которые предусмотрена федеральным законодательством.

Также, законодатель четко определяет территории, где должен обеспечиваться покой граждан, к ним относятся: 1) многоквартирные дома и придомовые территории; 2) зоны застройки индивидуальными жилыми домами; 3) территории образовательных, медицинских организаций, а также организаций, оказывающих социальные, реабилитационные, санаторно-курортные услуги, услуги по временному размещению и (или) обеспечению временного пребывания граждан; 4) территории садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан.

К действиям, нарушающим тишину и покой граждан относятся действия по: 1) использованию звуковоспроизводящих устройств и устройств звукоусиления, в том числе установленных на транспортных средствах; 2) крики, свист, громкое пение, игра на музыкальных инструментах; 3) применению пиротехнических средств; 4) осуществлению строительно-монтажных, ремонтных и (или) разгрузочно-погрузочных работ, сопровождаемых шумовым (вибрационным) воздействием.

Совершение таких действий ограничено временными рамками и не допускается с 22 ч. до 8 ч. и с 13-ти часов до 14-ти часов, а также с 8-ми часов до 10-ти часов (в многоквартирных домах в выходные и нерабочие праздничные дни).

Несоблюдение гражданами, должностными лицами и юридическими лицами данного требования влечет административную ответственность, предусмотренную административно-деликтным законодательством Республики Крым [7; 8].

Так, Закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. N 117-ЗРК/2015 "Об административных правонарушениях в Республике Крым" (с изменениями и дополнениями) (далее – ЗРК №117-ЗРК) [9], предусматривает, что умышленное совершение действий, нарушающих тишину и покой граждан в период с 22 ч. до 8 ч. и с 13 ч. до 14 ч., в случаях, установленных законодательством Республики Крым в сфере обеспечения тишины и покоя граждан, влечет предупреждение или наложение административного штрафа: для граждан - в размере от 500 до 1000 рублей; для должностных лиц - от 1000 до 1500 руб.; для юридических лиц – от 2000 до 5000 руб.

При этом, квалифицирующим признаком ст. 2.1 ЗРК № 117-ЗРК выступает совершение действий, нарушающих тишину и покой граждан, место совершения – многоквартирные дома и время – выходные дни (суббота и воскресенье) и нерабочие дни с 8ми часов до 10ти часов, что влечет предупреждение или наложение административного штрафа: для граждан - в размере от 500 до 1000 руб.; для должностных лиц - от 1000 до 1500 руб.; для юридических лиц – от 2000 до 5000 руб.; а также повторность, т.е. повторное совершение деяния, предусмотренного чч. 1 и 2 ст. 2.1 ЗРК № 117-ЗРК, что влечет административную ответственность только в виде административного штрафа для граждан - в размере от 1000 до 3000 руб.; для должностных лиц - от 3000 до 10000 руб.; для юридических лиц - от 5000 до 15000 руб., и совершение данных деяний лицом, которое в течение года уже подвергалось административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 2.1 ЗРК № 117-ЗРК, что влечет наложение административного штрафа: для граждан - в размере от 3000 до 5000 руб.; для должностных лиц – от 10000 до 30000 рублей; для юридических лиц - от 20000 до 50000 руб.

Вместе с тем, С. Аксенов выступил с инициативой ужесточить административную ответственность за нарушение тишины и покоя граждан по ночам, ссылаясь на то, что за такое правонарушение должны составлять 5 000 руб. для физических лиц, 50 000 руб. - для должностных лиц и один миллион рублей - для юридических лиц. Поскольку, нарушение тишины и покоя граждан стало одной из самых актуальных и серьезных проблем, на которую постоянно поступают жалобы от граждан РК. Так, из отчета главы МВД по Республике Крым П. Каранды перед Государственным Советом РК: за нарушение закона тишине и покою полицейские в 2020 г. составили 558 административных протоколов, в 2019-м – 638 [10].

При этом, Общественная палата Республики Крым одобрила внесение поправок в административно-деликтное законодательство Республики Крым, которые предусматривают значительное увеличение штрафов за нарушение тишины и покоя граждан [11], а также предлагая более удобную формулировку для определения действий, нарушающих тишину и покой, т.е. сам факт громких звуков, которые слышны людям, который и будет основанием для рассмотрения вопроса о привлечении нарушителя к административной ответственности

Следует отметить, что к проблемным вопросам реализации ст. 2.1 ЗПК № 117-ЗПК относится определение субъектов административной юрисдикции, уполномоченных составлять протоколы.

Так, согласно ст. 9.1 ЗПК № 117-ЗПК, протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 2.1. уполномочены составлять: 1) должностные лица Министерства чрезвычайных ситуаций Республики Крым (*в период с 5 октября 2016 года по 27 апреля 2017 г.*); 2) должностные лица исполнительного органа государственной власти Республики Крым, осуществляющего функции по обеспечению мобилизационной подготовки, мобилизации и территориальной обороны на территории Республики Крым (*с 27 апреля 2017 г.*); 3) должностные лица органов внутренних дел (полиции) (*в случае если передача этих полномочий предусматривается соглашением между федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, и высшим исполнительным органом государственной власти Республики Крым о передаче осуществления части полномочий*); 4) должностные лица исполнительно-распорядительного органа муниципального образования Республики Крым [13].

Однако, в связи с тем, что вопросы обеспечения тишины и покоя граждан на территории Республики Крым не свойственны функциям и задачам Министерства чрезвычайных ситуаций Республики Крым, Службы по мобилизационной работе и территориальной обороне Республики Крым, а также в связи с отсутствием реальной возможности реализовывать полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 2.1. ЗПК № 117-ЗПК, протоколы об административных правонарушениях, составленные должностными лицами данных органов власти, на рассмотрение в административные комиссии не поступали. Согласно информации органов местного самоуправления муниципальных образований в Республике Крым, полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 2.1 ЗПК № 117-ЗПК наделено 701 должностное лицо органов местного самоуправления. Интересно, что за период с 1 января 2017 г. по 25 мая 2018 г. составлено 164 протокола об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 2.1 ЗПК № 117-ЗПК, из них составлено: должностными лицами органов местного самоуправления - 160 протоколов; а должностными лицами органов внутренних дел – 4 протокола. По результатам рассмотрения поступивших в административные комиссии протоколов было вынесено 145 постановлений о назначении административного наказания, в том числе: в отношении граждан – 125 постановлений; в отношении должностных лиц – 19 постановлений; в отношении юридических лиц – 1 постановление. Вместе с тем, в 19 случаях административными комиссиями были вынесены постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 2.1 ЗПК № 117-ЗПК. Общий размер наложенных административными комиссиями штрафов по ст. 2.1 ЗПК № 117-ЗПК составил 91 тыс. руб. [13].

Например, согласно информации МВД России по Республике Крым за 2017 г. поступило 1265 сообщений о нарушении тишины и покоя, из них в дневное время – 266. Из них 660 материалов было направлено по подведомственности для принятия решений, а 454 – не подтвердились. Согласно пояснениям органов местного самоуправления муниципальных образований в Республике Крым, исполнительно-

распорядительный орган муниципального образования не обеспечивает принятие необходимых мер административного воздействия за нарушение тишины и покоя граждан (164 протокола об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 2.1.) в связи со спецификой данного административного правонарушения.

Следует иметь в виду, что нарушение тишины и покоя граждан носит специфический характер административного правонарушения, в частности по времени его совершения, а также возможных обстоятельств совершения, сопряженных, как правило, с нарушением общественного порядка. Зачастую необходимо принять меры силового воздействия на нарушителя, однако такими полномочиями должностные лица исполнительно-распорядительного органа муниципального образования не наделены, в силу чего, логичным является возложение полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях за нарушение тишины и покоя граждан на должностных лиц ОВД.

Однако, если раньше, в основном сложности при привлечении к административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан, возникали из-за отсутствия соглашения между органом исполнительной власти Республики Крым и МВД о передаче полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 2.1 ЗПК № 117-ЗПК [12], т.е. по факту, даже, если сотрудники ОВД выезжали на вызов, то составить протокол по ст. 2.1 ЗПК № 117-ЗПК они не имели полномочий, то сегодня, такие полномочия у сотрудников ОВД есть, но даже при фиксации факта нарушения тишины и покоя возникают трудности в части доказательственной базы и не удается доказать факт совершения противоправного деяния из-за «расплывчатых» формулировок.

Однако, в данном случае следует четко разделять предметы ведения федерального и регионального законодательства.

Так, административная ответственность за несоблюдение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений, установлена ст.ст. 6.3 и 6.4 КоАП РФ, т.е. на федеральном уровне. Например, ч. 1 ст. 6.3 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся в нарушении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов, невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, в виде предупреждения или наложения административного штрафа на граждан в размере от 100 до 500 руб.; на должностных лиц - от 500 до 1000 руб.; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, - от 500 до 1000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток; на юридических лиц от 10 000 до 20 000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

Ч. 2. ст. 6.3 КоАП РФ предусматривает, что те же действия (бездействие), совершенные в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина), либо невыполнение в установленный срок выданного в указанные периоды законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, о проведении санитарно-противоэпидемических (про-

филактических) мероприятий влекут административную ответственность в виде наложения административного штрафа на граждан в размере от 15000 до 40000 руб.; на должностных лиц – от 50000 руб. до 100 000 руб.; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от 50000 до 150 000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток; на юридических лиц – от 200 000 до 500 000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

Ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ предусматривает, что действия (бездействие), предусмотренные ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, повлекшие причинение вреда здоровью человека или смерть человека, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния, влекут административную ответственность в виде наложения административного штрафа на граждан в размере от 150 000 до 300 000 руб.; на должностных лиц – от 300 000 до 500 000 руб. или дисквалификацию на срок от одного года до трех лет; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, - от 500 000 до 1 000 000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток; на юридических лиц - от 500 000 до 1 000 000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

В свою очередь, ст. 6.4 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта в виде административного штрафа на граждан в размере от 500 до 1000 руб.; на должностных лиц – от 1000 до 2000 руб.; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, - от 1000 до 2000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток; на юридических лиц – от 10 000 до 20 000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

Так, согласно, статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, в 2019 г. в суды общей юрисдикции РФ поступило 11 812 дел об административных правонарушениях вышеуказанной категории, из них было рассмотрено 11 711 дел, возвращено для устранения недостатков – 943, всего привлечено к административной ответственности 9735 лицо, из которых: юридических лиц – 6183, должностных лиц 212, лиц, осуществляющих юридическую деятельность без образования юридического лица – 3028, иных физических лиц – 312; которым назначены такие виды административных наказаний, как: предупреждение – 318, административный штраф – 4726, приостановление деятельности – 4691, всего в отчетном периоде по вынесенным постановлениям наложено штрафов на сумму – 52 544 680 руб., всего в отчетном периоде по вступившим в законную силу постановлениям наложено штрафов на сумму –46 615 180 руб., из них взысканных принудительно или уплаченных добровольно – 18 504 100 руб.[14].

Согласно, статистическим данным того же департамента, в 2020 г. в суды общей юрисдикции РФ поступило 67 758 дел об административных правонарушениях вышеуказанной категории, из них было рассмотрено 60 935 дел, возвращено для устранения недостатков – 12 636, всего привлечено к административной ответственности 36 991 лицо, из которых: юридических лиц – 6862, должностных лиц 3233, лиц, осуществляющих юридическую деятельность без образования юридиче-

ского лица – 7689, иных физических лиц -19207; которым назначены такие виды административных наказаний, как: предупреждение – 2158, административный штраф – 28 776, приостановление деятельности – 6057, всего в отчетном периоде по вынесенным постановлениям наложено штрафов на сумму – 720 025 822 руб., всего в отчетном периоде по вступившим в законную силу постановлениям наложено штрафов на сумму – 463 921 064 руб., из них взысканных принудительно или уплаченных добровольно – 150 090 955 руб. [15].

Анализ статистических данных при Судебного Департамента при Верховном Суде РФ показывает, что административно-деликтная ситуация в сфере обеспечения прав граждан на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения с каждым годом существенно ухудшается и назначаемые суммы штрафов своей превентивной цели достигают не в полном объеме как на это рассчитывал законодатель, вводя в КоАП РФ систему штрафов за правонарушения, предусмотренные ст.ст. 6.3 и 6.4, хотя размеры штрафов очень лояльные и даже низкие и не соответствуют степени важности нарушаемых данными правонарушениями прав, т.е. не могут нести никакого восстановительного или компенсационного эффекта.

Однако, вопросы привлечения к административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан, которые не урегулированы КоАП РФ, относятся к ведению регионального законодателя, и в Республике Крым, урегулированы ЗРК О тишине и ЗРК № 117-ЗРК.

Напомним, что ранее, согласно Постановлению Главного государственного санитарного врача РФ от 10 июня 2010 г. № 64 "Об утверждении СанПиН 2.1.2.2645-10" были утверждены допустимые уровни шума и вибрации в жилых домах в дневное и ночное время [16]. Однако, данное постановление было отменено с 1 марта 2021 г. на основании постановления Правительства РФ от 8 октября 2020 г. № 1631 [17].

Новые санитарные правила предусматривают, что уровень физических факторов воздействия на человека в многоквартирных жилых домах, индивидуальных жилых домах, общежитиях и центрах временного размещения должны соответствовать гигиеническим нормативам. В период с 7:00 до 23:00 часов в жилых помещениях допустимо превышение гигиенических нормативов уровней шума на 5 дБ, а для постоянной вибрации к допустимым значениям уровня вибрации в жилых помещениях вводится поправка минус 10 дБ, а абсолютные значения умножаются на 0,32 [18, п. 130]. При этом, следует обратить внимание на время, в которые разрешается превышение гигиенических нормативов шума, поскольку оно отличается от времени, предусмотренного законодательством Республики Крым, исходя из его анализа.

Однако, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, санитарные правила регламентируют уровни шума при эксплуатации инженерного и технологического оборудования, установленного в помещениях общественного назначения, а уровень шума, обусловленный поведением людей, нарушением ими тишины и общественного спокойствия в жилых зданиях и на прилегающей территории, оценке и регламентации не подлежит, т.е. протокол об административном правонарушении составляется по факту нарушения тишины и покоя граждан и является основным доказательством совершения правонарушения, а измерение уровня шума в таком случае не требуется. При этом, в случае повторного совершения административного правонарушения в сфере тишины и покоя граждан в материалах дела обязательно

должна быть копия вступившего в законную силу постановления о привлечении лица к административной ответственности за аналогичное правонарушение [19].

Кроме того, согласно анализу последней судебной практики, измерение уровня шума не требуется для установления виновности лица в нарушении тишины и покоя граждан в ночное время. К такому выводу пришел Третий кассационный суд общей юрисдикции, который рассмотрел дело, связанное с жалобой жильцов дома на главной барной улице Санкт-Петербурга. Согласно материалам дела, жители многоквартирного особняка на улице Рубинштейна пожаловались в мэрию и полицию на шумную обстановку в баре на цокольном этаже этого дома. Хозяйка квартиры, расположенной прямо над питейным заведением, заявила, что от громко играющей музыки в ночное время у нее нарушился сон. Женщина была признана потерпевшей. В 2019 году постановлением мирового судьи владельца бара — ООО «БСБ» — привлекли к административной ответственности в виде штрафа в 50 тыс. рублей за нарушение тишины и покоя граждан в ночное время (п. 1 ст. 8 Закона «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» [21]). Суд пришел к выводу, что использование звуковоспроизводящего устройства в баре мешало отдыху в ночное время жильцов. Апелляционная инстанция, в свою очередь, удовлетворила апелляционную жалобу представителя фирмы — владельца бара и отменила постановление. При этом суд сослался на то, что в деле отсутствуют результаты исследования соответствия шумов санитарным нормам и гигиеническим нормативам, а производство по делу об административном правонарушении было прекращено в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых вынесено постановление. Однако, кассационная инстанция отменила решение апелляционной инстанции, поскольку, признала неверными утверждения, что для установления виновности лица в нарушении тишины и покоя граждан в ночное время необходимо измерение уровня шума, регламентированного санитарно-эпидемиологическим законодательством, а также о недопустимости такого доказательства, как показания потерпевшего, обратившегося в полицию с заявлением о привлечении виновных лиц к ответственности [20].

Таким образом, внесение изменений в законодательство о тишине, исходя из необходимости выработки более удобных формировок для привлечений виновных лиц к административной ответственности, основываясь на необходимости измерения уровня шума для установления виновности лица, считаем нецелесообразным.

В то же время, увеличение размеров административных штрафов за ряд административных правонарушений в сфере нарушения прав граждан на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, с учетом принципов справедливости наказания, а также соразмерности и индивидуализации наказания, считаем просто необходимым. Так, по нашему мнению, более правильным будет внесение изменений в КоАП РФ в следующей части:

- ч. 1 ст. 6.3 КоАП РФ: нарушение действующих санитарных правил и гигиенических нормативов, невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, в виде предупреждения или наложения административного штрафа на граждан в размере от 2000 до 5000 руб.; на должностных лиц – от 5000 до 10000 руб.; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от 5000 до 15000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток; на юридических лиц – от 20 000

до 50 000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

В свою очередь, ст. 6.4 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта в виде административного штрафа на граждан в размере от 2000 до 5000 руб.; на должностных лиц – от 5000 до 10000 руб.; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от 5000 до 15000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток; на юридических лиц – от 20 000 до 50 000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

Вместе с тем, в рамках данного исследования, интересен опыт других субъектов РФ по установлению административных штрафов за аналогичные правонарушения. Так, например:

- в Санкт-Петербурге предусмотрены административные наказания в виде:

1. за использование телевизоров, радиоприемников, магнитофонов, других звуковоспроизводящих устройств, а также устройств звукоусиления, в том числе установленных на транспортных средствах, торговых объектах, объектах, в которых оказываются бытовые услуги, услуги общественного питания, услуги рынков, повлекшее нарушение тишины и покоя граждан в ночное время на защищаемых объектах в Санкт-Петербурге, влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от 500 до 5000 руб.; на должностных лиц - от 25000 до 50000 руб.; на юридических лиц – от 50 000 до 200 000 руб.;

2. за крики, свист, стук, передвижение мебели, пение, игра на музыкальных инструментах и иные действия, повлекшие нарушение тишины и покоя граждан в ночное время на защищаемых объектах в Санкт-Петербурге, влекут предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от 500 до 5000 руб.; на должностных лиц - от 25000 до 50000 руб.; на юридических лиц - от 50000 до 200 000 руб. [21, ст. 8];

- в городе Москва предусмотрены такие административные наказания за нарушение тишины и покоя граждан, как: предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от 1000 до 2000 руб.; на должностных лиц – 4000 до 8000 руб.; на юридических лиц - от 40 000 до 80 000 руб. [22, ст. 3.13];

- в Краснодарском крае предусмотрен административный штраф для граждан в размере 1000 руб., для должностных лиц – 3000 руб., для юридических лиц – 10 000 руб. [23].

В силу чего, предлагаем несколько изменить систему административных штрафов, предусмотренных ЗРК № 117-ЗРК в части наказания за нарушение тишины и покоя граждан с учетом высокой необходимостью степени защиты данных прав в стороны увеличения размеров штрафов, а именно:

«1. Умышленное совершение действий, нарушающих тишину и покой граждан в период с 23 часов до 7 часов и с 13 часов до 14 часов, в случаях, установленных законодательством Республики Крым в сфере обеспечения тишины и покоя граждан, – влечет наложение административного штрафа: на граждан – в размере от 1000 до 3000 руб.; на должностных лиц – от 5000 до 10 000 руб.; на юридических лиц – от 10000 до 20000 руб.

2. Умышленное совершение действий, нарушающих тишину и покой граждан в многоквартирных домах в выходные дни (суббота, воскресенье) и в нерабочие праздничные дни с 8 ч. до 10 ч., в случаях, установленных законодательством Республики Крым в сфере обеспечения тишины и покоя граждан, – влечет наложение административного штрафа: на граждан - в размере от 1000 до 3000 руб.; на должностных лиц – от 5000 до 10000 руб.; на юридических лиц – от 10000 до 20000 руб.

3. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частями 1, 2 настоящей статьи, влечет наложение административного штрафа: на граждан - в размере от 3000 до 5000 руб.; на должностных лиц – от 10000 до 15000 руб.; на юридических лиц – от 20000 до 30000 руб.

4. Те же действия, совершенные лицом, которое в течение года подвергалось административному наказанию за совершение правонарушения, предусмотренного частью 3 настоящей статьи, влечет наложение административного штрафа: на граждан – в размере от 5000 до 10000 руб.; на должностных лиц – от 15 000 до 20000 руб.; на юридических лиц – от 30000 до 50000 руб.», что, по нашему мнению, будет иметь больший предупредительный эффект, а также воспитательный и компенсационный, а значит, в конечном итоге, позволит более качественно обеспечить право граждан на тишину и покой.

Список литературы:

1. Актуальные проблемы административного права: учебное пособие для бакалавров и магистров // под ред. д.ю.н., проф. М.И. Никулина. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 48.
2. Административное право: современный терминологический словарь / Е.В. Евсикова, А.В. Пономарев, В.В. Костылев [и др.]; научный редактор М.И. Никулин; редактор Е.В. Евсикова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – 400 с.
3. Евсикова Е.В., Пономарев А.В. К вопросу о трактовании понятия и принципах административной ответственности в контексте реформирования административно-деликтного законодательства // Евсикова Е.В., Пономарев А.В. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – С. 226-236.
4. Евсикова Е.В. Некоторые особенности реформирования административно-деликтного законодательства Российской Федерации – третья волна кодификации / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 2. С. 350-367.
5. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс] [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326534/
6. Закон Республики Крым от 27 марта 2017 г. N 372-ЗРК/2017 "Об обеспечении тишины и покоя граждан на территории Республики Крым и внесении изменений в отдельные законы Республики Крым" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] [Режим доступа]: <https://base.garant.ru/43819600/>.
7. Евсикова, Е. В. Закон "Об административных правонарушениях в Республике Крым": теоретические аспекты и проблемы правоприменения / Е. В. Евсикова // Общество и право. – 2016. – № 4(58). – С. 153-157.
8. Евсикова Е.В. Административная ответственность по законодательству Республики Крым: доктринальный и прикладной аспекты / Е.В. Евсикова // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 118-122.
9. Закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. N 117-ЗРК/2015 "Об административных правонарушениях в Республике Крым" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] [Режим доступа]: <https://base.garant.ru/23707010/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe/>
10. Глава Крыма предложил повысить штрафы за шум по ночам. Алексей Вакуленко (Симферополь). Российская газета. [Дата размещения ресурса : 09.06.2021. Время размещения ресурса: 18:06]. [Электронный ресурс] [Режим доступа]: <https://rg.ru/2021/06/09/reg-ufo/glava-kryma-predlozhil-povysit-shtrafy-za-shum-po-nocham.html>.
11. Общественная палата Крыма одобрила повышение штрафов за шум по ночам. Алексей Вакуленко (Симферополь). Российская газета. [Дата размещения ресурса : 17.06.2021. Время размещения ресурса: 12:35]. [Электронный ресурс] [Режим доступа]: <https://rg.ru/2021/06/17/reg-ufo/obshchestvennaia-palata-kryma-odobrila-povyshenie-shtrafov-za-shum-po-nocham.html>.
12. Евсикова, Е. В. Некоторые проблемы составления протоколов и привлечения к административной ответственности федеральным органом исполнительной власти на основе соглашений о передаче полномочий и перспективы ее реформирования / Е. В. Евсикова, В. Л. Оголь // Ученые записки Крымского

- федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6. – № 2. – С. 368-382. – DOI 10.37279/2413-1733-2020-6-2-368-382.
13. Информация о результатах проведения мониторинга ст.ст. 2.1, 6.1, 6.1-1, 7.2 Закона Республики Крым от 25 июня 2015 года № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым». Комитет Государственного Совета Республики Крым по вопросам государственного строительства и местного самоуправления.
14. 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.
15. 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2020 года; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461/>
16. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.1.2.2645-10 “Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях” (утв. постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 10 июня 2010 г. № 64). <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12077273/>.
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 октября 2020 года N 1631 «Об отмене нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора». <https://docs.cntd.ru/document/565983838?marker=6520IM>.
18. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 3 "Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3.684-21 "Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400189764/>.
19. Верховный суд пояснил, что за шум надо наказывать независимо от децибел. Владислав куликов. Российская газета - Федеральный выпуск № 61(5734). [Дата размещения ресурса : 27.03.2012. Время размещения ресурса: 17:00]. <https://rg.ru/2012/03/21/sud.html>
20. Судам разрешили всецело полагаться на слух потерпевших в делах о нарушении тишины. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://legal.report/sudam-razreshili-vsecelo-polagatsya-na-sluh-poterpevshih-v-delah-o-narushenii-tishiny/>.
21. Закон Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://base.garant.ru/35307614/>.
22. Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. N 45 "Кодекс города Москвы об административных правонарушениях" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://base.garant.ru/388521/>.
23. Закон Краснодарского края от 23 июля 2003 № 608-КЗ «Об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://docs.cntd.ru/document/461606550>.
24. Руденко, А. В. Соблюдение принципов соразмерности наказания и индивидуализации наказания при привлечении к административной ответственности / А. В. Руденко // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2016. – № 4(25). – С. 77-81.

Evsikova E.V., Ponomarev A.V. To the question of improving the legislation in the sphere of establishing administrative responsibility for violation of the silence and rest of citizens // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 22-34.

The article reveals and examines the regulatory framework for the regulation of ensuring the rights of citizens to peace and quiet in accordance with the administrative-tort legislation of the Republic of Crimea. The authors reveal the compositions of offenses provided for by the administrative-tort legislation of the Republic of Crimea in the sphere of citizens' rights to peace and quiet, study the qualifying signs, system and gradation of administrative punishments for offenses in the studied area. The authors emphasize the need for a clear understanding of the delimitation of the jurisdiction of federal and regional administrative and tort legislation in the field of ensuring the rights of citizens to the sanitary and epidemiological well-being of the population and the rights of citizens to peace and quiet, analyzing the statistical data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation and law enforcement practice in this sphere of legal relations, on the basis of which a conclusion is made about the progressive dynamics of the administrative-tort situation in the Russian Federation as a whole, on the basis of which it is concluded that there is a need for high-quality legislative regulation of all key aspects related to administrative responsibility for violating the peace and quiet of citizens. Based on the analysis, the authors develop their proposals to ensure better legal regulation of ensuring the rights of citizens to peace and quiet at the level of administrative and tort legislation of the Republic of Crimea, as well as ensuring the rights of citizens to sanitary and epidemiological well-being of the population at the level of administrative and tort legislation. The Russian Federation as a whole.

Key words: administrative and tort legislation; administrative responsibility; the right of citizens to peace and quiet; the right of citizens to the sanitary and epidemiological well-being of the population.

Spisok literaturi:

1. Aktual'nye problemy administrativnogo prava: uchebnoe posobie dlya bakalavrov i magistrów // pod. red. d.yu.n., prof. M.I. Nikulina. – Simferopol': IT «ARIAL», 2018. – S. 48.
2. Administrativnoe pravo: sovremennyy terminologicheskij slovar' / E.V. Evsikova, A.V. Ponomarev, V.V. Kostylev [i dr.]; nauchnyj redaktor M.I. Nikulin; redaktor E.V. Evsikova. – Simferopol': IT «ARIAL», 2020. – 400 s.
3. Evsikova E.V., Ponomarev A.V. K voprosu o traktovanii ponyatiya i principah administrativnoj otvetstvennosti v kontekste reformirovaniya administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva // Evsikova E.V., Ponomarev A.V. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 2. – S. 226-236.
4. Evsikova E.V. Nekotorye osobennosti reformirovaniya administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – tret'ya volna kodifikacii / E.V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2020. T. 6. № 2. S. 350-367.
5. Konceptiya novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326534/
6. Zakon Respubliki Krym ot 27 marta 2017 g. N 372-ZRK/2017 "Ob obespechenii tishiny i pokoya grazhdan na territorii Respubliki Krym i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakony Respubliki Krym" (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: <https://base.garant.ru/43819600/>.
7. Evsikova, E. V. Zakon "Ob administrativnyh pravonarusheniyah v Respublike Krym": teoreticheskie aspekty i problemy pravoprimeniya / E. V. Evsikova // Obshchestvo i pravo. – 2016. – № 4(58). – S. 153-157.
8. Evsikova E.V. Administrativnaya otvetstvennost' po zakonodatel'stvu Respubliki Krym: doktrinal'nyj i prikladnoj aspekty / E.V. Evsikova // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2 (36). S. 118-122.
9. Zakon Respubliki Krym ot 25 iyunya 2015 g. N 117-ZRK/2015 "Ob administrativnyh pravonarusheniyah v Respublike Krym" (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: <https://base.garant.ru/23707010/b5dae26bef2908c0e8dd3b8a66868fe/>
10. Glava Kryma predlozhit povysit' shtrafy za shum po nocham. Aleksej Vakulenko (Simferopol'). Rossijskaya gazeta. [Data razmeshcheniya resursa : 09.06.2021. Vremya razmeshcheniya resursa: 18:06]. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: <https://rg.ru/2021/06/09/reg-ufo/glava-kryma-predlozhit-povysit-shtrafy-za-shum-po-nocham.html>.
11. Obshchestvennaya palata Kryma odobrila povyshenie shtrafov za shum po nocham. Aleksej Vakulenko (Simferopol'). Rossijskaya gazeta. [Data razmeshcheniya resursa : 17.06.2021. Vremya razmeshcheniya resursa: 12:35]. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: <https://rg.ru/2021/06/17/reg-ufo/obshchestvennaia-palata-kryma-odobrila-povyshenie-shtrafov-za-shum-po-nocham.html>.
12. Evsikova, E. V. Nekotorye problemy sostavleniya protokolov i privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti na osnove soglashenij o peredache polnomochij i perspektivy ee reformirovaniya / E. V. Evsikova, V. L. Ogol' // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2020. – T. 6. – № 2. – S. 368-382. – DOI 10.37279/2413-1733-2020-6-2-368-382.
13. Informaciya o rezul'tatah provedeniya monitoringa st.st. 2.1, 6.1, 6.1-1, 7.2 Zakona Respubliki Krym ot 25 iyunya 2015 goda № 117-ZRK/2015 «Ob administrativnyh pravonarusheniyah v Respublike Krym». Komitet Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym po voprosam gosudarstvennogo stroitel'stva i mestnogo samoupravleniya.
14. 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah»; Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2019 god; Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.
15. 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah»; Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 1 polugodie 2020 goda; Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461/>
16. Sanitarno-epidemiologicheskie pravila i normativy SanPiN 2.1.2.2645-10 "Sanitarno-epidemiologicheskie trebovaniya k usloviyam prozhivaniya v zhilyh zdaniyah i pomeshcheniyah" (utv. postanovleniem Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 10 iyunya 2010 g. № 64). <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12077273/>.
17. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 oktyabrya 2020 goda N 1631 «Ob otmene normativnyh pravovyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti, sodержashchih obyazatel'nye trebovaniya, soblyudenie kotoryh ocenivaetsya pri provedenii meropriyatij po kontrolyu pri osushchestvlenii federal'nogo gosudarstvennogo sanitarno-epidemiologicheskogo nadzora». <https://docs.cntd.ru/document/565983838?marker=6520IM>.
18. Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 28 yanvarya 2021 g. № 3 "Ob utverzhdenii sanitarnykh pravil i norm SanPiN 2.1.3684-21 "Sanitarno-epidemiologicheskie trebovaniya k sodержaniyu territorij gorodskih i sel'skih poselenij, k vodnym ob'ektam, pit'evoj vode i pit'evomu vodosnabzheniyu, atmosfernomu vozduhu, pochvam, zhilym pomeshcheniyam, ekspluatacii proizvodstvennyh, obshchestvennyh pomeshchenij, organizacii i provedeniyu sanitarno-protivoepidemicheskikh (profilakticheskikh) meropriyatij". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400189764/>.

19. Verhovnyj sud poyasnil, chto za shum nado nakazyvat' nezavisimo ot decibel. Vladislav kulikov. Rossijskaya gazeta - Federal'nyj vypusk № 61(5734). [Data razmeshcheniya resursa : 27.03.2012. Vremya razmeshcheniya resursa: 17:00]. <https://rg.ru/2012/03/21/sud.html/>
20. Sudam razreshili vsecelo polagat'sya na sluh poterpevshih v delah o narushenii tishiny. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://legal.report/sudam-razreshili-vsecelo-polagatsya-na-sluh-poterpevshih-v-delah-o-narushenii-tishiny/>.
21. Zakon Sankt-Peterburga ot 31 maya 2010 g. № 273-70 «Ob administrativnyh pravonarusheniyah v Sankt-Peterburge». [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://base.garant.ru/35307614/>.
22. Zakon g. Moskvy ot 21 noyabrya 2007 g. N 45 "Kodeks goroda Moskvy ob administrativnyh pravonarusheniyah" (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://base.garant.ru/388521/>.
23. Zakon Krasnodarskogo kraja ot 23 iyulya 2003 № 608-KZ «Ob administrativnyh pravonarusheniyah» (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://docs.cntd.ru/document/461606550>.
24. Rudenko, A. V. Soblyudenie principov sorazmernosti nakazaniya i individualizacii nakazaniya pri privlechenii k administrativnoj otvetstvennosti / A. V. Rudenko // Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossijskoj tamozennoj akademii. – 2016. – № 4 (25). – S. 77-81.

УДК 342.72/.73

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 35-41

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПО ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Миронова О. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Права и свобода человека и гражданина признаются государством наивысшей ценностью. Одним из самых актуальных и спорных прав, на современном этапе, является право на свободу передвижения. В статье анализируется действующее законодательство, регулирующее вопросы ответственности за нарушение установленного порядка передвижения по территории России, в том числе и в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Автор приходит к выводам, что COVID-19 – в России признано в качестве инфекционного заболевания, которое представляет опасность для окружающих, и потому ограничение права на свободу передвижения является механизмом защиты и реализации иного права человека – права на охрану здоровья. Обосновано право губернаторов (глав субъектов), правительства субъектов РФ, в соответствии с нормами действующего законодательства, вводить ограничительные мероприятия, направленные на предотвращение распространения коронавирусной инфекции, но только по предписанию Главного государственного санитарного врача РФ.

Ключевые слова: права человека, инфекционные заболевания, инфекция, свобода передвижения, субъект Российской Федерации, охрана здоровья, юридическая ответственность.

Права и свобода человека и гражданина признаются в государстве наивысшей ценностью. Не смотря на стремительное развитие общественных отношений, государственного управления сохраняет свою актуальность вопрос свободы передвижения человека.

Право на свободу передвижения в настоящее время регулируется нормами национального и международного права.

Основным международным правовым актом, в котором закреплены права и свободы человека, является Всеобщая декларация прав человека [1]. В ст. 13 Всеобщей декларации закреплено право каждого: свободно передвигаться; свободно выбирать себе место жительства в границах страны; покидать и возвращаться в страну. Так же, рассматриваемый нами вопрос, регулируется принятым в 1966 г. Пактом о гражданских и политических правах. Его особенностью является более конкретизированное закрепленное право на свободу передвижения. Непосредственно в ст. 12 Пакта, закреплено анализируемое право, но только в отношении лиц, которые на законных основаниях находятся на территории государства и только в его пределах [2]. Таким образом, право человека свободно передвигаться в пределах каждого государства, закреплено в основных международных актах.

В России основные права и свободы человека, конституционно закреплены в гл. 2 Конституции. Среди основных личных прав – право каждого кто на законных основаниях находится на территории нашего государства свободно передвигаться, право выбрать место пребывания и(или) место жительства (ст. 27 Конституции РФ).

Следует отметить, что реализация права на свободу передвижения осуществляется при наличии таких условий как: 1) законного нахождения человека на террито-

рии России; 2) соблюдение территориального ограничения; 3) обязательной регистрации по месту пребывания или месту жительства.

В рамках исследуемой темы остановимся на нормах, которые регулируют ответственность субъектов правоотношения (граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства), которые находятся внутри нашей страны, а иностранные граждане и лица без гражданства «предположительно» пересекли границу России законно. Так за нарушения правил передвижения субъектов правоотношений по территории нашей страны, соблюдение правил установленных ограничений по передвижению и правил регистрационного режима в России предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Критерий, отвечающий за квалификацию правонарушения, ответственность за который предусмотрена в административном или уголовном законодательстве, заключается в степени тяжести этого правонарушения, его общественной опасности, как для общества, так и для государства. Сама уже степень тяжести обуславливается признаками состава преступления, описывающими все подробности противоправного деяния. Рассмотрим виды правонарушения по административному законодательству.

И так, прежде всего, отметим, что административная ответственность за правонарушения в сфере передвижения субъектов правоотношений и правил регистрационного учета закреплена в разных главах в зависимости от субъектов правонарушения. Глава 18 КоАП РФ закрепляет ответственность иностранных лиц и лиц без гражданства (в сфере государственной границы и режима пребывания), а глава 19 – ответственность граждан РФ (в сфере порядка управления) [3]. Иерархия расположения видов ответственности за правонарушения в действующем законодательстве России зависит от целей приоритетов государства. И как видим, законодатель преопределил защиту государственной границы выше порядка управления.

К тому же вопросы реализации механизма противодействия незаконной миграции определены в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы, [4] в которой закреплён вопрос совершенствования правовой основы противодействия незаконной миграции.

Первая норма в рассматриваемых правоотношениях это ответственность за нарушения правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории нашей страны (ст. 18.9 КоАП РФ).

Особенностью данной нормы является то, что передвижение иностранных лиц и (или) лиц без гражданства, как действие по реализации права на свободу передвижения, которое включает в себя: выбор места проживания или места пребывания, изменение места проживания или места пребывания и, соответственно, выбор места регистрации (миграционного учета); выезд человека за пределы России; транзитное передвижение через территорию России, с условием соблюдения регистрационного учета.

Следует отметить, что все эти действия связаны с соблюдением порядка оформления документов, или осуществления регистрационного учета.

Совершая правонарушения иностранный гражданин либо апатрид, в соответствии с данной нормой, подвергается наказанию в виде выплаты административного штрафа, сумма которого будет установлена по окончанию хода

расследования дела об административном правонарушении. К тому же достоинством данной нормы является отсутствие такого наказания как выдворение иностранного гражданина или лица без гражданства за нарушение ими правил пребывания.

А вот в случае нарушения иммиграционных правил иностранные лица или лица без гражданства (ст. 18.11 КоАП РФ), в частности нарушение правил проживания в местах временного содержания на лиц накладываются административные штрафы, и рассматривается вопрос об административном выдворении.

Непосредственно за нарушение иностранными лицами и лицами без гражданства правил и обязанности регистрационного учета при перемене места жительства или перемене места пребывания указанные лица привлекаются лишь к административной ответственности в виде уплаты штрафа (ст. 18.12 КоАП РФ).

Анализируя административную ответственность граждан России, за нарушения правил передвижения по территории страны следует, отметить нормы ст. 19.15 КоАП РФ, непосредственно ст. 19.15.1 КоАП РФ и ст. 19.15.2 КоАП РФП [3], которые в свою очередь характеризуются нарушением непосредственно регистрационного учета. К тому же к ответственности привлекаются как наниматели жилого помещения, то есть лица, которые обязаны зарегистрироваться, так и займодатели – лица которые предоставили свое жилое помещение для проживания.

Не так давно был очень актуален вопрос о так званых «резиновых квартирах», то есть о фиктивной регистрации граждан, когда, к примеру, на 30 квадратных метрах прописано 25 человек, а проживает два человека. Законодатель решил бороться с данной проблемой не только внесением необходимых поправок в законодательство, но и непосредственным ужесточением ответственности (административной и уголовной) за нарушение правил регистрационного учета, как гражданами России, так и иностранными гражданами, и лицами без гражданства.

Что такое «фиктивная регистрация»? Вопрос, который для всех и всегда остается актуальным.

Согласно абз. 9 ст. 2 Закона РФ от 25.06.1993 № 5242-1, п. 9 ст. 2 ФЗ от 18.07.2006 № 109, фиктивная регистрация – это регистрация или гражданина РФ и (или) иностранного гражданина и (или) лица без гражданства по выбранному им месту временного пребывания или месту проживания: на основании представления для регистрации заведомо недостоверных сведений или документов; без намерения пребывать (проживать) в этом помещении; без намерения нанимателя (собственника) жилого помещения предоставить это жилое помещение для пребывания (проживания).

За действия, связанные с фиктивной регистрацией, граждане России привлекаются к административной ответственности по ст. 19.15.2 КоАП РФ, а иностранные лица и лица без гражданства по ст. 19.27 КоАП РФ (на которых налагается административный штраф и рассматривается вопрос об административном выдворении). Также все указанные лица за фиктивную регистрацию могут привлекаться к уголовной ответственности по ст. 322.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [5] (далее – УК РФ) и по ст. 322.3 УК РФ. Основываясь на содержании данной правовой нормы, в качестве субъекта может выступать любое лицо, вне зависимости от его гражданства и даже если его нет.

Административное законодательство в ст. 28.3. КоАП РФ закрепляет перечень должностных лиц, которым предоставлено право составлять административные протоколы за правонарушения. Так согласно указанной нормы, составлять протоколы за правонарушения, предусмотренные ст. 18.9, ст. 18.11, ст. 19.15, ст. 19.27 КоАП РФ предоставлено сотрудникам ОВД.

В апреле 2020 года законодателем принят Федеральный закон № 99-ФЗ, которым внесены изменения в КоАП РФ [6]. Изменения направлены на установление ответственности субъектов правоотношения за: нарушения действующего законодательства (установленных правил) в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, которые совершаются субъектами в период действия режима чрезвычайной ситуации, в том числе при возникновении угрозы распространения опасного заболевания или проведения ограничительных мероприятий (карантина); за невыполнение в установленный срок требования органа, осуществляющего федеральный государственный санэпиднадзор, о проведении санитарно-эпидемиологических мероприятий.

Указанные поправки внесены в ст. 6.3 КоАП РФ, и предусматривают наложение административного штрафа на субъекты правоотношений, в частности на: граждан России (от 15000 руб. до 40000 руб.); должностных лиц (от 50000 руб. до 150000 руб.); индивидуальных предпринимателей (от 50000 руб. до 150000 руб. / или приостановления действия субъекта до 90 суток); юридических лиц (от 200 000 руб. до 500 000 руб. / или приостановления действия субъекта до 90 суток).

Следует отметить, что сотрудникам ОВД право составлять административный протокол предоставлено только за нарушения, предусмотренные ч. 2 и ч. 3 ст. 63 КоАП РФ, а именно повторные действия, совершенные гражданами РФ в период действия ЧС или распространения заболевания, в данном случае распространения заболевания коронавирусной инфекцией.

К тому же за нарушения требований, закрепленных в ст. 6.3. КоАП РФ привлекаются только граждане России, юридические лица и публично-правовые образования. Иностранцы граждане и лица без гражданства несут административную ответственность по ст. 18.11 КоАП РФ. Также КоАП РФ законодатель дополнил ст. 20.6.1, которая предусматривает административную ответственность за нарушение самоизоляции или «невыполнение правил поведения при чрезвычайных положениях или при угрозе ее возникновения».

Самоизоляция трактуется законодателем как невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации. Эта норма предусматривает наложение админ. штрафа на субъектов правоотношений, в частности на: граждан РФ (от 1000 руб. до 30000 руб.); должностных лиц (от 10000 руб. до 50000 руб.); индивидуальных предпринимателей (от 30000 руб. до 50000 руб.); юридических лиц (от 100000 руб. до 300000 руб.) [6].

Составлять административные протоколы на нарушения требований ст. 20.6.1 КоАП РФ, предоставлено сотрудникам ОВД, а также должностным лицам органов исполнительной власти субъектов РФ. Анализируя уголовную ответственность за нарушение правил передвижения лиц по территории России и нарушений регистрационного учета, отметим, что в действующем законодательстве предусмотрено 3

специальных вида ответственности по ст. 322.1 УК РФ, ст. 322.2. УК РФ, ст. 322.3 УК РФ.

Особенности расследования и характеристики преступлений, предусмотренных указанными нормами, раскрыты в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 2020.

Хотелось бы остановиться и на отдельных аспектах реализации конституционного права на свободу передвижения в условиях пандемии. Общеизвестно, что вспышка новой коронавирусной инфекции внесла свои коррективы в обычную жизнь людей всего мира. 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила COVID-19 – пандемией, после чего Россия, как и большинство стран, приняла решение о временном закрытии своих внешних границ, и введении временного ограничения такого права человека как: «права на свободу передвижения».

Анализ действующего законодательства, позволил нам сделать вывод, что вводить режим повышенной готовности имеет право только Правительство РФ. А также: COVID-19 – в России признано инфекционным заболеванием, которое представляет опасность для окружающих, потому ограничение права на свободу передвижения является механизмом защиты другого права – права на охрану здоровья граждан. В рамках ограничения конституционного права, следует отметить однозначность интерпретации ч. 3 ст. 55 Основного закона, как возможность (предоставление полномочий) введения ограничения конституционного права, непосредственно «права на свободу передвижения», только в форме федерального закона, к которым следует отнести: Закон № 5242-1, ФЗ № 52 от 30.03.1999, ФЗ № 115 от 25.07.2020. Соответственно, губернаторы (главы субъектов РФ), правительство субъектов РФ, в рамках действующего законодательства имеют право вводить ограничительные мероприятия, направленные на предотвращение распространения коронавирусной инфекции, но только по предписанию Главного государственного санитарного врача РФ, и руководствуясь статьями 5-8 ФЗ № 52 от 30.03.1999, а не ФЗ № 68 от 21.12.1994 [8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16]. Нормы законодательства субъектов РФ не содержат в себе ограничения конституционного права на свободу передвижения, а лишь уточняют и конкретизируют действия норм федеральных законов, в которых закреплено право на ограничение конституционных прав человека.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организаций Объединенных Наций // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
4. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

6. Федеральный закон от 01.04.2020 № 99-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 9. – 2020.
8. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 02.03.2020 г. № 5 «О дополнительных мерах по снижению рисков завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
9. Конституция Российской Федерации, принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г. (в действующей редакции) // СПС «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/10103000/>.
10. Постановление Правительства РФ от 11.10.2020 № 754 «Об утверждении перечня территорий, организаций и объектов, для въезда на которые иностранным гражданам требуется специальное разрешение» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
11. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»: Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
12. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2020 г. № 239 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
13. О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2020 г. № 294 // (Официальный интернет-портал правовой информации // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
14. Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 11.06.2020 № 316 // (Официальный интернет-портал правовой информации // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
15. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
16. Казанцева Е.В. Правовое регулирование ограничения свободы передвижения в период распространения COVID-19 / Е.В. Казанцева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 229-230.

Mironova O.A. Responsibility for violation of the established order of movement within the territory of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 35-41.

Human and civil rights and freedoms are recognized as an inalienable value by the state. One of the most pressing and controversial rights at the present stage is the right to freedom of movement. The article analyzes the current legislation regulating the issues of liability for violation of the established procedure for movement, including in the context of the spread of a new coronavirus infection. The author comes to the conclusion that restriction of the right to freedom of movement is a mechanism for the protection and implementation of another human right - the right to protect the health of citizens, which is due to the fact that COVID-19 is recognized in Russia as an infectious disease that poses a danger to others. The right of governors and governments of the constituent entities of the Russian Federation has been substantiated, in accordance with the norms of the current legislation, to introduce restrictive measures aimed at preventing the spread of coronavirus infection, but only by order of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation.

Key words: human rights, infectious diseases, infection, freedom of movement, constituent entity of the Russian Federation, health protection, liability.

Spisok literatury:

1. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata General'noy Assambleyey OON 10.12.1948) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
2. Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh (prinyat 16.12.1966 Rezolyutsiyey 2200 (XXI) na 1496-m plenarnom zasedanii General'noy Assambley Organizatsiy Ob'yedinennykh Natsiy // [Эл-

- elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
3. Kodeks Rossiyskovykh Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 30.04.2021) // [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
4. Ukaz Prezidenta RF ot 31.10.2018 № 622 «O Kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskovykh Federatsii na 2019 - 2025 gody» // [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
5. Ugolovnyy kodeks Rossiyskovykh Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 05.04.2021, s izm. ot 08.04.2021) // [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
6. Federal'nyy zakon ot 01.04.2020 № 99-FZ (red. ot 29.12.2020) «O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskovykh Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh» // [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
7. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.07.2020 № 18 «O sudebnoy praktike po delam o nezakonnnoy peresechenii Gosudarstvennoy granitsy Rossiyskovykh Federatsii i prestupleniyakh, svyazannykh s nezakonnnoy migratsiyey» // Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. - № 9. – 2020.
8. Postanovleniye Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 02.03.2020 g. № 5 «O dopolnitel'nykh merakh po snizheniyu riskov zavoza i rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (2019-nCoV)» // [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
9. Konstitutsiya Rossiyskovykh Federatsii, prinyata na vsenarodnom golosovanii 12.12.1993 g. (v devstvuyushchey redaktsii) // SPS «Garant.ru» [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://base.garant.ru/10103000/>.
10. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 11.10.2020 № 754 «Ob utverzhdenii perechnya territoriy, organizatsiy i ob"yektov, dlya v"yezda na kotoryye inostrannym grazhdanam trebuyetsya spetsial'noye razresheniye» // [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
11. O sanitarno-epidemiologicheskom blagopoluchii naseleniya»: Federal'nyy zakon ot 30.03.1999 № 52-FZ (red. ot 13.07.2020) // [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
12. O merakh po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya na territorii Rossiyskovykh Federatsii v svyazi s rasprostraneniyyem novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19): Ukaz Prezidenta Rossiyskovykh Federatsii ot 02.04.2020 g. № 239 // [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
13. O prodlenii devstviya mer po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya na territorii Rossiyskovykh Federatsii v svyazi s rasprostraneniyyem novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19): Ukaz Prezidenta Rossiyskovykh Federatsii ot 28.04.2020 g. № 294 // (Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii // [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
14. Ob opredelenii poriyadka prodleniya devstviya mer po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v sub"yektakh Rossiyskovykh Federatsii v svyazi s rasprostraneniyyem novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19): Ukaz Prezidenta RF ot 11.06.2020 № 316 // (Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii // [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
15. O zashchite naseleniya i territoriy ot chrezvychaynykh situatsiy prirodnoy i tekhnogennogo kharaktera: Federal'nyy zakon ot 21.12.1994 № 68-FZ (red. ot 08.12.2020) // [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>
16. Kazantseva Ye.V. Pravovoye regulirovaniye ogranicheniya svobody peredvizheniya v period rasprostraneniya COVID-19 / Ye.V. Kazantseva // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskoye nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – S. 229-230.

УДК 342.951

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 42-49

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЛКОЕ ХУЛИГАНСТВО

Мишина Ю. В.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова»

В статье рассматриваются отдельные аспекты привлечения к ответственности по ст.20.1 КоАП РФ. Автор исследует правоприменительную практику, анализирует недостатки, связанные с квалификацией мелкого хулиганства, процессуальным оформлением протоколов об административных правонарушениях и других документов, и послужившие основанием для возвращения материалов на доработку или прекращения производства по делу. Предлагаются способы определения конкретных проявлений и границ мелкого хулиганства на этапе принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении. Автор приходит к выводу о необходимости расширения признаков объективной стороны мелкого хищения и уточнения диспозиции ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ.

Ключевые слова: мелкое хулиганство, проблемы квалификации, нецензурная брань, нарушение общественного порядка, оскорбительное приставание, квалификация правонарушений, деятельность полиции.

Среди нарушений, посягающих на общественный порядок, мелкое хулиганство занимает особое место по ряду причин. Во-первых, действия нарушителя нередко циничны, немотивированны и аморальны с точки зрения обычного человека, что вызывает негативную реакцию даже у тех граждан, которые не были очевидцами правонарушения, а получили информацию о событии опосредованно. Так, бурное обсуждение в социальных сетях вызвала серия ситуаций с участием аниматоров. В Сочи, мужчины, одетые в ростовые куклы (в одном случае – осла и коня, в другом – зебры), назойливо предлагали прохожим сделать с ними фото за деньги. За отказ «животные» преследователи своих жертв, выражаясь в их адрес нецензурной бранью [1]. Несколькими днями ранее за аналогичный способ привлечь отдыхающих к фотографированию по ст.20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) были привлечены к ответственности «жираф», «зебра» и «мышь» [2].

Во-вторых, поведение нарушителей нередко сопровождается активными действиями по невыполнению требований представителей власти. Такие проступки охотно снимаются очевидцами на камеры мобильных телефонов, публикуются в социальных сетях. Вопрос привлечения виновных к ответственности в подобных случаях становится своеобразным критерием способности государства обеспечивать общественный порядок.

В-третьих, ответственность за мелкое хулиганство предусмотрена за определенные действия не только в реальном социуме, но и в виртуальном социальном пространстве: информационно-телекоммуникационных сетях.

Статистика показывает, что количество нарушений, предусмотренных ст.20.1 КоАП РФ, в 2020 г. снизилось. Однако их объем по-прежнему остается существенным. Только судами в 2018 г. было рассмотрено 212 852 дел о мелком хулиганстве, в 2019 - 202 350, в 2020 - 151 529 [3]. Отмеченное снижение, на наш взгляд, обу-

словлено отнюдь не повышением уровня правосознания граждан, а с карантинными мероприятиями, и, соответственно, резким уменьшением количества людей в общественных местах.

Несмотря на то, что рассматриваемая правовая норма часто применяется сотрудниками полиции, качество собранных ими материалов нередко оставляет желать лучшего. Это приводит к возвращению значительной доли составленных протоколов на доработку, прекращению производства в связи с недоказанностью правонарушения, вынесению оправдательных решений. Так в 2018 г. по ст. 20.1 КоАП РФ судами было оправдано 2181 человек, в 2019 г. – 1575, в 2020 – 1114 [3]. Количество материалов по делам о мелком хулиганстве, направленных в суд для рассмотрения, в отдельных случаях оказывается равным количеству дел, возвращенных в подразделения органов внутренних дел на доработку. Например, 7 августа 2020 г., Выборгским районным судом в связи с существенными нарушениями, допущенными при оформлении материалов дела, и их неполнотой, были в отделы полиции Санкт-Петербурга переданы все семь материалов по ст. 20.1 КоАП РФ (№ 5-1677/2020, № 5-1681/2020; № 5-1685/2020; № 5-1687/2020; № 5-1689/2020; № 5-1693/2020; № 5-1698/2020) [4].

За общим определением, сформулированным судом, скрываются различные недоработки сотрудников полиции. Наиболее часто речь идет о выявлении в материалах дела следующих недостатков: не раскрыто выполнение нарушителем объективной стороны мелкого хулиганства; отсутствует объяснение правонарушителя; не указаны свидетели правонарушения или отсутствуют их объяснения; свидетелям не разъяснена ответственность за дачу ложных показаний; сведения о событии правонарушения противоречат собранным по делу доказательствам; не в полном объеме указаны обстоятельства, позволяющие квалифицировать правонарушение.

Наряду с субъективными факторами, связанными с недостаточной правовой грамотностью сотрудников органов внутренних дел, невнимательностью или формальным подходом к сбору доказательств по конкретному делу, недочеты в материалах обусловлены и объективными обстоятельствами: пробелами в действующем законодательстве и отсутствием единообразной практики его применения.

С момента принятия КоАП РФ и до 2019 г. мелкое хулиганство рассматривалось исключительно как нарушение общественного порядка, выражающие явное неуважение к обществу, сопровождающиеся хотя бы одним из дополнительных признаков: нецензурной бранью, оскорбительным приставанием к гражданам, уничтожением или повреждением чужого имущества. Новое звучание правонарушению добавило появление в статье третьей части, установившей ответственность за распространение в информационно-телекоммуникационных сетях информации, выраженной в неприличной форме, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, а также явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам России, её Конституции или органам, осуществляющим государственную власть.

Как отмечает А.И. Каплунов «при определении конкретных проявлений и границ правонарушения ... вопросы возникают по каждому из перечисленных в ст. 20.1 КоАП РФ признаков мелкого хулиганства» [5, с. 64]. Наиболее часто у сотрудников полиции возникают сложности в поиске ответов на следующие вопросы: какие из мест общего пользования можно отнести к «общественным местам»? Какие выра-

жения и слова следует считать «нецензурными»? Какие конкретно действия и с какой мотивацией должен совершать нарушитель, чтобы приставание расценивалось как оскорбительное? Что понимается под неприличной формой распространения информации? Свою точку зрения по отдельным из поставленных вопросов излагали М.Б. Труфанов [6] Т.Б.Светличная, Т.Г. Слюсарева [7], И.П. Долгих [8], А.И.Трусов, Д.Н. Техов, Т.И. Губарева [9]. Предпримем попытку сформулировать рекомендации по установлению отдельных признаков мелкого хулиганства с учетом требований действующего законодательства, судебной практики и результатов исследований.

Принимая решение о том, относится ли место совершения правонарушения к общественным, следует ориентироваться на перечни таких мест, закрепленные в федеральном или региональном законодательстве в контексте других правонарушений. Например – на перечень территорий, помещений и объектов, установленный ст. 12 Федерального Закона от 23.02.2013 №15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции»; ст.16 ФЗ от 22.11.1995 №171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», ст. 1 Закона Челябинской области от 29.04.2004. №227-ЗО «О соблюдении общественного порядка на территории Челябинской области».

Принимая решение об отнесении произнесенных правонарушителем слов и выражений к «нецензурной брани» допустимо руководствоваться рекомендациями Роскомнадзора, основанными на мнении ведущих специалистов в области лингвистики, в которых к нецензурным предлагается относить «четыре общеизвестных слова, начинающихся на «х», «п», «е», «б», а также образованные от них слова и выражения» [10]. В иных случаях следует ориентироваться исключительно на заключения экспертов. При этом необходимо учитывать, что употребление нецензурных слов, связанное с личными неприязненными отношениями, в отсутствие умысла на нарушение общественного порядка, квалификации по ч.1 ст.20.1 КоАП не подлежит. Так Приморский краевой суд, установив, что конфликт между С. и ее соседкой, происходивший на территории смежных индивидуальных домовладений и сопровождавшийся нецензурной бранью и бросанием камней, стал следствием личных неприязненных отношений, при этом неуважение и неприязнь адресовывались одному лицу, ранее вынесенное постановление о привлечении С. к ответственности за мелкое хулиганство отменил, а производство по делу прекратил[11].

Для того, чтобы нецензурная брань рассматривалась в качестве факультативного признака мелкого хулиганства, она должна произноситься публично. Вилючинский городской суд не усмотрел состава рассматриваемого правонарушения в действиях Е., который, находясь на лестничной площадке многоквартирного дома, устроил конфликт с соседями, супругами С. Мужчина громко стучал в их дверь, кричал, выражаясь при этом нецензурными словами. Факт употребления Е. нецензурной брани подтвердили свидетели, находившиеся в квартире С. Однако жители квартир, расположенных на той же площадке, шума и брани не слышали. С учетом того, что Е. не мог предполагать, что в квартире супругов С. находятся посторонние лица, суд посчитал, что в действиях Е., совершенных в общественном месте, отсутствует элемент публичности, а оскорбления, высказанные в адрес супругов С., основаны на

личных неприязненных отношениях и не могут быть квалифицированы как мелкое хулиганство [12].

Оскорбительное приставание к гражданам как признак мелкого хулиганства следует отделять от внешне похожего на него назойливого приставания. Последнее характеризуется неоднократным, надоедливым, настойчивым обращением к гражданам, выраженном в корректной форме. Цель может быть разной: навязать разговор или познакомиться без встречного желания, погадать, вынудить совершить покупку, заинтересовать своими представлениями о Боге и так далее. Подобные действия образуют составы правонарушений в некоторых субъектах РФ. Оскорбительное приставание, как отмечает А.Б. Агапов «характеризуется дерзкими, навязчивыми действиями хулигана, наносящего моральный или физический вред незнакомому ему лицу, несмотря на противодействие потерпевшего» [13, с. 74]. Правонарушитель преследует цель унижить потерпевшего, причем публично. Для минимизации ошибок в квалификации предлагаем при выявлении события правонарушения руководствоваться двумя признаками оскорбительного приставания, сформулированными М.Б. Труфановым [6, с.264]. Во-первых, обращение правонарушителя должно быть несовместимо с моральными устоями потерпевшего. Во-вторых - мотивированно именно хулиганскими побуждениями.

Для того, чтобы действия лица могли быть квалифицированы по ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, распространяемая им информация должна быть выражена исключительно в неприличной форме. Однако границы понятия «неприличная форма» до сих пор не определены. Верховный Суд РФ относит к неприличной «откровенно циничную, резко противоречащую принятой в обществе манере общения между людьми форму унижительного обращения» [14]. Однозначно эксперты относят к таковой нецензурную (матерную) лексику. По другим позициям: употребление жаргона, сленга, вульгаризмов, просторечий их мнения могут различаться и зависеть от конкретных условий. Лингвисты отмечают, что неприличные слова должны относиться именно к тому лицу, о котором идет речь. Однако в ситуации, когда информация направлена на неуважение общества и государства, по нашему мнению, следовать такой логике проблематично. Неприличная форма может быть представлена не только словами, но и непристойными образами. К таковым относятся изображения, «нарушающие общепринятые нормы и принципы поведения в обществе с точки зрения морали и нравственности» [15]. Для правильной квалификации также необходимо установить наличие еще нескольких обязательных признаков. 1) Информация, размещенная в виртуальной социальной среде, должна предназначаться для неопределенного круга лиц, а не использоваться в личной переписке. 2) В поведении правонарушителя должно усматриваться противопоставление себя обществу, циничное, унижительное отношение к нему, а равно к государству или государственным символам. 3) Информация должна содержать оскорбление в отношении конкретизированных в диспозиции статьи объектов: Конституции РФ, государственных символов, органов, осуществляющих государственную власть. При этом следует обратить внимание на тот факт, что высшие должностные лица субъектов в систему федеральных государственных органов не входят. Соответственно, высказывания в их адрес в сети «Интернет», даже в неприличной форме, не подлежат квалификации именно по ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ. Данная позиция подтверждается судебной практикой. Так, Верховный Суд РФ, установив, что Б. в социальной сети «В контакте» разместила свои

комментарии, в неприличных выражениях негативно оценивающие личность губернатора, определил, что объективная сторона правонарушения предусмотренного ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ в этом случае отсутствует ввиду невозможности отнесения губернатора к органам, осуществляющим государственную власть в РФ [16].

Ответственность за мелкое хулиганство предусмотрена не только в РФ. Однако, в Беларуси перечень действий, образующих состав правонарушения, не ограничен описанными в норме. К хулиганским, в соответствии со ст. 19.1 КоАП Беларусь, могут отнести и «другие умышленные действия, нарушающие общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан и выражающиеся в явном неуважении к обществу». Похожая ситуация и в Казахстане. В соответствии со ст. 464 КоАП Казахстана мелкое хулиганство может быть представлено «другими подобными действиями, выражающими неуважение к окружающим, нарушающие общественный порядок и спокойствие физических лиц».

Российское законодательство гораздо более консервативно в вопросе расширительного толкования признаков мелкого хулиганства и вариативных дополнений к прямо указанным в норме не предусматривает. В этой связи правоприменители сталкиваются с ситуациями, когда нарушение общественного порядка, даже выражающее явное, демонстративное неуважение к общепринятым нормам поведения, не влечет ответственности. Так, Кизилюртовским городским судом было прекращено производство по делу в отношении А. отправлявшего естественные надобности у здания автовокзала. Не отрицая, что А. нарушил общественный порядок, суд в его действиях состава мелкого хулиганства не усмотрел, поскольку ни одного из трех факультативных признаков, указанных в ч.1 ст.20.1 КоАП РФ установлено не было [17]. Не образует в сегодняшних реалиях состав правонарушения и появление на улице в обнаженном виде. Как правило, такие эпизоды вызывают возмущение общественности, и сотрудники полиции вынуждены реагировать. Так, в отношении С., находившейся на одной из центральных улиц города «на виду у проходящих мимо посторонних граждан в обнаженном виде», а по факту, устроившей уличную эротическую фотосессию, был составлен протокол об административном правонарушении по ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ. Решением районного суда С. привлекли к ответственности, однако краевой суд постановление по делу отменил, а производство прекратил за отсутствием состава правонарушения [18]. Подобные ситуации отнюдь не единичны. Представители МВД России даже комментировали подобные действия граждан, отмечая, что они подпадают лишь под понятие антиобщественного поведения и влекут за собой только такую форму воздействия как профилактическая беседа. Обоснована ли такая безнаказанность? С юридической точки зрения все формальности соблюдены. Но как быть с ситуациями, когда общественный порядок не просто нарушается, а с неким пафосом и цинизмом? Так, сотрудники московской полиции задержали девушку и молодого человека, которые в качестве места для реализации интимных фантазий выбрали Хохловскую площадь, расположенную в центре города. Обнажившись, в присутствии большого количества людей молодые люди стали имитировать половой акт. После задержания оба не отрицали, что подобное поведение аморально [19]. Резонансный случай произошел в Волгограде. Во время движения автомобиля по улицам города, пассажир Р., будучи полностью обнаженным, вылез из люка и продемонстрировал свой половой орган окружающим [20]. Такой перформанс мужчина после задержания объяснил жаркой погодой. При этом

ни водитель, управлявший иномаркой, ни сам Р. поступок экстраординарным не считают. Действия пассажира полиция квалифицировала как мелкое хулиганство, однако, на наш взгляд, вероятность того, что Р. все же будет привлечен к ответственности, мала, поскольку вновь возникает вопрос о наличии факультативных признаков объективной стороны правонарушения. Представляется, что безнаказанность при совершении подобных антиобщественных действий, не только создает ощущение вседозволенности для нарушителей, но и провоцируют определенную группу населения на повторение аналогичных поступков, а также дискредитирует авторитет органов внутренних дел.

Выход из сложившейся ситуации субъекты РФ ищут самостоятельно, вводя в региональное законодательство административную ответственность за подобные проступки. Например, отправление естественных надобностей в общественных местах (не отведенных для этого) наказуемо в Алтайском крае, Республике Карелия, Ярославской, Саратовской, Оренбургской, Тюменской, Магаданской областях. Однако принимаемые меры носят локальный характер. Их появление в законе зачастую является следствием того, что количество фактов антиобщественного поведения, подобных приведенным ранее примерам, превышает некий «критический порог». Представляется, что решать проблему необходимо на федеральном уровне. В этой связи предлагаем внести изменения в ч.1 ст. 20.1 КоАП РФ изложив ее в следующей редакции: «нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью и (или) отправлением естественных надобностей в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, либо иными умышленными действиями оскорбляющими общественную нравственность, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества». Обращаем внимание на тот факт, что диспозиция в предлагаемом нами варианте не включает в себя слова «мелкое хулиганство, то есть...». Поскольку, по нашему мнению, как в первой, так и в третьей частях рассматриваемой статьи, описываются признаки мелкого хулиганства, представленного в разных формах.

Список литературы:

1. Полиция Сочи задержала мужчин в костюмах зебры и коня: – Текст : электронный // Известия : [сайт]. – 2021. – URL: <https://iz.ru/1170555/2021-05-28/politicia-sochi-zaderzhala-muzhchin-v-kostiumakh-zebry-i-konia> (дата обращения: 05.05.2021).
2. Россиянам рассказали об опасностях отдыха в Ялте: – Текст : электронный // Москва 24 : [сайт]. – 2021. – URL: <https://iz.ru/1170555/2021-05-28/politicia-sochi-zaderzhala-muzhchin-v-kostiumakh-zebry-i-konia> (дата обращения: 05.05.2021).
3. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям: – Текст : электронный // Судебная статистика РФ : [сайт]. – 2021. – URL: <http://stat.api-prpress.pf/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения 05.05.2021)
4. Судебные решения: – Текст: электронный // Судебные решения РФ : [сайт]. – 2021. – URL: <http://судебныерешения.pf> (дата обращения 05.05.2021)
5. О признаках мелкого хулиганства как административного правонарушения / А.И. Каплунов. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2014. – № 1(61). – С. 63-68.
6. Проблемы правового толкования оскорбительного приставания к гражданам в составе мелкого хулиганства / М.Е. Труфанов // Общество и право. – 2014. – № 4(50). – С. 262-265.
7. Проблемные вопросы административной ответственности за мелкое хулиганство / Т.Б. Светличная, Т.Г. Слюсарева. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – С. 297-300.
8. О некоторых проблемах квалификации мелкого хулиганства / И.П. Долгих. – Текст: непосредственный // Научно-исследовательские публикации. – 2014. – № 8(12). – С. 74-77.
9. О некоторых проблемах квалификации мелкого хулиганства / А.И. Трусов, Д.Н. Техов, Т.И. Губарева. – Текст : непосредственный // Юристы-Правоведы. – 2018. – № 4(87). – С. 71-75.
10. Рекомендации по применению Федерального закона от 05.04.2013 №34-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и статью 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». – Текст: электронный //

- Роскомнадзор: [сайт]. – 2021. – URL: <https://16.rkn.gov.ru/directions/mass-communications/control-nadzor-smi/spravka/p15638/> (дата обращения 05.05.2021)
11. Дело №12-401/2015: постановление Приморского краевого суда от 16.09.2015г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – 2015. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YQ9yGN9pOlmQ/> (дата обращения 05.05.2021).
 12. Дело №5-32/2013: постановление Вилючинского городского суда Камчатского края от 03.06.2013г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – 2013. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C0qg96lF87QC/> (дата обращения 05.05.2021).
 13. Агапов А.Б. Постатейный комментарий к Кодексу об административных правонарушениях. Расширенный с использованием материалов судебной практики. В двух томах. / А.Б. Агапов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Изд-во «Статут», 2004. – книга 1 – 832 с. – Текст : непосредственный.
 14. Дело №73-007-41: кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.11.2007г. – Текст: электронный // Верховный суд Российской Федерации: [сайт]. – 2007. – URL: https://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=185766/ (дата обращения 05.05.2021).
 15. О порядке применения части 6 статьи 5 ФЗ «О рекламе»: письмо ФАС России от 29.04.2013г. №АД/17355/13 – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146914/ (дата обращения 05.05.2021).
 16. Дело №1-АД20-1: постановление Верховного Суда РФ от 13.08.2020г. – Текст: электронный // СПС «Гарант» [сайт]. – URL: <http://base.garant.ru/74596770/#ixzz6x3PgQDcK> (дата обращения 05.05.2021).
 17. Дело № 5-12/2016: постановление Кизилюртского городского суда от 19.02.2016г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – 2016. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VNjzAe2Bjsdh/> (дата обращения 05.05.2021)
 18. Дело № 12-183/2015: постановление Хабаровского краевого суда от 04.06.2015г. – Текст: электронный // СПС «Гарант» [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/134683014/> (дата обращения 05.05.2021).
 19. Занявшихся сексом посреди площади в Москве россиян отправили под арест: – Текст : электронный // МК RU: [сайт]. – 2021. – URL: <https://lenta.ru/news/2020/06/17/arestovali/> (дата обращения 05.05.2021).
 20. Полиция задержала волгоградца, вылезшего голым из люка автомобиля: – Текст: электронный // LENTA.RU: [сайт]. – 2021. – URL: https://volg.mk.ru/incident/2021/05/24/policiya-zaderzhala-volgogradca-vylezshego-golym-iz-lyuka-avtomobilya.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 05.05.2021).

Mishina Y. V. Problematic aspects of bringing petty hooliganism to administrative responsibility // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 42-49.

The article considers certain aspects of liability under Article 20.1 of the Administrative Code of the Russian Federation. The author examines law enforcement practice, analyzes shortcomings related to the qualification of petty hooliganism, the procedural processing of protocols on administrative offenses and other documents, and served as the basis for returning materials for revision or termination of proceedings in the case. Methods are proposed to determine the specific manifestations and boundaries of petty hooliganism at the stage of deciding to initiate an administrative offense case. The author concludes that it is necessary to expand the signs of the objective side of petty theft and clarify the disposition of Part 1 of Art. 20.1 Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: petty hooliganism, qualification problems, obscene language, disturbance of public order, abusive harassment, qualification of offenses, police activity.

Spisok literatury:

1. Policiya Sochi zaderzhala muzhchin v kostyumah zebry i konya: – Текст : электронный // Izvestiya : [сайт]. – 2021. – URL: <https://iz.ru/1170555/2021-05-28/politicia-sochi-zaderzhala-muzhchin-v-kostiumakh-zebry-i-konia> (дата обращения: 05.05.2021).
2. Rossiyanam rasskazali ob opasnostyah otdyha v YAlte: – Текст : электронный // Moskva 24 : [сайт]. – 2021. – URL: <https://iz.ru/1170555/2021-05-28/politicia-sochi-zaderzhala-muzhchin-v-kostiumakh-zebry-i-konia> (дата обращения: 05.05.2021).
3. Administrativnye pravonarusheniya. Pokazateli po otdel'nym pravonarusheniyam: – Текст : электронный // Sudebnaya statistika RF : [сайт]. – 2021. – URL: <http://stat.api-press.rf/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения 05.05.2021).
4. Sudebnye resheniya: – Текст : электронный // Sudebnye resheniya RF : [сайт]. – 2021. – URL: <http://sudebnyeresheniya.rf> (дата обращения 05.05.2021)
5. O priznakah melkogo huliganstva kak administrativnogo pravonarusheniya /A.I. Kaplunov. – Текст : непосредственный // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii. – 2014. – № 1(61). – S. 63-68.
6. Problemy pravovogo tolkovaniya oskorbitel'nogo pristavaniya k grazhdanam v sostave melkogo huliganstva /M.E. Trufanov. – Текст : непосредственный // Obshchestvo i pravo. – 2014. – № 4(50). – S. 262-265.
7. Problemnye voprosy administrativnoj otvetstvennosti za melkoe huliganstvo / T.B. Svetlichnaya, T.G. Slyusareva. – Текст : непосредственный // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2018. – № 6. – S. 297-300.
8. O nekotoryh problemah kvalifikacii melkogo huliganstva / I.P. Dolgih. – Текст : непосредственный // Nauchno-issledovatel'skie publikacii. – 2014. – № 8(12). – S. 74-77.
9. O nekotoryh problemah kvalifikacii melkogo huliganstva / A.I. Trusov, D.N. Tekhov, T.I. Gubareva. – Текст : непосредственный // YUrist"-Pravoved". – 2018. – № 4(87). – S. 71-75.
10. Rekomendacii po primeneniyu Federal'nogo zakona ot 05.04.2013 №34-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'yu 4 Zakona Rossijskoj Federacii «O sredstvakh massovoj informacii» i stat'yu 13.21 Kodeksa Rossijskoj

- Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah». – Tekst: elektronnyj // Roskomnadzor : [sajt]. – 2021. – URL: <https://16.rkn.gov.ru/directions/mass-communications/control-nadzor-smi/spravka/p15638/> (data obrashcheniya 05.05.2021).
11. Delo №12-401/2015: postanovlenie Primorskogo kraevogo suda ot 16.09.2015g. – Tekst: elektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – 2015. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YQ9yGN9pOlmQ/> (data obrashcheniya 05.05.2021).
12. Delo №5-32/2013: postanovlenie Vilyuchinskogo gorodskogo suda Kamchatskogo kraja ot 03.06.2013g. – Tekst: elektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. – 2013. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C0qg96lF87QC/> (data obrashcheniya 05.05.2021).
13. Agapov A.B. Postatejnyj kommentarij k Kodeksu ob administrativnyh pravonarusheniyah. Rasshirennyj s ispol'zovaniem materialov sudebnoj praktiki. V dvuh tomah. / A.B. Agapov. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva : Izd-vo «Statut», 2004. – kniga 1 – 832 s. – Tekst : neposredstvennyj.
14. Delo №73-O07-41: kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 08.11.2007g. – Tekst: elektronnyj // Verhovnyj sud Rossijskoj Federacii : [sajt]. – 2007. – URL: https://www.vsrj.ru/stor_pdf.php?id=185766/ (data obrashcheniya 05.05.2021).
15. O poryadke primeneniya chasti 6 stat'i 5 FZ «O reklame»: pis'mo FAS Rossii ot 29.04.2013g. №AD/17355/13 – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus» [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146914/ (data obrashcheniya 05.05.2021).
16. Delo №1-AD20-1: postanovlenie Verhovnogo Suda RF ot 13.08.2020g. – Tekst: elektronnyj // SPS «Garant» [sajt]. – URL: <http://base.garant.ru/74596770/#ixzz6x3PgQDcK> (data obrashcheniya 05.05.2021).
17. Delo № 5-12/2016: postanovlenie Kizilyurtovskogo gorodskogo suda ot 19.02.2016g. – Tekst: elektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – 2016. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VNjzAe2Bjsdh/> (data obrashcheniya 05.05.2021).
18. Delo № 12-183/2015: postanovlenie Habarovskogo kraevogo suda ot 04.06.2015g. – Tekst: elektronnyj // SPS «Garant» [sajt]. – URL: <https://base.garant.ru/134683014/> (data obrashcheniya 05.05.2021).
19. Zanyavshih'sya seksom posredi ploshchadi v Moskve rossiiyan otpravili pod arest: – Tekst : elektronnyj // MK RU: [sajt]. – 2021. – URL: <https://lenta.ru/news/2020/06/17/arestovali/> (data obrashcheniya 05.05.2021).
20. Policiya zaderzhala volgogradca, vylezshego golym iz lyuka avtomobilya: – Tekst : elektronnyj // LENTA.RU: [sajt]. – 2021. – URL: https://volg.mk.ru/incident/2021/05/24/policiya-zaderzhala-volgogradca-vylezshego-golym-iz-lyuka-avtomobilya.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (data obrashcheniya 05.05.2021).

УДК: 342.95

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 50-57

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ
АДМИНИСТРАТИВНО-НАКАЗАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Цындра В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется потребность в исследовании проблематики реализации административно-наказательной политики в Российской Федерации.

Выявлены закономерности развития административно-деликтной ситуации в России в условиях мировых и внутренних кризисных явлений, а также пандемии вируса COVID-19: охарактеризованы статистические данные, а также изменения в текущем административно-деликтном законодательстве, связанные с ними.

Выделены факторы, замедляющие реформирование материального и процессуального законодательства об административной ответственности, в первую очередь, его кодификации. Среди них – отсутствие концептуальных основ административно-наказательной политики в Российской Федерации в целом, и фазы её реализации, в частности.

Обращено внимание на то, что проведение теоретико-правовой реализации государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний, позволит ускорить реформирование данной отрасли российского законодательства, а также будет содействовать ускорению внедрения нового законодательства в правоприменительную практику.

Определены цели, задачи и методология данного исследования. Отмечено необходимость использования отечественного и зарубежного опыта для обоснования теоретических выводов и конкретных предложений в действующее законодательство и проектов соответствующих кодексов.

Ключевые слова: актуализация проблематики, административно-деликтное законодательство, реализация административно-наказательной политики, государственная политика Российской Федерации в области административных наказаний, кодификация, методология.

Отечественные и мировые кризисные процессы обуславливают необходимость безусловного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, независимо от ухудшения социально-политической или экономической ситуации. В связи с этим, в нашей стране реализуется ряд реформ, направленных на совершенствование механизма защиты личности от противоправных посягательств, повышение эффективности государственной репрессии, снижение давления на бизнес-сферу, внедрение современных технологий в контрольно-надзорную и правоохранительную деятельность.

Среди таких реформ важное место занимает обновление административно-деликтного законодательства, нормы которого наиболее эффективно и оперативно позволяют обеспечить адекватную защиту меняющимся общественным отношениям.

Очередной этап этой реформы, в рамках так называемой «третьей волны кодификации законодательства об административной ответственности», ознаменовался разработкой в начале 2019 г. под эгидой Министерства юстиции России проектов нового КоАП РФ и Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях [1-4].

Несмотря на понимание социальной важности рассматриваемых законопроектов, их принятие затянулось (введение в действие этих кодексов планировалось с 01.01.2021) на неопределённый срок.

Считаем, что интенсификации подготовки соответствующих законопроектов будет содействовать разработка основ государственной политики в области административных наказаний, как части административно-деликтной политики.

Проводимое нами исследование проблематики административно-наказательной политики, в том числе и отражение её содержания в действующем и проектном законодательстве, позволили выделить две фазы её развития – формирование и реализацию [5].

В частности, характеристика первой фазы осуществлена нами с позиций анализа основных подходов к формулированию терминов, раскрывающих её сущность; определения целей, принципов, источников и субъектов, а также моделей, отражающих её этапы [6].

Дальнейший анализ государственной политики в области административных наказаний предусматривает раскрытие второй её фазы – реализации.

Научной основой изучения проблем реализации административно-наказательной политики являются исследование теоретиков права и управления, политологов, конституционалистов, криминологов, административистов и специалистов других отраслей права.

В частности, концептуальные административно-правовые основы государственной политики сформулированы Д.Н. Бахрахом, Е.В. Додиним, А.С. Дугенцом, И.Ш. Киясхановым, В.Е. Севрюгиным, А.П. Шергиным, и в контексте административно-деликтной политики конкретизированы Э.Е. Гензюком, В.В. Денисенко, А.Н. Дерюгой, А.Н. Жеребцовым, О.А. Заярным, В.В. Игнатенко, А.В. Кириным, В.К. Колпаковым, И.В. Максимовым, Д.Н. Мышляевым, Е.Н. Николенко, М.И. Никулиным, Ю.И. Попугаевым, П.П. Серковым, Ю.П. Соловьев, Ю.Н. Стариловым, М. С. Студеникиной, А.С. Родионовой, О.С. Рогачевой, А.Ю. Якимовым и др.

Однако реализация административно-наказательной политики как составляющей административно-деликтной политики России, предметом самостоятельных научных изысканий ещё не была [5-6, 7-9].

Воплощение в жизнь конституционных изменений и продолжающаяся реформа контрольно-надзорной деятельности, непосредственно связаны с усилением роли государства в защите прав и свобод граждан, а также уменьшения административного давления на сферу предпринимательства.

Ситуация в России и мире существенно осложнилась пандемией COVID-19, потребовавшей консолидацию усилий всего российского общества. Наиболее сильно влияние пандемии отразилось в сфере экономики, здравоохранении, рынке труда, сфере образования, досуга и отдыха и др.

Как справедливо отметил В.В. Путин «...граждане, общество, государство действовали ответственно и солидарно» [10]. При этом, государственная поддержка позволила сохранить значительное число рабочих мест на предприятиях малого и среднего бизнеса, реально помочь семьям с детьми, лицам пожилого возраста.

Прогнозируется, что по результатам антикризисных мер, принятых в 2020 г. и планируемых на 2021 г., включая меры по поддержке экономики РФ в связи с огра-

ничительными мерами по новой коронавирусной инфекции (COVID-19), уровень предотвращенного экономического ущерба для здоровья населения в результате действий и мер по управлению риском для здоровья населения и обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, составит около 546,8 млрд. руб. [11].

Эпидемия выявила и ряд проблем, решение которых потребовало ускорения применения дистанционных цифровых технологий в медицине, образовании, предоставлении государственных услуг, налогообложении.

Поддержание общественного порядка и общественной безопасности обеспечивалось комплексом организационных, правовых, информационных и других средств, среди которых меры административного принуждения, оказались наиболее оперативными и эффективными.

Введение запретов и ограничений для физических и юридических лиц на федеральном уровне и уровне субъектов РФ, в том числе и административной ответственности за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (ч. 2 и 3 ст. 6.3, ст. 13.15, ст. 20.6.1), непосредственно направлены на недопущение распространения коронавирусной инфекции, пресечение деяний лиц, нарушающих установленный режим [12-13].

Например, в 2020 г. в связи с ограничением или запретом на проведение, отмечается снижение на 49,5 % числа публичных мероприятий (в 2019 г. – 63473, в 2020 г. – 32064) [14]. По информации МВД России на 01.12.2020 с начала пандемии к административной ответственности за нарушение ограничений, которые были введены из-за распространения коронавируса COVID-19, привлечено более 1,1 млн. человек. Большинство нарушителей (976,9 тыс.) были привлечены к ответственности по ст. 20.6.1 КоАП РФ (невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения) [15].

В 2020-2021 гг. продолжились работа по внедрению «регуляторной гильотины», применение которой привело к обновлению нормативного регулирования во всех сферах общественных отношений, отмене 3003 нормативных актов, содержащих избыточные, необоснованные или устаревшие обязательные требования, принято 447 актов, направленных на урегулирование порядка реализации контрольно-надзорных полномочий органами публичной власти и др. [16].

Необходимо обратить внимание и на рост отдельных видов административных правонарушений, что свидетельствует о недостаточной эффективности административных наказаний. В частности, в 2020 г. выявлено 175,7 млн. (+14,6 %) административных правонарушений, находящихся в компетенции органов внутренних дел, из них в сфере безопасности дорожного движения – 167,2 млн (+15,7%) (87 % этих правонарушений выявляются с использованием специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением) [17].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что число административных правонарушений в 2020 г. превысило численность граждан РФ [18]. Что касается назначения административных наказаний судами РФ в 2020, то по сравнению с 2019 г.:

а) увеличилось количество: административных штрафов на 1 % (2019 г. – 4 242 235, 2020 г. – 4 243 933), предупреждений (письменных) – на 266,9 % (2019 г. – 302 687, 2020 г. – 808 024), дисквалификаций на 7 % (2019 г. – 9 778, 2020 г. – 10 464);

б) уменьшилось число: административных арестов на 16,02 % (2019 г. – 925 147, 2020 г. – 776 907), обязательных работ на 9,34 % (2019 г. – 326 643, 2020 г. – 296 108), лишения специального права на 7,5 % (2019 г. – 72 811, 2020 г. – 67 306), конфискации на 40,7 % (2019 г. – 18 323, 2020 г. – 10 854), выдворения на 396 % (2019 г. – 125 189, 2020 – 33 399) [19].

Значительное увеличение числа письменных предупреждений свидетельствует о внедрении принципа экономии административной репрессии и снижении давления на индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, что соответствует задачам реформы контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации.

Показательным примером развития административного российского судопроизводства в период пандемии является увеличение числа рассмотренных с использованием видео-конференц-связи в судебных заседаниях дел об административных правонарушениях и материалов. Таких материалов в 2020 г. рассмотрено на 38,7 % больше чем в 2019 г. [20].

Кроме этого, действующий КоАП РФ продолжает активно дополняться новыми положениями. Так, за 2020–2021 гг. в КоАП было внесено более 25 изменений, которые: определяют сроки давности привлечения к административной ответственности ст. 4.5 КоАП РФ; признают утратившими силу отдельные статьи КоАП РФ (например, 11.18, 11.19, 14.1.4 КоАП РФ); дополняют КоАП РФ новыми составами административных правонарушений (ст. 5.61.1, ч. 2-3 ст. 6.3, ч. 9.1, ст. 12.21.4, ч. 1.1 ст. 13.11, ст. 13.42, ст. 19.5, ст. 20.6.1, ст. 13.121, ст. 13.14.1, 13.43-13.46, ч. 6 ст. 14.8 ст. 19.17.5, ч. 9 и 10 ст. 20.2, ч.2.1 ст. 20.4 КоАП РФ и др.); конкретизируют состав субъектов отдельных административных правонарушений (например, ч. 1-3 ст. 5.61, абз. 1 ч. 2 ст. 7.3, ст. 15.34.1, ч. 3 ст. 19.3, абз. 2 ч. 6 ст. 20.4 КоАП); изменяют диспозиции отдельных норм (например, ст. 6.23-6.25, ч. 2.4 ст. 13.15, ст. 17.13, ст. 19.7.1, ст. 19.7.3, ст. 19.15.1, ст. 19.30-19.31, ст. 20.30 КоАП РФ); корректируют размер или вид административного наказания: увеличивает размер административного штрафа (ст. 6.33, абз. 2 ст. 10.4, абз. 2 ст.10.5, абз. 2 ст. 10.5.1, ст. 13.20, абз. 2 ч. 1 ст. 19.3, 21.1-21.3 КоАП РФ); уточняют размер наказания (ч. 4 5.63 КоАП); вводят альтернативное наказание (ст.15.25 КоАП); уточняют полномочия должностных лиц и юрисдикционных органов по составлению протоколов и рассмотрению дел об административных правонарушениях (например, ст.ст. 23.90-23.92 КоАП РФ); определяют особенности осуществления производства по делам об административных правонарушениях (ст. 28.10, ч. 3.1 ст. 30.2, ч. 2 ст. 30.8 КоАП РФ) [21].

Приведенная ситуация, подтверждает сложившуюся десятилетиями практику совершенствования КоАП РФ путем внесения в него изменений, которые отражают текущую потребность в административно-деликтной защите трансформирующихся общественных отношений или устранении возникающих угроз правопорядку.

Однако проблема завершения реформирования законодательства об административной ответственности, основным результатом которого является принятие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях, остается не решенной.

Более того, по состоянию на 01.07.2021 окончательные проекты этих нормативных правовых актов не обнародованы, хотя и проведено общественное обсуждение их двух предыдущих редакций, а третий планировалось представить в апреле 2021 г.

Анализ результатов общественного и научного обсуждения указных законопроектов показал, что большинство нареканий касались: усиления государственной репрессии в области установления административных штрафов за отдельные виды правонарушений путем механического увеличения размеров административных штрафов или введения дополнительных наказаний, а также отсутствие в проекте КоАП принципиально новых положений, которые бы обеспечили достижение такой ключевой цели реформы контрольно-надзорной деятельности, как «...снижение административной нагрузки на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность» [22].

Также следует обратить внимание и на необходимость учета соотношения административных наказаний и других мер административной ответственности (предупредительного, воспитательного характера) как способов воздействия на противоправное поведение несовершеннолетних, лиц, впервые совершивших административные правонарушения, а также малозначительные правонарушения.

К основным факторам, которые замедляли подготовку окончательных вариантов кодексов специалистами относятся: значительный объем вопросов, решение которых требует научного обоснования, обсуждения и обработки соответствующих результатов в соответствии с требованиями юридической техники; обязательность общественного обсуждения проектов, которые предусматривают анализ поступивших от различных публичных и гражданских институтов предложений и замечаний; необходимость учета при разработке проектов изменений в текущее законодательство Российской Федерации, в том числе и Конституцию России, а также существенных изменений в построении государственной политики; пандемия COVID-19, которая влияла на коммуникацию между различными участниками процессов разработки проектов; отсутствие согласованной концепции административно-деликтной политики, что потребовало выработки общих подходов к формированию частей проектов кодексов по ходу их обсуждения и др. [23].

Значительное число корректировок проектов касались и института административных наказаний. Так, в проекте КоАП отражены подходы к экономии государственной репрессии, снижения давления на бизнес, а также риск-ориентированного подхода к осуществлению контрольно-надзорной деятельности.

Претерпели изменения и концептуальные основы, касающиеся: установления возможности применения судами административных наказаний к юридическим лицам ниже установленного законом предела, распространение возможности 50% оплаты административных штрафов не только за определённые виды правонарушений в сфере дорожного движения, но и за другие правонарушения; снижение максимального срока административного ареста с 90 до 30 суток; назначение предупреждения (письменного) юридическим лицам, в случае совершения ими административных правонарушений впервые и т.д.

Считаем, что дальнейшему развитию института административных наказаний, его практическому воплощению в правоприменительную практику, будет содействовать формирование основ государственной политики в области административных наказаний и раскрытие одной из основных её фаз – реализации.

Задачи данного исследования предусматривает характеристику теоретических и правовых основ реализации административно-наказательной политики в РФ, раскрытие её содержания, а также обоснование предложения, направленных на совершенствование реализации соответствующих политических решений и положений административного законодательства.

Достижение поставленных целей и задач предусматривает обобщение существующих в науке подходов к определению понятие «реализации государственной политики РФ в области назначения административных наказаний»; рассмотрение реализации административно-наказательной политики как разновидности процессуальной деятельности; разработку предложений для совершенствования административно-деликтного законодательства и практики его реализации, с учетом отечественного и зарубежного опыта.

Методология работы предполагает использование комплекса научных методов познания социально-правовых явлений, основой которого является системный подход. Он позволяет определить содержание этой фазы развития административно-наказательной политики – реализации, а также соотношение между ней и фазой формирования. Кроме этого, с помощью структурно-функционального метода выявляются элементы содержания реализации административно-наказательной политики, методы синтеза и анализа предполагается применить для формулирования дефиниции «реализация государственной политики в области административных наказаний», а также других понятий, отражающих сущность изучаемого нами вопроса; метод сравнительного правоведения направлен на выделение положительных аспектов зарубежного опыта, регулирования общественных отношений в области административных наказаний, методы исследования текстов нормативных правовых актов позволят изучить способы отражения основ государственной политики в рассматриваемой нами области, в законах и подзаконных правовых актах и др.

Подытоживая, отметим, что проведение теоретико-правовой реализации государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний, позволит ускорить реформирование данной отрасли российского законодательства, а также будет содействовать ускорению внедрения нового законодательства в правоприменительную практику.

Список литературы

1. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.05.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
2. Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.05.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант»; Минюст переработал все части КоАП. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1137559/2021-03-16/minjust-pererabotal-vse-chasti-koap> (дата обращения: 01 июля 2021 г.).
3. Новый проект КоАП могут опубликовать для обсуждения в апреле. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dnp.ru/politics/novyy-proekt-koap-mogut-opublikovat-dlya-obsuzhdeniya-v-aprele.html> (дата обращения: 01 июля 2021 г.).
4. В Минюсте рассказали о новой редакции КоАП РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uga.news/news/1052475984> (дата обращения: 01 июля 2021 г.).
5. Жеребнов А.Н., Пынля В.Н. Концептуальные теоретические аспекты административно-наказательной политики Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4 (42). С. 80-84.
6. Цындря В.Н. Формирование государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний: учебное пособие. Симферополь. Полипринт. 2020. 80 с.
7. Пынля В.Н. Система функций государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 261-271.

8. Пыляя В.Н. Государственная политика Российской Федерации в области административных наказаний: понятие, функции, принципы: учебное пособие. Симферополь, Полипринт, 2019. 64 с.
9. Цындра В.Н. Формирование государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний: учебное пособие Симферополь, Полипринт, 2020. 80 с.
10. Послание Президента Федеральному Собранию (21.04.2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 01.07.2021).
11. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. 2021. С.236.
12. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
13. Постановление от 02 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил повеления, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
14. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – М., 445 с.
15. Более 1,1 млн россиян оштрафовали за нарушения ограничений по COVID-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2020/5fc1e2579a794715d3bb8187> (дата обращения: 01.07.2021).
16. Ревлятоновая гильотина: аналитика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knd.ac.gov.ru/analytics/> (дата обращения: 01.07.2021).
17. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2020 году. Информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НП Б/П/МВЛ России». 2021. 75 с.
18. Общая численность населения России на 01.01.2020 г. составляла 146 748 590 чел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 01.07.2021).
19. Пандемия существенно повлияла на структуру и количество административных правонарушений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/pandemiva-sushchestvenno-povliyala-na-strukturu-i-kolichestvo-administrativnykh-pravonarusheniy/> (дата обращения: 01.07.2021).
20. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2019, 2020 гг.: форма № 1 АП. Раздел 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 01.07.2021).
21. Изменения в КоАП РФ: о документе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/12125267/papaarab/1:0> (дата обращения: 01 июля 2021 г.).
22. Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» в редакции протокола от 21 декабря 2016 года №12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
23. Проект этого важнейшего документа уже в третий раз выносится на общественное обсуждение. Почему? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nn.ru/politics/novyy-administrativnyy-kodeks-mozhet-byt-prinyat-v-konce-2021-goda.html> (дата обращения: 01.07.2021).

Tsyndrya V.N. Updating the problem of implementation of the administrative-punishing policy of the Russian Federation in modern conditions // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – Р. 50-57.

The article actualizes the need to study the problems of the implementation of the administrative punishment policy in the Russian Federation.

The article identifies the patterns of development of the administrative-tort situation in Russia in the context of global and internal crisis phenomena, as well as the COVID 19 virus pandemic: the statistical data, as well as changes in the current administrative-tort legislation related to them, are characterized.

The factors that slow down the reform of the material and procedural legislation on administrative responsibility, in the first place, its codification, are highlighted. Among them - the lack of conceptual foundations of the administrative punishment policy in the Russian Federation in general, and the phase of its implementation, in particular.

Attention is drawn to the fact that the theoretical and legal implementation of the state policy of the Russian Federation in the field of administrative punishments will accelerate the reform of this branch of Russian legislation, and will also contribute to the acceleration of the introduction of new legislation into law enforcement practice.

The goals, objectives and methodology of this study are determined. The need to use domestic and foreign experience to substantiate theoretical conclusions and specific proposals in the current legislation and draft relevant Codes is noted.

Key words: actualization of the problem, administrative-tort legislation, implementation of administrative-punishment policy, state policy of the Russian Federation in the field of administrative punishments, codification, methodology.

Список литературы:

1. Проект «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России. ID проекта 02/04/01-20/00099059) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.05.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
2. Проект «Протсесуал'ни кодекс Россиикой Федератсии об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России. ID проекта 02/04/01-20/00099061) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.05.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант»; Минюст переработал все части КоАП. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1137559/2021-03-16/minust-pererabotal-vse-chasti-koap> (дата обращения: 01 июля 2021 г.).

3. Novyi proekt KoAP mogut opublikovat' dva obsuzhdeniya v aprele. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.nnn.ru/politics/novyy-proekt-koap-mogut-opublikovat-dlya-obsuzhdeniya-v-aprele.html> (data obrashcheniya: 01 ivulva 2021 g.).
4. V Minvuste rasskazali o novoi redaktsii KoAP RF. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ura.news/news/1052475984> (data obrashcheniya: 01 ivulva 2021 g.).
5. Zherebtsov A.N., Tsvndrva V.N. Kontseptual'nye teoreticheskie aspekty administrativno-nakazatel'noi politiki Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 4 (42). S. 80-84.
6. Tsvndrva V.N. Formirovanie gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti administrativnykh nakazanii: uchebnoe posobie. Simferopol'. Polinprint. 2020. 80 s.
7. Tsvndrva V.N. Sistema funktsii gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti administrativnykh nakazanii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2019. № 4. S. 261-271.
8. Tsvndrva V.N. Gosudarstvennaya politika Rossiiskoi Federatsii v oblasti administrativnykh nakazanii: ponimanie funktsii. printsipov: uchebnoe posobie. Simferopol'. Polinprint. 2019. 64 s.
9. Tsvndrva V.N. Formirovanie gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti administrativnykh nakazanii: uchebnoe posobie Simferopol'. Polinprint. 2020. 80 s.
10. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu (21.04.2021 g.) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: // <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (data obrashcheniya: 01.07.2021).
11. O sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu: Gosudarstvennyi doklad. M.: Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere zashchity prav potrebiteli i blagopoluchiva cheloveka. 2021. S.236.
12. Federal'nyi zakon ot 1 aprelya 2020 g. № 99-FZ «O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniivakh» [Elektronnyi resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoi sistemv «Garant».
13. Postanovlenie ot 02 aprelya 2020 g. № 417 «Ob utverzhenii Pravil novedeniya obvazatel'nykh dlva ispolneniya grazhdanami i organizatsiyami. nri vvedenii rezhima novvshennoi gotovnosti ili chrezvychainoi situatsii» [Elektronnyi resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoi sistemv «Garant».
14. Doklad Unolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii. – M., 445 s.
15. Bolee 1.1 mln rossivan oshtrafovali za narusheniya ogranichenii po COVID-19 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2020/5f1e2579a794715d3bb8187> (data obrashcheniya: 01.07.2021).
16. Regulatornaya s'il'otina: analitika [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://knd.ac.gov.ru/analytics/> (data obrashcheniya: 01.07.2021).
17. Pravoprimeritel'naya devatel'nost' v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2020 godu. Informatcionno-analiticheskii obzor. – M.: FKU «NTs BDD MVD Rossii». 2021. 75 s.
18. Obshchaya chislennost' naseleniya Rossii na 01.01.2020 g. sostavlyala 146 748 590 chel. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.statdata.ru/russia> (data obrashcheniya: 01.07.2021).
19. Pandemiva sushchestvenno povlivala na strukturu i kolichestvo administrativnykh pravonarushenii [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.advgazeta.ru/obzorv-i-analitika/pandemiva-sushchestvenno-povlivala-na-strukturu-i-kolichestvo-administrativnykh-pravonarusheniv/> (data obrashcheniya: 01.07.2021).
20. Otchet o rabote sudov obshchei vursidksii po rassmotreniyu del ob administrativnykh pravonarusheniivakh za 12 mesvatsev 2019. 2020 gg.: forma № 1 AP. Razdel 10 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (data obrashcheniya: 01.07.2021).
21. Izmeneniya v KoAP RF: o dokumente [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ivo.garant.ru/#/document/12125267/paragraph/1:0> (data obrashcheniya: 01 ivulva 2021 g.).
22. Paspport prioritetnoi programmv «Reforma kontrol'noi i nadzornoii devatel'nosti» v redaktsii protokola ot 21 dekabrva 2016 goda №12 [Elektronnyi resurs]. Dostup iz sprav. - pravovoi sistemv «Garant».
23. Proekt etogo vazhneishego dokumenta uzhe v tretii raz vvnositsva na obshchestvennoe obsuzhdenie. Pochemu? [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.nnn.ru/politics/novyy-administrativnyy-kodeks-mozhet-byt-prinyat-v-konce-2021-goda.html> (data obrashcheniya: 01.07.2021).

УДК: 342.95

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 58-65

**ПРИМЕНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В УЧАСТИЕ В НЕСАНКЦИОНИРОВАННОМ
ПУБЛИЧНОМ МЕРОПРИЯТИИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ
ОПЫТ**

Цындра В. Н., Юзьвак С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрена проблема назначения наказания за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированные публичные мероприятия, актуализированная ростом протестных настроений среди отдельных граждан, а также их групп.

Проанализирована санкция ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ, выявлены основные недостатки, допущенные законодателем при её формулировании.

Выявлены закономерности назначения административных наказаний в рассматриваемой сфере, путем анализа количественных и качественных показателей судебной практики, содержащихся в отчетных статистических данных о результатах деятельности российских судов за 2019–2020 гг. и правоохранительной практики за 2019–2021 гг.

Изучены решения российских судов по делам об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ, и установлены аргументы, используемые судьями для выбора вида и размера административного наказания.

Рассмотрен опыт закрепления санкций за аналогичные административные правонарушения в законодательстве ряда постсоветских государств (Беларуси, Казахстана, Молдовы, Украины).

С учетом отечественного и зарубежного опыта предложено: административное наказание в виде обязательных работ исключить из санкции нормы, закрепленной ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ; уменьшить срок административного ареста до 10 суток; предусмотреть в качестве административного наказания для юридических лиц административное приостановление деятельности; рассмотреть вопрос о целесообразности применения к родителям, вовлекавшим в противоправную деятельность собственных детей, такого смягчающего обстоятельства как «...совершение административного правонарушения женщиной, имеющей малолетнего ребенка», а при назначении административного ареста, основания для его неназначения – «наличие у женщины детей в возрасте до четырнадцати лет» и др.

Ключевые слова: применение административного наказания, несанкционированные публичные мероприятия, вовлечение несовершеннолетних, зарубежный опыт.

Одной из функций Российского государства является обеспечение прав и свобод несовершеннолетних от воздействия факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. В последнее время к ним относится и активизация отдельных лиц, а также их групп, вовлекающих несовершеннолетних в участие в несанкционированных публичных мероприятиях.

С целью понуждения власти к принятию противоречащих закону решений, они используют возможности современных информационных технологий (как правило, социальных сетей), подкуп, а иногда и принуждение, привлекают детей к участию в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетированиях, ставя под угрозу причинения вреда их жизни, здоровью и развитию.

При этом применение современных телекоммуникационных технологий значи-

тельно расширяет аудиторию, скорость и географию распространения соответствующей информации, а также обеспечивает условную «анонимность» инициаторов вовлечения.

Оценивая опасность этой деятельности, В.В. Путин отметил, что «ни в коем случае нельзя выталкивать вперед несовершеннолетних». «Так поступают террористы, когда впереди себя гонят женщин и детей, – продолжил он. – Здесь немножко фокус смещается, но по сути это то же самое» [1]. Подобное сравнение свидетельствует о восприятии руководством нашей страны вовлечения детей в несанкционированные протестные акции как недопустимого и социально вредного явления, противодействие которому является приоритетом для органов внутренних дел и других правоохранительных органов.

Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России, Министр внутренних дел РФ В.А. Колокольцев, докладывая о результатах деятельности министерства в 2020 г., указал, что «...крайне важно не допустить вовлечения молодежи, и особенно несовершеннолетних, в несогласованные массовые акции, оградить их от различных провокаций». Он также отметил, что «...это, конечно, нарушение закона, и в соответствии с законом на это нужно реагировать обязательно» [2].

В этой связи повышается роль административно-деликтных средств защиты и охраны общественных отношений, возникающих в процессе предупреждения вовлечения несовершеннолетних в несанкционированные публичные мероприятия, а также совершенствование их применения в условиях проведения реформы законодательства об административной ответственности.

27.12.2018 ст. 20.2 КоАП РФ была дополнена ч. 1.1, которой была установлена ответственность за «...вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния» [3]. В качестве санкций законодатель предусмотрел: «...наложение административного штрафа на граждан в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей, или обязательные работы на срок от двадцати до ста часов, или административный арест на срок до пятнадцати суток; на должностных лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; на юридических лиц – от 250 тыс. до 500 тыс. рублей» [3]. Следует отметить, что установление административного наказания рассматривается как наиболее эффективное правовое средство воздействия на правонарушителей. Более того, указанные виды административных наказаний относятся к наиболее строгим, что также подтверждает общественную опасность рассматриваемого правонарушения.

Несмотря на понимание в обществе необходимости установления ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в несанкционированные публичные мероприятия, введение этих наказаний ложно воспринимается отдельными лицами как негативный пример воздействия государства на свободу участия в публичных акциях [4].

В юриспруденции проблемы административной ответственности в этой области рассматривались И.А. Адмираловой, А.Г. Бачуриным, А.А. Березиным, М.А. Газимагомедовым, М.М. Звягиным, Т.А. Карпенко, Д.А. Коротченковым, М.В. Костенниковым, А.В. Куракиным, И.С. Полянской, И.И. Ярыгиным и др.

Указанными авторами рассмотрены материальные и процессуальные особенности реализации норм об административной ответственности за нарушение порядка

организации и проведения публичных и массовых мероприятий, а также высказываются предложения о дополнении КоАП РФ, в том числе ст. 20.2, положениями, характеризующими отдельные противоправные действия. В ряде случаев ими приводится текст диспозиции и санкции конкретной административно-правовой нормы.

Однако обоснование предлагаемых видов и размеров административных наказаний осуществляется путем сравнения с аналогичными нормами, без достаточного обоснования и оценки их дальнейшего воздействия на правонарушителя. Вне поля зрения административистов, зачастую, остаются и проблемы исполнения административных наказаний в рассматриваемой сфере.

Таким образом, изучение значительного числа научных работ, посвященных проблемам административной ответственности за совершения правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, свидетельствует о том, что вопросы применения административных наказаний изучены фрагментарно, а в контексте ч. 1.1 этой статьи – в единичных публикациях.

С целью устранения пробелов теоретического характера, связанных с особенностями назначения и исполнения административных наказаний за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированном собрании, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании (ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ) считаем целесообразным: охарактеризовать административные наказания, применяемые за его совершение; изучить практику назначения административных наказаний и выявить проблемы в правоприменении; разработать предложения по их решению с учетом реформирования законодательства, отечественной и зарубежной законодательной и правоприменительной практик.

Анализ санкции нормы об административной ответственности за указанное правонарушение показывает, что: 1) административные наказания назначаются как гражданам, так и должностным и юридическим лицам; 2) основными видами административного наказания выступают для: граждан – административный штраф, обязательные работы и административный арест; должностных и юридических лиц – административный штраф; 3) минимальный и максимальный размеры штрафа составляют для: граждан – 30 тыс. и 50 тыс. руб.; должностных лиц – 50 тыс. и 100 тыс. руб.; юридических лиц – 250 тыс. и 500 тыс. руб.; 4) основным субъектом назначения административных наказаний является суд (ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ).

Характеризуя административные наказания, которые могут назначаться за данное правонарушение, отмечаем, что законодатель: не предусмотрел применение дополнительных наказаний, закрепив для судей возможность выбора из трех наказаний; установил крупные размеры административных штрафов для юридических лиц на уровне квалифицированных составов данного правонарушения (повторности – ч. 8 ст. 20.2, совершаемых в непосредственной близости от объектов повышенной опасности – ч. 7 ст. 20.2, причиняющих вред здоровью – ч. 4 ст. 20.2 КоАП РФ); закрепил 10-кратный разрыв между минимальным и максимальным размерами административного штрафа, чем обусловил широкий диапазон для судебной дискреции.

Ст. 3.9 КоАП РФ указывает, что административный арест назначается лишь в исключительных случаях и за отдельные виды правонарушений. Таким образом, его наличие среди административных наказаний по ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ позволяет относить это правонарушение к числу «...грубых нарушений общественного порядка» [5].

Изучение закономерностей назначения административных наказаний в рассматриваемой сфере предусматривает обобщение количественных и качественных показателей судебной практики, содержащихся в отчетных статистических данных о результатах деятельности российских судов за 2019–2020 гг. и текущую практику за 2019–2021 гг.

Проведение такого анализа усложняется: а) незначительным сроком применения административных наказаний за рассматриваемое административное правонарушение, что позволяет использовать статистические данные лишь за полные 2019–2020 гг.; б) обобщенным изложением в статистической отчетности результатов рассмотрения нескольких составов административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.2 КоАП РФ, без выделения данных по отдельным частям; в) наличие нескольких источников данных в случаях, когда выявление противоправного деяния и составление протокола об административном правонарушении осуществляется одним органом, а рассмотрения дела об административном правонарушении – судом; г) объединением разных частей ст. 20.2 КоАП РФ в статистическую отчетность лишь за определенный период (полугодие, год), что не позволяет оперативно учитывать результаты реализации вносимых в Кодекс изменений.

Кроме этого, данные содержащиеся в статистической отчетности судов, размещенной в свободном доступе, позволяют выявить лишь некоторые тенденции, касающиеся назначения административных наказаний за рассматриваемое нами правонарушение.

Такая ситуация существенно усложняет оценивание изменений, внесенных в ст. 20.2 КоАП РФ, как результата отклика государства на соответствующую общественно-политическую ситуацию, не позволяет проследить связь между факторами административной деликтности в этой области и эффективностью воздействия административных наказаний, применяемых к правонарушителям, а также ограничивает доступ гражданского и научного актива к объективной информации о состоянии административной ответственности в этой сфере.

Анализ 34 постановлений и решений по делам об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ, показывает, что судьи, аргументируя выбор вида и размера административного наказания, учитывают: а) отсутствие или наличие отягчающих обстоятельств (высокая степень общественной опасности, неоднократность (повторность) совершения однородных правонарушений); б) наличие смягчающих обстоятельств (общих – совершение правонарушения впервые, признание вины, раскаяние в содеянном; иных – отсутствие отягчающих обстоятельств, наличие на иждивении малолетних (несовершеннолетних) детей, состояние здоровья членов семьи); в) отсутствие или наличие оснований для назначения обязательных работ и длительности их сроков; г) «конкретные» обстоятельства дела, его последствия; д) имущественное и финансовое положения лица, привлекаемого к административной ответственности, его трудоустроенность; е) данные о личности нарушителя (молодой возраст, социальную адаптированность, наличие семьи (семейное положение, в том числе и связь с несовершеннолетним, вовлекаемым в правонарушение); ж) цели наказания, принципы гуманизма и справедливости, обеспечение справедливого и соразмерного административного наказания [6].

Указанные выше обстоятельства, как правило, влияют на назначения административного штрафа в сумме менее его минимального размера, предусмотренного санкцией соответствующей статьи КоАП РФ, или его минимального размера, не применения или применения обязательных работ или административного ареста, а в отдельных случаях – установления наличия оснований для признания действий правонарушителя малозначительными и применения положений ст. 2.9 КоАП РФ [3].

Также в изученном нами массиве судебных решений отсутствуют решения о назначении наказания должностным и юридическим лицам.

Анализ проекта КоАП РФ (по состоянию на 01.05.2021) показал, что ни диспозиция, ни санкция нормы, устанавливающей административную ответственность за рассматриваемое нами правонарушение не претерпели изменений (кроме уменьшения максимального срока обязательных работ (со 100 до 60 ч.) [7].

В частности, ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании, предусмотрена ч. 2 ст. 14.2 проекта КоАП, родовым объектом которого выступает «...правопорядок в общественных местах» (гл. 14 проекта).

Считаем, что включение обязательных работ в перечень административных наказаний за данное правонарушение не учитывает положений абзаца 3 пункта 8 постановления Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П, которые предусматривают, что «...до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений обязательные работы могут применяться в качестве административного наказания за предусмотренные статьями 20.2, 20.2.2 и 20.18 КоАП РФ административные правонарушения, только если они повлекли причинение вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц либо наступление иных подобных последствий» [8].

Одним из направлений научного поиска является изучение опыта правового регулирования административных наказаний за вовлечение несовершеннолетних к участию в несанкционированных публичных мероприятиях, имеющегося в странах, сформировавших на территории постсоветского пространства. Возможность рассмотрения такого опыта обусловлена как сходными с РФ закономерностями развития института административной ответственности (например, в государствах-членах СНГ), так и сложившейся в них национальной практикой [9-11].

В частности, нами выявлены следующие особенности зарубежного законодательства, устанавливающего административную ответственность за правонарушение, диспозиция которого сходна с ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ: 1) в качестве основных видов наказания предусмотрены административный штраф (например, в Республике Беларусь – от 5 до 30 базовых величин, в Республике Казахстан – ста месячных расчетных показателей) и административный арест на срок до 10 суток (Республика Казахстан); 2) субъектами административной ответственности признаются только физические лица; 3) вовлечение несовершеннолетнего в административное правонарушение относится к обстоятельству, отягчающему ответственность; 4) в Республике Молдова к обстоятельствам, отягчающим административную ответственность, относят и «подстрекательство несовершеннолетнего к совершению правонарушения» (п. «с» ст. 43); 5) субъектами назначения определены как суды (например, специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних (Республика Казахстан), так и другие государственные органы (административные комиссии

и комиссия по делам несовершеннолетних (Республика Беларусь). Кроме этого, на Украине закреплено положение о том, что правонарушение, совершенное несовершеннолетним, рассматривается судом (ст. 221 КУоАП) [12-15].

Рассмотренные выше примеры показывают, что в большинстве государств ответственность за вовлечение несовершеннолетних к участию в несанкционированных публичных мероприятиях, рассматривается как обстоятельство, отягчающее административную ответственность.

Закрепление административной ответственности за самостоятельное правонарушение в Беларуси и Казахстане свидетельствует о наличии общего с Россией восприятия общественной опасности таких действий. Однако российское законодательство предусматривает наиболее жесткие санкции, применяемые как к физическим и должностным, так и к юридическим лицам.

Таким образом, установление суровых административных наказаний за вовлечение несовершеннолетних к участию в несанкционированном публичном мероприятии должно выступать существенным сдерживающим фактором для лиц, замысливающих совершение таких противоправных действий.

С учетом изложенного предлагается: административное наказание в виде обязательных работ исключить из санкции нормы, закрепленной ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ; уменьшить срок административного ареста до 10 суток; предусмотреть в качестве административного наказания для юридических лиц административное приостановление деятельности; рассмотреть вопрос о целесообразности применения к родителям, вовлекшим в противоправную деятельность собственных детей, такого смягчающего обстоятельства как «...совершение административного правонарушения женщиной, имеющей малолетнего ребенка», а при назначении административного ареста, основания для его не назначения – «наличие у женщины детей в возрасте до четырнадцати лет»; провести анализ назначения судами административного штрафа ниже минимального предела и освобождения лица от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного деяния с целью конкретизации оснований для принятия судьями соответствующего решения; разработать методику оценки эффективности назначения наказания лицам, ранее совершившим аналогичные административные правонарушения.

Список литературы:

1. Путин назвал опасными незаконные акции протеста (25.01.2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/10539751> (дата обращения: 04.05.2021).
2. Расширенное заседание коллегии МВД России (03.03.2021) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 04.05.2021).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
4. Буткевич С.А. Организационно-правовые аспекты охраны общественного порядка (по материалам Республики Крым) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2015. № 1 (25). С. 87–95.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Ивукова Константина Александровича положением части 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2006 № 195-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62526/#dst100020 (дата обращения: 04.05.2021).
6. Архив судебных решений ИПО «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://arbitr.garant.ru/#/plain-doclist/1070:0> (дата обращения: 04.05.2021).
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: проект [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=102447> (дата обращения: 04.05.2021).

8. По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142234/ (дата обращения: 04.05.2021).
9. Цындра В.Н. Балльная система административных наказаний (взысканий): анализ зарубежного опыта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 320–328.
10. Пыльня В.Н., Степенко Н.В. Меры административно-правового воздействия, применяемые к лицам, совершившим административные правонарушения: опыт зарубежных стран // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар. 2020. С. 493–497.
11. Пыльня В.Н. Системы административных взысканий (наказаний) в законодательстве государств-членов СНГ // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 80–82.
12. Кодекс Республики Молдова от 24.10.2008 № 218-XVI «О правонарушениях» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30395669 (дата обращения: 04.05.2021).
13. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 № 91-3 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=НК2100091&p1=1&p5=0> (дата обращения: 04.05.2021).
14. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05.07.2014 № 235-V [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399 (дата обращения: 04.05.2021).
15. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 07.12.1984 № 8073-X [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418317#pos=4;-106 (дата обращения: 04.05.2021).

Tsyndrya V.N., Yuzvak S. A. Application of administrative penalties for involving a minor in participation in unauthorized public events: domestic and foreign experience // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 58–65.

The article examines the problem of imposing punishment for involving a minor in participation in unauthorized public events, actualized by the growth of protest moods among individual citizens, as well as their groups.

The sanction of Part 1.1 of Art. 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the main shortcomings made by the legislator in its formulation are revealed.

The regularities of the appointment of administrative punishments in the area under consideration were revealed by analyzing the quantitative and qualitative indicators of judicial practice contained in the reporting statistical data on the results of the activities of Russian courts for 2019–2020, and law enforcement practice for 2019–2021.

The decisions of the Russian courts in cases of administrative offenses, the responsibility for which is provided for by Part 1.1 of Art. 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and established the arguments used by judges to choose the type and amount of administrative punishment.

The experience of fixing sanctions for similar administrative offenses in the legislation of a number of post-Soviet states (Belarus, Kazakhstan, Moldova, Ukraine) is considered.

Taking into account domestic and foreign experience, it is proposed: to exclude administrative punishment in the form of compulsory work from the sanction of the norm enshrined in Part 1.1 of Art. 20.2 of the Administrative Code of the Russian Federation; reduce the term of administrative arrest to 10 days; provide for administrative suspension of activity as an administrative penalty for legal entities; consider the expediency of applying to parents who involved their own children in the illegal activities of such mitigating circumstances as "... the commission of an administrative offense by a woman with a young child", and when imposing an administrative arrest, the grounds for its non-appointment - "the woman has children under the age of fourteen years old" and others.

Key words: application of administrative punishment, unauthorized public events, involvement of minors, foreign experience.

Snisok literatury

1. Putin nazval opasnymi nezakonnye aktsii protesta (25.01.2021) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://tass.ru/nolitika/10539751> (data obrashcheniya: 04.05.2021).
2. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD Rossii (03.03.2021) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090> (data obrashcheniya: 04.05.2021).
3. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh ot 30.12.2001 № 195-FZ [Elektronnyi resurs]. Dostup iz SPS «Garant».
4. Butkevich S.A. Organizatsionno-pravovye aspekty okhrany obshchestvennogo porvodka (no materialam Respubliki Krvm) // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2015. № 1 (25). S. 87–95.
5. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii na narushenie konstitutsionnykh prav grazhdanina Ivukova Konstantina Aleksandrovicha nolozheniem chasti 2 stat'i 3.9 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh [Elektronnyi resurs]: onredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 13.06.2006 № 195-O. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62526/#dst100020 (data obrashcheniya: 04.05.2021).

6. Arkhiv sudebnvkh reshenii IPO «Garant» [Elektronnyi resurs]. URL: <http://arbitr.garant.ru/#/plain-doclist/1070:0> (data obrashcheniya: 04.05.2021).
7. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh: proekt [Elektronnyi resurs]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nna=102447> (data obrashcheniya: 04.05.2021).
8. Po delu o proverke konstitutsionnosti Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh i Federal'nyi zakon «O sobraniyakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestiviyakh i piketirovaniyakh» v svyazi s zaprosom grupp deputatov Gosudarstvennoi Dumy i zhaloboi grazhdanina E.V. Savenko» [Elektronnyi resurs]: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14.02.2013 № 4-P. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142234/ (data obrashcheniya: 04.05.2021).
9. Tsvndra V.N. Ball'nava sistema administrativnykh nakazanii (vzvskanii): analiz zarubezhnogo onvta // Uchenye zaniski Krvmskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2019. T. 5 (71). № 3. S. 320–328.
10. Tsvndra V.N., Stetsenko N.V. Merv administrativno-pravovogo vozdeistviya. primenyaemve k litsam, sovershivshim administrativnye pravonarusheniya: onvt zarubezhnykh stran // Obespechenie obshchestvennoi bezonasnosti i protivodeistvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Krasnodar. 2020. S. 493–497.
11. Tsvndra V.N. Sistemv administrativnykh vzvskanii (nakazanii) v zakonodatel'stve gosudarstv-chlenov SNG // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2019. № 7 (134). S. 80–82.
12. Kodeks Respubliki Moldova ot 24.10.2008 № 218-XVI «O pravonarusheniakh» [Elektronnyi resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30395669 (data obrashcheniya: 04.05.2021).
13. Kodeks Respubliki Belarus' ob administrativnykh pravonarusheniakh ot 06.01.2021 № 91-Z [Elektronnyi resurs]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=HK2100091&p1=1&p5=0> (data obrashcheniya: 04.05.2021).
14. Kodeks Respubliki Kazakhstan ob administrativnykh pravonarusheniakh ot 05.07.2014 № 235-V [Elektronnyi resurs]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399 (data obrashcheniya: 04.05.2021).
15. Kodeks Ukrainy ob administrativnykh pravonarusheniakh ot 07.12.1984 № 8073-X [Elektronnyi resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418317#pos=4;-106 (data obrashcheniya: 04.05.2021).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – С. 66-73.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО;
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

УДК 347.113(470)

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 66-73

**ПРИМЕНЕНИЕ АНАЛОГИИ ЗАКОНА К ГРАЖДАНСКИМ
ПРАВООТНОШЕНИЯМ**

Абдуллаев Л. Ш.

Севастопольский государственный университет

В статье обосновывается необходимость проявления большего внимания к содержанию п. 1 ст. 6 ГК при применении к гражданским правоотношениям аналогии закона. Что касается тех случаев, когда основания применения норм гражданского права по аналогии изложены неполно или неудачно (если обнаруживается неполнота или неудачность законодательных формулировок), выход надо искать не в отступлении от буквы закона, а в поиске тех законодательных положений, которые подлежат преимущественному применению перед пунктом 1 ст. 6 ГК. К таким законодательным положениям относится ст.11 ГПК и ст. 13 АПК. Однако в научной литературе средства разрешения коллизий между ст.6 ГК, с одной стороны и ст. 11 ГПК и ст.13 АПК – с другой, никогда не рассматривались. В статье осуществляется попытка разрешения указанных коллизий. При этом используется методологический инструментарий, разработанный крымскими учеными юристами.

Ключевые слова: аналогия закона; закон; гражданское законодательство; правовые коллизии; правовые нормы.

Применение аналогии закона к гражданским правоотношениям, как это сложилось к настоящему времени, подчиняется устойчивым стереотипам, которые признаются и практикой правоприменения и наукой гражданского права. И это положение не ставится под сомнение, как будто законодательство, касающееся рассматриваемой сферы, достигло вершины совершенства, а практика правоприменения – полного соответствия закону. Однако это – не так. И у законодательства, в том числе того, которому посвящается настоящая статья, нет пределов для совершенствования, и у практики правоприменения нет пределов для совершенствования, хотя бы это совершенствование и заключалось исключительно в его приближении к требованиям закона. Если это утверждение является правильным, что автор и попытается показать в настоящей статье, то следует согласиться и с тем, что её тема соответствует требованию актуальности.

Аналогия гражданского закона привлекает внимание ученых в течение всего времени существования науки гражданского права. Уже признаваемый всеми основоположником российского гражданского права Д.И. Мейер обращается к проблеме аналогии закона [1, с. 74–75]. Впоследствии эта проблема стала предметом внимания российских дореволюционных, советских и постсоветских российских ученых.

Целью настоящей статьи является выяснение содержания правовой конструкции применения аналогии закона к гражданским правоотношениям на основе положений действующего законодательства и определение того, в какой мере

соответствуют этому содержанию практика правоприменения и теоретические положения, разработанные или разрабатываемые в науке гражданского права.

Пункт 1 ст. 6 ГК устанавливает, что аналогия закона применяется в случаях, когда «предусмотренные пунктами 1 и 2 ст. 2 настоящего Кодекса отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай...». Приведенная здесь небольшая выдержка заставляет поставить целый ряд вопросов, которые требуют своего разрешения. В противном случае практика правоприменения так и будет оставаться в промежутках между правовыми нормами и не подчиняться полностью ни одной из них. Наука тоже склонна к формулированию обобщений, попадающих в промежутки между правовыми нормами. Видно, недаром эпиграфом к своей монографии [2] один ученный – юрист выбрал слова выдающегося советского музыканта Юрия Темирганова «музыка таится не в черных значках, испещряющих партитуру, а в пространстве между ними». Представляется, что юристам уже пора отказаться искать право в промежутках между правовыми нормами или между строчками нормативных правовых актов.

И действительно, указанный в п. 1 ст. 6 ГК перечень источников гражданского права, которые могут регулировать отношения, указанные в п. 1 и 2 ст. 2 ГК и которые исключают (могут исключать) применение аналогии закона, является явно неполным. В частности, общепризнанно, что таким источником являются акты соответствующих судебных инстанций. Но они в п. 1 ст. 6 ГК не называются. А в научной и учебной литературе судебные акты вроде бы и признаются источниками гражданского права, но при этом авторы предпочитают ссылаться не на закон, который даёт основания для такого признания, а на труды своих коллег [3, с. 66]. Но ведь в науке утверждается, что, кроме названных в п. 1 ст. 6 ГК источников и судебных актов, к источникам гражданского права следует отнести корпоративные акты и науку гражданского права [4, с. 182–184; 186–188], а также социологический и аксиологический компоненты [5, с. 613–707]. Целью настоящей статьи не является исследование источников гражданского права. Но все же определение круга источников гражданского права, вытекающее из Гражданского кодекса, должно быть приведено в соответствие хотя бы со ст. 180, 310, 341 КАС, ст. 198, 330, 379.7, 390.14, 391.9 ГПК, ст. 170, 270, 291.11, 288, 308.8 АПК. Соответственно должны быть внесены и изменения в п. 1 ст. 6 ГК.

Далее, все-таки необходимо было бы как-то решить проблему толкования слова «законодательство», которое в творительном падеже употребляется в положении п. 1 ст. 6 ГК. Проще всего было бы сослаться на п. 2 ст. 3 ГК, в соответствии с которым «гражданское законодательство состоит из настоящего Кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов, регулирующих отношения, указанные в пунктах 1 и 2 ст. 2 Гражданского кодекса». В цитированном законодательном положении непрямо дается определение понятия гражданского законодательства, четко определяются его пределы. Такое узкое понимание термина «законодательство» обосновывалось в теории права [6, с. 27], хотя какого – либо смысла в изменении терминологии, сложившейся в течение десятков лет (хотя бы и в советское время), не было. Но восприятие законодательством упомянутой научной идеи не способствовало разрешению соответствующих правоприменительных проблем, а усложнило их.

Но прежде чем исследовать понятие гражданского законодательства, следует обратить внимание на то обстоятельство, что при определении круга источников гражданского права, неурегулированность отношений которыми является основанием для применения аналогии закона, названо, в частности законодательство. В этой связи возникают вопросы о том, можно ли термин «законодательство», употребляемый в творительном падеже в первой половине текста п.1 ст.6 ГК, понимать, как гражданское законодательство. Представляется, что контекст рассматриваемого законодательного положения вполне это позволяет: в нем речь идет о соглашениях и обычаях, признаваемых регуляторами гражданских отношений (отношения, регулируемые гражданским правом). Следовательно, и под термином «законодательство» понимается то законодательство, которое регулирует гражданские отношения, то есть законодательство гражданское. Этот вывод согласуется с научными представлениями о месте гражданского права в системе права: гражданские отношения могут регулироваться (хотя бы и в порядке аналогии закона) только такими нормативно – правовыми источниками как акты гражданского законодательства (акты, содержащие нормы гражданского права).

Далее, следует обратить внимание на то обстоятельство, что понятие гражданского законодательства логически нестрого определено в п.2 ст.3 ГК (этого определение никак не может быть отнесено к категории классификационных). Мы не будем анализировать требование к законам, претендующим на отнесение их к актам гражданского законодательства, соответствовать Гражданскому кодексу. Но нельзя пройти мимо вытекающего из п. 2 ст. 3 ГК выведения всех подзаконных актов за пределы понятия гражданского законодательства, что является совершенно неприемлемым. Вот и в случае с п. 1 ст. 6 ГК толкование термина «законодательство» в соответствии с определением соответствующего понятия в п. 2 ст. 3 ГК приводит к возникновению огромного количества коллизий в гражданском праве, которые угрожают всеобъемлющей дезорганизацией гражданско-правового регулирования соответствующих общественных отношений. В таком случае придется сделать вывод о том, что указанные отношения регулируются только законами, содержащими нормы гражданского права, соглашениями сторон и обычаями. При отсутствии такого урегулирования применению подлежат законы (в порядке аналогии закона) и положения, названные в п. 2 ст. 6 ГК (в порядке аналогии права). Места для применения источников, указанных в пункте 3, 4 и 7 ст. 3 ГК (указов Президента, постановлений Правительства и актов министерств, иных федеральных органов исполнительной власти), не остаётся.

Правда, относительно указов Президента и постановлений Правительства законодатель в п.6 ст.3 ГК сделал специальную оговорку о том, что их действие и применение определяются правилами главы 1 Гражданского кодекса. Следовательно, и положение п.1 ст.6 ГК, предусматривающее применение в порядке аналогии закона «гражданского законодательства», предполагает применение в порядке аналогии закона также и указов Президента и постановлений Правительства.

Но за пределами и определения понятия гражданского законодательства в п.2 ст.3 ГК, и положения п.6 ст.3 ГК, содержание которого выше изложено, остались содержащие нормы гражданского права акты министерств и других федеральных органов исполнительной власти, изданные в случаях и пределах, предусмотренных

Гражданским кодексом, другими законами и иными правовыми актами (п.7 ст.3 ГК). Совершенно очевидно, что ст.3 ГК выводит акты, указанные в пункте 7 ст.3 ГК, за пределы понятия гражданского законодательства. Возникает острая коллизия между п.7 ст.3 ГК, признающим соответствующие акты источниками гражданского права, и п.1 ст.6 ГК, который не исключает применения аналогии закона к отношениям, урегулированным актами, которые в соответствии со ст.3 ГК не охватываются понятием гражданского законодательства, или хотя бы актов, которые в соответствии с п.6 ст.3 ГК действует и применяется по правилам гл. 1 ГК.

Современные ученые разрешают эту коллизию элементарно просто. Применение правил ст. 6 ГК РФ в отношении указов Президента РФ и Правительства РФ прямо вытекает из п. 6 ст. 3 ГК, но считается, что нет никаких оснований блокировать исполнение в соответствии с механизмами, указанными в ст. 6 ГК РФ, пробелов в иных подзаконных актах...» [7, с. 461]. В данном случае, как и в многочисленных других, А. Г. Карапетов в основу интерпретации законодательных положений кладет политико-правовые резоны. Но обращение к такому средству правотолкования, естественное в условиях американской правовой системы, в России выглядит весьма проблематичным. Эту проблему, по крайней мере, надо было бы начать всестороннее обсуждать хотя бы в научной (говорить об обсуждении этой проблемы в судейской или хотя бы в научно – судейской среде было бы нереально: обстановка явно не располагает) среде. В научном произведении провинциального автора, к тому же начинающего ученого, такая аргументация не выглядела бы убедительной. Поэтому обращаем внимание на то, что последовательное применение п.1 ст.6 ГК будет полностью исключать применение огромного нормативного массива, который в соответствии с п.7 ст.3 ГК все – таки должен действовать и применяться. Нельзя предположить, что, действуя разумно, законодатель мог допустить существование нормативного массива, о котором речь идет в п.7 ст.3 ГК, и тут же полностью исключить этого нормативного массива. С учетом этого и принципа разумности (п.2 ст.6 ГК) коллизию между п.1 ст.6 ГК и п.7 ст.3 ГК все – таки следует решать в пользу последнего из двух названных законодательных положений. Таким образом, урегулированность гражданских отношений актами, указанными в п.7 ст.3 ГК, исключает применение к таким отношениям аналогии закона.

В соответствии с п. 1 ст. 6 ГК применению аналогии закона препятствует «прямое» урегулирование соответствующих отношений законодательством, соглашением сторон и обычаями. Слово «прямое» в контексте п. 1 ст. 6 ГК надо понимать так, что есть два способа правового регулирования – прямое и в порядке аналогии закона и права. Для сравнения приведём формулировку п. 4 ст. 809 ГК: «Договор займа предполагается беспроцентным, если в нем прямо не предусмотрено иное, в случаях...». И в п. 1 ст. 6 и в п. 4 ст. 809 ГК употребляется одно и то же слово – «прямо». Но значение его в контексте п.1 ст. 6 ГК будет одним (охватывать все способы закрепления правовых норм), а в контексте п. 4 ст. 809 ГК – совершенно иным (проблема прямого и непрямого текстуального, а также логического закрепления правовых норм исследуется в одной из монографий [5, с.179–227]).

В п. 1 ст. 6 ГК употребляется термин «аналогия закона». В этой связи А.Г. Карапетов пишет: «... очевидно, что данная идея носит более универсальный характер» [7, с.460]. Полагаем, что мысль, высказанная известным учёным,

нуждается в уточнении. Суть проблемы в том, что «аналогия закона» – это термин, обозначающий соответствующее понятие. А текст п. 1 ст. 6 ГК, предшествующий указанию на термин «аналогия закона» (в скобках), раскрывает содержание соответствующего понятия законодателем. Поэтому данный текст не может не иметь при правоприменении преимущества перед термином: термин – это символ. Термины – результат договорённости в соответствующей научной среде. В физико – математических науках понятия вообще обозначаются математическими символами. Следовательно, если аналогия закона как определенное понятие и определённая правовая конструкция предполагает применение гражданского законодательства, то с учётом изложенного выше применению в порядке аналогии закона подлежат не только законы (федеральные), но и указы Президента, постановления Правительства, а также акты министерств и других федеральных органов исполнительной власти, соответствующие требованиям п. 7 ст. 3 ГК.

При этом субординационная взаимосвязь между нормативными правовыми актами ограничивает только выбор подлежащего применению в порядке аналогии закона нормативного правового акта (выбор, конечно же, должен делаться пользу акта большей юридической силы), но не ограничивает саму возможность применения нормативных правовых актов, предусмотренных ст.3 ГК, в порядке аналогии закона. Представляется, что А.Г. Карапетов проявил неоправданную осторожность, когда допустил применение в порядке аналогии закона подзаконного нормативного акта к отношениям, урегулированным в целом другим подзаконным актом, и применение закона в порядке аналогии закона к отношениям, урегулированным в целом подзаконным актом, но удержался от того, чтобы указать на возможность применения в порядке аналогии закона подзаконного акта к отношениям, регулируемым в целом законом [7, с.460]. Правда, ниже А.Г. Карапетов останавливается на проблеме возможности применения в порядке аналогии закона к отношениям, в целом урегулированным законом, при их неурегулированности, в соответствующей части, подзаконных актов и приводит к выводу, что это возможно, хотя является дискуссионным и требующим дополнительной аргументации, которую он и приводит [7, с. 461]. Однако такая возможность уже предусмотрена текстом п. 1 ст. 6 ГК.

Проблема возможности применения межотраслевой аналогии закона привлекала внимание учёных, но она никогда не решалась на законодательной основе. Так, п. 1 ст. 6 ГК допускает возможность применения в порядке аналогии закона «гражданского законодательства». Следовательно, нормативные правовые акты, которые не могут быть отнесены к актам гражданского законодательства, к отношениям, регулируемым гражданским законодательством, в порядке аналогии закона применяться не могут. Временный порядок взаимодействия субъектов и участников системы обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний по вопросам медико-социальной экспертизы, медицинской, социальной и профессиональной реабилитации застрахованных и оплаты расходов на её проведения, утвержденный Министерством труда и социального развития Российской Федерации 19 апреля 2000 г. (приказ №2726 – АО), Министерством здравоохранения 18 апреля 2000 г. (приказ № 2510/4245 – 23), Фондом социального страхования 18 апреля 2000 г. (постановление №02 – 08/10 – 943 п.), как указано в его пункте 1.1, разработан в соответствии с

Федеральным законом «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» и, следовательно распространяется на лиц, работающих на основании трудового договора, договора гражданско-правового характера, если указанным договором предусмотрена уплата страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (п. 1.2). Следовательно, его прямое применение к отношениям, регулируемым гражданским правом, исключается, а п. 1 ст. 6 ГК исключает применение указанного Временного порядка к отношениям, регулируемым гражданским правом, также и по аналогии.

Конституционный Суд констатировал, что суд общей юрисдикции в деле о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья, на основании ст. 1085, 1087 ГК применил упомянутый выше Временный порядок (Постановление от 25 июня 2019 г. № 25 – П), но какой – либо оценки такому правоприменению не дал. Между тем, такая оценка была необходима, поскольку, во – первых, Временный порядок не является актом гражданского законодательства, на что выше уже указывалось. Во – вторых, отношения, к которым был применен Временный порядок, не были сходны с теми отношениями, которые этот Временной порядок регулирует. Это сходство вообще – то есть. Но оно не соответствует контексту п.1 ст.6 ГК, в соответствии с которыми не могут признаваться сходными отношениям, регулируемые разными отраслями права.

Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» и изданные на его основании подзаконные правовые акты регулируют отношения по поводу возмещения вреда, осуществляемого в форме страховых правоотношений. Размеры такого возмещения определяются в основном указанным ФЗ, а частично – упомянутым Временным порядком. С учётом установленных размеров возмещения определяются размеры обязательных взносов страхователей. Можно утверждать и обратное: размеры обязательных платежей (взносов) на социальное страхование зависят от размеров выплат, осуществляемых в пользу застрахованных. Одно бесспорно: бюджет социального страхования должен быть сбалансирован – выплатить застрахованным больше, чем поступило взносов на социальное страхование невозможно, (мы здесь не затрагиваем возможную дотацию Фонду социального страхования из бюджета, поскольку это – разовая или временная мера).

Поэтому Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», в отличие от Гражданского кодекса, не предусматривает полного возмещения вреда, но не ограничивает право на возмещение вреда сверх размеров, установленных указанным Федеральным законом, если такое возмещение предусмотрено законодательством (п. 2 ст. 1 названного ФЗ). Относительно морального вреда, причинённого застрахованному лицу в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, п. 3 ст. 8 упомянутого ФЗ прямо устанавливается, что он возмещается причинителем вреда в гражданских правоотношениях, то есть в страховых правоотношениях моральный вред вообще не возмещается.

При таких условиях применение к гражданско-правовым отношениям по аналогии положений, которые регулируют отношения по поводу обязательного социального страхования, ограничивает права потерпевших на возмещение вреда,

установленные Гражданским кодексом. Хотя такое правоприменение и имеет место, на что указывается в Постановлении Конституционного Суда от 25 июля 2019 г. № 25 – П, позиция Верховного Суда по этому вопросу является иной. Не допуская ограничения размера возмещения вреда в гражданско-правовых формах путем применения к гражданским правоотношениям по аналогии законодательства о социальном страховании, Верховный Суд допускает применение гражданского законодательства к страховым правоотношениям, если законодательство о социальном страховании не предусматривает полного возмещения вреда: «Если в ходе подготовки к судебному разбирательству дела о возмещении вреда, причинённого жизни или здоровью застрахованного, или в ходе его рассмотрения будет установлено, что обеспечение по страхованию не компенсирует в полном объёме причинённый истцу вред, суд на основании статьи 12 ГПК РФ разъясняет истцу право на предъявление требований к причинителю вреда (работодателю (страхователю) или лицу, ответственному за причинение вреда), после чего решает вопрос о привлечении его к участию в деле в качестве ответчика» (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»).

В поисках путей разрешения рассматриваемой коллизии обращаемся к ч.3 ст.11 ГПК, в соответствии с которой «в случае отсутствия норм права, регулирующих спорное отношение, суд применяет нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона)». Подобное правило установлено ч.6 ст.13 АПК. Обои названными законодательными положениями установлены нормы процессуального права (гражданского и арбитражного). Это подтверждается содержащимися в них указаниями на то, что «суд применяет нормы права». Возникает вопрос о том, каково соотношение ч.3 ст.11 ГПК и ч.6 ст.13 АПК, с одной стороны, и п.1 ст. 6 ГК – с другой. Уместно ли вообще ставить вопрос о коллизиях между правовыми нормами, устанавливаемыми указанными положениями процессуальных кодексов, с одной стороны, и правовой нормой, устанавливаемой п.1. ст. 6 ГК?

При первом приближении возникает мысль о том, что нормы процессуального права и нормы материального (гражданского) права регулирует разные отношения, поэтому возникновение коллизии между ними исключается. Однако это – лишь первый вывод. Требуется углубление в сущность проблемы.

Хотя ч. 3 ст. 11 ГПК и ч. 6 ст. 13 АПК закрепляют нормы процессуального права, все юридическое содержание указанных законодательных положений к нормам процессуального права не сводится. Давая суду предписания о правовых нормах, которые следуют применять к спорным отношениям, п. 3 ст. 11 ГПК и п. 6 ст. 13 АПК логически закрепляют материально – правовые нормы, которыми определяются нормы, подлежащие применению к спорным отношениям, то есть нормы, регулирующие спорные отношения (но не прямо, а в порядке аналогии закона). Если спорными являются гражданские отношения, то и логически закрепленные в ч. 3 ст. 11 ГПК и ч. 6 ст.13 АПК правовые нормы предписывают применять к гражданским отношениям правовые нормы, регулирующие сходные отношения, независимо от отраслевой принадлежности этих правовых норм. Примером применения к гражданским отношениям правовых норм другой отраслевой принадлежности могут быть нормы права социального страхования,

регулирующие отношения по поводу капитализации платежей, установленные Порядком внесения в Фонд социального страхования РФ капитализированных платежей при ликвидации юридических лиц – страхователей по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утвержденный Постановлением Правительства от 17 ноября 2000 г. № 863, и методикой расчета размера капитализированных платежей для обеспечения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утвержденной Постановлением Фонда социального страхования РФ от 30 июля 2001 г. № 72.

В заключение сделаем вывод о том, что проблема применения в порядке аналогии закона правовых норм, которые имеются в виду в п. 1 ст. 6 ГК, ст. 11 ГПК, требует дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2000. – 831 с.
2. Шевчук С.В. Судова правотворчість: світовий досвід і перспективи в Україні – К.: Реферат, 2007. – 640 с.
3. Гражданское право: учебник : в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. Т.1 – М.: Статут, 2019. – 576 с.
4. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т.1. Введение в гражданское право. – М.: Юрайт, 2011. – 521 с.
5. Новейшее учение о толковании и права / Под ред. В. Г. Ротаня. – Симферополь, 2019. – 792 с.
6. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. – М.: Норма, 2001. – 394 с.
7. Основные положения гражданского права: комментарий к статьям 1 – 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: Статут, 2020. – 1469 с.

Abdullaev L. Sh. Application of the analogy of the law to civil relations // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 66-73.

The article substantiates the need to pay great attention to the content of paragraph 1 of Article 6 of the Civil Code when applying the analogy of the law to civil legal relations. As for those cases where the grounds for applying the norms of civil law by analogy are incomplete or unsuccessful. If there is a lack of completeness or failure of legislative wording, the way out should not be sought in a deviation from the letter of the law, but in the search for those legislative provisions that are subject to preferential application before paragraph 1 of Article 6 of the Civil Code. Such legislative provisions include Article 11 of the Civil Procedure Code and Article 13 of the Agro – Industrial Complex. However, in the scientific literature, the means of resolving conflicts between Article 6 of the Civil Code, on the one hand, and Article 11 of the Civil Code and Article 13 of the Agro – Industrial Complex, on the other, are never considered. The article attempts to separate these collisions. At the same time, the methodological tools developed by the Crimean Legal Scientists are used.

Keywords: analogy of the law; law; civil legislation; legal conflicts; legal norms.

Spisok literatury:

1. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. – М.: Statut, 2000. – 831 s.
2. SHEvchuk S.V. Sudova pravotvorchist': svitovij dosvid i perspektivi v Ukraїni – K.: Referat, 2007. – 640 s.
3. Grazhdanskoe pravo: uchebnik : v 4 t. /otv. red. E.A. Suhanov. T.1 – М.: Statut, 2019. – 576 s. s.
4. Belov V.A. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. T.1. Vvedenie v grazhdanskoe pravo. – М.: YUrajt, 2011. – 521 s.
5. Novejshee uchenie o tolkovanii i prava / Pod red. V. G. Rotanya. – Simferopol', 2019. – 792 s.
6. Tihomirov YU.A. Kollizionnoe pravo. – М.: Norma, 2001. – 394 s.
7. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: kommentarij k stat'yam 1 – 16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii. – М.: Statut, 2020. – 1469 s.

УДК 347.232.1

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-74-81

**ДОБРОСОВЕСТНОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ ОТ НЕУПРАВМОЧЕННОГО
ЛИЦА: АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ И СИСТЕМНОСТИ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

Аблятинова Н. А., Волкова И. Ю.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье изучается институт добросовестного приобретения, исследуются условия признания лица добросовестным приобретателем, закрепленные в гражданском законодательстве и позициях высших судов. Анализируя понятие добросовестного приобретателя, авторами выделены признаки добросовестности, установлены основные условия необходимые для эффективной защиты нарушенного права. Авторами проанализированы особенности рассмотрения судами дел о признании лица добросовестным приобретателем и обстоятельства, влияющие на принятие судами решений об удовлетворении требований заявителей или отказу в их удовлетворении. На основе анализа действующего гражданского законодательства и судебной практики сформулирован ряд условий, при которых приобретатель будет признан добросовестным, что позволит предотвратить возникновение подобных нарушений, а также расширит возможности восстановления нарушенного права.

Ключевые слова: добросовестный приобретатель, неправомерное отчуждение, истребование имущества, защита права собственности, отчуждатель, собственник, судебная практика.

Институт права собственности является одним из важнейших для гражданского права. Для собственника того или иного имущества современным гражданским законодательством предусмотрены правомочия владения, пользования и распоряжения, но они нередко нарушаются из-за недобросовестного поведения участников гражданского оборота. В частности, неправомерные деяния могут быть связаны с отчуждением имущества лицом, которое не имело на это права. В связи с этим первоначальные собственники обращаются в судебные органы для истребования имущества из чужого незаконного владения. Однако в действующем законодательстве Российской Федерации предусмотрена защита права собственности лица, приобретшего имущество, у которого объективно отсутствовала возможность знать о недобросовестном поведении продавца. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) такое лицо называется добросовестным приобретателем (п. 1 ст. 302 ГК РФ) [1].

При этом, не в каждом случае лицо, приобретшее имущество у неуправомоченного продавца, признается добросовестным приобретателем, что обуславливает необходимость изучения анализа обстоятельств, которые влияют на принятие судами решений о признании лица добросовестным приобретателем или об отказе признать его таковым. Институт добросовестного приобретения является актуальным для исследования, так как несмотря на распространенность данной проблемы в современном гражданском обороте, она недостаточно освещена в юридической доктрине.

Исходя из положений ГК РФ, добросовестным приобретателем признается лицо, которое возмездно приобрело имущество у продавца, который не имел право его

отчуждать, при этом приобретатель не знал и не должен был знать об отсутствии у контрагента такого права [1, ст. 302]. Подобное определение дано К.В. Храмцовым, определяющим добросовестное приобретение как «незнание приобретателя субъективного гражданского права об обстоятельствах, препятствующих или исключающих возможность приобретения» [2, с. 116]. Конституционный Суд Российской Федерации указывает на то, что «добросовестным приобретателем применительно к недвижимому имуществу в контексте п. 1 ст. 302 ГК РФ является приобретатель недвижимого имущества, право на которое подлежит государственной регистрации в порядке, установленном законом, если только из установленных судом обстоятельств дела с очевидностью не следует, что это лицо знало об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться данным имуществом или, исходя из конкретных обстоятельств дела, не проявило должной разумной осторожности и осмотрительности, при которых могло узнать об отсутствии у отчуждателя такого права»[3].

Исходя из нормы ГК РФ, для признания приобретателя добросовестным необходимо наличие, как минимум, трех условий. Во-первых, у лица, передавшего имущество, не должно быть права на совершение этого действия. Во-вторых, спорное имущество должно быть приобретено на возмездной основе. Однако, Верховный Суд РФ внес некоторые уточнения в этой части. Так, согласно абз.4 п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29 апреля 2010 г. (далее – Постановление N 10/22) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», возмездность приобретения сама по себе не свидетельствует о добросовестности приобретателя[4]. В-третьих, у приобретателя объективно должна отсутствовать возможность узнать о противоправном поведении продавца. На лице, приобретающем имущество, исходя из этого, лежит ответственность в вопросе проверки добросовестности поведения его контрагента.

Кроме признаков добросовестного приобретателя, закрепленных гражданским законодательством, Пленум Верховного Суда выделяет также соответствие сделки, совершенной приобретателем, всем признакам действительной сделки, кроме того, что она совершена неуправомоченным лицом (абз. 3 п. 38) [4], однако факт недействительности этой сделки сам по себе не может являться свидетельством о выбытии имущества из владения отчуждателя помимо его воли. Судам в этом случае необходимо устанавливать факт наличия воли собственника на отчуждение спорного имущества. Однако, если при совершении сделки приобретатель должен был усомниться в праве продавца на отчуждение имущества, у собственника возникает право опровергнуть заявление приобретателя о его добросовестности. Кроме этого, в абз. 2 п. 38 Постановления N 10/22 установлена невозможность признания приобретателя добросовестным, если на момент совершения сделки по приобретению имущества право собственности в ЕГРП было зарегистрировано не за отчуждателем или в ЕГРП имелась отметка о судебном споре в отношении этого имущества [4].

Исходя из позиции Верховного Суда РФ, запись в ЕГРП о праве собственности отчуждателя не является бесспорным доказательством добросовестности приобретателя, однако данное положение противоречит абз. 3 п. 6 ст. 8.1 ГК РФ, где закреплено, что добросовестным признается приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра пока в судебном порядке не доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права

на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него [1]. Несмотря на существующее противоречие между положением Постановления N 10/22 и нормой, закрепленной в ГК РФ, в вопросе определения добросовестности приобретателя, полагающегося на данные государственного реестра, представляется необходимым руководствоваться положением законодательства. Так, если, прежде чем заключить сделку об отчуждении недвижимого имущества приобретатель обратился к сведениям государственного реестра с целью проверить правомерность действий продавца, есть основания считать его добросовестным приобретателем, даже если сведения впоследствии оказались недостоверными.

Таким образом, добросовестным необходимо считать приобретателя, заключившего сделку, во исполнение которой было отчуждено имущество, с лицом, не имеющим на это правомочий. При этом данная сделка должна содержать все признаки действительной сделки, а также быть возмездной. Кроме того, если приобретатель действовал неосмотрительно и у него была возможность узнать о неправомерном поведении отчуждателя, он не будет признан добросовестным. Так, приобретатель должен предпринять действия для того, чтобы удостовериться в правомочности продавца.

Сделки по отчуждению имущества с лицами, которые не имеют права на их заключение заключаются при разнообразных обстоятельствах. Нередко первоначальные собственники неправомерно отчужденного имущества обращаются в суды для его истребования, однако ответчики не соглашаются с требованиями и утверждают, что являются добросовестными приобретателями. Рассмотрим далее особенности рассмотрения данной категории дел судами.

В качестве первого примера приведем дело, рассмотренное Заволжским районным судом г. Ярославля [5]. Истец обратилась в суд с требованиями о признании недействительным договора купли-продажи автомобиля, заключенного ответчиками и об истребовании этого автомобиля из чужого незаконного владения. В обоснование своих требований она привела следующие обстоятельства. Между истцом и одним из ответчиков был заключен договор купли-продажи спорного транспортного средства, по условиям которого предполагалось производство оплаты в рассрочку. Позже к данному договору было заключено дополнительное соглашение, условиями которого было определено, что автомобиль переходит в собственность ответчика только после произведения полной оплаты. Истец передала ответчику спорный автомобиль, документы и ключи от него. Но ответчик не только не исполнял установленные договором обязательства по внесению ежемесячных платежей, но и произвел отчуждение автомобиля ответчице на что, как указывает истец, он не имел права.

Судом было отказано в удовлетворении требований по следующим причинам. Во-первых, на момент заключения договора купли-продажи между ответчиками, автомобиль был передан истцом во владение ответчику, то есть отсутствовали признаки выбытия имущества из владения истца помимо ее воли. Во-вторых, имущество было приобретено ответчицей на возмездной основе. Наконец, судом установлено, что ответчица в любом случае не знала и не должна была знать о недобросовестности действий ответчика. Доказательств того, что ответчица должна была усомниться в добросовестности продавца, истцом представлено не было. Данные обстоятельства позволили суду сделать вывод, что ответчица являлась добросовест-

ным приобретателем.

Данное судебное решение подтверждает, что для признания лица добросовестным приобретателем правоприменитель учитывает наличие факта выбытия имущества из владения первоначального собственника помимо его воли, возмездность приобретения и наличие возможности приобретателя узнать о неправомерности отчуждателя. Однако, если у лица была возможность узнать о недобросовестности продавца, суд не признает это лицо добросовестным приобретателем. В подтверждение этого приведем следующее судебное решение.

ПАО «Совкомбанк» обратилось в Варгашинский районный суд Курганской области с иском о взыскании задолженности по кредитному договору и обращении взыскания на предмет залога путем реализации с публичных торгов [6]. Основанием обращения в суд послужили следующие обстоятельства. Между истцом и ответчиком был заключен договор потребительского кредита, согласно условиям которого истец предоставил ответчику кредит на приобретение транспортного средства. В обеспечение исполнения кредитных обязательств ответчика стороны заключили договор залога на транспортное средство. Ответчик не исполнял свои обязательства по возврату кредита, в связи с чем у него образовалась задолженность. На момент обращения в суд владельцем находящегося в залоге автомобиля являлся не ответчик, а лицо, которому ответчик его продал.

Судом были удовлетворены требования истца, так как сведения о залоге спорного автомобиля зарегистрированы и размещены в Реестре уведомлений о залоге движимого имущества Федеральной нотариальной палаты, поэтому при проявлении большей степени внимательности приобретатель мог узнать о невозможности отчуждения спорного автомобиля.

Таким образом, если обстоятельства дела будут свидетельствовать о недостаточной осмотрительности приобретателя и о наличии у него возможности узнать о недобросовестности отчуждателя, суд не признает его добросовестным.

Однако не всегда залог имущества бывает зарегистрирован, как в рассмотренном примере, что исключает возможность приобретателя узнать о неправомерном отчуждении. Примером этого является дело, рассмотренное Югорским районным судом Ханты-Мансийского автономного округа-Югры [7]. Истец обратился в суд с требованиями взыскать задолженность по договору займа и обратиться взыскание на заложенное имущество. Между истцом и ответчиком был заключен договор займа. Для обеспечения исполнения обязательств по нему был заключен договор залога транспортного средства. Ответчик свои обязательства не выполнял, а заложенный автомобиль продал неустановленному лицу без ведома залогодержателя. В последующем транспортное средство неоднократно перепродавалось. По мнению истца, лицо, во владении которого находился автомобиль на момент обращения в суд, не убедилось в правомерности сделки, что дает основание для истребования имущества из его владения.

Суд отказал в удовлетворении исковых требований. Главной причиной этого являлось то, что перед заключением сделки нынешний владелец автомобиля обратился к данным Реестра уведомлений о залоге движимого имущества единой информационной системы нотариата, согласно которым залог спорного автомобиля зарегистрирован не был. Суд расценил поведение приобретателя как осмотрительное и признал его добросовестным, поэтому спорный автомобиль не был истребован из

его владения.

Таким образом, если приобретатель осуществил необходимые действия для того, чтоб убедиться в правомерности поведения продавца, имущество не будет истребовано из его владения даже при недостоверности полученных им данных.

На практике достаточно часто встречаются случаи, когда недобросовестное поведение продавца влечет к ограничению прав покупателя при пользовании имуществом. Данное обстоятельство имело место в деле, рассмотренном Чегемским районным судом Кабардино-Балкарской Республики [8].

Истец обратился в суд с иском о признании его добросовестным приобретателем, мотивируя требования следующим. Между ним и ответчиком был заключен договор купли-продажи автомобиля, однако истец не переоформил его сразу на свое имя в МРЭО УГИБДД, так как его эксплуатация была невозможна в связи с неисправностью. Истец произвел капитальный ремонт автомобиля, владел и пользовался им как своей собственностью, занимаясь на нем пассажирскими перевозками. После восстановления автомобиля истец обратился в МРЭО ГИБДД по Кабардино-Балкарской Республике, чтобы переоформить его на свое имя, так как собственником формально оставался ответчик. Однако истцу было отказано в регистрации, так как на этот автомобиль наложены ограничения и запреты регистрационных действий из-за имеющихся денежных обязательств ответчика. Данный запрет был наложен после совершения договора купли-продажи. В связи с этим истец просил снять все ограничения и запреты на регистрационные действия транспортного средства.

Суд пришел к выводу о добросовестности приобретения истцом транспортного средства, так как истец предоставил доказательства совершения сделки и перехода полномочий собственника на автомобиль до наложения на него запрета на регистрационные действия. Кроме этого, суд принял во внимание, что транспортное средство вместе с документами находилось у истца длительное время. Также суду не были представлены доказательства наложения ареста судебным приставом-исполнителем. На основании этих обстоятельств ограничения на регистрационные действия в отношении автомобиля были сняты.

Данное судебное решение иллюстрирует, что при рассмотрении дела по заявлению лица о признании добросовестным приобретателем судами учитываются не только обстоятельства, аргументирующие добросовестность заявителя, но и наличие доказательств неправомерности поведения отчуждателя.

Приведенные выше примеры связаны с неправомерным отчуждением движимого имущества, однако подобные сделки могут совершаться и с недвижимостью. Данная категория дел имеет свои отличительные особенности, так как право собственности на недвижимость должно быть зарегистрировано. В качестве примера возникновения такой ситуации проанализируем дело, рассмотренное Приозерским городским судом Ленинградской области (Решение Приозерского городского суда Ленинградской области от 23 июля 2020 г. по делу № 2-690/2020) [9].

Конкурсный Управляющий ООО "Приолен" обратилась в суд с иском об истребовании из чужого незаконного владения земельного участка и признании право собственности на земельный участок за ООО «Приолен». Решением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области ООО «Приолен» признано банкротом, в отношении него введена процедура конкурсного производства, кон-

курсным управляющим утверждена истец. 23 декабря 2018 г. истец обратилась в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с заявлением о признании недействительным договора купли-продажи земельного участка, заключенного между ООО «Приолен» и ООО «Лидер». Определением суда договор признан действительным, однако данное определение было отменено постановлением Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда, так как судом было установлено, что сделка была совершена аффилированными лицами при отсутствии встречного равноценного представления в целях причинения вреда ООО «Приолен» и его кредиторам. Позже между ООО «Лидер» и ответчицей был заключен Договор купли-продажи спорного земельного участка, в связи с чем истец обратилась в суд с указанными требованиями.

При вынесении решения суд принял во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, ответчик не знала и не могла знать о недействительности сделки между ООО «Приолен» и ООО «Лидер». Во-вторых, на момент совершения сделки между ООО «Лидер» и ответчицей право собственности было зарегистрировано за ООО «Лидер», ограничений или обременений на участок установлено не было. На основании этого суд признал ответчицу добросовестным приобретателем. Кроме того, ответчик произвела существенные улучшения спорного земельного участка, изменившие его индивидуальные признаки и сделавшие его новой вещью.

Суд также учел, что договор между ООО «Приолен» и ООО «Лидер» был признан недействительным по основаниям, указанным в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)», но не являлся ничтожной сделкой, к тому же, ответчик приобрела его у ООО «Лидер» на возмездной основе. Наконец, суд исходил из того, что истребовать можно только то имущество, которое выбыло из владения первоначального собственника против его воли. На основании данных обстоятельств в признании ответчицы недобросовестным приобретателем и истребовании у нее земельного участка было отказано.

Рассмотренные материалы судебной практики свидетельствуют о разнообразии обстоятельств, при которых возникает необходимость доказывать добросовестность приобретателя. Проанализировав судебные решения, можно сформулировать ряд условий, при которых приобретатель будет признан добросовестным. Во-первых, должны быть представлены доказательства отсутствия у продавца права отчуждать спорное имущество. Во-вторых, сделка по отчуждению имущества должна быть возмездной. В-третьих, приобретателем должны быть осуществлены определенные действия для подтверждения правомерности действий продавца. Это может быть, например, обращение к данным Реестра уведомлений о залоге движимого имущества единой информационной системы нотариата или ЕГРН. В таком случае даже при недостоверности сведений имущество не будет истребовано из владения приобретателя. В-четвертых, судом устанавливается наличие признаков выбытия имущества из владения первоначального собственника помимо его воли. Если их наличие будет подтверждено, имущество может быть истребовано из владения приобретателя, даже если он не знал и не должен был знать о неправомерности в действиях отчуждателя.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что добросовестным приобретателем является лицо, которое приобрело имущество у неуправомоченного отчуждателя на возмездной основе, но при этом не знало и не должно было знать о его неуправомо-

ченности. В настоящее время достаточно распространенными являются случаи неправомерного отчуждения имущества, в связи с чем граждане и юридические лица обращаются в суд для защиты нарушенных прав. Несмотря на схожесть в некоторых аспектах рассматриваемых судами дел, в каждом из них имеют место специфические обстоятельства, которые влияют на то, будут ли удовлетворены иски требования. В частности, особое значение правоприменителями придается наличию возможности приобретателя знать о противоправном поведении контрагента и принятии им мер для удостоверения в добросовестности продавца. Кроме этого, судами учитывается факт выбытия имущества из владения первоначального собственника помимо его воли. Также при рассмотрении дел отмечается наличие возмездного основания сделки.

Изучение института добросовестного приобретения от неуправомоченного лица будет оставаться актуальным, так как с течением времени возникают новые обстоятельства, при которых заключаются сделки по отчуждению имущества с недобросовестными отчуждателями и проявляются ранее не рассмотренные их особенности, что требует более детального исследования данной проблемы.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Храпцов К. В. Критерии оценки добросовестности приобретателя имущества в судебно-арбитражной практике // Право и экономика. 2007. № 6. С. 116-119.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 N 16-П "По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца" // Собрание законодательства Российской Федерации, 2017. N 27. Ст. 4075
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. N 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2010 г., N 6.
5. Решение Заволжского районного суда г. Ярославля от 15 июля 2020 г. по делу № 2-814/2020 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yCNTmwLOBZZ5/> (дата обращения: 15.04.2021)
6. Решение Варгашинского районного суда Курганской области от 21 июля 2020 г. по делу № 2-226/2020 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZzUNhvAWtZ1p/> (дата обращения: 30.04.2021)
7. Решение Югорского районного суда Ханты - Мансийского автономного округа – Югры от 24 июля 2020 г. по делу № 2-308/2020 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/89cPmmAdFBQj/> (дата обращения: 15.05.2021).
8. Решение Чегемского районного суда Кабардино-Балкарской республики от 3 июля 2020 г. по делу № 2-258/2020 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5xK0GM4axTHd/> (дата обращения: 15.05.2021).
9. Решение Приозерского городского суда Ленинградской области от 23 июля 2020 г. по делу № 2-690/2020 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HI51vhBm3YZV/> (дата обращения: 20.05.2021).

Abylatipova N.A., Volkova I.Yu. Bona fide acquisition of unentitled persons: analysis of the concept and system of law enforcement practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 74-81.

The article studies the institution of conscientious acquisition, the conditions for recognizing the person in the conscientious acquirer, enshrined in civil law and the positions of the highest courts. Analyzing the concept of a bona fide acquirer, the authors highlighted signs of good faith, established the main conditions necessary to effectively protect violated law. The authors analyzed the peculiarities of consideration by the courts of

affairs on the recognition of a person with a conscientious acquirer and circumstances affecting the adoption by the courts of decisions about meeting the claims of applicants or refusal to satisfy them. Based on the analysis of the current civil legislation and judicial practice, a number of conditions are formulated under which the acquirer will be recognized as conscientious, which will prevent the emergence of such violations, as well as expand the possibilities of restoring violated rights.

Keywords: a conscientious acquirer, illegal alienation, property demand, protection of property rights, alienator, owner, judicial practice.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 28.06.2021) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, N 32, st. 3301.
2. Hramcov K. V. Kriterii ocenki dobrosovestnosti priobretatelja imushhestva v sudebno-arbitrazhnoj praktike // Pravo i jekonomika. 2007. № 6. S. 116-119.
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 22.06.2017 N 16-P "Po delu o proverka konstitucionnosti polozhenija punkta 1 stat'i 302 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdanina A.N. Dubovca" // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 2017. N 27. St. 4075
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF i Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 29 aprelja 2010 g. N 10/22 "O nekotoryh voprosah, vznikajushhix v sudebnoj praktike pri razreshenii sporov, svjazannyh s zashhitoy prava sobstvennosti i drugih veshhnyh prav" // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii, 2010 g., N 6
5. Reshenie Zavolzhskego rajonnogo suda g. Jaroslavlja ot 15 ijulja 2020 g. po delu № 2-814/2020// [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yCNTmwLOBZZ5/> (data obrashhenija: 15.04.2021).
6. Reshenie Vargashinskogo rajonnogo suda Kurganskoj oblasti ot 21 ijulja 2020 g. po delu № 2-226/2020// [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZzUNhvAWtZ1p/> (data obrashhenija: 30.04.2021).
7. Reshenie Jugorskogo rajonnogo suda Hanty - Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry ot 24 ijulja 2020 g. po delu № 2-308/2020// [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/89cPmmAdFBQj/> (data obrashhenija: 15.05.2021)
8. Reshenie Chegemskego rajonnogo suda Kabardino-Balkarskoj respubliky ot 3 ijulja 2020 g. po delu № 2-258/2020// [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5xKOGM4axTHd/> (data obrashhenija: 15.05.2021)
9. Reshenie Priozerskego gorodskogo suda Leningradskoj oblasti ot 23 ijulja 2020 g. po delu № 2-690/2020// [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HI51vhBm3YZV/> (data obrashhenija: 20.05.2021).

УДК 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 82-88

НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ БАНКРОТСТВЕ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Абрамов А. М.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

В статье рассматриваются особенности привлечения к уголовной ответственности по статье 195 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор предлагает пути решения проблем, препятствующих широкому применению статьи о неправомерных действиях при банкротстве и определяет меры, способствующие повышению эффективности данного состава преступления. Подводя итог вышесказанному, следует зафиксировать основные меры, изложенные в данной статье, необходимые для повышения эффективности ст. 195 УК РФ Неправомерные действия при банкротстве и для расширения практики привлечения к ответственности за данное преступление: требуется очередное дополнение субъектного состава; внесение изменений в объективную часть, ее расширение в области деяний арбитражного управляющего; изменение размера ущерба, достаточного для привлечения к уголовной ответственности на меньшую сумму, чем существующая; увеличение практики назначения штрафа, как дополнительного наказания; также повышение профессиональной подготовки сотрудников следственных подразделений правоохранительных органов применительно к сфере банкротства, и создание специализированных методических материалов расследования преступлений в сфере банкротства.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), уголовная ответственность, фальсификация документов, экономическая преступность.

Сложившаяся действительность позволяет говорить о значительном объеме противоречивой практики, в делах о банкротстве, как юридических, так и физических лиц (в том числе индивидуальных предпринимателей), что свидетельствует о ее глубоком несовершенстве. Такая ситуация сложилась по ряду причин, среди которых недостаточный уровень знаний, касающихся понимания признаков соответствующих преступлений, недостаточный уровень исследований составов банкротных преступлений в уголовно-правовой науке, в частности, крайне недостаточный уровень теоретической проработки правового и уголовно-правового аспекта института банкротства. Большинство методических материалов являются общими и уже старели. Отсутствие специальных методических материалов по расследованию преступлений в сфере банкротства также в значительной степени также осложняют работу органов следствия.

Говоря об актуальности темы, нельзя не обратиться к статистике. По официальной информации Судебного департамента Верховного Суда РФ, в 2019 г. в арбитражные суды поступило 146 482 заявления о признании должника банкротом, общая сумма долга составила 2 182 317 045 тыс. руб. [1]. А размер удовлетворенных требований кредиторов составил всего 130 723 086 тыс. руб., т.е. 5,9% общего реестра требований были погашены. Более того, по информации Единого федерального реестра сведений о банкротстве, в примерно 70% завершенных процедур банкротства отсутствует какое-либо погашение задолженности перед кредиторами, в том числе и перед бюджетом РФ.

Одним из видов преступлений в сфере банкротства являются неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ) [2]. В среднем в год привлекают к ответственности за данное преступление всего около пяти преступников, хотя ущерб экономической деятельности, причиняемый такими преступлениями, является весьма существенным. непогашенная задолженность списывается, а виновные в причинении ущерба кредиторам лица остаются безнаказанными. С завидной частотой рассмотрение дел о неправомерных действиях при банкротстве заканчивается постановлением о прекращении дела. Например, дело № 1-358/2019, рассматриваемой Баксанским районным судом Кабардино-Балкарской республики [3], или дело № 1-21/2020, рассматриваемое Куйбышевским районным судом г. Омска [4].

Даже учитывая в приведенных примерах своевременную подачу информации о совершении преступления в органы внутренних дел, легально действующим арбитражным управляющим, не получается соблюсти все сроки привлечения к уголовной ответственности. Колоссальное время тратится органами следствия и прокуратуры на изучение конкретной ситуации, ввиду недостаточного уровня квалификации в сфере банкротства [5]. Учитывая, что в обоих приведенных случаях имел факт и незаконного отчуждения имущества, внесение заведомо ложных изменений в сопроводительные документы, сокрытие бухгалтерских и учредительных документов от конкурсного управляющего – в обоих случаях руководители организаций не привлекаются к уголовной ответственности, тем самым нанесенный ущерб экономики остается «неоплаченным».

Совершенно очевидно, что необходимо разобраться в недостатках данной уголовно-правовой нормы и постараться сформулировать идеи по ее качественному улучшению, следует поочередно проанализировать каждый элемент данного преступления.

Субъектом преступления ст. 195 УК РФ – являются руководитель юридического лица или его учредитель (участник) либо гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель.

Немало важно отметить, что в аналогичной статье 14.13 КоАП РФ Неправомерные действия при банкротстве, помимо вышеуказанных субъектов перечислены также: арбитражный управляющий, реестродержатель, организатор торгов, оператор электронной площадки, руководитель временной администрации кредитной или иной финансовой организации.

Особо следует остановиться на фигуре арбитражного управляющего, так как ни в науке уголовного права, ни на практике нет однозначного понимания этого вопроса. Арбитражный управляющий является особым субъектом профессиональной деятельности, который назначается Арбитражным судом для проведения процедур банкротства.

То есть в зависимости от избранной судом процедуры он обладает весьма широким рядом полномочий в отношении должника и его имущества. Он в праве распоряжаться имуществом должника по своему усмотрению: то есть сдавать его в краткосрочную/долгосрочную аренду, реализовать имущество на основании положения о порядке проведения торгов, которое разрабатывает самостоятельно, имеет права увольнять и набирать сотрудников, а также обладает и всеми иными рычагами управления финансовыми потоками должника. Помимо прав, одной из его обязанностей является составление заключения о признаках преднамеренного (фиктивно-

го) банкротства, и в случае выявления факта правонарушения (или преступления), он обращается в соответствующие органы.

Но, в действительности, арбитражный управляющий неоднократно оказывается аффилирован с должником, либо с кредиторами, либо с заинтересованными или третьими лицами, посредством коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ). Данный факт делает его работу не объективной и строго легальной, а диаметрально противоположной, поэтому внесение его в качестве субъекта ст. 195 УК РФ является принципиально обязательным. До июля 2021 г. субъектом данного преступления не признавалось контролирующее должника лицо.

ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [6] установлено, что под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

В арбитражном процессе этот субъект не является «novitas», практика с контролирующими должника лицами существует более трех лет и является относительно устоявшейся. Логичной формой закрепления за гражданином статуса - контролирующего должника лицо, должно остаться определение Арбитражного суда. Данное решение должно приниматься исключительно арбитражной инстанцией, ввиду достаточной квалификации; данная процедура не должна быть делегирована судам общей юрисдикции или органам следствия. То есть, если гражданин, являлся директором не номинально, а фактически и данный факт установлен судебным актом Арбитражного суда, и в его действиях усматриваются деяния, запрещенные ст. 195 УК РФ, то такому гражданину можно инкриминировать неправомерные действия при банкротстве.

Вышеуказанные утверждения, касательно состава субъектов ст. 195 УК РФ являлись общепринятым в доктрине уголовного права. Предлагаемые изменения были продиктованы временем и буквально 1 июля 2021 г. Президент РФ подписал Федеральный законопроект «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» № 1099900-7 [7].

В нем утверждены принципиальные изменения в основные статьи, предусматривающие ответственность за преступления в сфере банкротства, и в том числе изменения в субъектный состав ст. 195 УК РФ: пункт 1 конкретной ст. ныне предусматривает ответственность «контролирующего лица, либуруководителя этого контролирующего лица», а п. 2 предусматривает ответственность «арбитражного управляющего или председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора)».

Но следует заметить, что данный законопроект не содержит ссылки на понимание термина «контролирующие должника лицо», целесообразно было бы внести в норму ст. 195 УК РФ бланкетные изменения и сделать ссылку на ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», для раскрытия понятия.

Однако в ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» контролирующим должника лицом может быть признано и юридическое лицо. Как известно субъектом преступлений могут быть исключительно физические лица, поэтому законода-

тель сделал верно, выделив такого субъекта, как «руководитель контролирующего лица». Логично было бы предположить, что предстоящий Пленум ВС РФ о противодействии преступлениями в сфере банкротства, разъяснит, что если в уголовном деле в качестве контролирующего должника лица будет установлено юридическое лицо, то все меры уголовной ответственности будут направлены на ее руководителя.

Включение в состав ст. 195 УК РФ таких субъектов, как контролирующее должника лицо (либо руководитель контролирующего должника лица) и арбитражный управляющий значительно повысит ее применимость в реальной практике борьбы с экономическими преступлениями.

Особый интерес представляет ожидаемое в научном сообществе дополнение ст. 195 УК РФ квалифицирующими признаками, ужесточающих наказание за преступления. Пока законодатель выделил всего два признака: «совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица» и «совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой», как самые очевидные. Можно предположить, что данный перечень будет расширен в будущем. Например, преступления арбитражного управляющего могут быть совершены «в интересах должника/кредитора» и т.д.

Помимо указанного, стоит указать и на другие несовершенства данной нормы. Как следует из содержания анализируемой нормы права, предметом преступления являются «имущественные права», «имущество», «имущественные обязанности», «сведения об имуществе, о его размере, местонахождении», а также «бухгалтерские документы» и «иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность юридического лица». Данные дефиниции не раскрываются в УК РФ, для их толкования приходится обращаться к иным источникам права, что не является недостатком т.к. бланкетность характерна для уголовного права, в принципе.

Родовым объектом являются общественные отношения в сфере экономики, видовым объектом являются общественные отношения в сфере экономической деятельности, но вопрос непосредственного объекта ст. 195 УК РФ является дискуссионным. До сих пор не существует общепризнанного определения непосредственного объекта, анализируемого нами преступления в современной науке.

Существует ряд позиций ученых, что можно считать объектом неправомерных действий при банкротстве: 1) По мнению Е.Е. Дементьева и А.М. Медведева, под непосредственным объектом в данном случае понимают «интересы участников рассматриваемых отношений и интересы государства» [8]. 2) Б.В. Волженкина утверждает, что «под объектом данных преступлений следует понимать правомерные имущественные требования кредиторов» [9]. 3) С.И. Улезько в свою очередь, считает, что «непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, выступает установленный порядок проведения процедуры банкротства и удовлетворения имущественных требований кредиторов» [10].

Предполагается, что для утверждения одного единого понятия непосредственного объекта неправомерных действий при банкротстве следует обратиться к методу консолидации научных знаний и постараться объединить предложенные понятия.

На наш взгляд, непосредственным объектом ст. 195 УК РФ являются общественные отношения в защите института банкротства от криминальных посягательств. В

данном понятии используется слово «криминальных» вместо слова «неправомерных», дабы отграничить конкретный объект от объекта ст. 14.13 КоАП РФ.

При анализе содержания диспозиций ст. 195 УК РФ обращает на себя внимание альтернативный характер перечисленных в ней деяний [5].

Как следует из содержания указанной статьи, под неправомерными действиями при банкротстве следует понимать: - «сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб»; - «неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника»; - «незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации, в том числе уклонение или отказ от передачи арбитражному управляющему либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации документов».

При том, что перечень действий является обширным, все же можно сделать вывод, что объективная сторона недостаточно изложена, потому что отсутствует уголовная ответственность за неправомерные действия арбитражного управляющего, как нового субъекта преступлений в сфере банкротства. При качественной переработке данной уголовно-правовой нормы, ее объективную сторону следует дополнить такими деяниями, как: «неисполнение арбитражным управляющим, реестродержателем, организатором торгов, оператором электронной площадки либо руководителем временной администрации кредитной или иной финансовой организации обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве)» по аналогии с законодательством об административных нарушениях. Но с дополнением «если такие действия принесли причинили крупный ущерб», в целях делимитации с административным правом.

Крупный ущерб является обязательным признаком. Являясь «демаркационной линией», он отграничивает подобные деяния, являющиеся правонарушением в административном праве от преступлений, запрещенных настоящим УК РФ. Ст. 170.2 УК РФ определяет его в размере 2 250 000 руб.

Учитывая степень общественной опасности (уровень причинения вреда экономики страны и свободной предпринимательской деятельности), а также, что все действия совершаются умышленно, то есть преступник полностью осознает свои действия – мы считаем, что стоит уменьшить требуемый размер ущерба до 1 500 000 – 2 000 000 мил. руб., на усмотрение законодателя. Что, конечно, незначительно, но увеличит правоприменение данной нормы и в целом будет способствовать профилактике данного вида преступлений, так как субъект преступления будет осознавать факт того, что уголовная ответственность грозит за более меньший объем неправомерных действий.

Оценивая виды наказаний, применяемые за совершение преступлений по ст. 195 УК РФ, достаточно проанализировать последние три года, согласно статистике Су-

дебного Департамента РФ: За 2017 г. были назначены следующие виды наказаний: 13 лишений свободы, 1 штраф, как основное наказание в размере 100-300 тыс. руб., и как дополнительное наказание в 1-ом приговоре в размере 25-100 тыс. руб., и в 2-ух приговорах в размере 100–300 тыс. руб. За 2018 г. были назначены следующие виды наказаний: 7 лишений свободы, 1 штраф, как основное наказание в размере 300-500 тыс. руб., и как дополнительное наказание в 2-ух приговорах в размере от 25 до 100 тыс. руб., и в 2-ух случаях в размере 100–300 тыс. руб. За 2019 г. были назначены следующие виды наказаний: 8 лишений свободы, 2 штрафа, как основное наказание в размере 300-500 тыс. руб., и как дополнительное наказание в 3-ех приговорах в размере от 25 до 100 тыс. руб., и в 2-ух случаях в размере 100–300 тыс. руб.

Как мы видим, достаточно часто применяется лишние свободы, что на наш взгляд является достаточно грамотным, хоть и не гуманным решением. Штраф не является достаточной детерминантой для исполнения такой цели наказания, как исправление осужденного, но он обязательно должен присутствовать, как дополнительное наказание для восстановления социальной справедливости, так как ст. 195 УК РФ наносит ущерб экономическим отношениям, соответственно его применение должно быть увеличено.

Внесение нового вида наказания для ст. 195 УК РФ, предусмотренного Федеральным законопроектом «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» № 1099900-7, а именно «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» также должен положительно сказаться на повышении эффективности профилактики преступлений в сфере банкротства, ввиду того, что данный вид наказания очевидно адресован арбитражным управляющим.

Подводя итог вышесказанному, следует зафиксировать основные меры, изложенные в данной статье, необходимые для повышения эффективности ст. 195 УК РФ Неправомерные действия при банкротстве и для расширения практики привлечения к ответственности за данное преступление: - требуется очередное дополнение субъектного состава; - внесение изменений в объективную часть, ее расширение в области деяний арбитражного управляющего; - изменение размера ущерба, достаточного для привлечения к уголовной ответственности на меньшую сумму, чем существующая; - увеличение практики назначения штрафа, как дополнительного наказания; - также повышение профессиональной подготовки сотрудников следственных подразделений правоохранительных органов применительно к сфере банкротства, и создание специализированных методических материалов расследования преступлений в сфере банкротства.

Новые законодательные изменения призваны качественно повысить уровень эффективности ст. 195 УК РФ, одно их действие сможет показать лишь практика. Вполне вероятно даже таких концептуально новых изменений может быть недостаточно. Полновесное изменение статьи, на основе предложенных изменений, а также исполнение практических рекомендаций смогло бы значительно повысить эффективность ее применения и поспособствовать защите свободного предпринимательства в нашей стране.

Список литературы:

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ- [Электронный ресурс]: URL: <http://cdep.ru/>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступающими в силу с 05.05.2014) // Собрание законодательства от 17.06.1996. - N 25.
3. Официальный сайт Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской республики - [Электронный ресурс]: URL: <http://baksanskyray.kbr.sudrf.ru/>.
4. Официальный сайт Куйбышевского районного суда г. Омска - [Электронный ресурс]: URL: <http://kuybcourt.oms.sudrf.ru/>.
5. Финогенов, А. В. Злоупотребление институтом банкротства// Тенденции современного состояния истории, экономики и права: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Шадринск, 2007. – 273 с.
6. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002г. №99-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрание законодательства РФ. 2002. №43. Ст. 1717.
7. Официальный сайт Государственной думы РФ - [Электронный ресурс]: URL: <http://sozd.duma.gov.ru/>.
8. Уголовное право России. Особенная часть: учеб. / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1996. – 480 с.
9. Сравнительное уголовное право: Учебник/Под ред. А.А. Малиновского. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 592 с.
10. Преступления в сфере экономики: Учебник /Под ред. Подройкиной И.А., Улезько С.И. - М.: Юрайт, 2017. – 230с.

Abramov A. M. Illegal actions in bankruptcy: key legislative gaps and solutions // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 82-88.

The article discusses the features of bringing to criminal responsibility under Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author suggests ways to solve the problems that prevent the wide application of the article on illegal actions in bankruptcy and defines measures that contribute to improving the effectiveness of this corpus delicti. Summing up the above, it is necessary to fix the main measures set out in this article, necessary to improve the effectiveness of art. 195 of the Criminal Code of the Russian Federation. Illegal actions in bankruptcy and to expand the practice of bringing to responsibility for this crime: another addition of the subject composition is required; changes are made to the objective part, its expansion in the field of acts of the arbitration manager; a change in the amount of damage sufficient to bring to criminal responsibility for a smaller amount than the existing one; an increase in the practice of assigning a fine as an additional punishment; also, improving the professional training of employees of investigative departments of law enforcement agencies in relation to the field of bankruptcy, and creating specialized methodological materials for investigating crimes in the field of bankruptcy.

Keywords: insolvency (bankruptcy), criminal liability, falsification of documents, economic crime.

Spisok literatury:

1. Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF- [Elektronnyj resurs]: URL: <http://cdep.ru/>.
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 13.07.2015) (s izm. i dop., vstupayushchimi v silu s 05.05.2014) // Sobranie zakonodatel'stva ot 17.06.1996. - N 25.
3. Oficial'nyj sajt Baksanskogo rajonnogo suda Kabardino-Balkarskoj respubliki - [Elektronnyj resurs]: URL: <http://baksanskyray.kbr.sudrf.ru/>.
4. Oficial'nyj sajt Kujbyshevskogo rajonnogo suda g. Omska - [Elektronnyj resurs]: URL: <http://kuybcourt.oms.sudrf.ru/>.
5. Finogenov, A. V. Zloupotreblenie institutom bankrotstva// Tendencii sovremennoogo sostoyaniya istorii, ekonomiki i prava: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. SHadrinsk, 2007. – 273 s.
6. Federal'nyj zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» ot 26 oktyabrya 2002g. №99-FZ (v aktual'noj redakcii) //Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. №43. St. 1717.
7. Oficial'nyj sajt Gosudarstvennoj dumy RF - [Elektronnyj resurs]: URL: <http://sozd.duma.gov.ru/>.
8. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast': ucheb. / pod red. B.V. Zdravomyslova. – М., 1996. – 480 с.
9. Sravnitel'noe ugolovnoe pravo: Uchebnik/Pod red. A.A. Malinovskogo. – М.: YUrlitinform, 2016. – 592 с.
10. Prestupleniya v sfere ekonomiki: Uchebnik /Pod red. Podrojkinoy I.A., Ulez'ko S.I. - М.: YUrajt, 2017. – 230s.

УДК 347.922

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 89-95

**К ВОПРОСУ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В РАМКАХ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА,
ПРИЧИНЕННОГО В СВЯЗИ С СОВЕРШЕНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Даниелян А. С., Шеколенко А. П.

Кубанский государственный университет

Моральный вред и критерии его определения долгое время являются объектом научного интереса со стороны как ученых-правоведов, так и практикующих юристов. Межотраслевой характер проблемы компенсации морального вреда, причиненного в связи с совершенным преступлением подводит к необходимости уяснения вопроса о порядке рассмотрения дел, данной категории (в гражданском или уголовном судопроизводстве), а также определения условий его взыскания. Указано, что основополагающим фактором является установление степени вины нарушителя, степени физических и нравственных страданий для гражданина, явившегося жертвой преступного деяния.

Делаются выводы и предложения по возможному совершенствованию процессуального законодательства и правоприменительной практики в сфере рассмотрения дел, связанных с компенсацией морального вреда, причиненного преступлением. Предлагается внести изменения в Постановление Пленума ВС РФ №10 от 20 декабря 1994 года «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», дополнив его критериями определения суммы компенсации.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация морального вреда, критерии компенсации морального вреда, гражданский процесс, уголовный процесс, гражданский иск, правоприменительная практика, вред, судебная дискреция.

Рассмотрение проблематики данной статьи представляется необходимым с указания на то, что особенности компенсации морального вреда, причиненного в связи с совершением преступления, традиционно являются предметом исследования в рамках процессуальной науки, а именно в контексте заявления гражданского иска при осуществлении судопроизводства по уголовному делу. При этом, отправным в рамках исследования будет понятие гражданского иска в уголовном судопроизводстве как возникающего вследствие обязательства из причинения вреда преступлением права управомоченного лица – гражданского истца требовать от причинителя вреда (подсудимого – гражданского ответчика) удовлетворения гражданского (деликтного) иска в уголовном судопроизводстве путем возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда [1, с. 58].

Но вместе с тем, как мы знаем, предъявление гражданского иска о компенсации морального вреда в рамках уголовного дела является правом, а не обязанностью потерпевшего лица (ч. 4 ст. 42 УПК РФ) [2], п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (далее – Постановление № 10) [3], п. 13 постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»[4]). Иными словами, если потерпевший не желает, чтобы его иск рассматривался в процессе производства по уголовному делу, или же по каким-либо иным причинам не заявляет его в процессе осуществления судопроизводства по

уголовному делу, то соответственно потерпевший имеет право заявить его в рамках самостоятельного гражданского процесса, в силу общего указания ч. 1 ст. 3 ГПК РФ [5] – заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов.

Важно отметить, что в настоящее время взаимодействие двух видов процессов – гражданского и уголовного – для целей обеспечения защиты потерпевшего от преступного посягательства является устоявшейся практикой [6, с.15]. Эффективность института гражданского иска в значительной степени зависит от ориентации органов предварительного расследования на возмещение вреда потерпевшим [6, с.15].

Вопросы связанные с особенностями компенсации морального вреда, причиненного в связи с совершением преступления традиционно находятся в поле пристального внимания ученых-процессуалистов. Так за последние годы свои работы, посвященные осмыслению указанного правового института, опубликовали следующие авторы: Д.А. Архипов [7], Ю.Г. Григорьев [8], Н.А. Колоколов [9;10], Е.А. Мельник [11], С.В. Потапенко [12; 13] и многие другие. Проанализировав мнения указанных авторов, а также нормы действующего законодательства и материалы судебной практики, мы пришли к нижеследующим выводам.

Обращение к понятию «компенсация морального вреда» является исходным моментом в дальнейшем исследовании проблем по данному вопросу. При этом стоит солидаризироваться с позицией правоведов, что установленное гл. 59 ГК РФ [14] понятие «вред» служит как родовая категория, вбирающая в себя имущественный и моральный вред, так и видовая по отношению к нему понятия имущественного вреда. Поэтому в п.1 ст. 1064 ГК следует сделать уточнение о том, что под вредом в параграфах 1-3 главы 59 ГК понимается вред имущественный [15]. В этой связи весьма уместна точка зрения, что «употребляемым в актах законодательства словам и терминам в первую очередь следует придавать то значение, которое вытекает из законодательства» [16, с. 159-160].

В силу ст. 151 ГК РФ [17], в случае причинения гражданину морального вреда, выраженного в перенесении физических и нравственных страданий, действиями, которые нарушают его личные неимущественные права, либо посягают на нематериальные блага, принадлежащее данному гражданину, суд вправе обязать нарушителя компенсировать указанный вред в денежном эквиваленте. Такое понятие раскрывает нам законодатель в ГК РФ. Исследуя понятие «морального вреда», следует учитывать требования Постановления №10, где приводится расширенное толкование понятия, предложенного законодателем в ГК РФ.

По общим правилам компетенции судов, гражданские дела о компенсации морального вреда, регулируются правилом, установленным ст. 22 ГПК РФ. В соответствии со ст. 22 ГПК РФ данная категория дел относится к компетенции судов общей юрисдикции. В изучении вопроса о подсудности дел, следует учесть характер права, за защитой которого, лицо обратилось в суд. Так, дела о защите неимущественных прав и нематериальных благ, сопряженных с требованием компенсации морального вреда подсудны районным судам, поскольку в ст. 23 ГПК РФ нет указания на данную категорию дел.

Иск о компенсации морального вреда, причиненного в связи с совершением преступления, подается по выбору истца и может быть рассмотрен по месту жительства

ответчика или по месту причинения вреда (ст. 29 ГПК РФ). Исковая давность на данную категорию исков не распространяется (п. 7 Постановления № 10 – если требование о компенсации морального вреда вытекает из нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ, то на него в силу статьи 208 ГК РФ исковая давность не распространяется, кроме случаев, предусмотренных законом).

При обращении в суд с иском о компенсации морального вреда, причиненного в связи с совершением преступления, гражданин выдвигает требование о компенсации вреда за полученные страдания. Оно носит материальный характер и возникает в связи с ущемлением личных неимущественных прав и других нематериальных благ, принадлежащих потерпевшему. Обращение за судебной защитой с требованием о компенсации морального вреда реализуется в форме искового заявления. При расчете государственной пошлины следует обратить внимание на то, каким является государственной пошлины для требований, носящих неимущественный характер. В частности, в силу прямого указания на то ч. 1 ст. 333.36 НК РФ, истцы по искам о возмещении имущественного и (или) морального вреда, причиненного преступлением, освобождаются от уплаты госпошлины. Обязательно необходимо приложить приговор суда, которым устанавливается факт совершения преступного деяния.

Далее укажем, что по искам о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, возможно заключение мирового соглашения. Если моральный вред был возмещен вследствие мирового соглашения, то оно не облагается налогом на доход физических лиц в соответствии с ведомственными актами органов исполнительной власти, в частности, об этом говорится в письме от 11.08.2016 № 03-04-06/47029 Минфина РФ [18, с. 95].

Ключевым аспектом в рассмотрении дел о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, является доказывания и доказательства степени вины нарушителя, степени физических и нравственных страданий для гражданина, кому был причинен такой вред. В подавляющем большинстве случаев суды всегда удовлетворяют иски о компенсации морального вреда, причиненного преступлением на основании фактов, которые установлены вступившими в законную силу решениями или приговорами суда и не подлежащие повторному доказыванию (ч. 2–4 ст. 61 ГПК РФ), в таком случае, у суда нет необходимости доказывать вновь факты, которые ограничиваются истребованием копии соответствующего судебного акта, а стороны не вправе снова доказывать преюдициальные факты.

Однако, что касается непосредственного размера денежной компенсации – тут наличествует большая проблема. Моральный вред от совершения преступления может быть абсолютно различен, т.к. как преступления бывают разной степени тяжести (с наличием отягчающих/смягчающих обстоятельств), так и потерпевший может иметь различную степень морального вреда. С учетом данного обстоятельства представляется необходимым закрепить в рамках Постановления № 10 самостоятельный пункт, разъясняющий данные вопросы.

При оценке факта причинения морального вреда изучаются данные уголовного дела: показания потерпевшего, показания свидетелей из числа близких пострадавшего, медицинские и другие документы. При установлении обстоятельств, свидетельствующих о психической травме пострадавшего вследствие совершенного преступления, возможно назначение соответствующей психологической или психиатрической судебных экспертиз. Таким образом: 1) суд должен определять размер

компенсации морального вреда с учетом требований разумности и справедливости; 2) решение о компенсации морального вреда должно быть основано исходя из стоимости материальных благ, которые будут способствовать смягчению или устранению нравственных страданий потерпевшего; 3) к нравственным страданиям можно отнести потерю близкого человека, болевые ощущения от полученных травм, утрату возможности ведения привычного образа жизни и другие [19, с. 36-37].

В качестве примера можно обратиться к опыту Израиля, где моральный вред, являющийся прямым следствием неправомерного поведения, подлежит возмещению в соответствии с общими принципами преступной небрежности [20]. Напротив, возмещение «вторичного» морального вреда (причиненного свидетелю привлечения вреда третьему лицу) регулируется следующими основополагающими принципами, изложенными в деле *Allsouha protiv Dahan* [21]: 1) истец должен быть прямым родственником жертвы (супругом, ребенком или родителем); 2) истец должен быть непосредственным участником событий, повлекших причинение вреда третьему лицу, а последствия этих событий могут быть «первопричиной» «вторичного» морального ущерба (хотя и не является строгим условием ответственности); 3) близость во времени и пространстве между возникновением «вторичного» и «первичного» морального вреда также может являться показателем «первопричины»; 4) моральный вред истца должен быть достаточно тяжелым, равным психозу или неврозу, установленному экспертным заключением.

Суды в целом придерживались аналогичных правил и отказывались смягчать требования о серьезности заболеваний [22, р.93]. Однако в деле *Levi против Shaare Zedek*, где врачебная халатность привела к смерти плода, родителям было разрешено восстановить свое право на компенсацию морального ущерба несмотря на его несоответствие требованию серьезности [23]. Поскольку личность кристаллизуется именно при рождении ребенка, смерть плода не может сама по себе являться основанием иска, поэтому в отсутствие права родителей на возмещение вреда непреднамеренное убийство плода по сути могло остаться безнаказанным.

Как отмечает А.Э. Сорокина, определение размера морального вреда служит образцом активной дискреции правоприменителя, поскольку каждый раз при вынесении конкретного решения по делу учитываются свойственные только этому делу обстоятельства [24, с. 19]. В Постановлении Пленума ВС РФ № 23 было дополнительно указано, что при определении размера компенсации должны учитываться требования разумности и справедливости, а также факт противоправного или аморального поведения потерпевшего (если это будет установлено). Разрешение вопроса о моральном вреде по существу в рамках уголовного процесса представляется исключительно важным именно в силу оценочности этого института. Только судья, рассматривающий уголовное дело, может оценить степень нравственных и физических страданий, причиненных потерпевшему преступлением [24, там же].

Подводя итог исследованию, считаем необходимым дополнить Постановление Пленума ВС РФ №10 от 20 декабря 1994 г. «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» пунктом такого содержания: «При рассмотрении исков о компенсации морального вреда, причиненного в связи с совершением преступления, суд, помимо обстоятельств указанных в п. 1 настоящего Постановления, обязательно должен учитывать следующие критерии при определе-

нии суммы компенсации: категорию преступления (ст. 15 УК РФ); наличие смягчающих/отягчающих обстоятельств при совершении преступления».

Список литературы:

1. Потапенко, С.В. Особенности гражданского иска в уголовном процессе о компенсации морального вреда, причиненного преступным нарушением личных неимущественных прав // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – №4. – С. 56-63.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума ВС РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) // Российская газета. – 1995. – № 29.
4. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – №12.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
6. Колоколов, Н.А. Гражданский иск в уголовном деле - "лед" и "пламень" в одном флаконе // Мировой судья. – 2021. – № 5. – С. 9-15.
7. Архипов, Д.В. К вопросу о справедливости судебных решений по искам о компенсации морального вреда // Молодой ученый. – 2019. – № 9 (247). – С. 3-5.
8. Григорьев, Ю.Г. Некоторые вопросы теории и практики применения института гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Будущее науки – 2019 сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции. Курск, 2019. – С. 58-64.
9. Колоколов, Н.А. Гражданский иск в уголовном деле - "лед" и "пламень" в одном флаконе // Мировой судья. 2021. № 5. С. 9-15.
10. Головкин, Л., Пашин, С., Ключевант, В., Пилюк, А., Шатихина, Н., Скловский, К., Колоколов, Н., Бурковская В., Курмаев, Р., Михсенкова, М., Тай, Ю. Гражданский иск в уголовных делах // Закон. – 2020. – № 11. – С. 28-44.
11. Мельник, Е.А. Особенности доказывания по искам о компенсации морального вреда // Гражданско-правовое регулирование общественных отношений в современной России Сборник научных статей и докладов VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Д.Л. Цыбакова. Орёл, 2019. – С. 39-43.
12. Потапенко, С.В. Особенности гражданского иска в уголовном процессе о компенсации морального вреда, причиненного преступным нарушением личных неимущественных прав // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – №4. – С. 56-63.
13. Потапенко, С.В. Основания компенсации морального вреда за диффамацию // Труды по интеллектуальной собственности. 2013. – № 3 (Т. 14). – С. 181-195.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2): федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
15. Радаиде, Д. С. Родовое понятие вреда, видовое по отношению к нему понятия института обязательств вследствие причинения вреда и смежные понятия гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 2. – С. 148-154.
16. Ротань, В. Г. Новейшее учение о толковании права / В. Г. Ротань, О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова. – Симферополь, 2019. – 792 с.
17. ГК Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
18. Дмитриева, О.В. Функциональное назначение компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности // Закон. – 2016. – № 12. – С. 89-100.
19. Кольчурин, А.Г., Плетнев, В.В. О возмещении морального вреда при рассмотрении уголовного дела о ДТП // Российская юстиция. – 2021. – № 3. – С. 36-37.
20. CA 243/83 Gordon v. Municipality of Jerusalem, 39(1) PD 113 (1985) [Электронный ресурс]. – URL: <http://elyon1.court.gov.il/eng/home/index.html>
21. CA 444/87 Alssouha v. Estate of Dahan, 44(3) PD 397 (1990).
22. Perry, R. Law of Torts. The Israeli Legal System: An Introduction (Christian Walter et al. eds.), 2018. P. 87-111.

23. CA 754/05 Levi v. Shaare Zedek Medical Center [Электронный ресурс]. – URL: <https://versa.cardozo.yu.edu/opinions/levy-v-shaare-zedek-medical-center>
24. Сорокина, А.Э. К актуальным вопросам института гражданского иска в уголовном процессе // Российский судья. 2021. № 4. С. 17-20.

Danielyan Armen S., Shekolenko Angelina P. On the issue of compensation for moral damage in the framework of civil proceedings and criminal proceedings caused in connection with the commission of a crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 89-95.

Moral harm and the criteria for its determination have long been an object of scientific interest on the part of both legal scholars and practicing lawyers. The cross-sectoral nature of the problem of compensation for moral damage caused in connection with a committed crime leads to the need to clarify the issue of the procedure for considering cases of this category (in civil or criminal proceedings), as well as determining the conditions for its recovery. It is indicated that the fundamental factor is to establish the degree of guilt of the offender, the degree of physical and mental suffering for a citizen who is a victim of a criminal act.

Conclusions and suggestions are made on possible improvement of procedural legislation and law enforcement practice in the field of consideration of cases related to compensation for moral damage caused by a crime. It is proposed to amend the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "Some issues of the application of legislation on compensation for moral harm" dated December 20, 1994, № 10, supplementing it with criteria for determining the amount of compensation.

Keywords: moral harm, compensation for moral harm, criteria for compensation for moral harm, civil procedure, criminal procedure, civil claim, law enforcement practice, harm, judicial discretion.

Spisok literature:

1. Potapenko S. V. Osobennosti grazhdanskogo iska v ugovolnom protsesse o kompensatsii moralnogo vreda prichinennogo prestupnym narusheniem lichnyh neimushchestvennyh prav // Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 4. – S. 56-63.
2. Ugolovno-protsessualnyj kodeks Rossijskoj Federatsii federalnyj zakon ot 18.12.2001 174 FZ (red. ot 01.07.2021) // Sobranie zakonodatelstva RF. – 2001. – № 52. Ch (I). – St. 4921.
3. Nekotorye voprosy primeneniya zakonodatelstva o kompensatsii moralnogo vreda postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 20.12.1994 № 10 (red. ot 06.02.2007) // Rossijskaya gazeta. – 1995. – № 29.
4. O praktike rassmotreniya sudami grazhdanskogo iska po ugovolnomu delu: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 13.10.2020 № 23 // Byulleten Verhovnogo Suda RF. – 2020. – № 12.
5. Grazhdanskij protsessualnyj kodeks Rossijskoj Federatsii: federalnyj zakon ot 14.11.2002 № 138-FZ red ot 01.07.2021 // Sobranie zakonodatelstva RF. – 2002. – № 46. – St. 4532.
6. Kolokolov N. A. Grazhdanskij isk v ugovolnom dele: led i plamen v odnom flakone // Mirovoj sudya. – 2021. – № 5. – S. 9-15.
7. Arhipov D. V. K voprosu o spravedlivosti sudebnyh reshenij po iskam o kompensatsii moralnogo vreda // Molodoy uchenyj. – 2019. – № 9 (247). – S. 3-5.
8. Grigorev Yu. G. Nekotorye voprosy teorii i praktiki primeneniya instituta grazhdanskogo iska v ugovolnom sudoproizvodstve // Budushchee nauki-2019: sbornik nauchnyh statej 7-j Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferentsii. – Kursk, 2019. – S. 58-64.
9. Kolokolov N. A. Grazhdanskij isk v ugovolnom dele led i plamen v odnom flakone // Mirovoj sudya. – 2021. – № 5. – S. 9-15.
10. Golovko L., Pashin S., Klyuvgant V., Piyuk A., Shatihina N., Sklovskij K., Kolokolov N., Burkovskaya V., Kurmaev R., Miheenkova M., Taj Yu. Grazhdanskij isk v ugovolnyh delah // Zakon. – 2020. – № 11. – S. 28-44.
11. Melnik E. A. Osobennosti dokazyvaniya po iskam o kompensatsii moralnogo vreda Grazhdansko pravovoe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij v sovremennoj Rossii: Sbornik nauchnyh statej i dokladov VIII Mezhdunarodnoj nauchno prakticheskoy konferentsii. Pod obshchej redaktsiej D. L. Tsybakova. Orel, 2019. – S. 39-43.
12. Potapenko S. V. Osobennosti grazhdanskogo iska v ugovolnom protsesse o kompensatsii moralnogo vreda prichinennogo prestupnym narusheniem lichnyh neimushchestvennyh prav // Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 4. – S. 56-63.
13. Potapenko S. V. Osnovaniya kompensatsii moralnogo vreda za diffamatsiyu // Trudy po intellektualnoj sobstvennosti. – 2013. – № 3. – Т 14. – S. 181-195.

14. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federatsii (chast vtoraya): federalnyj zakon ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 09.03.2021 s izm. ot 08.07.2021) // Sobranie zakonodatelstva RF. – 1996. – № 5. – St. 410.
15. Radajde D. S. Rodovoe ponyatie vreda vidovoe po otnosheniyu k nemu ponyatiya instituta obyazatelstv vsledstvie prichineniya vreda i smezhnye ponyatiya grazhdanskogo prava // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2020. – Т. 6 (72). – № 2. – S. 148-154.
16. Rotan V. G. Novejshee uchenie o tolkovanii prava / V. G. Rotan, O. E. Sonin, Yu. V. Chertkova. Simferopol, 2019. – 792 s.
17. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federatsii chast pervaya: federalnyj zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 28.06.2021 s izm. ot 08.07.2021) // Sobranie zakonodatelstva RF. – 1994. – № 32. – St 3301.
18. Dmitrieva O.V. Funktsionalnoe naznachenie kompensatsii moralnogo vreda kak formy grazhdansko pravovoj otvetstvennosti // Zakon. – 2016. № 12. – S. 89-100.
19. Kolchurin A.G., Pletnev V.V. O vozmeshchenii moralnogo vreda pri rassmotrenii ugovnogo dela o DTP // Rossijskaya yustitsiya. – 2021. – № 3. – S. 36-37.
20. CA 243/83 Gordon v. Municipality of Jerusalem, 39(1) PD 113 (1985) [Электронный ресурс]. – URL: <http://elyon1.court.gov.il/eng/home/index.html>
21. CA 444/87 Alssouha v. Estate of Dahan, 44(3) PD 397 (1990).
22. Perry, R. Law of Torts. The Israeli Legal System: An Introduction (Christian Walter et al. eds.), 2018. – P. 87-111.
23. CA 754/05 Levi v. Shaare Zedek Medical Center [Электронный ресурс]. – URL: <https://versa.cardozo.yu.edu/opinions/levy-v-shaare-zedek-medical-center>
24. Sorokina A. E. K aktualnym voprosam instituta grazhdanskogo iska v ugovnom protsesse // Rossijskij sudya. – 2021. – № 4. – S. 17-20.

УДК 347.440:347.961

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 96-102

ДОГОВОР УСЛОВНОГО ДЕПОНИРОВАНИЯ (ЭСКРОУ) И ДЕПОНИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА НОТАРИУСОМ

Дорофеева Я. В.

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена вопросам соотношения договора условного депонирования (эскроу) и института депонирования имущества у нотариуса. Рассматривается также механизм внесения должником причитающихся с него денежных средств или ценных бумаг в депозит нотариус в части его отграничения, как от договора эскроу, так и от депонирования у нотариуса движимых вещей, безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг. Цель работы – выявить сходства и различия договора условного депонирования имущества и депонирование имущества у нотариуса. Полученные результаты позволяют решать вопросы о границах субсидиарного применения правовых норм о договоре эскроу к отношениям, возникающих при депонировании имущества у нотариуса.

Ключевые слова: эскроу; условное депонирование имущества; договор эскроу; депозит нотариуса; депонирование имущества нотариусом.

Введение. Договор условного депонирования (эскроу), предполагающий принятие и сохранение эскроу-агентом имущества депонента с целью его передачи бенефициару в целях исполнения обязательства депонента, лишь недавно появился в российском Гражданском кодексе, в котором ему отведена самостоятельная глава – 47.1. Научная разработка этой новой договорной модели в отечественной цивилистической доктрине только начинается. При этом российское законодательство регламентирует и другие отношения по «условному хранению» чужого имущества, что требует отграничения договора эскроу от смежных правовых конструкций. В частности, ст. 327 ГК РФ и законодательство о нотариате устанавливают возможность депонирования определенного имущества у нотариуса. Приобретает ли при этом нотариус статус эскроу-агента, в какой части распространяются на него положения, регламентирующие договор эскроу?

Договор эскроу и внесение должником имущества в депозит нотариуса. Прежде всего, следует различать внесение должником причитающихся с него денежных средств или ценных бумаг в депозит нотариуса и депонирование нотариусом движимых вещей, безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг. В научной литературе обращается внимание на то, что от договора эскроу «важно отличать такие смежные и созвучные нотариальные действия, как депонирование имущества и принятие в депозит денежных средств и ценных бумаг» [1, с. 72].

Согласно п. 1 ст. 327 ГК РФ, если обязательство не может быть исполнено должником вследствие определенных законом обстоятельств (отсутствия кредитора или лица, уполномоченного им принять исполнение, в месте, где обязательство должно быть исполнено; недееспособности кредитора и отсутствия у него представителя; очевидного отсутствия определенности по поводу того, кто является кредитором по обязательству, в частности в связи со спором по этому поводу между кредитором и

другими лицами; уклонения кредитора от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны), то у должника есть право внести деньги или ценные бумаги в депозит нотариуса для передачи последним кредитором.

В силу ст. 87 Основ законодательства о нотариате нотариус по месту исполнения обязательства принимает от должника в депозит денежные средства и ценные бумаги для передачи их кредитору, извещает кредитора и по его требованию выдает ему причитающиеся денежные средства и ценные бумаги. Для целей принятия в депозит денежных средств нотариус обязан открыть публичный депозитный счет [2, 3], и обязан внести наличные деньги на этот счет не позднее следующего рабочего дня после дня принятия наличных денег. Принятие нотариусом в депозит безналичных денежных средств осуществляется путем распоряжения нотариуса о принятии денежных средств на публичный депозитный счет, выдаваемого нотариусом должнику для представления должником в банк, в котором открыт публичный депозитный счет нотариуса. Денежные средства, находящиеся в депозите нотариуса более десяти лет со дня их внесения на публичный депозитный счет нотариуса и не востребованные должником или кредитором в порядке, предусмотренном гражданским законодательством, подлежат передаче нотариусом в казну Российской Федерации на основании распоряжения нотариуса [4].

Как видим, внесение денег или ценных бумаг в депозит нотариуса является правом должника и представляет собой способ исполнения обязательства по передаче этого имущества кредитору. В депозит нотариуса вносится долг – для исполнения уже просроченных обязательств, срок исполнения которых наступил. В условное депонирование имущество передается по обязательствам, срок исполнения которых ещё не наступил и условное депонирование «раскрывается» эскроу-агентом при наступлении определенного в договоре условия или обстоятельства. Какие-либо договоры, соглашения об этом между должником и кредитором, либо должником и нотариусом отсутствуют.

Договор эскроу и депонирование у нотариуса движимых вещей, безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг. Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в ст. 327 ГК РФ был внесен новый пункт следующего содержания: «Соглашением между кредитором и должником может быть предусмотрена обязанность должника исполнить обязательство по передаче денег или ценных бумаг путем внесения долга в депозит нотариуса».

Однако спустя три года этот пункт был признан утратившим силу и заменен новым положением (п. 4 ст. 327 ГК РФ): «В случае передачи нотариусу на депонирование движимых вещей (включая наличные деньги, документарные ценные бумаги и документы), безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг на основании совместного заявления кредитора и должника к таким отношениям подлежат применению правила о договоре условного депонирования (эскроу), поскольку иное не предусмотрено законодательством о нотариате и нотариальной деятельности» [5].

Одновременно с этим Основы законодательства РФ о нотариате были дополнены новой ст. 88.1 «Депонирование нотариусом движимых вещей, безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг» [6].

Главное различие между договором эскроу и депонированием нотариусом движимых вещей, безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг заключается в отсутствии в последнем случае самого договора эскроу как юридического факта и как документа. Правоотношения по депонированию указанного имущества нотариусом возникают на основании либо совместного заявления сторон обязательства о принятии от должника на депонирование в целях их передачи кредитору в порядке, в сроки и на условиях, которые указаны в таком совместном заявлении, либо заявления одного должника о принятии на депонирование (в случае, если сделка сторон обязательства, предусматривающая депонирование движимых вещей, безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг в целях их передачи кредитору в порядке, в сроки и на условиях, которые установлены этой сделкой, удостоверена нотариально). Такие возможности сторон обязательства обусловлены принципами гражданского права, и прежде всего свободой договора [7]. По поводу правовой природы указанного заявления, верно отметила А.В. Демкина, «хотя данный юридический факт прямо не назван законодателем сделкой, но, скорее всего, другой правовой природы для него и не придумать» [8, с. 20].

Очевидной особенностью депонирования имущества у нотариуса является тот факт, что нотариус не признается субъектом гражданского права, выступает как некое «квазидолжностное» лицо, взимающее за свои действия нотариальный тариф: «За принятие на депонирование нотариусом движимых вещей, безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг взимается нотариальный тариф в размере 0,5 % принятой денежной суммы, рыночной стоимости ценных бумаг или заявленной депонентом стоимости имущества, но не менее 1000 рублей. В случае если на депонирование нотариусом приняты денежные средства в целях исполнения обязательств сторон по нотариально удостоверенной сделке, нотариальный тариф взимается в размере 1500 рублей (статья 22.1 Основ)» [9]. Это обстоятельство обуславливает и то, что нотариус не может отказать в депонировании имущества, за исключением случая, когда у него отсутствует возможность обеспечения сохранности движимых вещей, передаваемых на депонирование (ст. 48 Основ) [10].

Для совершения действия по депонированию нотариус обязан открыть публичный депозитный счет в порядке, предусмотренном параграфом 4 главы 45 ГК РФ, зачисление на который собственных денежных средств нотариуса не допускается. Тогда как эскроу-агент открывает номинальный банковский счет.

В научной литературе указывалось на ряд отличий договора эскроу от депонирования имущества нотариусом, которые в настоящее время на законодательном уровне исключены.

Во-первых, ранее, до 2018г., нотариус мог принять на депонирование только деньги и ценные бумаги. В настоящее время нотариус, так же, как и эскроу-агент в договоре эскроу, может принять на депонирование движимые вещи (включая наличные деньги, документарные ценные бумаги и документы), безналичные денежные средства или бездокументарные ценные бумаги.

Во-вторых, отмечалось, что «на нотариуса возлагается безусловная обязанность передать деньги или ценные бумаги кредитору, а эскроу-агент должен передать бенефициару объект депонирования при появлении определенных оснований» [11]. В

настоящее время, в заявлении нотариусу о передаче имущества на депонирование также могут содержаться условия такой передачи. Более того, в абз. 3 ст. 88.1 Основ законодательства РФ о нотариате прямо указано, что после получения требования кредитора о передаче ему депонированного имущества нотариус обязан проверить наступление условий передачи.

В-третьих, утверждалось, что «правоотношение, возникающее в связи с передачей долга в депозит нотариуса, простое по содержанию: нотариус обязан передать деньги или ценные бумаги кредитору; кредитору принадлежит корреспондирующее с данной обязанностью право» [11]. Однако правоотношение, которое возникает по «простой модели» договора эскроу, имеет такое же содержание: эскроу-агент обязан передать депонированное имущество бенефициару, а последний имеет право требовать такой передачи.

Согласно абз. 4 ст. 88.1 Основ законодательства РФ о нотариате «в части, не урегулированной настоящими Основами, к нотариусу, принявшему на депонирование движимые вещи, безналичные денежные средства или бездокументарные ценные бумаги на основании заявления, указанного в части первой настоящей статьи, применяются правила гражданского законодательства об эскроу-агенте». Фактически к нотариусу, принявшему на депонирование имущество, subsidiарно применяются положения главы 47.1 ГК РФ. К примеру, отмечается, что «нотариус как эскроу-агент отвечает за утрату, недостачу или повреждение переданных ему на депонирование вещей, если не докажет, что эти обстоятельства произошли: вследствие непреодолимой силы; либо из-за свойств вещей, о которых эскроу-агент, принимая их на депонирование, не знал и не должен был знать; либо в результате умысла или грубой неосторожности депонента» [12].

В научной литературе выступление нотариуса в роли эскроу-агента оценивается крайне положительно по нескольким причинам: «нотариус является независимым лицом; нотариус пользуется особым доверием у участников в силу своего статуса; нотариус несет полную имущественную ответственность за вред, причиненный по его вине имуществу гражданина или юридического лица; гражданская ответственность нотариуса подлежит страхованию; нотариальный тариф от принятой денежной суммы либо рыночной стоимости движимых вещей или бездокументарных ценных бумаг составляет 0,5 процента, что значительно ниже, чем при обращении за подобными услугами в консалтинговые компании» [13, с. 90].

Более того, в силу п. 4 ст. 327 ГК РФ к правоотношениям по депонированию у нотариуса подлежат применению правила о договоре условного депонирования (эскроу), поскольку иное не предусмотрено законодательством о нотариате и нотариальной деятельности. Таким образом, в отсутствие договора эскроу как юридического факта и документа при передаче имущества на депонирование нотариусу между сторонами обязательства и нотариусом возникают эскроуподобные отношения, регулируемые нормами о договоре условного депонирования (эскроу). В связи с этим, доктринальный вывод о том, что «внесение долга в депозит нотариуса как способ исполнения обязательства – достаточно простой юридико-технический прием», а «заключение договора эскроу порождает гораздо более сложные правоотношения» [11], не в полной мере соответствует действующему правовому регулированию депонирования нотариусом движимых вещей, безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг.

Однако, субсидиарное применение правовых норм, регламентирующих одни отношения, к регулированию других, смежных отношений, в любом случае предполагает наличие разницы в правовом регулировании. И установление такой разницы – одна из задач юридической науки в этой сфере.

Прежде всего, Основы законодательства РФ о нотариате устанавливают существенные условия заявления, на основании которого нотариус принимает имущество на депонирование, а именно: порядок передачи депонированного имущества кредитору; срок передачи депонированного имущества кредитору; условия передачи депонированного имущества кредитору.

В связи с этим, например, правило абз. 2 п. 1 ст. 926.1 ГК РФ гл. 47.1 ГК РФ об определенном сроке условного депонирования в пять лет на случай, если стороны его не указали в заявлении, не действует.

В целом, в заявлении сторон обязательства, подаваемом нотариусу, не могут содержаться какие-либо права и обязанности нотариуса, не связанные с порядком, сроком и условиями непосредственной *передачи* депонированного имущества.

В частности, в договоре условного депонирования у эскроу-агента может быть право использовать переданное ему на депонирование имущество и распоряжаться им или право распоряжаться депонированными бездокументарными ценными бумагами и осуществлять права по таким ценным бумагам. Эти права не связаны с передачей нотариусом имущества кредитору и не могут быть предусмотрены в заявлении сторон обязательства (или должника).

Обратимся к обязанностям эскроу-агента, отличным от обязанности непосредственной передачи депонированного имущества бенефициару, и к возможности применить их к нотариусу, депонирующему имущество. У эскроу-агента по договору следующие обязанности.

1. Обязанность проверить документы, подтверждающие возникновение оснований для передачи бенефициару имущества, по внешним признакам и при наличии разумных оснований полагать, что представленные документы являются недостоверными, воздержаться от передачи имущества, если иное не предусмотрено договором (п. 1 ст. 926.3 ГК РФ). Эта обязанность может быть вменена и нотариусу как условие передачи депонированного имущества.

2. Обязанность проверить наличие оснований для передачи имущества бенефициару, если это прямо предусмотрено договором (п. 2 ст. 926.3 ГК РФ). Эта обязанность также может быть возложена на нотариуса в рамках установления условий или порядка передачи депонированного имущества.

3. Обязанность обособить имущество, переданное на депонирование, от своего имущества, отражать его на отдельном балансе и (или) вести по нему обособленный учет (п. 1 ст. 926.4 ГК РФ). Эта обязанность сформулирована в ГК РФ как императивная обязанность эскроу-агента. Для нотариуса она не свойственна.

4. Пассивная обязанность не использовать переданное ему на депонирование имущество и распоряжаться им, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из существа обязательства (п. 3 ст. 926.4 ГК РФ). Как пассивная обязанность, она, безусловно, присуща нотариусу, депонирующему имущество, однако, на наш взгляд, изменить её на активную обязанность в заявлении сторон обязательства (или должника) нельзя, т.к. она непосредственно не связана с передачей депонированного имущества.

5. Пассивная обязанность не распоряжаться депонированными бездокументарными ценными бумагами и не осуществлять права по таким ценным бумагам, если иное не предусмотрено договором (п. 2 ст. 926.6 ГК РФ). Представляется, что к этой обязанности в отношении нотариуса подход должен быть такой же, как к предыдущей обязанности эскроу-агента не использовать переданное ему на депонирование имущество и распоряжаться им.

6. Обязанность нести ответственность за утрату, недостачу или повреждение переданных ему на депонирование вещей, если не докажет, что эти обстоятельства произошли вследствие непреодолимой силы, либо из-за свойств вещей, о которых эскроу-агент, принимая их на депонирование, не знал и не должен был знать, либо в результате умысла или грубой неосторожности депонента (п. 2 ст. 926.5 ГК РФ) (императивная обязанность). Эта обязанность эскроу-агента вполне относима и к нотариусу, депонирующему имущество. Она возникает у нотариуса в силу закона и не нуждается в специальном указании в заявлении сторон обязательства (или должника).

Заключение. Соотношение договора условного депонирования (эскроу) и депонирования нотариусом движимых вещей, безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг производится по следующим критериям: основание возникновения правоотношений (трехсторонний договор /совместное заявление должника и кредитора (заявление одного должника); субъектный состав (эскроу-агент- субъект гражданского права / нотариус – не субъект гражданско-правовых отношений); оплата за депонирование (вознаграждение эскроу-агента устанавливается в договоре эскроу / взыскивается нотариальный тариф); вид банковского счета для депонированных денежных средств (номинальный счет / публичный депозитный счет); срок депонирования (в договоре эскроу не является существенным условием (пять лет, если иное не установлено в договоре) срок должен быть указан в заявлении нотариусу); содержание договора (любые права и обязанности эскроу-агента по усмотрению сторон / права и обязанности нотариуса ограничены порядком, сроком и условиями непосредственной *передачи* депонированного имущества).

Список литературы:

1. Захаркина А.В. Договор условного депонирования (эскроу) как основание нового сложного обязательства // *Lex russica*. 2019. № 4. С. 68–77.
2. Катвицкая М.Ю. Новое в законодательстве: договор публичного депозитного счета // *Право и экономика*. 2019. № 3. С. 66–69.
3. Рассказова Н.Ю. Новые виды договоров банковского счета в Гражданском кодексе Российской Федерации // *Арбитражные споры*. 2018. № 4. С. 105–116.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2019) // *Ведомости СНД и ВС РФ*. 11.03.1993. № 10. Ст. 357.
5. Федеральный закон от 23.05.2018 № 120-ФЗ «О внесении изменений в статью 327 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона "О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации"» // *Собрание законодательства РФ*. 28.05.2018. № 22. Ст. 3044.
6. Федеральный закон от 23.05.2018 № 119-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О внесении изменений в Федеральный закон "О банках и банковской деятельности" и Основы законодательства Российской Федерации о нотариате"» // *Собрание законодательства РФ*. 28.05.2018. № 22. Ст. 3043.
7. Кузнецова О.А. Гражданско-правовые принципы и аналогия права // *Российский юридический журнал*. 2005. № 2 (46). С. 84–91.
8. Демкина А.В. Договор условного депонирования и участие в нем нотариуса в качестве эскроу-агента // *Нотариус*. 2018. № 4. С. 18–21.

9. Письмо Федеральной нотариальной палаты от 20.06.2018 № 3041/03-16-3 «О договоре условного депонирования (эскроу) и договоре публичного депозитного счета» // Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Ярошенко Т.В. Отказ в совершении нотариальных действий: проблемные вопросы // Нотариус. 2020. № 2. С. 18–21.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Финансовые сделки. Постатейный комментарий к главам 42 - 46 и 47.1 / Е.В. Бадулина, Н.В. Бандурина, А.А. Борисенко и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2018. 400 с.
12. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) (Пешкова (Белогорцева) Х.В., Кашурин И.Н., Макаров О.В., Поваров Ю.С., Ротко С.В., Беляев М.А., Тимошенко Д.А., Чиришьян А.Р.) / Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2020.
13. Старцева И.М., Татарина Е.П. Статус эскроу-агента в свете реформирования российского гражданского законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 11. С. 88–93.

Y. V. Dorofeeva. Conditioned Depositing Agreement (Escrow Agreement) and Property Depositing with the Notary // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 96-102.

The article is devoted to the correlation between the conditioned depositing agreement (escrow agreement) and the institution of depositing property at the notary's. The mechanism of depositing money or securities payable by a debtor with the notary is also considered in terms of differentiation of the mechanism from both the escrow agreement and depositing of movable things, non-cash funds or non-documentary securities with the notary. The purpose of the work is to identify the similarities and differences between the contract of conditioned depositing of property and the depositing of property by a notary. The results obtained provide for an opportunity to handle the issues associated with the limits of the subsidiary application of legal norms covering the escrow agreement in regard to relations arising with depositing property at the notary's.

Keywords: escrow; conditioned depositing of property; escrow agreement; notary's deposit; property depositing by a notary.

Spisok literary:

1. Zaharkina A.V. Dogovor uslovnogo deponirovaniya (eskrou) kak osnovanie novogo slozhnogo obyazatel'stva // Lex russica. 2019. № 4. S. 68–77.
2. Katvickaya M.YU. Novoe v zakonodatel'stve: dogovor publichnogo depozitnogo scheta // Pravo i ekonomika. 2019. № 3. S. 66–69.
3. Rasskazova N.YU. Novye vidy dogovorov bankovskogo scheta v Grazhdanskom kodekse Rossijskoj Federacii // Arbitrazhnye spory. 2018. № 4. S. 105–116.
4. Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate (utv. VS RF 11.02.1993 № 4462-1) (red. ot 27.12.2019) // Vedomosti SND i VS RF. 11.03.1993. № 10. St. 357.
5. Federal'nyj zakon ot 23.05.2018 № 120-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'yu 327 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'i 1 i 3 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i tret'yu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii"» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 28.05.2018. № 22. St. 3044.
6. Federal'nyj zakon ot 23.05.2018 № 119-FZ (red. ot 29.07.2018) «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "O bankah i bankovskoj deyatel'nosti" i Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate"» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 28.05.2018. № 22. St. 3043.
7. Kuznecova O.A. Grazhdansko-pravovye principy i analogiya prava // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2005. № 2 (46). S. 84–91.
8. Demkina A.V. Dogovor uslovnogo deponirovaniya i uchastie v nem notariusa v kachestve eskrou-agenta // Notarius. 2018. № 4. S. 18–21.
9. Pis'mo Federal'noj notarial'noj palaty ot 20.06.2018 № 3041/03-16-3 «O dogovore uslovnogo deponirovaniya (eskrou) i dogovore publichnogo depozitnogo scheta» // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy «Kon-sultantPlyus».
10. YArshenko T.V. Otkaz v sovershenii notarial'nyh dejstvij: problemnye voprosy // Notarius. 2020. № 2. S. 18–21.
11. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Finansovye sdelki. Postatejnyj kommentarij k glavam 42 - 46 i 47.1 / E.V. Badulina, N.V. Bandurina, A.A. Borisenko i dr.; pod red. P.V. Krashennikova. M.: Statut, 2018. 400 s.
12. Kommentarij k Osnovam zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate (postatejnyj) (Peshkova (Belogorceva) H.V., Kashurin I.N., Makarov O.V., Povarov YU.S., Rotko S.V., Belyaev M.A., Timoshenko D.A., CHirish'yan A.R.) / Podgotovlen dlya sistemy Konsul'tantPlyus, 2020.
13. Starceva I.M., Tatarinova E.P. Status eskrou-agenta v svete reformirovaniya rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2019. № 11. S. 88–93.

УДК: 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 103-114

ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Латынин О. А.

«Российский государственный университет правосудия»

В статье предложено широкое понимание цивилистической методологии и дано краткое описание основных этапов её становления и развития. Рассмотрена периодизация с применением исторического и структурно-функционального критериев. Обоснована нелинейная связь между цивилистической наукой и цивилистической методологией, доказана возможность науковедческого подхода к определению этапов развития цивилистической методологии. Выявлены черты цивилистической методологии в контексте классического, неклассического и постклассического типов научной рациональности.

Ключевые слова: цивилистическая методология, цивилистическая наука, картина мира, субъект научного познания.

В рамках понятия цивилистической методологии объединяем всю совокупность приёмов и способов интеллектуальной деятельности, направленных как на получение научных знаний о частноправовых феноменах, так и на применение этих знаний в ходе создания и реализации норм права. По справедливому замечанию одного из классиков цивилистической мысли, профессора Геттингенского университета и автора одного из лучших учебников по гражданскому праву Ф.Регельсбергера (1831-1896), «трудности теории лежат здесь в материале, в безграничности вспомогательных средств, в разнообразии применения» [5, с. 138].

При обозначенном широком подходе наиболее важными характеристиками цивилистической методологии представляются следующие: цивилистическая методология сформирована в ходе поэтапного развития науки гражданского права; цивилистическая методология, обладая единым концептуальным каркасом дозволительного регулирования, вместе с тем отличается внутренним многообразием, обусловленным дифференциацией областей частного права; цивилистическая методология может быть встроена в более общие контексты философско-правового характера и детерминирована ими (например, цели, ценности, идентичность национального правопорядка и т.п.); цивилистическая методология имеет основополагающее значение для правотворчества и правоприменения, ибо всякая правовая норма появляется в результате научного исследования соответствующих феноменов и их реализации в типичном поведении субъектов.

Необходимо отметить, что научное внимание к цивилистической методологии как таковой особенно активизировалось в постсоветской юриспруденции. Ранее, в системе советского социалистического права, методология цивилистической науки была своего рода «нелюбимой падчерицей отечественной цивилистики» [6, с. 2]. Преодолевая этот негативный стереотип, многие современные авторы предпринимают попытки доказать эвристическую ценность именно отраслевого методологического учения.

Например, Г.В.Колодуб исходит из того, что любая методология является теорией, обращённой к практике исследования, а в частноправовой сфере более чем заслуживает самостоятельного статуса, ибо гражданское право является одновременно и ключевой по статусу отраслью российского права, и первой по содержанию юридической наукой, восходящей к старейшему концептуальному осмыслению идей частного права в пандектной юриспруденции [2, с. 135-136].

Методология научных исследований в области цивилистических знаний, как полагает названный выше автор, является базисным уровнем, оригинальным научно обоснованным видением сферы частного права, которое выполняет целый ряд важнейших для юридической теории и практики функций. По мнению Г.В. Колодуба, всего их 4: ориентирующая функция цивилистической методологии способствует расширению и обновлению терминологического инструментария и вместе с тем обеспечивает единство устоявшейся терминологической системы цивилистики, так как неудачные термины, появление которых объективно неизбежно в ходе научных поисков, будут отвергнуты как инородные и неадекватные; фильтрационная функция цивилистической методологии направлена на элиминирование отживших, видоизменившихся понятий, норм, институтов, которые неоправданно перегружают законодательную базу, усложняют восприятие научных текстов и, главное, не соответствуют современным тенденциям развития науки гражданского права; статусная функция цивилистической методологии означает некий маркер, посредством которого можно чётко отграничить и локализовать публично-правовые начала, так или иначе проникающие в область автономных, равных и независимых товарно-денежных отношений, ибо при допустимости некоторой конвергенции всё же следует признать, что непропорциональное опубликование частного права в перспективе приведет к уничтожению его как такового; гарантирующая функция цивилистической методологии проявляется в том, что научное знание и само по себе, и через реализацию на практике законотворчества, толкования и применения норм частного права способствует завершению перехода к современной рыночной правовой системе [2, с. 135-136].

Приведённый перечень корреспондирует таким общепризнанным функциям цивилистической науки, как идеологическая, пропагандистско-воспитательная, описательная, объяснительная, критическая, созидательная, символическая, прогностическая и регулятивная [8, с. 349].

Основные вопросы цивилистической методологии подробно рассматриваются, в частности, С.Ю. Филипповой в специальном монографическом исследовании, посвящённом сущности и задачам цивилистической науки, её возможностям, а также пределам влияния научных результатов на практику применения норм частного права [8, с. 349-350].

Справедливо полагая, что методы исследования различаются в зависимости от предмета исследования, указанный выше автор очерчивает предметную область цивилистики в виде совокупного единства трёх составляющих: во-первых, это позитивное право, во-вторых, социальный быт и в-третьих, цели и ценности правового регулирования [8, с. 351]. Такая многоаспектность обусловлена формально-источниковыми и содержательными отличиями гражданского права как науки, изучающей способы конкретного нормирования поведения субъектов,

которые находятся в состоянии равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности.

Соответственно для цивилистической науки характерно использование достаточно широкого спектра методов. Так, позитивное право изучается посредством догматического, нормативного, сравнительно-правового и исторического методов, а социологические методы исследования (наблюдение, опрос, интервьюирование, моделирование, эксперимент) широко применяются в исследованиях социального быта. Применение упомянутых методов основано на постулатах: а) о существовании объективных закономерностей развития права, б) о потенциальной возможности построения «идеального права» и его метафизической сущности [8, с. 349-350].

Что же касается собственных методов исследования целей и ценностей правового регулирования, то в настоящее время приходится констатировать недостаточную их разработанность. То же можно утверждать и в отношении философских методов, которые, очевидно, нуждаются в некоторой адаптации исследовательских техник применительно к научной разработке проблем цивилистической действительности, тем более что для получения научного результата в аксиологической части цивилистической науки недостаточно описать существующие цели и ценности, их следует ещё и объяснить, соизмерив с эталоном «правильных» целей и ценностей, что находится глубоко в области этики, представлений о справедливости, нравственности и прочем [8, с. 306,350].

Всецело разделяем и поддерживаем обоснованную С.Ю. Филипповой точку зрения, что цивилистическая предметная реальность строится на основе социальных связей, которые могут быть регламентированы либо на уровне государства, либо самими субъектами таких связей посредством использования специфического цивилистического правового инструментария, основополагающая черта которого заключается в наличии свойств формального равенства и автономии воли участников отношений [8, с. 247-248]. Частноправовые начала предполагают существенный удельный вес актов саморегулирования, а для понимания их функционирования нужны, в свою очередь, методики исследования социального быта в пределах взаимодействия равных, свободных субъектов [8, с. 244].

С учётом изложенного назовем, вслед за С.Ю. Филипповой, наиболее продуктивные компоненты цивилистической методологии, ценные в том числе и с точки зрения целей и задач предпринятого нами исследования. Перечень таких методов дадим в произвольном порядке, имея в виду, что последовательность изложения не указывает на какую-либо иерархию чьих бы то ни было исследовательских предпочтений.

Так, достаточно эффективным с точки зрения познания цивилистической действительности является системный анализ, обеспечивающий цельную картину изучаемых реалий. В интересующей нас сфере действуют все известные принципы системного подхода, как то: 1) целостность изучаемой системы в её противопоставлении окружающей среде; 2) членение системы на отдельные элементы, обладающие собственными функциями; 3) наличие двух и более типов взаимосвязей между элементами системы (пространственные, временные, генетические, функциональные и др.); 4) упорядоченность, организация на основе какого-либо принципа; 5) иерархичность элементов системы, наличие уровней в её строении; 6) кибернетическое

начало – управление, необходимое для слаженного функционирования иерархически соподчинённых уровней и элементов системы; 7) целеполагание, сообщающее системе некую динамику, определяющее вектор её развития; 8) способность к самоорганизации ввиду того, что источник развития находится в самой системе (например, конфликт каких-либо локальных целей, возникших в подсистемах, приводит в конечном итоге к выработке неких начал гармонизации системы в целом); 9) комплементарность системного знания, выступающего в единстве функционального и организационного аспектов [9].

Далее в методологическом арсенале цивилистики упомянем юридическую герменевтику (или, по другой терминологии, правовую герменевтику), направленную на выявление смыслов правового текста. Юридическая герменевтика решает 3 задачи: 1), с её помощью выявляется истинный смысл текста нормативного правового акта, 2), осуществляется разъяснение его правового содержания; 3), даётся интерпретация, учитывающая те задачи, которые следует решить, по мнению законодателя, посредством данного нормативного правового текста.

Как видим, юридическая герменевтика подходит к праву шире, чем в плане статичной объективной данности позитивного характера, обеспечивающей в конечном итоге истинное знание о содержании текста нормативного правового акта, сближаясь тем самым с естественнонаучными техниками. Для герменевтики «право – не статичная данность, а изменчивое отражение культуры, на понимание которого накладывает отпечаток как контекст его создания, так и контекст его интерпретации» [9].

Обратим внимание также и на рефлексию – метод, восходящий к учению Сократа, который считал самопознание наиболее важной задачей каждого человека, ибо предметом знания может быть только то, что уже освоено, а человеку наиболее подвластна деятельность его собственной души. Как одно из центральных понятий европейской философии конца XIX – начала XX в., рефлексия обозначает форму деятельности человека, направленную на осмысление своих собственных действий, своей культуры и её оснований. Учитывая, что право является модусом мира цивилизации и культуры, рефлексивные методики могут быть весьма полезны для цивилистических исследований.

Рефлексия позволяет сосредоточить мысль вокруг предельных оснований правовых идей и жизнедеятельности человека как субъекта права. Рефлексия по природе своей критична, а применительно к правовой материи и, в частности, цивилистике, это означает перманентный поиск ответов на ряд основополагающих вопросов, сформулированных, в частности, президентом Европейской академии теории права, профессором Гентского университета Марком ван Хуком касательно шести областей исследовательского поиска: 1) что есть право; 2) что есть действительные источники права; 3) каков механизм действия права на стадии создания и применения; 4) какие типы аргументов приемлемы для научного исследования; 5) почему право обязательно; 6) какова общая базовая идеология [3].

В дополнение к данному перечню С.Ю. Филиппова называет следующие методологически значимые вопросы: а) об оценке дуализма или единства частного права; б) о персонифицизме или социальной солидарности как ключевой идее; в) о самобытности отечественного частного права («славянофильство») или о едином характере всего западного (континентального) права («западничество») [8, с. 258-

259]. Видится, что ответы на шесть базовых и три дополнительных вопроса позволяют весьма точно оценить неявные знания исследователя.

Рефлексия всегда осуществляется на основе неких фоновых (неявных) знаний исследователя, которые являются ключевыми постулатами в том смысле, что их принимают за аксиомы, исходные пункты всякого изучения правовой материи. Применительно к обсуждаемым вопросам в сфере цивилистики такими общепринятыми постулатами являются: право обладает закономерностями развития *sui generis*, то есть объективно самобытными инвариантами, не зависящими от каких-либо культурно-исторических периодов существования государственно организованных обществ; государство обеспечивает право силой принуждения, но вместе с тем и само подчинено праву, архаические первоэлементы которого возникли в обществе задолго до государственной эпохи; человек как сознающее и мыслящее существо может понимать значение своих действий, их последствия для окружающих, а равно осуществлять выбор того или иного варианта поведения; ценностями являются доверие между участниками социальных связей, их готовность идти на компромисс ради прибыли, понимаемой не только в экономическом плане, а шире, как взаимовыгода вообще; цивилистическая наука явно или неявно ориентирована на гипотетически идеальную модель частного права (*ratio scripta* = писанный разум, основанный на здоровом житейском смысле); такая модель национальна – в ней отражены социокультурные особенности данного общества, его государственно-правовая история, а также экономическое состояние как совокупность факторов, предопределяющих содержание и смысл частноправового регулирования [8, с. 256-261].

Сочетание обозначенных выше методов в конкретных цивилистических исследованиях определяется не только и не столько индивидуальностью правоведа, сколько факторами социального порядка: степенью развития кодификации и состоянием кодификационного процесса; актуальными для цивилистической науки «здесь и сейчас» функциями; политической и экономической жизнью общества.

Соответственно цивилистическая методология формируется поэтапно, в ходе развития науки. Так, например, одна из известных попыток периодизации отечественной цивилистики была предпринята в ознаменование 40-летия с момента учреждения советского социалистического строя, когда в очередном выпуске многотомного «Курса советского гражданского права» И.Б.Новицкого специально рассматривалась история отечественного гражданского права. Применительно к периоду с 1917 по 1957 год И.Б. Новицкий предлагал различать стадию перехода от капитализма к социализму (1917-1935) и стадию перехода от социализма к коммунизму (1936-1957), когда в науке гражданского права обсуждались проблемы, актуальные с точки зрения текущей политической и экономической ситуации (революция, отрицавшая гражданское право; военный коммунизм, НЭП, принятие Конституции СССР, Великая Отечественная война, восстановление разрушенного хозяйства и подготовка к завершению строительства социализма). «По мере изменения социально-экономических и политических условий изменяются и способы разрешения отдельных, выдвигаемых жизнью вопросов, хотя бы общие задачи государства и его функции оставались одними и теми же. Поэтому изложение истории советского гражданского права по периодам позволяет

нагляднее показать, как отражаются на том или ином гражданско-правовом институте особенности в способах разрешения одних и тех же задач в разных условиях» [4, с. 8-9]. Подчеркнём, что все эти «особенности в способах разрешения одних и тех же задач в разных условиях» – продукт методологических изысканий.

Ценный материал для изучения процессов эволюции цивилистической методологии находим в исследовании С.Ю. Филипповой, где содержится подробное описание восьми исторических этапов становления и развития отечественной цивилистики, определяемых в рамках структурно-функционального подхода цивилистической науки, периодизация проведена в зависимости от изменения преобладающей функции цивилистической науки на том или ином конкретном этапе [8, с. 351-353].

Так, «строительство здания цивилистической науки» (Г.Ф. Шершеневич) начиналось в период с первой четверти до середины XIX века. Исследовательские поиски были сосредоточены исключительно на позитивном материале, вокруг вопросов определения сущности и источников русского права вообще и гражданского права в частности.

Согласно рассматриваемой периодизации, предложенной С.Ю. Филипповой, в первый период развития цивилистической науки осуществлялось описание текущего гражданского законодательства, параллельно исследовались вопросы отечественной истории гражданско-правового регулирования, а также римского и зарубежного права – главным образом австрийского, английского и немецкого.

Накопленные в первом периоде научные методологические достижения потребовали обобщения, что и послужило объективной причиной постепенного вытеснения собственно описательной модели цивилистики в пользу объяснения основных категорий частного права. Помимо нормативного метода, в научных изысканиях развивается исторический и догматический подход, обосновывается идея уважения государства и закона, какие-либо оценки в отношении законодательных предписаний отечественного права в научных трудах того времени не встречаются. К римскому праву продолжают обращаться как к своего рода стандарту юриспруденции.

Последняя треть XIX в. была ознаменована поставленной перед цивилистической наукой задачей кодификации гражданского законодательства и, соответственно, переходом к третьему этапу развития цивилистики, который, так и не завершившись, был прерван событиями 1917 г. На данном этапе формировались три аспекта цивилистических исследований: во-первых, описание и научное осмысление текущего момента правовой жизни страны, во-вторых, сравнение его с отечественным правом в предшествующие периоды, в-третьих, сравнение с правом и законодательством зарубежных стран.

То был поистине «золотой век» отечественной цивилистической науки, которая заявила о себе серьёзным расширением методов исследования, плюралистичностью предмета и формированием собственных научных школ, частично освободившихся от влияния запада и римского права. Наука цивилистики постепенно превращалась в социальный институт, активно взаимодействовавший с государством и выступавший в роли критика и советника.

Далее, после 1917 г., на четвёртом этапе фактически произошел демонтаж дореволюционной цивилистической науки: прежние научные традиции и стандарты

научной практики были разрушены, а новые ещё не успели сформироваться. В результате в науку проник нигилизм, ставший её идеологической основой.

Более продолжительным был пятый этап, длившийся с 1922 (1925) по 1961 (1964) год. Требовалось создать и закрепить новые стандарты научной деятельности – поменять привычные схемы описания и объяснения феноменов гражданского права исходя из новой советской реальности. Но гораздо более важным делом считалась своего рода пропаганда: надо было теоретически обосновать и всесторонне рассмотреть безусловную «правильность» советского гражданского права в противовес враждебным буржуазным законам, утвердить тезис о его самостоятельности и превосходстве, тем самым доказывая нецелесообразность и невозможность заимствования каких бы то ни было «чуждых» юридических конструкций.

Таким образом, цивилистическая наука этого периода стала партийной: самобытность, автономность гражданского права доказывалась через описание особенностей советского социалистического строя, преимуществ идеологической основы социализма, исключительных политических обстоятельств его развития в стране. Признавались, в частности, специфические проблемы правового регулирования деятельности социалистических предприятий (т.н. дуализм гражданского и хозяйственного права), а также социальная солидарность как приоритет общественных начал над индивидуумом.

Наиболее актуальной и привлекавшей внимание большинства исследователей того времени была проблема народнохозяйственного плана и его влияния на договорные взаимоотношения социалистических организаций. Поскольку все социалистические организации создавались и функционировали на едином фундаменте – социалистической собственности, за ними всегда стоял один и тот же хозяин в лице государства, так что от цивилистов требовались изыскания, которые позволили бы найти некий компромисс между классическими положениями о сделках как волевых актов автономных субъектов и советской социалистической реальностью – подчинением всех сделок между социалистическими организациями выполнению плановых заданий.

Шестой этап, обозначенный С.Ю. Филипповой как развитое социалистическое гражданское право, длился с 1961 (1964) по 1985 г. и стал периодом второй гражданской кодификации, научного осмысления её результатов, а также интенсивного научного обеспечения юридического образования.

На седьмом этапе (начало 90-х годов XX века – 2008 г.), после распада СССР и конституционного закрепления в России нового государственно-правового строя, произошла полная деидеологизация науки гражданского права и радикальное изменение стандартов научной деятельности вследствие отказа от монополии марксистско-ленинского учения в описании и объяснении правовых явлений вообще и цивилистических феноменов в частности. Наука того периода выполняла прежде всего критическую и созидательную функцию, а доминировавшие ранее описание и объяснение сместились на второй план.

Характеризуя этот этап, С.Ю. Филиппова пишет: «С развитием экономических отношений менялись представления о необходимом правовом инструментарии, сильнее ощущалась потребность в обновлении гражданского законодательства, соответственно велись поиски подходящих правовых средств в зарубежных

правовых системах и прежнем, дореволюционном опыте, всё острее критиковалось советское гражданское законодательство, которое не предоставляло субъектам подходящие для использования модели. Соответственно в стандарты нормальной науки проникает сравнительно-правовой, исторический метод, а также активная критика позитивного гражданско-правового регулирования за несоответствие текущим потребностям» [8, с. 137-138].

Современный этап цивилистической науки, как считает С.Ю. Филиппова, начался в 2008 г и продолжается вплоть до настоящего времени. Характерно, что автор констатирует «утрату цивилистической наукой её методологии», указывая в качестве одной из причин повсеместную критику догматического метода в научной литературе, приведшую к тому, что «собственно догматические исследования сейчас вести не принято», хотя в отрыве от догматики эффективность сравнительно-правовых и исторических исследований сомнительна [8, с. 146].

В современной цивилистике, по мнению С.Ю. Филипповой, отсутствует ответ на вопрос о единстве или дуализме частного права; нет ясности по вопросу приоритета персонцентризма или социальной солидарности; одновременно существует отрицание отечественного права и неприятие зарубежных моделей. Далее автор перечисляет следующие типовые параметры научных трудов по цивилистике на современном этапе: актуальность темы обосновывается указанием на наличие пробелов или противоречий в законодательном регулировании определённой области общественных отношений; предметом исследования являются нормативные правовые акты, регулирующие данную область отношений, а также акты правоприменительных органов; методы исследования – исторический и сравнительно-правовой; цель исследования – описать и объяснить правовое регулирование определённой сферы общественных отношений, выявить недостатки правового регулирования и определить пути их устранения; структура исследования предполагает обращение к истории вопроса, к его регулированию в зарубежных правовых порядках, к обзору законодательства и судебной практики; научный результат выражается в виде данного определения рассматриваемого явления, выделении его признаков, отличающих это явление от сходных, определении противоречий и пробелов в правовом регулировании, предложении принятия определённого нормативного правового акта, устраняющего данный пробел или противоречие [8, с. 148-149].

В результате исследования процессов становления и развития отечественной цивилистической науки С.Ю. Филипповой выявлены несколько основных её тенденций, в числе которых – зависимость от изменения политической ситуации и тенденция к примитивизации исследований путём упрощения применяемых методов [8, с. 149].

Обратим внимание, что из приведённых выше теоретических положений в их совокупности может последовать вывод о существовании нелинейной связи между цивилистической наукой, с одной стороны, и цивилистической методологией – с другой. Несомненно, цивилистическая методология существует в рамках частноправового научного знания как такового – и в этом смысле являет собой нечто внутреннее по отношению к цивилистической науке. Вместе с тем в тот момент, когда субъект научно-познавательной деятельности применяет отдельные исследовательские операции и приёмы для наиболее эффективного решения

поставленных задач, тем самым придерживаясь какой-либо методологии цивилистического исследования, одновременно вступает в действие некоторая предзаданная система когнитивных координат, которые являются внешними относительно собственно цивилистики. Дело в том, что субъект познания уже имеет свою сложившуюся «картину мира», «парадигму», «исследовательскую программу», «субъективный стиль и образ мышления» и всё прочее, что составляет исходные предпосылки, на базе которых впоследствии будут формироваться новые научные теории, концепции, объяснительные схемы и т.д. Поскольку эти предпосылки всегда детерминированы общим социокультурным контекстом, постольку и цивилистическая методология может выступать не только как внутренний фактор, но и как внешняя детерминанта развития цивилистической науки, её «порождающий механизм».

Выше мы говорили об историческом и структурно-функциональном подходе к периодизации становления и развития цивилистической методологии. Кроме того, с учётом связей с общекультурным контекстом можно применить к периодизации ещё один подход, а именно – науковедческий. Остановимся на нем подробнее.

Как деятельность по формированию знания о феноменах частного права, цивилистическая наука не может не подчиняться универсальным закономерностям познавательного движения вообще, а равно быть исключением из констатации, что «в целом наука воспринимается как одна из высших ценностей цивилизации и культуры» [7].

Согласно концепции исторической динамики научного знания, разработанной В.С. Стёпиным, развитие науки предстаёт в виде последовательности исторически сменяющих друг друга типов картин мира – особых форм знания, объединяющих разнообразие важнейших фактов и наиболее значительных теоретических результатов науки. Отличительными чертами каждой картины мира, по В.С. Стёпину, являются: наличие фундаментальных понятий и фундаментальных принципов науки, система которых вводит целостный образ мира в его основных аспектах (объекты и процессы, характер взаимодействия, пространственно-временные структуры); онтологический статус (в картине мира содержатся элементы истинного знания применительно к данному периоду развития науки, и выработанные наукой понятия отождествляются с действительностью); допущение междисциплинарного синтеза знаний [7].

При этом если в общей научной картине мира представлены наиболее важные системно-структурные характеристики предметной области научного познания как целого, взятого на определённой стадии его исторического развития, то дисциплинарные онтологии (специальные научные картины мира, включая рассматриваемую нами цивилистику) репрезентируют предметы каждой отдельной науки.

К историческим типам научной рациональности, формирующей ту или иную картину мира, В.С. Стёпин относит классическую, неклассическую и постнеклассическую науку [7]. Период классической научной рациональности укладывается в хронологические рамки XVII—XVIII вв – эпохи доминирования механики в системе научного знания. Специфическая черта классической рациональности состоит в элиминировании из системы истинного знания всего, что относится к субъекту, его целям и ценностям, средствам и операциям его деятельности.

С конца XIX до середины XX ст. доминанта научного знания перемещается в область квантово-релятивистской физики, биологии и кибернетики, что сопровождается включением новых смыслов в категории части и целого, причинности, случайности и необходимости, вещи, процесса, состояния. Этому соответствует новый, неклассический тип научной рациональности, который отличается от предыдущего признанием связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности, в которой данный объект обнаруживается и познается субъектом.

В последнюю треть XX ст. возникает современная постнеклассическая наука, или «открытая рациональность», в которой предметом научной рефлексии являются в том числе и связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями: получаемые знания об объекте здесь соотнесены не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с её ценностно-целевыми структурами; связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями эксплицируется таким образом, что постнеклассическая наука включается в современные процессы решения проблем глобального характера и выбора жизненных стратегий человечества, а чёткие грани между естественным и социогуманитарным знанием постепенно стираются.

Важно подчеркнуть, что «возникновение нового типа рациональности не уничтожает исторически предшествующих ему типов, но ограничивает поле их действия. Каждый новый тип научной рациональности вводит новую систему идеалов и норм познания, что обеспечивает освоение соответствующего типа системных объектов: простых, сложных, исторически развивающихся (самоорганизующихся) систем» [7].

Применяя описанный выше науковедческий подход к цивилистической методологии с учётом исторического и структурно-функционального подходов, констатируем, что цивилистическая методология в своём развитии прошла те же стадии классики, неклассики и постклассики – сокращённо обозначим их именно так, дабы не путать с терминами концепции В.С. Стёпина.

Классика означает, что совокупность приёмов и способов интеллектуальной деятельности, направленных как на получение научных знаний о частноправовых феноменах, так и на применение этих знаний в ходе создания и реализации норм права, относительно автономна от личности субъекта, применяющего эту методологию. В таком случае предмет рассматривается как часть объектной реальности, а методология цивилистической науки сводится лишь к вопросу о применяемых методах познания. Неклассика включает в цивилистическую методологию внешний компонент в виде мировоззренческих основ исследователя, его принципов планирования научной деятельности, от которых, в свою очередь, зависят и определение научной проблемы, и способы обобщения знаний и оценки полученных результатов [8, с. 252].

Постклассика же, как этап развития цивилистической методологии, ещё более расширяет обозначенные неклассикой рамки, выводит в междисциплинарную плоскость, в первую очередь – философию, а также и социологию. Верно, что «философско-правовые знания являются действительным основанием юриспруденции, а все более или менее значимые шаги вперед в этой сфере являются результатом приложения философского знания к юридической действительности» [1, с. 6].

В свою очередь, онтологическими единицами правовой реальности (или юридической действительности), образующими структуру её юридического концепта, являются вещи (объекты прав), субъекты права, правовые отношения. Онтологический анализ правовой реальности как предметной области приложения правовой науки, соотношения правовой реальности и овеществлённого мира, реального бытия предполагает «образ креативного судьи, который творит право. ... Судебная практика становится самостоятельной правовой силой, право становится продуктом судебской интерпретации» [1, с. 11, 21].

Итак, в эпоху постклассики роль человеческого фактора при конструировании акта правосудия по определению возрастает, ибо в этом и заключается специфика постклассики как таковой. Вместе с тем, по нашему мнению, следует согласиться с Г.А. Гаджиевым в том, что «горячее горение сердца» для юриспруденции опасно. Впрочем, столь же недопустима и другая крайность, когда «горячее сердце» вообще отсутствует. Граница юридического и этического пространств – один из самых противоречивых моментов, и необходимо искать разумную меру, баланс формализма и человеколюбия. Юридическая методология сама по себе не в состоянии предложить судье какой-либо конкретный вариант. Судья должен сам определить, каким должно быть соотношение частного интереса и общего блага, в какой мере он должен прислушиваться к голосу сердца и совести, а в какой – к формально-правовым доводам [1, с. 26].

Цивилистическая методология может рассматриваться узко, как некая «вещь в себе», существующая исключительно во вспомогательной роли в рамках науки частного права. При таком подходе периодизация развития цивилистической методологии основывается на исторических либо структурно-функциональных критериях, каждый из которых элиминирует из методологии особенности познающего субъекта. В широком же плане цивилистическая методология включена в общекультурный контекст, содержит некоторую аксиоматическую субъективную часть в виде индивидуальных установок субъекта относительно осуществляемой им научно-познавательной деятельности. При такой постановке вопроса к периодизации цивилистической методологии применим науковедческий критерий. Используя его, приходим к заключению, что широкое понимание цивилистической методологии корреспондирует постклассической картине мира и представляется нам наиболее перспективным с учётом дифференциации и специализации правового регулирования в современную эпоху, нарастающей комплексности правоотношений и соответствующего усложнения споров о праве, а также всеобщей, универсальной тенденции к усилению роли права в качестве стабилизатора экономических отношений, гаранта защиты свободы экономической деятельности и прав её субъектов, интересов граждан в процветании и благополучии общества.

Список литературы:

1. Гаджиев Г.А. *Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности)*. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.
2. Колодуб Г.В. *Цивилистическая методология как новое направление научно-исследовательской деятельности* // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 6 (98). С. 132-138.
3. Марк ван Хук. *Право как коммуникация.* / Пер. с англ. М.В. Антонова, А.В. Полякова. — С.-Пб.: Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Универ. издат. консорциум», 2012. 288 с.

- 4.Новицкий И. Б. История советского гражданского права. М., Государственное Издательство Юридической Литературы, 1957. 327 с.
- 5.Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1897. 312 с.
- 6.Степанов Д.И. Вопросы методологии цивилистической доктрины /Актуальные проблемы гражданского права. Сборник статей. - М.: Норма, 2003. Вып. 6. С. 2-32.
- 7.Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.:1999. <https://www.studmed.ru/view/stepin-vs-teoreticheskoe-znanie_4b47a51726b.html> (последнее посещение 14.01.2021).
- 8.Филиппова С.Ю. Цивилистическая наука России: становление, функции, методология. М.: Статут, 2017. 384 с.
- 9.Шитиков В.К., Розенберг Г.С. Артюхов В.В. Общая теория систем: самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы. М.: URSS, 2009. 224 с.

Latynin O.A. Civilistic methodology: the concept and main stages of development // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 103-114.

The article offers a broad understanding of the civilistic methodology and provides a brief description of the main stages of its formation and development. Periodization is considered using historical and structural-functional criteria. The nonlinear connection between civilistic science and civilistic methodology is substantiated, the possibility of a scientific approach to determining the stages of development of civilistic methodology is proved. The features of civilistic methodology in the context of classical, non-classical and post-classical types of scientific rationality are revealed.

Key words: civil law methodology, civil science, picture of the world, subject of the scientific knowledge.

Spisok literatury:

- 1.Gadzhiev G.A. Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta dejstvitel'nosti). М.: Norma: INFRA-M, 2013. 320 s.
- 2.Kolodub G.V. Civilichesticheskaya metodologiya kak novoe napravlenie nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti // Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii. 2014. № 6 (98). S. 132-138.
- 3.Mark van Huk. Pravo kak kommunikaciya. / Per. s angl. M.V. Antonova, A.V. Polyakova. — S.-Pb.: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, OOO «Univer. izdat. konsorcium», 2012. 288 s.
- 4.Novickij I. B. Istoriya sovetskogo grazhdanskogo prava. М., Gosudarstvennoe Izdatel'stvo YUridicheskoy Literatury, 1957. 327 s.
- 5.Regel'sberger F. Obshchee uchenie o prave. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1897. 312 с.
- 6.Stepanov D.I. Voprosy metodologii civilisticheskoi doktriny /Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava. Sbornik statej. - М.: Norma, 2003. Вып. 6. С. 2-32.
- 7.Styopin V.S. Teoreticheskoe znanie. М.:1999. <https://www.studmed.ru/view/stepin-vs-teoreticheskoe-znanie_4b47a51726b.html> (poslednee poseshchenie 14.01.2021).
- 8.Filippova S.YU. Civilisticheskaya nauka Rossii: stanovlenie, funkcii, metodologiya. М.: Statut, 2017. 384 с.
- 9.SHitikov V.K., Rozenberg G.S. Artyuhov V.V. Obshchaya teoriya sistem: samoorganizaciya, ustojchivost', raznoobrazie, krizisy. М.: URSS, 2009. 224 с.

УДК 340.1

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 115-119

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ: ПОНЯТИЯ И ВИДЫ

Луценко В. В.

*Санкт–Петербургский ордена Жукова военный институт войск национальной гвардии
Российской Федерации*

Актуальность рассмотрения темы данной статьи обусловлена потребностью не только правовой науки, но и юридической правоприменительной техники, которая тесно взаимодействует со складывающимися проблемами, имеющими террористический характер. В современных условиях постоянно угрожающей террористической опасности необходимо применение экстраординарных форм управления, особого правового режима и законных средств для оперативной ликвидации или минимизации последствий проявлений терроризма. В результате чего возникает необходимость научной разработки чрезвычайного правового регулирования режима контртеррористической операции как специального вида правового регулирования. Необходимо обратить внимание на то, что экстраординарные правоотношения складывающиеся в период введения режима контртеррористической операции, нуждаются не только в юридической охране, но и контроле со стороны государства. Необходимость определения пределов действия правового режима контртеррористической операции позволяет соответствовать мерам, которые предусматриваются международными обязательствами Российской Федерации. Соблюдение действия данных пределов позволит более надежно охранять и защищать права человека и не должно повлечь за собой какую-либо дискриминацию населения.

В работе рассматриваются правовые пределы правового режима контртеррористической операции, его понятия и виды.

Ключевые слова: режим контртеррористической операции, экстраординарное правовое регулирование, террористический акт, юридические пределы, виды правового предела режима контртеррористической операции, войска национальной гвардии, федеральная служба безопасности, специальные мероприятия, чрезвычайная ситуация, юридическая охрана.

Определение границ, пределов правового регулирования режима контртеррористической операции является одной из проблем, решение которых вызывает интерес современных правоведов. Пределы правового регулирования лишь параллельно затрагивались в научных трудах, исследующих такое правовое явление как экстраординарное правовое регулирование режима контртеррористической операции.

Анализ работ таких авторов, как Осипов А. П. [4], Кочои С. М. [3] и др. [6], составили группу научных источников составивших теоретическую основу работы, которая позволяет рассмотреть юридические пределы режима контртеррористической операции. До середины XX в. террористическая угроза не выделялась в отдельную сферу отношений, хотя нуждалась в обособленном регулировании. В данный период времени государству предоставлялось право на использование чрезвычайных мер в условиях чрезвычайных обстоятельств, но с определенными ограничениями в виде запретов и дозволений, отраженных в действующих нормах права.

Отсюда следует, что пределы правового регулирования режима контртеррористической операции в условиях террористической угрозы имеют свое значение: регулирование правового режима контртеррористической операции как следствие,

приводит к увеличению властных полномочий государства, тем самым, возникновению диктатуры власти; правовое регулирование режима контртеррористической операции непременно приводит к существенным ограничениям прав и свобод граждан, возложению определенных обязанностей на учреждения всех типов собственности в том случае, если возникает необходимость таких мер, исходя из той кризисной ситуации, которая возникает в ходе проведения специальной операции по противодействию терроризму. К примеру, ФЗ «О противодействии терроризму» на период проведения контртеррористической операции допускает применение таких мер, как использование транспортных средств, принадлежащих организациям независимо от форм собственности [8].

Как правильно отмечает Е. А. Березина: «С точки зрения теории юридического позитивизма проблема пределов правового регулирования является проблемой границ вмешательства государства, его органов и должностных лиц в общественную жизнь посредством создания нормативных правовых актов и их последующего применения» [2]. Главенствующим фактором, определяющим значение пределов правового регулирования, всегда является характер регулируемых отношений.

Можно отметить то, что в вопросе о границах экстраординарного правового регулирования режима контртеррористической операции есть вопрос о пределах вмешательства государства в данный вид общественных отношений. Четкое определение тех властных полномочий, которыми наделяются органы государственной власти в той или иной экстремальной ситуации, в том числе при противодействии терроризму, и будет зависеть, наступит ли произвол и бесправие со стороны органов государственной власти, что может привести не только к нормализации обстановки, но и иметь обратный эффект по наращиванию негативных последствий.

Соответственно, пренебрежение в законотворческой и правоприменительной практике к проблемам пределов чрезвычайного правового регулирования может привести к такой ситуации, что у государственных органов появится возможность использования неправовых полномочий, которые в дальнейшем могут привести к необоснованному ограничению прав и свобод граждан и создать условия для возникновения диктатуры.

Проблема о границах чрезвычайного правового регулирования режима контртеррористической операции показывается в пределах вопроса в области ограничения прав и свобод человека и гражданина [1].

При рассмотрении вопроса пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях введения режима контртеррористической операции, необходимо выделить ряд критериев, на которые необходимо обратить самое пристальное внимание [7]: введение режима контртеррористической операции может быть оправдано только в том случае, когда преследуется цель пресечения и раскрытия террористического акта, минимизация и (или) ликвидация его последствий, а самое основное - это защита наиболее важных интересов личности, общества и государства; все полномочия органов власти, а также спектр возможных действий, касающихся противодействию терроризму, должны быть закреплены в нормативно-правовых актах до возникновения или угрозы возникновения любого события связанного с терроризмом; профилактика терроризма и борьба с ним должны предусматривать процедуру объявления режима контртеррористической операции; проведение контртеррористической операции должно приниматься решением руково-

дителя федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, либо, по его указанию, иными лицами, входящими в систему органов государственной власти в области обеспечения безопасности [8]; действие правового режима контртеррористической операции во времени не должно превышать периода времени, которое фактически необходимо для устранения угрозы терроризма; срок проведения контртеррористической операции не должен быть ограничен нормативными актами, а должен ограничиваться только реальной необходимостью ее проведения; ограниченные права и свободы должны быть восстановлены в полном объеме в случаях прекращения действия режима контртеррористической операции, а возмещение вреда, причиненного в результате террористического акта, осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

По мнению автора, сокращать границы пределов правового режима контртеррористической операции к границам ограничений прав и свобод человека и гражданина допустимо только в тех случаях, когда это оправдано с позиции логики и носит цель защиты наиболее важных интересов личности, общества и государства [5].

Границы, как пределы правового регулирования режима контртеррористической операции в экстраординарных ситуациях террористической природы, могут быть поделены на объективные и субъективные.

Субъективные границы пределов правового регулирования противодействия терроризму зависят только от тех лиц, которые осуществляли правотворчество в упорядочивании данной проблемы, а также лиц, которые имеют право на введение режима контртеррористической операции. Так, от руководителя федерального органа власти в области обеспечения безопасности напрямую зависит место, время и какие действия (активные или пассивные) со стороны всех субъектов общественных отношений, имеющих причастность к проведению специальной операции, имеют место быть. Время введения режима контртеррористической операции может быть более продолжительным по сравнению с фактическим временем, затраченным на ликвидацию террористической деятельности. Так, если правоограничительные меры оказываются несоразмерными реальной опасности, в этом случае для борьбы с терроризмом не всегда целесообразно применение вооруженных сил, поскольку данная задача возложена на правоохранительные органы, в том числе на федеральную службу безопасности [10] и войска национальной гвардии РФ [8].

Объективные пределы правового регулирования режима контртеррористической операции определены самим предметом регулирования. Заданный предмет не зависит от воли и сознания субъектов права, за исключением таких событий, к примеру, когда Вооруженные Силы Российской Федерации имеют право пресечь террористический акт путем уничтожения средства достижения целей терроризма, предполагая, что дальнейшее продолжение действий террористов повлечет человеческие жертвы в катастрофическом масштабе [8].

Рассматривая пределы экстраординарного правового регулирования режима контртеррористической операции с позиции закрепления в нормах права, можно выделить следующие виды: пределы чрезвычайного правового регулирования режима контртеррористической операции, закреплённые в нормах права; внеправовые пределы регулирования режима контртеррористической операции.

Каждый вид пределов правового регулирования режима контртеррористической операции имеет ряд отличительных черт.

К пределам чрезвычайного правового регулирования, закреплённым в нормах права, относятся те юридические границы, которые конкретизируют и ограничивают государство и позитивное право в экстраординарных ситуациях террористического характера от интерессии в жизнь общества.

К внеправовым пределам режима контртеррористической операции можно отнести: темпоральные границы правового регулирования режима контртеррористической операции, определяющие временной период применения ограничительных экстраординарных мер в кризисных ситуациях террористического характера; территориальные границы воздействия чрезвычайных правовых средств, т.е. территорию на которой введен режим контртеррористической операции решением руководителя специальной операции; границы, обусловленные целесообразностью вытекающей из государственной пользы, которые зачастую идут в противоположную сторону от нравственных и правовых границ нормативного регулирования; этические пределы правового режима контртеррористической операции, не дающие при применении экстраординарных мер разрушать границы нравственных принципов.

Значение пределов правового регулирования режима контртеррористической операции состоит в том, что они представляют собой правовые границы при применении средств экстраординарного правового регулирования, которые четко определяют те границы, которые ограничивают государство и позитивное право при введении правового режима контртеррористической операции.

Список литературы

1. Вопросы правового регулирования ограничения прав и свобод человека в условиях чрезвычайного положения: на примере ФРГ / Ф.С. Галенпольский // Московский журнал международного права. – 1998. № 4. – С. 23-30. – Текст: непосредственный.
2. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования / Е.А. Березина // Научно-практический юридический журнал: Актуальные проблемы российского права. – 2020. – т. 15. – № 4. – С. 48. – Текст: непосредственный.
3. Противодействие терроризму: политика и право / С.М. Кочои // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2018. Т. 18. – № 1. – С. 110-114. – Текст: непосредственный.
4. Противодействие терроризму и экстремизму / А.П. Осипов // Журнал Закон и право. – 2021. – № 1. – С. 89-91. – Текст: непосредственный.
5. Правовое регулирование и его механизм / Н.А. Пьянов // Сибирский юридический вестник. – 2003. № 1. – С. 20. – Текст: непосредственный.
6. Режим контртеррористической операции в контексте особых правовых режимов / Д.В. Смолина, А.В. Андреев // Юридический вестник ДГУ. – 2016. – № 2. – С. 69-72. – Текст: непосредственный.
7. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика: научное издание / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2010. – С. 76. – Текст: непосредственный.
8. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 г./ Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. ст. 1146. – Текст: непосредственный.
9. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» / Российская газета. 2016. 6 июля. – Текст: непосредственный.
10. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» / Российская газета. 2020. 6 августа. – Текст: непосредственный.

Lutsenko V.V. Legal limits of the legal regime of a counter-terrorist operation: concepts and types // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 115-119.

The relevance of considering the topic of this article is due to the need not only for legal science, but also for legal enforcement technology, which closely interacts with the emerging problems of a terrorist nature. In modern conditions of constantly threatening terrorist threat, it is necessary to use extraordinary forms of man-

agement, a special legal regime and legal means for the prompt elimination or minimization of the consequences of manifestations of terrorism. As a result, there is a need for scientific development of emergency legal regulation of the counter-terrorist operation regime as a special type of legal regulation. It is necessary to pay attention to the fact that the extraordinary legal relations developing during the introduction of the counter-terrorist operation regime need not only legal protection, but also control by the state. The need to determine the limits of the legal regime of a counter-terrorist operation allows one to comply with the measures provided for by the international obligations of the Russian Federation. Compliance with these limits will allow for more reliable protection and protection of human rights and should not entail any discrimination of the population.

The work examines the legal limits of the legal regime of the counter-terrorist operation, its concepts and types.

Key words: counter-terrorist operation regime, extraordinary legal regulation, act of terrorism, legal limits, types of legal limit of counter-terrorist operation regime, national guard troops, federal security service, special events, emergency situation, legal protection.

Spisok literatury

1. Voprosy pravovogo regulirovaniya ogranicheniya prav i svobod cheloveka v usloviyah chrezvychajnogo polozheniya: na primere FRG / F.S. Galenpol'skij // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 1998. № 4. – S. 23-30. – Tekst: neposredstvennyj.
2. Predely pravovogo regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij: problemy ponimaniya, klassifikaciya i znachenie v mekhanizme pravovogo regulirovaniya / E.A. Berezina // Nauchno-prakticheskij yuridicheskij zhurnal: Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2020. – t. 15. – № 4. – S. 48. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Protivodejstvie terrorizmu: politika i pravo / S.M. Kochoi // Vestnik YUUrGU. Seriya «Pravo». – 2018. T. 18. – № 1. – S. 110-114. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Protivodejstvie terrorizmu i ekstremizmu / A.P. Osipov // ZHurnal Zakon i pravo. – 2021. – № 1. – S. 89-91. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Pravovoe regulirovanie i ego mekhanizm / N.A. P'yanov // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2003. № 1. – S. 20. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Rezhim kontrterroristicheskoy operacii v kontekste osobyh pravovyh rezhimov / D.V. Smolina, A.V. Andreev // YUridicheskij vestnik DGU. – 2016. – № 2. – S. 69-72. – Tekst: neposredstvennyj.
7. Tihomirov YU.A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika: nauchnoe izdanie / YU.A. Tihomirov. – M.: Formula prava, 2010. – S. 76. – Tekst: neposredstvennyj.
8. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii terrorizmu» ot 06 marta 2006 g./ Sobranie zakonodatel'stva RF. 13.03.2006. № 11. st. 1146. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Federal'nyj zakon ot 03.07.2016 № 226-FZ «O vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» / Rossijskaya gazeta. 2016. 6 iyulya. – Tekst: neposredstvennyj.
10. Federal'nyj zakon ot 03.04.1995 № 40-FZ «O federal'noj sluzhbe bezopasnosti» / Rossijskaya gazeta. 2020. 6 avgusta. – Tekst: neposredstvennyj.

УДК: 347.232.1

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 120-126

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА «БРОШЕННЫЕ» БЕЗДОКУМЕНТАРНЫЕ АКЦИИ ЗА ЭМИТЕНТОМ

Лазаренко Л. Б., Биджиева А. У.

В статье авторы описывают существующие уже много лет проблемные вопросы, в разрешении которых напрямую заинтересованы эмитенты акций. Стремясь привести реестры акционеров в порядок, отражая в них действующих акционеров, эмитенты столкнулись с проблемой «брошенных» акций, выявляя недействующих акционеров в течении многих лет по различным причинам, в том числе, в связи с отсутствием правопреемников умершего физического лица либо ликвидацией юридического лица, состоящие в реестре акционеров эмитента. Авторами обозначенные проблемные вопросы связаны с приобретением эмитентом права собственности на бесхозные акции, поскольку, с одной стороны законодательством не предусмотрен механизм исключения из реестра недействующих «умерших» акционеров (особенно остро эта проблема состоит в закрытых акционерных обществах, учитывая ограниченное число акционеров), что затрагивает права и интересы эмитентов акций, с другой стороны, нарушение прав акционеров при незаконном отчуждении акций путём злоупотребления и недобросовестных действий третьих лиц (включая рейдерские захваты). Отсутствие в современном гражданском законодательстве чёткого определения статуса бездокументарной ценной бумаги, её правовой природы относительно к спорным правоотношениям, регулирующие вещные и обязательственные правоотношения, связанные с приобретением собственности на «брошенные» акции за эмитентом, породило споры среди теоретиков, а также повлияло на формирование различной судебной практики при рассмотрении исков эмитентов акций о признании права собственности на бесхозные бездокументарные ценные бумаги. В статье авторы, анализируя действующее законодательство, в том числе гражданское и о ценных бумагах, складывающуюся судебную практику, предлагают свою позицию при рассмотрении споров по искам эмитентов о правах на «брошенные» бездокументарные акции путём признания судом права собственности на бесхозные («брошенные» владельцами) акции за эмитентом для дальнейшего их распределения

Ключевые слова: документарные и бездокументарные ценные бумаги, бесхозная вещь, эмитент, «брошенные» акции.

В юридической литературе по настоящее время ведутся дискуссии относительно способа защиты прав эмитента на «брошенные» акции. Эмитент сталкивается с проблемой «брошенных» акций, когда поиск владельца бездокументарных акций приводит к информации, что акции в реестре числятся на лицевом счёте за юридическим лицом, утратившим правоспособность, и на протяжении многих лет никто из учредителей «наследников» или иных кредиторов не заявил права на эти акции. В данной связи следует отметить, что законодатель, уделив значительное внимание разнообразию понятий, форм, признаков бездокументарных ценных бумаг, а также правилам ведения реестра прав акционеров и обязанностям эмитента, акционера и реестродержателя при ведении и учёте реестра ценных бумаг, не предусмотрел в действующем законодательстве исключения в одностороннем порядке из реестра акционеров владельцев «брошенных» акций.

На наш взгляд можно разрешить проблему «брошенных» акций путём применения аналогии закона, регулирующего сходные отношения при рассмотрении споров по исковому заявлению эмитента о признании права собственности на «брошен-

ные» бездокументарные акции. Учитывая специфику бездокументарных акций для настоящих правоотношений предлагаем применять общий порядок приобретения права собственности на бесхозную вещь, не имеющую собственника или от права собственности, на которую собственник фактически отказался.

Законодателем общий порядок приобретения права собственности на бесхозную вещь предусмотрен в ст. 225, 226 ГК РФ. Бесхозной является вещь, что не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался. В силу ст. 226 ГК РФ движимые вещи, брошенные собственником или иным образом оставленные им с целью отказа от права собственности на них (брошенные вещи), могут быть обращены другими лицами в свою собственность, если по заявлению лица, вступившего во владение ими, они признаны судом бесхозными.

Применяя данную аналогию закона для способа защиты нарушенного права по пути признания эмитентом бездокументарной акции бесхозной и признании права собственности на неё необходимо определить, что бездокументарная акция – движимая вещь и признать право собственности на бездокументарные акции в силу их бесхозности.

Для выбора способа защиты нарушенного права полагаем целесообразным определить, является ли бездокументарная акция движимой вещью. В данной связи необходимо понять правовую природу термина «бездокументарная акция». В ст. 2 ФЗ «О рынке ценных бумаг» раскрывается понятие акции, как эмиссионной ценной бумаги, закрепляющей права её владельца на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении обществом и на часть имущества, по его ликвидации. Акция есть именной ценной бумагой.

Эмиссионная ценная бумага является любой ценной бумагой, в том числе бездокументарной, которая характеризуется одновременно следующими признаками: закрепляет совокупность имущественных и неимущественных прав, подлежащих удостоверению, уступке и безусловному осуществлению с соблюдением установленных законом формы и порядка; размещается выпусками; имеет равные объём и сроки осуществления прав внутри одного выпуска вне зависимости от времени приобретения ценной бумаги.

Эмиссионные ценные бумаги могут выпускаться в бездокументарной форме и являются бездокументарными ценными бумагами, права владельцев которых закрепляются в решении об их выпуске. Бездокументарная форма эмиссионных ценных бумаг представляет собой форму эмиссионных ценных бумаг, при которой владелец устанавливается на основании записи в реестре владельцев ценных бумаг или, в случае депонирования ценных бумаг, на основании записи по счёту депо.

Положения Закона о рынке ценных бумаг предусматривают, что деятельностью по ведению реестра владельцев ценных бумаг признаются сбор, фиксация, обработка, хранение данных, составляющих реестр владельцев ценных бумаг, и предоставление информации из реестра владельцев ценных бумаг, а сам реестр является формируемой на определённый момент времени системой записей о лицах, которым открыты лицевые счета; записей о ценных бумагах, учитываемых на указанных счетах; записей об обременении ценных бумаг и иных записей в соответствии с законодательством РФ [2]. Для определения понятия документарных и бездокумен-

тарных ценных бумаг необходимо обратиться к гражданскому законодательству. В ст. 142 ГК РФ содержится дефиниция документарной ценной бумаги, под которой понимаются документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов. Под бездокументарными ценными бумагами понимаются обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны с соблюдением правил учёта этих прав по ст. 149 ГК РФ [4].

На основании проведённого системного анализа дефиниции «акции» возможно выделить основной признак, присущий ей: акция представляет собой именную эмиссионную ценную бумагу, выпускаемую акционерным обществом только в бездокументарной форме. Однако имеются различия между приведёнными трактовками, указанными в общих нормах и специальных нормах действующего законодательства. Специальные нормы права, регулирующие выпуск и обращение эмиссионных ценных бумаг, относят бездокументарные акции к ценным бумагам, различая их от иных видов ценных бумаг только формой (оболочкой), где речь идёт не просто о фиксации прав, а о форме ценных бумаг, чего нельзя сказать о гражданском законодательстве определяющем порядок вещно-правовых отношений, который разделит понятие документарной ценной бумаги как ценной бумаги в классическом её понимании и бездокументарную ценную бумагу, как способ фиксации права за лицом (акционером).

Различие трактовок в действующем законодательстве породило у теоретиков права разные концепции правовой природы бездокументарных ценных бумаг. Например, Е.А. Суханов и В.А. Белов придерживаются позиции, что бездокументарные ценные бумаги не имеют материальной формы, поэтому даже условно они не могут рассматриваться как вещи и, следовательно, не могут являться объектом права собственности и других вещных прав [3, с. 17; 16].

Сторонники другой позиции, в частности М.М. Агарков, относят бездокументарную ценную бумагу к вещи, основываясь на расширенном понимании «вещи» подобно тому, как происходило деление вещей в Риме на *res corporeales* (вещи телесные), *res incorporeales* (вещи бестелесные). Данное понимание вещи в Риме охватывало, помимо собственно «вещи», также и права. М.М. Агарков обращает внимание на то, что в древнейшем римском праве «обязательство тесно примыкало к вещному праву и представляло собой в потенции вещно-правовую зависимость личности должника и его имущества в целом» [1].

Обозначенная теоретическая проблема – определение бездокументарных акций к вещи или к совокупности имущественных прав отражена в Концепции развития гражданского законодательства РФ. Так в п. 3.2 «Объекты гражданских прав» указано, что требуется уточнить положения статьи 128 ГК РФ о таких объектах гражданских прав, как деньги и ценные бумаги. В частности, необходимо указать на то, что к безналичным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам могут применяться правила о вещах, если иное не установлено законом, иными правовыми актами и не вытекает из существа названных объектов.

В раз. VI «Законодательство о ценных бумагах и финансовых сделках» отмечено, что определение характера прав владельцев бездокументарных ценных бумаг явля-

ется серьезной проблемой в правоприменительной практике. Ввиду отсутствия у таких «бумаг» материальной формы применения к ним всего комплекса норм, регулирующих отношения по поводу вещей, вызывают практические затруднения. В тоже время специальные правила, учитывающие особенности такого рода объектов, отсутствуют либо вступают в противоречие с концептуальными положениями ГК (пункт 1.1.9.). В связи с чем, предлагалось закрепить в ГК относительно развернутую систему норм, регулирующих те отношения по поводу бездокументарных ценных бумаг, которые не попадают под действие общих положений о «классических» ценных бумагах [6].

Претерпели изменения положения ст. 128 ГК РФ, где в редакции №1 от 30.11.1994 к объектам гражданских прав отнесены вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Тогда как, действующая редакция №103 от 09.03.2021 указанной ст., к объектам гражданских прав относит вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Очевидно, что законодатель внёс определённую в правовом статусе документарной и бездокументарной ценной бумаги отнеся к объектам гражданских прав первую к вещи, а вторую к иному имуществу - имущественным правам.

Внесённые изменения в ГК РФ не разрешили теоретическую проблему, поскольку к объектам гражданских прав наряду с вещами отнесено и иное имущество, в том числе бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, безналичные денежные средства. Т.е., законодателем ценные бумаги в отличие от прежней редакции условно разделены на вещи (документарные ценные бумаги) и иное имущество (бездокументарные ценные бумаги).

Проанализировав нормы гражданского законодательства и законодательства о рынке ценных бумаг, а также цивилистическую доктрину можно прийти к следующему выводу: документарные и бездокументарные ценные бумаги независимо от формы выпуска и обращения выполняют одну функцию – фиксацию имущественного права их владельца. Тогда возникает вопрос, почему в институте объектов гражданских прав существует разделение путём отнесения документарных ценных бумаг к вещи, а бездокументарных ценных бумаг к иному имуществу – имущественным правам?

Предлагаем уравнивать их «права» в институте объектов гражданских прав, применяя в совместной конструкции положения ст. 128 и 130 ГК РФ. Гражданским законодательством РФ установлен исчерпывающий перечень объектов гражданских прав. К ним относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги; иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права, имущественные права; результаты работ и оказания услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); а

также нематериальные блага. В перечисленных положениях законодателем объекты гражданских прав разделены на материальные и нематериальные блага, по поводу которых субъекты гражданских прав вступают в правовую связь между собой.

Кроме того, в ст. 130 ГК РФ предусмотрена классификация вещей на недвижимые (т. е. объекты, которые являются недвижимыми в силу естественных свойств, либо прочно связаны с землёй и их перемещение влечёт для этих объектов несоизмеримый ущерб, препятствующий их использованию по прежнему назначению; либо по своим естественным свойствам и в силу отсутствия прочной связи с землей не могут быть причислены к недвижимости, но прямо отнесены законом к недвижимым вещам) и движимые (т.е. те вещи, которые не подпадают под понятие «недвижимость», включая деньги и ценные бумаги).

По смыслу данной статьи всё есть вещь, только надо определить к какому виду она относится. Мы приходим к выводу, что бездокументарная ценная бумага в настоящее время отнесена законодателем к движимой вещи.

В подтверждении выводов служит и стремительное развитие информационных технологий, которые привели к новым пониманиям объектов гражданских прав и правоотношений, таких как цифровые права, по своей сути схожие с конструкцией имущественных прав по бездокументарным ценным бумагам. Цифровые носители, отображающие объекты гражданских прав, вносят определённую ясность в спорах теоретиков о телесности и бестелесности вещи и вещно-правовых обязательств, в частности в отношении бездокументарных ценных бумаг, которые могут являться вещью без её «тела» на бумажном носителе благодаря информационным технологиям.

Возвращаясь к проблеме способа защиты прав эмитента, связанного с приобретением права собственности на бесхозяйные акции, необходимо отнести бездокументарные ценные бумаги к понятию вещи, несмотря на неопределённость в теории и практике по этому вопросу. Соответственно, отнесение акции к вещи даёт возможность применения аналогии закона, регулирующей сходные отношения на бесхозяйные движимые вещи, поскольку другие схожие нормы отсутствуют.

Как правило, эмитент сталкивается с проблемой «брошенных» акций только после совершения всех действий по поиску владельца бездокументарных ценных бумаг, поэтому при применении статей 225 и 226 ГК РФ для определения бесхозяйными бездокументарных ценных бумаг при указанном способе защиты нарушенного права очевидна их бесхозяйность.

Возникает следующий вопрос - как признать право собственности на бездокументарные ценные бумаги, учитывая специфику бездокументарной акции, когда законодателем установлено, что брошенные вещи поступают в собственность лица, вступившего во владение ими, если по заявлению этого лица они признаны судом бесхозяйными? Особенность формы «бездокументарной» ценной бумаги состоит в невозможности владения ею как существующей в осязаемой форме вещью в виде физического обладания, поскольку согласно положениям ст. 2 и 28 Закона о рынке ценных бумаг владельцами акций именуются лица, в отношении которых содержатся соответствующие записи на лицевых счетах у держателя реестра. Также с учётом положений п. 2 ст. 142 ГК РФ и ст. 28, 29 Закона о рынке ценных бумаг именно названные записи по счетам легитимируют лицо в качестве владельца бездокументарных акций.

При этом эмитенту, которому известно, что на лицевых счетах у держателя ре-

естра права на бездокументарные ценные бумаги числятся за несуществующим юридическим лицом фактически брошены собственником права на которые ни учредителями, ни кем иным не заявлены, не наделён полномочиями, как эмитент акций, самостоятельно распорядиться акциями, совершить в одностороннем порядке действия, свидетельствующие о владении этими акциями.

Законодатель в специальных нормах, регулирующих порядок выпуска, обращения ценных бумаг оговорил, что только на основании решения суда возможно исключение из реестра владельцев ценных бумаг.

В судебной практике можно выделить два подхода к разрешению такой категории споров: 1) суды отказывают в требованиях о признании права собственности на бесхозные акции по причине недоказанности прав владения эмитентом бездокументарными акциями [7; 8; 9; 10; 15]; 2) суды, признавая акции бесхозными, передают их во владение эмитенту для дальнейшего распределения среди работающих акционеров, из-за отсутствия в действующем законодательстве иного способа защиты нарушенного права [11; 12; 13; 14].

На основании проведённого анализа судебной практики, более обоснованной представляется вторая позиция, поскольку восполняется пробел в законодательстве, учитывая, что единственно допустимым способом восстановления нарушенного права является признание указанных акций бесхозными с передачей их во владение эмитенту для последующего перераспределения указанных акций среди работающих акционеров в порядке, установленном ФЗ «Об акционерных обществах».

Отказ в требованиях эмитента по причине недоказанности прав владения бездокументарными акциями является неверным, так как суды, идя по пути отказа в удовлетворении требований эмитента, не дают оценки в своих судебных актах о невозможности доказать факт владения бездокументарными акциями в силу их правовой природы, физического отсутствия, тем самым лишают эмитента единственного способа защиты прав на «брошенные» бездокументарные акции.

Список литературы:

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Ученые труды ВИЮН. Вып. 3. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. - 192 с.
2. Арзуманова Л.Л., Рождественская Т.Э., Белова Л.Г., Костюк И.В., Ротко С.В., Холкина М.Г., Роголева М.А. Комментарий к Федеральному закону от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс.
3. Белов В.А. Бездокументарные ценные бумаги. - М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. - 106 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Подробный постатейный комментарий с путеводителем по законодательству и судебной практике. Часть I / А.Ю. Беспалов, Ю.Ф. Беспалов, М.С. Варюшин и др.; отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2017 // СПС КонсультантПлюс.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6 - 12 / Д.Х. Валеев, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2014. // СПС КонсультантПлюс.
6. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.03.2012 по делу №А40-47845/11-134-34 // СПС КонсультантПлюс.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2016 по делу №А40-106136/2015 от 15.08.2016 // СПС КонсультантПлюс.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.03.2018 по делу №А40-34243/2017 // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.09.2013 по делу №А48-543/2012 // СПС КонсультантПлюс.
11. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2016 по делу №А49-2517/2016 // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2017 по делу №А55-4434/2017 // СПС КонсультантПлюс.
13. Решение Арбитражного суда города Москвы от 06.12.2012 по делу №А40-55762/2012 // СПС КонсультантПлюс.
14. Решение Арбитражного суда Карачаево-Черкесской Республики от 18.12.2012 по делу № А25-1139/2012 // СПС КонсультантПлюс.

15. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 12.10.2007 по делу №А65-4481/2007 // СПС КонсультантПлюс.
16. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. — М.: Статут, 2011. // СПС КонсультантПлюс.

L.B. Lazarenko, A.U. Bijjeva. Issues related to the acquisition of ownership to the «abandoned» undocumented shares over the issuer // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2021. — Т. 7 (73). № 3. — P. 120-126.

In the article, the authors describe problematic issues that have existed for many years, in the resolution of which issuers of shares are directly interested. In an effort to put the registers of shareholders in order, reflecting the existing shareholders in them, issuers faced the problem of "abandoned" shares, identifying inactive shareholders for many years for various reasons, including the lack of legal successors of a deceased individual or the liquidation of a legal entity. included in the register of shareholders of the issuer. The authors identified problematic issues related to the acquisition by the issuer of ownership of ownerless shares, since, on the one hand, the legislation does not provide for a mechanism for excluding inactive "deceased" shareholders from the register (this problem is especially acute in closed joint-stock companies, given the limited number of shareholders), which affects the rights and interests of the issuers of shares, on the other hand, violation of the rights of shareholders in the case of illegal alienation of shares through abuse and unfair actions of third parties (including raider takeovers). The absence in modern civil legislation of a clear definition of the status of a non-documentary security, its legal nature in relation to controversial legal relations, regulating property and obligations related to the acquisition of ownership of "abandoned" shares for the issuer, gave rise to disputes among theorists, and also influenced the formation of various judicial practice when considering claims of issuers of shares for the recognition of ownership of ownerless book-entry securities. In the article, the authors, analyzing the current legislation, including civil and securities legislation, the emerging judicial practice, offer their position when considering disputes over claims of issuers about rights to "abandoned" uncertified shares by recognizing by the court the ownership of ownerless ("abandoned" owners) shares for the issuer for their further distribution.

Keywords: documentary and uncertified securities, ownerless thing, issuer, «abandoned» shares.

Spisok literatury:

1. Agarkov M.M. Obyazatel'stvo po sovetскому grazhdanskomu pravu. Uchenyye trudy VIYUN. Vyp. 3. M.: Yurid. izd-vo NKYU SSSR, 1940. - 192 c.
2. Arzumanova L.L., Rozhdestvenskaya T.E., Belova L.G., Kostyuk I.V., Rotko S.V., Kholkina M.G., Rogaleva M.A. Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 22 aprelya 1996 g. № 39-FZ «O rynke tsennykh bumag» (postateynnyy) // SPS Konsul'tantPlyus.
3. Belov V.A. Bezdokumentarnyye tsennyye bumagi. - M.: AO «Tsentr YurInfoR», 2002. - 106 c.
4. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Podrobnyy postateynnyy kommentariy s putevoditelem po zakonodatel'stvu i sudebnoy praktike. Chast' I / A.YU. Bepalov, YU.F. Bepalov, M.S. Varyushin i dr.; otv. red. YU.F. Bepalov. M.: Prospekt, 2017 // SPS Konsul'tantPlyus.
5. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Postateynnyy kommentariy k glavam 6 - 12 / D.KH. Valeyev, A.V. Gabov, M.N. Ilyushina i dr.; pod red. L.V. Sannikovoy. M.: Statut, 2014. // SPS Konsul'tantPlyus.
6. Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii» (odobrena resheniyem Soveta pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009) // SPS Konsul'tantPlyus.
7. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 11.03.2012 po delu №А40-47845/11-134-34 // SPS Konsul'tantPlyus.
8. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 15.08.2016 po delu №А40-106136/2015 ot 15.08.2016 // SPS Konsul'tantPlyus.
9. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 22.03.2018 po delu №А40-34243/2017 // SPS Konsul'tantPlyus.
10. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Tsentral'nogo okruga ot 24.09.2013 po delu №А48-543/2012 // SPS Konsul'tantPlyus.
11. Postanovleniye Odinnadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 18.08.2016 po delu №А49-2517/2016 // SPS Konsul'tantPlyus.
12. Postanovleniye Odinnadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 18.08.2017 po delu №А55-4434/2017 // SPS Konsul'tantPlyus.
13. Resheniye Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 06.12.2012 po delu №А40-55762/2012 // SPS Konsul'tantPlyus.
14. Resheniye Arbitrazhnogo suda Karachayevo-Cherkesskoy Respubliki ot 18.12.2012 po delu № А25-1139/2012 // SPS Konsul'tantPlyus.
15. Resheniye Arbitrazhnogo suda Respubliki Tatarstan ot 12.10.2007 po delu №А65-4481/2007 // SPS Konsul'tantPlyus.
16. Rossiyskoye grazhdanskoye pravo: Uchebnik: V 2-kh tomakh. Tom I. Obshchaya chast'. Veshchnoye pravo. Nasledstvennoye pravo. Intellektual'nyye prava. Lichnyye neimushchestvennyye prava / Отв. ред. Ye.A. Sukhanov. — М.: Statut, 2011. // SPS Konsul'tantPlyus.

УДК 347.9

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-127-132

МЕДИАТИВНОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Овдиенко Е. Б.

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия

В данной статье приведен анализ позиции законодателя по отношению к институту медиации; проанализированы принципы, на основе которых осуществляется примирение сторон при заключении медиативного соглашения; особое внимание уделено принципу конфиденциальности. Рассмотрена процедура медиации как вид индивидуального регулирования гражданских правоотношений. Проведен анализ требований к фигуре медиатора, в свете действующего законодательства, а также с учетом законопроекта, разработанного Министерством юстиции Российской Федерации. Автор делает вывод о том, что медиативное соглашение – это результат добровольного индивидуального регулирования спорных правоотношений.

Ключевые слова: медиация, примирение, медиатор, медиативное соглашение, принципы, конфиденциальность, беспристрастность, независимость, индивидуальное регулирование правоотношений, урегулирование спора.

Институт посредничества при разрешении конфликтов между сторонами не нов, он известен давно. В современной России закон об альтернативном разрешении споров был принят в 2011 г. [1], при этом к настоящему времени в закон не раз вносились изменения и дополнения, что говорит о развитии этого способа урегулирования разногласий, его сущностном совершенствовании на уровне законодательства. Сегодня назрела острая необходимость в расширении использования данного способа разрешения конфликтов, так как медиативное соглашение принимается в короткие сроки и способно эффективно разрешить спор для обеих сторон.

В 2019 г. были внесены изменения в процессуальные кодексы [2]: как в ГПК [3], так и в АПК [4]. Во-первых, эти изменения в кодифицированные акты закрепили принципы, на основе которых осуществляется примирение сторон; это добровольность, сотрудничество, равноправие и конфиденциальность. Во-вторых, законодатель обозначил порядок и сроки проведения примирительной процедуры, а также виды примирительных процедур; при этом перечень видов таких процедур остался открытым. В-третьих, были внесены изменения в положения, касающиеся содержания и формы мирового соглашения; в частности, в него теперь можно внести условия, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом судебного разбирательства. Относительно процедуры медиации, помимо принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности, действуют принципы беспристрастности и независимости медиатора.

Для характеристики медиативного соглашения как результата индивидуального регулирования гражданских правоотношений важно указать следующее. В отличие от индивидуального судебного регулирования гражданских правоотношений, осуществляемого, в том числе, на принципе гласности, который закреплен конституци-

онно (в соответствии с ч. 1 ст. 123 Конституции РФ «разбирательство дел во всех судах открытое» [5]), медиативное примирение как вид индивидуального регулирования гражданских правоотношений строится на принципе конфиденциальности. Этот принцип относительно альтернативной процедуры урегулирования споров в современной юридической науке получил широкое рассмотрение в связи с введением третейского разбирательства. Мы согласны с мнением С.А. Курочкина, который указывает на двойственность этого принципа – он состоит, с одной стороны, из «непубличности, негласности самой процедуры рассмотрения дела», а с другой стороны, заключается в том, чтобы были приняты «меры по сохранению в тайне информации, которая была вовлечена в процесс разбирательства споров» [6, с. 154].

Законом об альтернативном разрешении споров установлено, что процедура медиации – это «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [1]. Законодатель устанавливает для процедуры следующие правила – медиатор содействует сторонам в разрешении спора, но не разрешает его сам; он не должен высказывать своего мнения, в отличие от судьи. Медиатор предпринимает действия, направленные на поиск оптимального выхода из возникшей конфликтной ситуации, при соблюдении интересов каждой из сторон, и принятие взаимоприемлемого соглашения. В обязанности медиатора входят организация и структурирование процесса переговоров, но при этом он не влияет на содержательную сторону разрешения спора. Именно сторонам предстоит выработать такую позицию по решению конфликтной ситуации, которая устроит их обеих. Следовательно, стороны самостоятельно принимают решение по возникшему спору, а медиатор осуществляет комплексное регулирование процесса переговоров.

Таким образом, можно заключить, что процедура медиации представляет собой «вид добровольного индивидуального регулирования правоотношений» [7, с. 355]; ведь при наличии спора стороны добровольно приходят к выводу, что способны урегулировать его с помощью медиативного соглашения. При этом нельзя не обратить внимание на то, что при индивидуальном судебном регулировании довольно мало случаев возобновления деловых и коммерческих связей участников судебного разбирательства. Медиация – более гибкий процесс урегулирования конфликтов, а при грамотной работе медиатора, у которого имеется достаточная квалификация в таких отраслях, как конфликтология и психология, эта процедура позволит сторонам спора и в дальнейшем остаться деловыми партнерами.

Процедура медиации предполагает несколько этапов. В рамках подготовительного этапа стороны спора соглашаются на проведение медиации, после чего они подписывают соглашение, в котором выражают свое согласие: во-первых, на участие в данной процедуре по собственному желанию, без принуждения, на основе свободного волеизъявления; во-вторых, на кандидатуру медиатора, который является для них независимым и беспристрастным. В процессе основного этапа медиатор организует переговорный процесс, в зависимости от позиций сторон структурирует его и с помощью своих профессиональных навыков примиряет стороны и способствует принятию обоюдовыгодного решения. На заключительном этапе составляется медиативное соглашение. Каждый спор уникален, возникшие препятствия по исполнению обязательств у сторон также носят индивидуальный характер, что доказывает неповторимость содержания медиативного соглашения; а все изложенное в

совокупности доказывает, по нашему мнению, что медиативное соглашение – это результат индивидуального регулирования гражданских правоотношений.

В рамках настоящего исследования нельзя не остановиться на понятии, форме и содержании медиативного соглашения. Относительно понятия «медиативное соглашение» в юридической науке в последние годы ведется дискуссия. Так, С.К. Загайнова выводит следующее понятие: «Медиативное соглашение – письменное соглашение сторон процедуры медиации, заключенное по итогам проведения процедуры медиации и направленное на урегулирование правового спора на основании интересов сторон» [8, с. 94]. Детально исследуя это понятие, О.Н. Шеменова выявляет несогласованность статей закона об альтернативном разрешении споров [9, с. 14], когда в одном случае, согласно ч. 1 ст. 12, «медиативное соглашение заключается в письменной форме и должно содержать сведения о сторонах, предмете спора, проведенной процедуре медиации, медиаторе, а также согласованные сторонами обязательства, условия и сроки их выполнения» [1]; а в другом случае, согласно ч. 4 этой же статьи, медиативное соглашение определяется как гражданско-правовая сделка.

В процессе выработки медиативного соглашения могут решаться не только правовые и экономические вопросы, по поводу которых возник спор. В его содержании могут отражаться психологические, моральные, социальные аспекты индивидуального разрешения спорной ситуации по поводу гражданских правоотношений. Однако, что касается медиативного соглашения, которое впоследствии утверждает суд, то оно должно отвечать таким требованиям, как полнота, определенность, ясность и исполнимость.

Особого внимания заслуживает тот факт, что до последних изменений законодательства только медиативное соглашение, которое было принято в рамках судебного разбирательства и утверждено судом в качестве мирового соглашения, давало возможность стороне спора инициировать принудительную процедуру исполнения в рамках исполнительного производства. В 2019 г. законодатель придал новый статус медиативному соглашению, принятому вне судебного разбирательства, уравнивая права сторон досудебной и судебной процедур медиации, – медиативное соглашение, заверенное нотариально, получило силу исполнительного документа [2]. Представляется, что изложенное однозначно свидетельствует о совершенствовании законодательного регулирования процесса медиации, пристальном внимании и последовательных действиях законодателя, направленных на оптимизацию и способствующих эффективности анализируемого процесса.

Вместе с тем, недостаточная распространенность индивидуального регулирования спорных гражданских правоотношений путем принятия медиативного соглашения многим видится в отсутствии стройной системы требований к кандидатуре медиатора. В действующем законе об альтернативном разрешении споров прописаны следующие требования: медиатор – это независимое физическое лицо, осуществляющее деятельность медиатора как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. В этом отношении З.А. Паулова указывает, что «медиация – это процедура активного участия в конфликте нейтральной незаинтересованной стороны, которая имеет авторитет у всех конфликтующих участников и прилагает усилия для взаимовыгодного урегулирования спора» [10, с. 48]. Г.Г. Фастович стоит на позиции, что медиатор должен обладать юридическими знаниями, так как он «может

определить наличие объективных факторов медиабельности спора, оценивать правомерность действий и предложений участников медиации и в конечном итоге обеспечить соответствие соглашения, заключенного по результатам медиации, требованиям закона» [11, с. 10]. Особого внимания заслуживает точка зрения, высказанная А.В. Новиковым и Д.Н. Слабко, в соответствии с которой «как в России, так и за рубежом, наиболее эффективными являются медиаторы, имеющие специальные познания о предмете спора» [12, с. 49].

В октябре 2020 года на портале Федеральной палаты адвокатов России появилось сообщение о разработанном Минюстом России проекте закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации» [13], в котором прописаны требования к медиатору. Согласно пп. 1 п. 2 ст. 10 указанного проекта медиаторами могут выступать лица: 1) «достигшие тридцатилетнего возраста»; во-вторых, «имеющие высшее образование ... в области юриспруденции, психологии, педагогики»; в-третьих, «прошедшие подготовку, ... стажировку, ... имеющие стаж работы по специальности не менее 5 лет, внесенные в единый федеральный реестр медиаторов». Особо следует указать, что анализируемый проект закона прямо признает право выступать в качестве медиаторов за судьями в отставке (пп. 2 п. 2 ст. 10 проекта) [14].

Полагаем, что принятие закона об урегулировании споров с участием посредника (медиации), в целом, и установление на уровне такого закона требований к кандидатуре медиатора, в частности, не только способствует урегулированию статуса медиатора и унифицирует требования к его образованию и квалификации, но и, что особенно значимо, отразится на уровне доверия к медиатору и востребованности процедуры медиации как таковой. В свою очередь открытость сведений о медиаторах (в частности, за счет ведения и размещения в сети «Интернет» единого федерального реестра медиаторов, как это предлагается в ст. 14 проекта) положительно скажется на еще более широком распространении применения института медиации.

Таким образом, медиативное соглашение как результат медиации, добровольно используемой сторонами для урегулирования спора об их гражданских правах и обязанностях, представляет собой результат индивидуального регулирования гражданских правоотношений. При этом сама процедура медиации основывается на принципах равноправия и конфиденциальности, включает определенные этапы, направлена на заключение примирительного соглашения в результате взаимных обоюдовыгодных уступок сторон и реализуется в рамках действующего законодательства Российской Федерации.

Список литературы:

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162. – Текст: непосредственный.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4099. – Текст: непосредственный.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532. – Текст: непосредственный.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012. – Текст: непосредственный.
5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. – Текст: электронный // Офици-

- альный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата размещения: 04.07.2020).
6. Курочкин, С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика / С.А. Курочкин. – Москва: Волтерс Клувер, 2007. – 272 с. – Текст: непосредственный.
7. Ершов, В.В. Регулирование правоотношений / В.В. Ершов. – Москва: РГУП, 2020. – 564 с. – Текст: непосредственный.
8. Загайнова, С.К. Соотношение медиативного и мирового соглашений: актуальные вопросы судебной практики / С.К. Загайнова // Российский юридический журнал. – 2018. – № 5. – С. 92–96. – Текст: непосредственный.
9. Шеменова, О.Н. Медиативное соглашение как исполнительный документ: новые возможности и новые вопросы / О.Н. Шеменова // Нотариус. – 2020. – № 1. – С. 12–15. – Текст: непосредственный.
10. Папулова, З.А. Медиация и арбитраж как часть современной практической юриспруденции в США (на примере суда по гражданским делам района Манхэттен г. Нью-Йорк) / З.А. Папулова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 10. – С. 48–51. – Текст: непосредственный.
11. Фастович, Г.Г. Правовые аспекты развития института медиации как один из критериев качества государственного механизма / Г.Г. Фастович // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 1. – С. 9–11. – Текст: непосредственный.
12. Новиков, А.В. Процедура медиации. Функции, типы и стадии медиации / А.В. Новиков, Д.Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. № 1А. – С. 48–54. – Текст: непосредственный.
13. Государственный медиатор? – Текст: электронный // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/gosudarstvennyu-mediator/> (дата обращения: 23.04.2021).
14. Проект Федерального закона Российской Федерации «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации», Министерство юстиции Российской Федерации (Минюст России), исх. № 12/108186-МБ от 23.09.2020 г. – Текст: электронный // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ : [сайт]. – URL: https://www.advogazeta.ru/upload/medialibrary/3a9/Zakon_o_mediatsii_ot_MinYUsta.pdf (дата обращения: 23.04.2021).

Ovdiyenko Ye. B. Mediation Agreement as a Result of Individual Regulation of Civil Legal Relations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 127-132.

The article presents the analysis concerning legislator's position in respect of mediation; the author analyses principles underlying reconciliation of parties concluding mediation agreement; special attention is paid to the principle of confidentiality. The author considers mediation procedure as the type of individual regulation of civil legal relations. The analysis is conducted regarding preconditions advanced for figure of mediator in the light of current legislation, as well as with the view of the bill drafted by the Ministry of Justice of the Russian Federation. The author makes a conclusion that mediation agreement is the result of voluntary individual regulation of legal relations at issue.

Keywords: mediation, reconciliation, mediator, mediation agreement, principles, confidentiality, impartiality, independence, individual regulation of legal relations, settlement of dispute.

Spisok literatury:

1. Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii) : Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 g. № 193-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2010. – № 31. – St. 4162. – Tekst: neposredstvennyj.
2. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 26.07.2019 g. № 197-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2019. – № 30. – St. 4099. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 g. № 138-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2002. – № 46. – St. 4532. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 g. № 95-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2002. – № 30. – St. 3012. – Tekst: neposredstvennyj.

5. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 g. – Tekst: elektronnyj // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii : [sajt]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data razmeshcheniya: 04.07.2020).
6. Kurochkin, S.A. Tretejskoe razbiratel'stvo grazhdanskih del v Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika / S.A. Kurochkin. – Moskva: Volters Kluver, 2007. – 272 s. – Tekst: neposredstvennyj.
7. Ershov, V.V. Regulirovanie pravootnoshenij / V.V. Ershov. – Moskva: RGUP, 2020. – 564 s. – Tekst: neposredstvennyj.
8. Zagajnova, S.K. Sootnoshenie mediativnogo i mirovogo soglashenij: aktual'nye voprosy sudebnoj praktiki / S.K. Zagajnova // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2018. – № 5. – S. 92–96. – Tekst: neposredstvennyj.
9. SHemeneva, O.N. Mediativnoe soglashenie kak ispolnitel'nyj dokument: novye vozmozhnosti i novye voprosy / O.N. SHemeneva // Notarius. – 2020. – № 1. – S. 12–15. – Tekst: neposredstvennyj.
10. Papulova, Z.A. Mediaciya i arbitrazh kak chast' sovremennoj prakticheskoy yurisprudencii v SSHA (na primere suda po grazhdanskim delam rajona Manhetten g. N'yu-Jork) / Z.A. Pauloza // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2017. – № 10. – S. 48–51. – Tekst: neposredstvennyj.
11. Fastovich, G.G. Pravovye aspekty razvitiya instituta mediacii kak odin iz kriteriev kachestva gosudarstvennogo mekhanizma / G.G. Fastovich // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2020. – № 1. – S. 9–11. – Tekst: neposredstvennyj.
12. Novikov, A.V. Procedura mediacii. Funkcii, tipy i stadii mediacii / A.V. Novikov, D.N. Slabkaya // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2021. – T. 11. № 1A. – S. 48–54. – Tekst: neposredstvennyj.
13. Gosudarstvennyj mediator? – Tekst: elektronnyj // Federal'naya palata advokatov Rossijskoj Federacii : [sajt]. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/gosudarstvennyy-mediator/> (data obrashcheniya: 23.04.2021).
14. Proekt Federal'nogo zakona Rossijskoj Federacii «Ob uregulirovanii sporov s uchastiem posrednika (mediacii) v Rossijskoj Federacii», Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii (Minyust Rossii), iskh. № 12/108186-MB ot 23.09.2020 g. – Tekst: elektronnyj // Advokatskaya gazeta. Organ Federal'noj palaty advokatov RF : [sajt]. – URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/3a9/Zakon_o_mediatsii_ot_MinYUsta.pdf (data obrashcheniya: 23.04.2021).

УДК 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 133-147

ХАРАКТЕР И СТЕПЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НЕПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ И КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Ищенко И. В.

Крымский филиал Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»

В статье проанализированы научные подходы к понятиям характера и степени общественной опасности преступления и на их основе сформулированы авторские предложения по разграничению данных понятий. Обосновывается, что характер и степень, являясь показателями общественной опасности, устанавливаются в зависимости от двух различных групп обстоятельств: характер опасности – от конкретных признаков преступления, лежащих в рамках его состава и характеризующих его объект, объективную и субъективную стороны и субъект, а степень общественной опасности – исходя из обстоятельств, которые не отражены в составе преступления, но учитываются судом и влияют на различные аспекты уголовной ответственности. При этом аргументируется мысль о том, что из понятия «степень общественной опасности» нельзя исключать ни личность виновного, ни смягчающие или отягчающие обстоятельства, ни какие-либо другие фактические обстоятельства, влияющие на его общественную опасность. С учетом такого понимания сделаны предложения *de lege ferenda*, касающиеся ч. 3 ст. 60 УК РФ, а также предложена новая редакция п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

В статье также исследована общественная опасность преступных деяний, в результате чего сделан вывод, что ее содержание, показатели и возможность использования понятий характера и степени общественной опасности зависят от конкретного вида такого деяния.

Ключевые слова: характер общественной опасности; степень общественной опасности; преступление; преступные деяния; уголовное законодательство; доктрина уголовного права; научные подходы; судебная практика; элементы состава преступления; признаки состава преступления; личность виновного; фактические обстоятельства; оценка преступления.

В уголовно-правовой науке и практике одним из наиболее разработанных (хотя и дискуссионных) понятий является общественная опасность преступления. В отличие от этого, общественная опасность преступных деяний исследована гораздо меньше. Данное обстоятельство диктует логику и содержание настоящей статьи, в которой вначале рассматриваются характеристики общественной опасности преступления, а затем – общественной опасности преступных деяний.

Общественная опасность преступления как предмет изучения сразу же обнаруживает редкую гармонию уголовного законодательства, доктрины и судебной практики: каждая из этих трех форм воплощения уголовного права оперирует такими понятиями, как характер и степень общественной опасности. Правда, на этом гармония и заканчивается, поскольку более глубокий анализ выявляет существенный разброс мнений и подходов не только к их содержанию, но и к взаимосвязи с общественной опасностью. Так, характер и степень именуется соответственно качественной и количественной сторонами общественной опасности преступления [36, с. 53-59], качественной и количественной характеристиками [14, с. 153-154; 19 с. 112; 12], различными уровнями оценки преступления [16 с. 27, 18 с. 63], показате-

лями общественной опасности [35, с. 117], инструментарием измерения общественной опасности [32, с. 8], характеризующими признаками [32, с. 4] и т.д.

Не менее широка и разнообразна линейка научных подходов к содержанию рассматриваемых понятий. Причем среди них можно выявить, с одной стороны, группу точек зрения, традиционно обсуждаемых в доктрине уголовного права, уже имеющих целый ряд своих адептов, оппонентов и регулярно прирастающих новы-ми, а с другой – единичные мнения, стоящие в стороне от основного дискурса.

Так, большинство криминалистов связывают характер общественной опасности с теми общественными отношениями, на которые направлено преступление, т.е. с его объектом. При этом подчеркивается, что характер общественной опасности зависит от важности общественных отношений и показывает типовую характеристику вредности тех или иных деяний, объединенных общим объектом, а степень общественной опасности определяется способом совершения преступления, тяжестью наступивших последствий, стадиями осуществления преступного намерения и другими юридически значимыми особенностями конкретных преступных деяний [36 с. 42]. Данный подход можно назвать традиционным, его в той или иной степени разделяют многие ученые [9 с. 73-74; 13 с. 45; 34 с. 90; 16 с. 25].

Немало сторонников имеет и другое понимание характера общественной опасности. Оно заключается в том, что его содержание образуют все элементы и признаки состава преступления, как объективные, так и субъективные. В частности, Н.Ф. Кузнецова, отмечая ведущее значение объекта и последствий преступления, относил к ним также способ совершения преступления, форму вины, содержание мотивов и целей, признаки субъекта преступления и пр. [38, с. 53-58] Степень общественной опасности, по ее мнению, являясь количественной стороной материального признака преступления, образуется за счет совокупной степени общественной опасности объективных и субъективных признаков преступления [38, с. 58-59]. Так же широко трактуют понятие характера общественной опасности преступления и другие ученые, связывая его со всеми или со многими признаками состава преступления [33, с. 10-11, 31 с. 8-9; 31, с. 145; 19, с.110, 116; 30, с.10].

Убедительна позиция Ю.Е. Пудовочкина, который, вслед за В.В. Мальцевым, обосновывает, что характер и степень общественной опасности отражают различные уровни оценки преступления: характер свидетельствует об опасности преступлений определенного вида, а степень – об опасности конкретного преступления [28 с. 63, 16 с. 27]. Е.В. Благов также полагает, что характер общественной опасности позволяет уяснить не индивидуальные признаки конкретного преступления, а общие признаки преступлений определенного вида (убийств, изнасилований, хищений и пр.) [3 с. 39]. Как следствие, утверждается, что характер общественной опасности определен законодателем, когда он принял решение о криминализации того или иного общественно опасного деяния. В этом отношении характер опасности не может быть изменен без законодательного решения, он – фактор неизменный, а это, в свою очередь, означает, что «суд не вторгается в оценку характера общественной опасности, ибо иное означало бы сомнение в обоснованности самой криминализации деяния. Суд лишь учитывает ... характер опасности преступления» [3 с. 64]. К этой же группе можно отнести и взгляд на общественную опасность А.П. Козлова, хотя он и не лишен внутреннего противоречия: с одной стороны, утверждается, что характер общественной опасности базируется на всей совокупности признаков пре-

ступления, а с другой – из этой совокупности исключается объект, поскольку он «сам по себе вообще не образует общественной опасности, он связан с ней только через причиненный вред. Отсюда при установлении характера опасности вообще нельзя опираться на объект» [11 с. 721].

В некотором отдалении от приведенных подходов находятся отдельные научные трактовки характера и степени общественной опасности, не нашедшие отклика в научной среде. Так, Б.Т. Разгильдиев определяет характер общественной опасности как «предполагаемый вред правовому благу, от причинения которого удерживаются угрозой наказанием неперсонифицированные лица (на уровне состава преступления), либо вред, за учинение которого персонифицированные лица несут ответственность, предусмотренную санкциями соответствующих уголовно-правовых норм (на уровне преступления)» [29 с. 545]. Степень общественной опасности, по его мнению – это «основанная на характере общественной опасности деяния, обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание, других факторах, характеризующих личность, готовность лица к совершению нового посягательства на личность, общество, государство, мир и безопасность человечества» [29 с. 545]. Больше того, провозглашается, что «определяющим в степени общественной опасности является уровень готовности лица к совершению нового посягательства», а состояние «готовности» основывается «на характере причиненного вреда соответствующему объекту (объективный показатель) и получении лицом полного или неполного удовлетворения от совершенного им деяния (субъективный фактор)» [29 с. 545].

Признаемся, что комментировать изложенную точку зрения довольно затруднительно, поскольку она состоит из утверждений, бесспорность и аргументированность которых вовсе не очевидна. К тому же, она порождает вопросы, на которые мы не нашли ответа, например: означает ли такое понимание степени общественной опасности, что это понятие применимо лишь к тем преступлениям, которые совершаются повторно? В чем выражается «готовность» лица к совершению нового посягательства? Как соотносится эта «готовность» с причиненным вредом соответствующему объекту? Как выявить полноту удовлетворения преступника совершенным им преступлением и т.д.

И.А. Солодков считает, что степень общественной опасности – это «обусловленная характером общественной опасности, а также обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, иными обстоятельствами, характеризующими личность виновного, злонамеренность лица, выражающая уровень потенциальной возможности совершения им нового посягательства на объекты, поставленные под охрану уголовным законом» [30 с. 9]. В данном случае также возникают безответные вопросы, касающиеся оценочного понятия «злонамеренность», показателей потенциальной возможности новых посягательств и пр.

О.А. Михаль обещает установить «истинное содержание» характера и степени общественной опасности преступления [17], однако в результате оказывается, что оно реализуется путем введения в уголовное законодательство новой категории – «общественная вредность». Упоминание же об общественной опасности, по мнению автора, «должно остаться только в норме, дающей понятие преступления. Во всех иных случаях, где законодатель использует категорию общественной опасности, следует говорить об общественной вредности» [17]. При этом он автоматически переносит на понятие «общественная вредность» все показатели понятия «обществен-

ная опасность»: характер, степень, содержание, способы установления в законе и пр. Мы не уверены в эффективности такой «новизны» и не можем не отметить ее практическую сомнительность.

Целый ряд суждений, касающихся понятий характера и степени общественной опасности преступления, высказал Верховный Суд РФ. Самое главное из них, по нашему мнению, содержится в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – постановление от 22.12.2015 № 58) [22]: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления».

Приведенные результаты исследований и обобщения судебной практики представляются достаточными для аргументированного изложения нашей авторской позиции относительно понятий «характер» и «степень» общественной опасности. При этом целесообразно начать с краткого комментария итогов научной разработанности рассматриваемых понятий. Полагаем, что для характеристики взаимосвязи понятий характера и степени с понятием «общественная опасность» не могут быть применены такие термины, как «количественная сторона» или «количественная характеристика», т.к. любое упоминание о количестве требует математических последствий: в каких единицах измерять, каким образом суммировать или вычитать соответствующие признаки, установленные в конкретном преступлении и т.д. Решить такую задачу невозможно: нам кажется непоколебимой правота Ю.Е. Пудовочкина, утверждающего, что измерить общественную опасность преступления как разновидности зла так же невозможно, как при помощи математики исчислить степень доброты, вежливости, порядочности и других социально-этических понятий» [28 с.65]. С учетом этого акцент на «количестве» при характеристике общественной опасности некорректен, а это, в свою очередь, означает также невозможность использования для этих целей и понятия «качество» – оно уместно только в смысловой связке с понятием количества. По этим же причинам представляется неприемлемым и термин «инструментарий измерения общественной опасности».

Понимание характера и степени как признаков общественной опасности также, на наш взгляд, не вполне удачно, т.к. понятие «признак» чаще всего свидетельствует о принадлежности объекта к некоторому классу или о факте (обстоятельстве), позволяющем сделать вывод о наличии какого-либо явления и разграничить его с другими. Как было обосновано нами ранее, общественная опасность не является

исключительно уголовно-правовым понятием, она присуща непроступным и даже правомерным действиям, угрозы со стороны которых вполне соизмеримы с криминальными.

По нашему мнению, характер и степень выступают в качестве показателей общественной опасности преступления, они помогают обнаружить и охарактеризовать внешние формы проявления такого сущностного признака преступления, каким является общественная опасность. Иначе говоря, в данном случае применимы философские категории сущности и явления: общественная опасность дается нам в проявлениях ее характера и степени; как емко сформулировал Гегель – сущность является, а явление сущностно. Действительно, как мы оцениваем общественную опасность преступления? Как указывал Верховный Суд РФ вслед за законодателем, именно по ее характеру и степени. Именно эти показатели (параметры) постоянно находятся в поле зрения высшей судебной инстанции, именно их она уточняет в своих актах по мере накопления правоприменительного и научного опыта.

Переходя к содержанию исследуемых понятий, считаем необходимым обратить внимание на неполноту, а значит, и не безупречность господствующего в науке взгляда на зависимость характера общественной опасности от объекта преступного посягательства. Несмотря на весьма добротное обоснование и привлекательность профессионального «искушения» раз и навсегда четко отграничить характер опасности от ее степени, он имеет некоторые недостатки. Главным из них представляется его несогласованность с позицией Верховного Суда РФ, который связывает характер общественной опасности не только с объектом преступления, но со всеми установленными судом признаками состава преступления [22]. Направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред лишь имеют приоритет в учете характера общественной опасности судом [22], но вовсе не исключают оценки и учета других признаков. Подход Верховного Суда РФ представляется нам единственно верным: при характеристике общественной опасности преступления, тем более, ее характера, недопустимо ограничиваться только одним элементом состава преступления. Конечно, его важность очевидна и признана законодателем: объект преступления лежит в основе структуры Особенной части уголовного закона. Но очевидно и то, что общественная опасность посягательств на один и тот же объект может быть совершенно различной (например, ст.ст. 105-108; 205 и 205, 212 и 214 УК РФ). Это убедительно доказывает, что в подобных случаях определяющими опасностью элементами и признаками составов являются иные, а не объект преступления.

Рассмотрение характера и степени общественной опасности через призму всех признаков состава преступления также представляется нам не оптимальным, поскольку не позволяет более или менее ясно разграничить признаки, «отвечающие», с одной стороны, за характер, а с другой – за степень общественной опасности. Этот существенный, на наш взгляд, изъян имеется и в постановлении от 22.12.2015 № 58. Так, причиненный вред Верховный Суд РФ относит к характеру общественной опасности, а характер и размер наступивших последствий – к степени общественной опасности. Подобные примеры встречались и в доктрине уголовного права: форма вины включалась в характер общественной опасности, а виды умысла и неосторожности – в степень общественной опасности [19, с.110, 116-117]. При таком подходе естественным образом возникает вопрос: а что такое формы вины, если не объеди-

нение различных видов умысла и неосторожности? Другими словами, если мы отнесем виды умысла и неосторожности к степени общественной опасности, что содержательно останется на долю ее характера? К сожалению, ответов на эти вопросы в соответствующих научных публикациях мы не находим.

С пониманием характера и степени общественной опасности как различными уровнями оценки преступления, при всей его логической стройности, также нельзя полностью согласиться. Во-первых, и УК РФ, и соответствующие разъяснения Верховного Суда РФ регулируют прежде всего оценку характера и степени общественной опасности именно конкретного преступления, а не «преступлений определенного вида» (ч. 3 ст. 47, ч. 3 ст. 60, п. 1.1. ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 68, ч. 2 ст. 73 УК РФ, пп. 1, 27, 66 постановления от 22.12.2015 № 58). Во-вторых, если трудно спорить с тем, что характер общественной опасности определяется законодателем, то вывод о том, что суд не вторгается в оценку характера общественной опасности, не просто спорен – он очевидно противоречит уголовному закону и единообразной практике его применения. Ч. 6 ст. 15 УК РФ – веское доказательство тому, что суд наделен правомочием не просто вторгаться, а изменять опасность преступления, понижая его категорию на одну ступень. Кроме того, в п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58 предусмотрено, что характер общественной опасности преступления хоть и «определяется уголовным законом», но все-таки «зависит от установленных судом признаков состава преступления». Отмеченные обстоятельства опровергают, на наш взгляд, тезис о неизменном характере общественной опасности. Веским аргументом в пользу этого является позиция Судьи Конституционного Суда РФ К.В. Арановского, правильно отметившего главную специфику общественной опасности, которая представляет собой «не только объективный риск... но «еще и человеческое, субъективное состояние, и в этом смысле она зависит от того, как ее чувствуют, представляют и выражают, в частности, законодательным решением по праву конституционного народовластия и в силу законодательных полномочий» [21]. Может ли быть «неизменным» законодательное и судебное усмотрение? Думаем, нет.

Вместе с тем, приходится констатировать, что в некоторых случаях адепты комментируемого научного подхода доводят его до абсурда, предлагая вообще отказаться от учета характера общественной опасности при назначении наказания и отразить это на законодательном уровне. В частности, В.Н. Воронин полагает, что «ссылку на характер общественной опасности следовало бы перенести из ч. 3 ст. 60 УК РФ в ч. 1 указанной статьи: «... определяется наказание с учетом характера общественной опасности в пределах...» [5 с. 116]. Данное предложение не выдерживает критики, как минимум, по двум основаниям: прежде всего, «перенос» ссылки на характер общественной опасности в редакции В.Н. Воронина в ч. 1 ст. 60 УК РФ ничего не может изменить по существу, поскольку данная статья регламентирует общие начала назначения наказания, а ее единственным адресатом является суд. Исходя из этого, замена термина «назначается» на термин «определяется» применительно к наказанию, по сути, сводит на нет первое важнейшее общее начало назначения наказания: из ясного и четкого требования к суду оно превращается в простое, ни к чему не обязывающее напоминание ему о том, что наказание определяется законодателем. К тому же в предлагаемой В.Н. Ворониным редакции отсутствует такая важнейшая, принципиальная характеристика наказания, как «справедливое», имеющаяся в ч. 1 ст. 60 УК РФ. Полагаем, на этом можно остановиться: *sapienti sat*.

Правовая позиция Верховного Суда РФ относительно характера и степени общественной опасности преступления, закрепленная в постановлении от 22.12.2015 № 58, позволяет уяснить следующие важные для нашего исследования положения: 1) при назначении наказания судом должны быть учтены как характер, так и степень общественной опасности; 2) характер общественной опасности зависит от установленных судом признаков состава преступления, т.е. связан именно с ними; 3) приоритетное значение в процессе установления характера общественной опасности имеют направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред; 4) степень общественной опасности зависит от конкретных обстоятельств содеянного – характера и размера последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, видов умысла либо неосторожности; 5) смягчающие и отягчающие обстоятельства также учитываются при определении степени общественной опасности преступления (к этому положению вернемся еще чуть позже).

Думается, на основании этого допустимо предложить следующее разграничение понятий «характер общественной опасности» и «степень общественной опасности»: первое образуют обстоятельства, связанные с признаками преступления, лежащими в рамках конкретного состава и характеризующими, соответственно, его объект, объективную и субъективную стороны, а также субъект преступления. Второе понятие – «степень общественной опасности» – устанавливается, исходя из тех обстоятельств, которые не отражены в законодательной формуле преступления – его составе, но учитываются судом и влияют на назначение наказания или на иные аспекты ответственности (освобождение от наказания или от уголовной ответственности, применение условного осуждения, мер уголовно-правового характера и пр.). Так, характер общественной опасности убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) будут определять признаки объекта, объективной, субъективной стороны и субъекта (направленность на жизнь, последствия, характер деяния, содержание умысла, характеристики возраста и вменяемости виновного и пр.), а степень общественной опасности, к примеру, такие обстоятельства, как мотив сострадания, наличие малолетних детей у виновного и пр.). Преимущества такого разграничения, на наш взгляд, заключаются в его основанности на совершенно различных, не совпадающих и не дублирующих друг друга группах обстоятельств, а также на частичном соответствии достаточно многочисленной и единообразной судебной практике по конкретным делам. Приведем в доказательство несколько примеров.

П. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201¹, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (далее – постановление от 29.06.2021 № 21) требует учитывать при оценке степени общественной опасности содеянного содержание мотивов и целей, значимость обязанностей, которые были нарушены, продолжительность преступных действий (бездействия), характер и тяжесть причиненного вреда, количество потерпевших, наличие вреда охраняемым законом интересам государства, другие фактические обстоятельства и данные о личности виновного. Как видим, довольно большое количество обстоятельств, которые должны учитывать суды, не охватываются соответствующими составами преступлений (содержание мотивов, значимость нарушенных обязанностей, продолжительность пре-

ступных деяний, данные о личности). Перечень обстоятельств оставлен открытым, что позволяет суду учесть любые, по его мнению, значимые характеристики конкретных преступлений. Следовательно, Верховный Суд РФ совершенно ясно формулирует, что при оценке судами общественной опасности преступления могут учитываться признаки преступления, не связанные с его составом, указанным в УК.

Другим примером подобного толкования является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее – постановление от 28.06.2011 № 11), которое перечисляет признаки, свидетельствующие о наличии прямого умысла и специальных целей и которые в науке уголовного права прочно и однозначно связываются именно со степенью общественной опасности соответствующих преступлений [2, с. 39-40]. Верховный Суд подчеркивает, что судам следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, «форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в том числе о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории, данные о его личности (в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений. Кроме того, при решении вопроса о малозначительности указанного деяния судам необходимо учитывать размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию» [24].

Судебные акты Конституционного Суда РФ также позволяют констатировать, что он допускает при оценке степени общественной опасности учет не только признаков состава преступления. Так, оценивая конституционность ст. 324 УК РФ, Конституционный Суд РФ специально подчеркнул необходимость в правоприменительной практике «устанавливать как *формальную уголовную противоправность* предусмотренного статьей 324 УК Российской Федерации деяния, так и реальную *степень его общественной опасности, определяемую с учетом исследования всей совокупности фактических обстоятельств конкретного дела* (курсив наш – И.И.), в том числе свидетельствующих о наличии либо отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности или от наказания либо для признания совершенного деяния малозначительным» [18].

В дополнение к этому добавим, что ранее мы приводили убедительные доказательства учета судами при констатации малозначительности деяния широкого спектра фактических обстоятельств, в том числе, лежащих за пределами конкретных составов преступлений. Таким образом, приведенное обоснование, по-нашему мнению, убеждает в том, что предлагаемое нами разграничение содержания понятий характера и степени общественной опасности является не только логичным и оптимальным, но и учитывает фактическую готовность к такому разграничению в су-

дебной практике, которую необходимо лишь формализовать в соответствующих постановлениях Верховного Суда РФ и иных судебных актах. Для этого предлагаем откорректировать п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58 так: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред.

Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, лежащих за пределами состава преступления. К ним могут быть отнесены, например, характер и размер последствий преступления с формальным составом, мотивы, цели, способы деяния, не являющиеся составообразующими или квалифицирующими признаками, характеристики личности виновного, его постпреступное поведение и пр. Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание...» – далее по тексту.

Отдельного развернутого комментария заслуживает предлагаемое нами включение в содержание понятия «степень общественной опасности» данных о личности виновного, поскольку в уголовно-правовой доктрине имеются взгляды, причем не единичные, согласно которым характеристика личности рассматривается за пределами общественной опасности. Так, Ю.Е. Пудовочкин считает, что «следует четко различать опасность преступления и опасность лица, совершившего преступление...; нет оснований для того, чтобы отождествлять их или смешивать» [28, с. 59]. Обосновывая данную точку зрения, ученый приводит в качестве ее доказательств ситуации замены категории преступления, совершенного при наличии рецидива преступлений на менее тяжкую; оценки особо тяжкого преступления, впервые совершенного лицом с безупречной репутацией вследствие случайного стечения тяжелых жизненных обстоятельств; утраты лицом общественной опасности вследствие изменения обстановки и т.д. [28, с. 60] На основании этого заключается, что «при всей взаимосвязи, опасность преступления и опасность личности – не совпадающие феномены, имеющие, к тому же, различающиеся критерии и параметры оценки» [28, с. 60]. Конечно, «отождествлять» или «смешивать» общественную опасность преступления и общественную опасность личности виновного не следует. Они, действительно, касаются различных явлений, имеют различные критерии и параметры оценки. Однако, по нашему мнению, это не препятствует установлению между ними взаимосвязи по типу «часть» (общественная опасность личности) и «целое» (общественная опасность преступления). Больше того, игнорирование такой взаимосвязи представляется нам глубоко ошибочным и не соответствующим не только уголовному законодательству и практике его применения, но и просто здравому смыслу. Взять хотя бы, к примеру, изменение категории преступления, предусмотренное ч. 6 ст. 15 УК РФ: закон связывает данную возможность, кроме прочего, с наличием смягчающих наказание обстоятельств, а Верховный Суд РФ требует при решении данного вопроса принимать во внимание, в т.ч. роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, а также «другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности» [25]. Следовательно, этот, как и другие аргументы, приведенные Ю.Е. Пудовочкиным, доказывают как раз обратное – личность виновного оказывает существенное влияние на

общественную опасность преступления, вплоть до «понижения» категории конкретного преступления, т.е., фактически, выхода за пределы законодательной категоризации преступлений.

Личность виновного исключают из содержания общественной опасности и другие исследователи, полагающие, что характеристика личности, выступая как самостоятельное начало назначения наказания, выходит за пределы не только общественной опасности деяния, но и обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание [1, с. 32-35]. Данный подход разделяла также Т.В. Непомнящая [19, с. 118]. Выражая свое отношение к нему, уместно обратить внимание на то, что упоминание в ч. 3 ст. 60 УК РФ, наряду с общественной опасностью преступления, личности виновного, не свидетельствует об их абсолютной автономности хотя бы потому, что называемые здесь же обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, по мнению Верховного Суда РФ, «учитываются при определении *степени общественной опасности преступления* (курсив наш – И.И.)» [22]. Формальная логика диктует такое же отношение и к обстоятельствам, характеризующим личность преступника.

Справедливости ради отметим, что высказаны и более правильные, на наш взгляд, суждения о неразрывной связи и взаимозависимости общественной опасности преступления и общественной опасности личности виновного [4 т. 1. с. 156-162]. Однако мы предлагаем сделать следующий важный шаг – законодательно закрепить статус общественной опасности личности и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как важных и неотъемлемых компонентов общественной опасности преступления. С этой целью содержание ч. 3 ст. 60 УК РФ представляется целесообразным изменить следующим образом: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, в том числе личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Суд также учитывает влияние назначенного наказания на достижение его целей и на условия жизни семьи осужденного»¹.

Как подчеркивалось ранее, другой, менее исследованной «разновидностью» общественной опасности в уголовном праве является опасность непреступных деяний, о которой мы можем судить на основании ч. 2 ст. 14, ч. 3 ст. 20, ст. 21, ст. 28, ст.ст. 37-42 УК РФ². В связи с этим возникают очень интересные исследовательские вопросы: каковы показатели этой общественной опасности? Из чего она складывается? Можно ли пользоваться для ее установления понятиями характера и степени общественной опасности? Попробуем на них ответить, проанализировав вышеуказанные статьи уголовного закона.

¹ Тема нашего исследования не позволяет подробно останавливаться на соотношении действующей редакции ч. 3 ст. 60 УК РФ с целями уголовного наказания, провозглашенными в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Вместе с тем, предлагая новую редакцию мы не смогли не обратить внимание на законодательную ошибку, заключающуюся, на наш взгляд, в игнорировании двух из трех закрепленных в законе целей наказания и предложили исправить ее, указав на необходимость со стороны суда соизмерять назначаемое наказание не только с целью исправления осужденного, но и с другими целями наказания.

² О непреступных уголовно-правовых деяниях см.: [6 с. 82-89]; [7]; [8 с. 78-90] Считаем целесообразным подчеркнуть, что в поле нашего зрения попала лишь та часть непреступных деяний, которая регулируется уголовным законодательством и четко отграничивается от преступлений.

Формулировка малозначительного деяния, закрепленная в ч. 2 ст. 14 УК РФ, позволяет вывести из нее два важных обстоятельства: во-первых, законодатель упоминает об общественной опасности в целом, без акцентации на каких-либо ее показателях; во-вторых, для признания деяния малозначительным необходимо пусть и формальное, но все же наличие в нем признаков состава преступления. Помимо этого, как неоднократно подчеркивалось, в судебной практике для характеристики малозначительности используется широкий набор параметров, часть из которых позволяют уяснить характер, а часть – степень его общественной опасности.

Содержание ч. 3 ст. 20, ст. 21 и ст. 28 УК РФ также убеждает в том, что в них речь идет о тех общественно опасных деяниях, которые предусмотрены уголовным законодательством. Так, и возрастная невменяемость, и невменяемость, и невиновное причинение вреда – следствие различных дефектов сознания и воли деятеля, которые законодатель считает несовместимыми с уголовной ответственностью. А последняя, в свою очередь, возможна лишь за те деяния, которые указаны в УК РФ. Об этом же свидетельствует и терминология анализируемых положений: «не подлежит уголовной ответственности», «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние» (ч. 3 ст. 20, ст. 21 УК РФ). В случае со ст. 28 УК РФ, регламентирующей невиновное причинение вреда, сходный вывод помогает сделать ст. 5 УК РФ, устанавливающая на уровне отраслевого принципа, что «лицо подлежит уголовной ответственности (курсив наш – И.И.) только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина».

Таким образом, во всех трех рассмотренных ситуациях соответствующие лица попадают в сферу уголовно-правового регулирования только тогда, когда совершенное им деяние соответствует статье Особенной части УК РФ. Если невменяемый, к примеру, громко распевает песни в ночное время, уголовно-правовое принуждение к нему применено быть не может: для этого необходимо совершить кражу, убийство или иное деяние, предусмотренное УК РФ. Казалось бы, это дает основания распространять и на эти ситуации понятия характера и степени общественной опасности, присущие преступлению. Вместе с тем, и законодательная, и правоприменительная логика связывают общественную опасность рассматриваемых неправомерных деяний преимущественно с опасностью лица, их совершившего. Например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 апреля 2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (далее – постановление от 07.04.2011 № 6) наглядно подтверждает это, связывая применение принудительных мер медицинского характера с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц (п. 2); регулируя вопросы, которые следует ставить на разрешение экспертов (п. 6); разъясняя, какие обстоятельства могут свидетельствовать об опасности лица для себя или других лиц либо о возможности причинения этим лицом иного существенного вреда (п. 17). О преобладающем значении в характеристике общественной опасности рассматриваемой группы неправомерных деяний данных о личности свидетельствует и само основание их выделения в уголовном законе: как упоминалось ранее, это дефекты сознания и воли соответствующих субъектов, иначе говоря – субъективные признаки.

Наконец, применительно к обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния, сделать вывод о возможности использования понятий «характер» и «степень» общественной опасности можно, как представляется, на основе анализа тех обстоятельств, которые лежат в основе разграничения правомерной необходимой обороны и превышения ее пределов. Они перечислены в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – постановление от 27.09.2012 № 19): «объект посягательства; избранный посягавшим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства; место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и оборонявшихся, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия; возможность оборонявшегося лица отразить посягательство (его возраст и пол, физическое и психическое состояние и т.п.); иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц»³.

С учетом этого, думается, что об общественной опасности обстоятельств, включающих преступность деяния, можно вести речь только в случаях, когда нарушаются предусмотренные уголовным законом условия их правомерности и причинение вреда охраняемым общественным отношениям выражается в конкретном преступном деянии. Разумеется, в таком случае применимы и параметры характера и степени общественной опасности, которые используются для характеристики преступного деяния.

Основываясь на изложенном, кратко сформулируем основные выводы: 1) «Характер» и «степень» являются показателями общественной опасности, помогая обнаружить, зафиксировать, охарактеризовать (т.е. наполнить реальным содержанием) данный сущностный признак преступления. 2) Характер общественной опасности должен устанавливаться в зависимости от конкретных признаков преступления, лежащих в рамках его состава и характеризующих его объект, объективную и субъективную стороны и субъекта, а степень общественной опасности – исходя из обстоятельств, которые не отражены в составе преступления, но учитываются судом и влияют на различные аспекты уголовной ответственности. 3) С учетом предлагаемого разграничения между характером и степенью общественной опасности считаем целесообразной следующую редакцию п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, лежащих за пределами состава преступления. К ним могут быть отнесены, например,

³ В отношении причинения вреда при задержании лица, совершившего преступления, соответствующие разъяснения даются в пп. 21, 22 [27].

характер и размер последствий преступления с формальным составом, мотивы, цели, способы деяния, не являющиеся составообразующими или квалифицирующими признаками, характеристики личности виновного, его постпреступное поведение и пр. Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание...» – далее по тексту.

4) Из понятия «степень общественной опасности» нельзя исключать ни личность виновного, ни смягчающие или отягчающие обстоятельства, ни какие-либо другие фактические обстоятельства, влияющие на его общественную опасность. Исходя из этого, предлагается изменить ч. 3 ст. 60 УК РФ следующим образом: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, в том числе личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Суд также учитывает влияние назначенного наказания на достижение его целей и на условия жизни семьи осужденного». 5) Общественная опасность непреступных деяний зависит от вида такого деяния. По отношению к малозначительным деяниям целесообразно применять понятия характера и степени общественной опасности; общественная опасность деяний, совершенных при наличии различных дефектов сознания и воли (ч. 3 ст. 20, ст. 21, 28 УК РФ) полностью зависит от характеристик личности лица, их совершившего; общественная опасность обстоятельств, исключающих преступность деяния, имеет уголовно-правовое значение только в случаях, когда нарушаются законодательные параметры их правомерности, а причиненный вред выражается в конкретном преступном деянии – соответственно, здесь применимы показатели «характер» и «степень» общественной опасности в том понимании, которое свойственно преступлению.

Список литературы:

1. Анисимков В. М., Королева Е. В. Характеристика личности виновного в преступлении как самостоятельное начало в назначении наказания // Российский следователь, 2014. № 1.
2. Антонова Е. Ю. Общественная опасность как основание криминализации деяний // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VI-ой Международной научно-практической конференции. СПб.: ООО Издательский дом «Петрополис», 2019.
3. Благоев Е. В. Применение общих начал назначения уголовного наказания: монография. М., 2013.
4. Боконья А. Ю. Понятие и система критериев типовой степени общественной опасности личности виновного в совершении преступления // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева, 2019. № 2 (95). Том 1.
5. Воронин В. Н. Индивидуализация наказания с учетом характера и степени общественной опасности // Журнал российского права. 2016. № 11.
6. Гарбатович Д. А. Классификация непреступных уголовно-правовых деяний // Российское правосудие, 2019. №12.
7. Гарбатович Д. А. Некоторые вопросы квалификации общественно опасных деяний невменяемых // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2016.
8. Гарбатович Д. А. Квалификация непреступных уголовно-правовых деяний: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017.
9. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.
10. Егорова Н. А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика // Вестник Волгоградской Академии МВД России, 2019. № 1 (48).
11. Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004.
12. Кондратьева К. Ю. Характер и степень общественной опасности совершенного преступления как основание применения условного осуждения // Вестник Самарского юридического института. 2016. №1 (19).
13. Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983.
14. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002.
15. Мальцев В. В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: втореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.
16. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000.

17. Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. №4.
18. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2020 год.
19. Непомнящая Т. В. Учет судами общих начал назначения наказания при избрании меры наказания // Lex Russica, 2017.
20. Панарина В. В. Понятие и классификация общественно опасных деяний, не являющихся преступлениями // Законы России: опыт, анализ, практика, 2018. № 4.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Сахардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».
23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201¹, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)».
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».
25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации».
26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 апреля 2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».
27. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».
28. Пудовочкин Ю. Е. Понятие, критерии и пределы учета общественной опасности преступления судом // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Аспирион», 2019.
29. Разгильдиев Б. Т. Фундаментальные аспекты уголовного наказания // Всероссийский криминологический журнал, 2017. Т. 11. № 3.
30. Святенюк Н.И. Материальное содержание преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993.
31. Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение. Автореф. канд. дисс. Саратов, 2013.
32. Солодков И. А. Содержание категории «характер общественной опасности» // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2012. № 5 (88).
33. Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России. Автореф. канд. дисс. М., 2009.
34. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983.
35. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Ю. В. Грачевой. Москва: Проспект, 2019.
36. Фиськов И. А. О понятии и содержании признака «общественная опасность» // Аграрное и земельное право, 2020. № 10 (190).
37. Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. Издание профессора Малинина. СПб., 2005.

Ishchenko I.V. Nature and degree of public danger of crimes and uncertain activities: problems of concept and criteria of definition // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 133-147.

The article is devoted to one of the fundamental concepts of criminal law – the social danger of an act. Based on the current state of its scientific development and consistently justifying the answers to the most important debatable questions related to this concept, the author comes to the conclusion that the public danger of a crime is part of a broader and universal concept of "danger to society" and is an objective-subjective, integrative property of criminal behavior of a person, subject to consideration at all stages of its criminal legal assessment and consisting of all legally significant signs of a crime. The integrative status of public danger is determined by the need to take it into account in the process of criminalization of a socially dangerous act, legal assessment of an already criminalized act, as well as non-criminal behavior provided for by criminal legislation. In addition, having an objective-subjective nature, public danger combines two parameters that are equally important for the analysis of science and practice: the area of due, rooted in the sphere of natural law and the area of existence. The integrative properties of public danger are also manifested in the fact that it consists of all legally significant signs of a crime, both within the composition and outside it. In other words, the concept of public danger unites all manifestations of criminal tort and its criminal-legal consequences.

The article notes that, in contrast to the public danger of crimes, the public danger of non-criminal acts has been studied much less: criminal law science has yet to find and justify answers to questions about what it consists of, what is its essence, legal nature, etc.

Key words: nature of public danger; the degree of public danger; crime; non-criminal acts; criminal legislation; the doctrine of criminal law; scientific approaches; arbitrage practice; elements of corpus delicti; signs of corpus delicti; the identity of the perpetrator; factual circumstances; assessment of the crime.

Spisok literatury:

1. Anisimkov V. M., Koroleva E. V. Harakteristika lichnosti vinovogo v prestuplenii kak samostoyatel'noe nachalo v naznachenii nakazaniya // Rossijskij sledovatel', 2014. № 1.

2. Antonova E. YU. Obshchestvennaya opasnost' kak osnovanie kriminalizatsii deyanij // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: Sbornik materialov VI-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. SPb.: OOO Izdatel'skij dom «Petropolis», 2019.
3. Blagov E. V. Primenenie obshchih nachal naznacheniya ugovolnogo nakazaniya: monografiya. M., 2013.
4. Bokovnya A. YU. Ponyatie i sistema kriteriev tipovoj stepeni obshchestvennoj opasnosti lichnosti vinovnogo v sovershenii prestupleniya // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva, 2019. № 2 (95). Tom 1.
5. Voronin V. N. Individualizatsiya nakazaniya s uchetom haraktera i stepeni obshchestvennoj opasnosti // ZHurnal rossijskogo prava, 2016. № 11.
6. Garbatovich D. A. Klassifikatsiya neprestupnyh ugovolno-pravovyh deyanij // Rossijskoe pravosudie, 2019. №12.
7. Garbatovich D. A. Nekotorye voprosy kvalifikatsii obshchestvenno opasnyh deyanij nevmenyaemyh // Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo. 2016.
8. Garbatovich D. A. Kvalifikatsiya neprestupnyh ugovolno-pravovyh deyanij: monografiya. Moskva: YurLitinform, 2017.
9. Demidov YU. A. Social'naya cennost' i ocenka v ugovolnom prave. M., 1975.
10. Egorova N. A. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya: teoriya, zakonodatel'stvo, sudebnaya praktika // Vestnik Volgogradskoj Akademii MVD Rosii, 2019. № 1 (48).
11. Kozlov A. P. Ponyatie prestupleniya. SPb., 2004.
12. Kondrat'eva K. YU. Karakter i stepen' obshchestvennoj opasnosti sovershennogo prestupleniya kak osnovanie primeneniya uslovnogo osuzhdeniya // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2016. №1 (19).
13. Krivochenko L. N. Klassifikatsiya prestuplenij. Har'kov, 1983.
14. Kurs ugovolnogo prava. Obshchaya chast'. T. 1: Uchenie o prestuplenii / pod red. N. F. Kuznecovoj, I. M. Tyazhkovoj. M., 2002.
15. Mal'cev V. V. Problema otrazheniya i ocenki obshchestvenno opasnogo povedeniya v ugovolnom prave: vtoref. diss. ... d-ra jurid. nauk. M., 1993.
16. Marcev A. I. Obshchie voprosy ucheniya o prestuplenii. Omsk, 2000.
17. Mihal' O. A. Karakter i stepen' obshchestvennoj opasnosti prestupleniya // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2009. №4.
18. Obzor praktiki Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federatsii za 2020 god.
19. Nepomnyashchaya T. V. Uchet sudami obshchih nachal naznacheniya nakazaniya pri izbranii mery nakazaniya // Lex Russica, 2017.
20. Panarina V. V. Ponyatie i klassifikatsiya obshchestvenno opasnyh deyanij, ne yavlyayushchihsia prestupleniyami // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika, 2018. № 4.
21. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11.12.2014 № 32-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozenij stat'i 1594 Ugovolnogo kodeksa Rossijskoj Federatsii v svyazi s zaprosom Salekhardskogo gorodskogo suda Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga».
22. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22 dekabrya 2015 № 58 «O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federatsii ugovolnogo nakazaniya».
23. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29 iyunya 2021 № 21 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po delam o prestupleniyah protiv interesov sluzhby v kommercheskih i inyh organizatsiyah (stat'i 201, 2011, 202, 203 Ugovolnogo kodeksa Rossijskoj Federatsii)».
24. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28 iyunya 2011 g № 11 «O sudebnoj praktike po ugovolnym delam o prestupleniyah ekstremistskoj napravlenosti».
25. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15 maya 2018 № 10 «O praktike primeneniya sudami polozenij chasti 6 stat'i 15 Ugovolnogo kodeksa Rossijskoj Federatsii».
26. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 07 aprelya 2011 № 6 «O praktike primeneniya sudami prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera».
27. Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27 sentyabrya 2012 № 19 «O primenenii sudami zakonodatel'stva o neobhodimoy oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii lica, sovershivshego prestuplenie».
28. Pudovochkin YU. E. Ponyatie, kriterii i predely ucheta obshchestvennoj opasnosti prestupleniya sudom // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: Sbornik materialov VII-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. SPb.: Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij «Aspirion», 2019.
29. Razgil'diev B. T. Fundamental'nye aspekty ugovolnogo nakazaniya // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal, 2017. T. 11. № 3.
30. Svyatnyuk N. I. Material'noe sodержanie prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1993.
31. Solodkov I. A. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya i ee ugovolno-pravovoe izmerenie. Avtoref. kand. diss. Saratov, 2013.
32. Solodkov I. A. Soderzhanie kategorii «karakter obshchestvennoj opasnosti» // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii, 2012. № 5 (88).
33. Sotskov F. N. Obshchestvennaya opasnost' deyaniya v ugovolnom prave Rossii. Avtoref. kand. diss. M., 2009.
34. Tobolkin P. S. Social'naya obuslovlennost' ugovolno-pravovyh norm. Sverdlovsk, 1983.
35. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federatsii. Obshchaya chast' : uchebnik / pod red. YU. V. Grachevoj. Moskva: Prospekt, 2019.
36. Fis'kov I. A. O ponyatii i sodержanii priznaka «obshchestvennaya opasnost'» // Agrarnoe i zemel'noe pravo, 2020. № 10 (190).
37. Enciklopediya ugovolnogo prava. T. 3. Ponyatie prestupleniya. Izdanie professora Malinina. SPb., 2005.

УДК 343.8:004

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-148-154

**О ПРИМЕНЕНИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В
ОРГАНИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Ковтун Ю. А., Лагуточкина А. С.

В статье раскрывается вопрос совершенствования оперативно-розыскного обеспечения противодействия преступности правоохранительными органами за счет применения специализированного программного обеспечения в организации использования искусственного интеллекта.

Развитие информационных технологий требует совершенствования методов и средств осуществления правоохранительной деятельности. Современные реалии сформировали необходимость использование возможностей искусственного интеллекта для решения задач правоохранительной деятельности. В связи с увеличением вычислительных возможностей программно-аппаратных комплексов, в том числе в результате использования графических процессоров и распределенных архитектур вычислительных систем, стало доступным широкое применение машинного обучения на базе множества вычислительных систем, организованных по принципу нейронных сетей.

В качестве эффективного инструмента противодействия преступности правоохранительным органам необходимо иметь в своем арсенале инструменты для осуществления не только мониторинга информационного пространства и получать в режиме реального времени доступ к информации, которая хранится на смартфоне или компьютере пользователя, на облачных хранилищах, в социальных сетях, на встроенных или переносных накопителях. Получать доступ к информации размещаемой, пересылаемой, хранящейся на удаленных серверах, устройствах разрабатываемого лица посредством удаленного мониторинга, иметь возможность обработки больших объёмов данных и решения сложных задач быстрее, чем существующие сейчас традиционные алгоритмы. Для получения необходимых данных требуется использование специализированного информационного программного обеспечения сетевой среды, направленного на решение задач раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: специализированное программное обеспечение, информация, технологии, правоохранительная деятельность, искусственный интеллект.

Эволюция развития от примитивных компьютерных сетей и компьютерных устройств до современных высокотехнологических сетей и устройств произошла в короткие сроки [1]. Информационные технологии и техника являются одной из основных характеристик современного информационного общества. Использование информационных технологий играет важную роль в обеспечении возможности информационного взаимодействия между членами общества. Современное информационное пространство позволяет реализовать новые технологии по созданию, передаче, хранению, внесению изменений, накоплению массивов информации, баз данных. Современные реалии показали, что все правоохранительные органы мира оказались мало подготовленными к противодействию преступлениям совершаемых в цифровом пространстве или с использованием возможностей цифрового пространства. Классические методы получения и фиксации информации оказались не действенными. Развитие информационных технологий требует совершенствование методов и средств осуществления правоохранительной деятельности направленных на раскрытие и расследование преступлений, предупреждение преступлений. Востребованы

оказались методы удаленного получения и фиксации доказательств без привязки к территориальной принадлежности правоохранительных органов.

Отставание в развитии методов и средств правоохранительных органов от темпов развития процесса информатизации общества, приводит к тому, что преступления, совершаемые посредством современных технологий, в сетевых инфраструктурах, остаются безнаказанными, что естественно стимулирует их продолжение и увеличение их количества. Проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий с использованием информационного пространства сети Интернет уже давно не являются экстраординарными и используются при раскрытии и расследовании преступлений правоохранительными органами всех стран.

В работе использованы различные общенаучные приемы и способы логического познания: анализ и синтез, системный, функциональный и формально-логический подходы. Формированию выводов способствовало применение метода контент-анализа, формально-юридического и сравнительно-правового методов.

Количество преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий, за последние три года увеличилось в шесть раз. Для эффективной работы по противодействию преступлениям в этой сфере правоохранительным органам необходимо иметь возможность получать доступ к информации размещаемой, пересылаемой, хранящейся на удаленных серверах, устройствах разрабатываемого лица посредством удаленного мониторинга. Данные, получаемые посредством цифровых технологий, обладают высокой степенью информативности. Получение ее возможно без привязки к месту нахождения разрабатываемого лица в режиме реального времени. Но получение этой информации возможно только при наличии соответствующего программного обеспечения и квалифицированных специалистов, работающих со специализированным цифровым программным обеспечением. Однако, в настоящее время, уровень обеспечения специализированными программными продуктами в правоохранительных органах России не соответствует современным требованиям [2].

Как известно, любая современная компьютеризированная техника не может работать без программного обеспечения. Компьютерная техника без программного обеспечения – бесполезна. Немыслимое количество программ обеспечивает функционирование современной вычислительной техники. Известно, что все программное обеспечение можно разделить на: системное, вспомогательное, специальное. Среди системного обеспечения наиболее популярные «Windows», «MacOS», «Linux», «Android», «iOS».

Вспомогательное программное обеспечение синхронизирует работу установленного оборудования с имеющейся операционной системой в необходимом для пользователя режиме. Достаточно часто в обиходе их называют «драйверами», «прога», «водила», «таблетка», «парус».

Специализированное программное обеспечение представляет собой совокупность программ, непосредственно реализующих алгоритмы решения функциональных задач [3]. Данные программы устанавливаются для работы с компьютеризированным оборудованием в индивидуальном направлении деятельности пользователя. Данное программное обеспечение производят специализирующиеся на производстве IT-технологий компании самостоятельно или

в соответствии с договорными обязательствами, где заказчиками выступают заинтересованные организации, компании, холдинги, а также государственные органы. Кроме основных производителей программного обеспечения, таких интернет-гигантов как International Business Machine или IBM, Microsoft, Oracle, Kaspersky, Mail.ru Group, не запрещается создание программ и физическим лицам с некоторыми оговорками в пользу обязательных налоговых платежей, если эта деятельность приносит доход, а также ограничением этой деятельности в условиях действия законодательства страны. Правоохранительные органы все более активно используют специализированное программное обеспечение, позволяющее следить за пользователями соцсетей, в том числе читать их личные сообщения, собирать данные о геолокации и анализировать связь между разными пользователями, программное обеспечение способное разблокировать модели телефонов с операционной системой Android и другие.

Преступники, как и остальная часть граждан активно пользуются для общения социальными сетями, мессенджерами контроль за которыми в настоящий момент имеет множество тонкостей. Одной из глобальных проблем является то, что ряд программ имеют зарубежное происхождение, и географическое нахождение серверов и облачных хранилищ находятся за пределами Российской Федерации. В условиях политической нестабильности между государствами, возникают трудности в обеспечении международной безопасности. Члены международной коллективной безопасности посредством лоббирования и оказывания политического давления, а также введением санкций, ограничивают допуск и предоставление сведений по международным запросам правоохранительных органов из массива накапливаемых сведений, в части обеспечения функционирования программного продукта на международном уровне.

Выходов из этой ситуации два. Первый – это взаимодействие с зарубежными правоохранительными органами. Это необходимо в связи с увеличением вычислительных возможностей программно-аппаратных комплексов, в том числе в результате использования графических процессоров и распределенных архитектур вычислительных систем. И возможностью применение машинного обучения на базе множества вычислительных систем, организованных по принципу нейронных сетей. Что обеспечит скорость получения информации и увеличит объем обрабатываемой информации. Что позитивно скажется на деятельности всех взаимодействующих правоохранительных органов. Полноценная реализации обмена правоохранительными органами информацией посредством нейросетевых технологий приведет к изменениям прорывного характера. Применение технологии блокчейна в международном формате позволит создать базу данных правоохранительных органов, сохраняющая постоянно увеличивающийся объем информации в виде отдельных блоков, имеющих данные о предыдущем блоке и сохраняющие данные о времени их создания. Устройства хранения в данной системе будут иметь сервера в различных государствах. Наиболее популярное и эффективное направление развития блокчейна это реестр хранения данных. Многие государства уже внедряют эти системы. Правительство Бразилии экспериментирует с uPort. Министерство планирования, бюджета и управления Бразилии тестирует независимое блокчейн-приложение uPort для идентификации личности, разработанное ConsenSys. Созданная на основе Ethereum платформа предоставляет пользователям редактировать соб-

ственные профили, а Министерство будет проверять легитимность загруженных личных документов. Внедрение современной технологии блокчейна, в деятельности правоохранительных органов позволит оперативно получать информацию необходимую для раскрытия и расследования преступлений и предотвращения преступлений. Внедрение этой технологий в правоохранительную деятельность позволит значительно сократить сроки получения информации и получать ее в режиме реального времени и из любой точки мира.

Второй – это создание и использование национального программного обеспечения, цифровые мощности которого находятся в пределах государства. Во-первых, это дает возможность полного контроля за данными пересылаемыми посредством национального программного обеспечения. Что безусловно возможно только при создании дополнительного специализированного информационного программного обеспечения сетевой среды, направленного именно на решение задач правоохранительных органов. Вопросы необходимости разработки нового или совершенствования ранее используемого программного обеспечения должны решаться преимущественно научно-исследовательскими организациями системы правоохранительных органов по результатам мониторинга возможностей информационных технологий и сопоставления имеющегося программного обеспечения. Для успешного выполнения своих задач правоохранительные органы должны иметь возможность получать в режиме реального времени доступ к информации, которая храниться на смартфоне или компьютере пользователя, на облачных хранилищах, в социальных сетях, на встроенных или переносных накопителях. Говоря о возможных злоупотреблениях при осуществлении допуска к информации пользователей со стороны правоохранительных органов (незаконного и необоснованного ее получения) то напомним, решение о проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий, ограничивающих право на неприкосновенность переписки, возможно только по судебному решению [4]. Данный алгоритм принятия решения позволяет использовать данные возможности в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации и допускать только законное и обоснованное ограничение конституционных прав личности. Во-вторых, создание и использование собственного программного обеспечения решает задачу укрепления национальной безопасности России, ввиду ограниченных возможностей воздействия на российские программы иностранных спецслужб. Исходя из поступающих данных, доля зависимости России от программного обеспечения иностранного производства в 2015 г. достигала 80–90%, в 2019 г. уже достигала 75%, а с 1 января 2021 г. в некоторых сферах функционирования предприятий, владеющих «критической информационной инфраструктурой» (КИИ) Минкомсвязи России рекомендовало полностью перейти на российское программное обеспечение [5]. В связи с чем было решено провести поэтапное импортозамещение иностранного программного обеспечения, на российского производителя и поставлена задача по созданию отечественного продукта способного обеспечить информационную безопасность государства. В части обеспечения этого процесса был принят ФЗ от 29.06.2015 N188-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 14 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который обеспечивает приоритет российского программного продукта перед иностранным при участии в госзакуп-

ках, а Постановление правительства РФ от 16 ноября 2015 г. №1236 «Об установлении запрета на допуск иностранного программного обеспечения при закупках для государственных и муниципальных нужд» внесло разъяснения и определило механизм импортозамещения цифровой продукции [6].

В настоящий момент применение и использование специализированного программного обеспечения для правоохранительных органов имеет место на практике.

Так, в ГУ МВД по Свердловской области активно применяется аппаратно-программный комплекс (АПК) «Зеус», который был разработан по заказу МВД России. Данный АПК осуществляет мониторинг сетевой активности пользователей социальных сетей, в частности: выявляет незаконно размещенный контент на страницах социальных сетей; выявляет лиц, от которых можно ожидать преступлений, формирует наиболее активных пользователей в исследуемых условиях; определяет связи по социальным направлениям и т. д.

Многие возможности, которые дает представленная программа, возможно реализовать путем мониторинга открытых данных в социальных сетях. Но некоторые данные которые необходимы для полноценной работы программы можно реализовать только при получении доступа к закрытой информации социальных сетей. За время использования системы она себя достаточно хорошо зарекомендовала и позволила получить информацию, которая была использована при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел [7].

Вехой применения цифровых программ в деятельности правоохранительных органов на сегодняшний день является использование нейросетевых технологий (искусственного интеллекта). Исследуя перспективы применения нейросетевых технологий в деятельности правоохранительных органов важно отметить, что применение искусственного интеллекта весьма существенно повлияет на формирование новейшего направления противодействия преступлениям и в части их предупреждения и пресечения [8].

В ряде стран таких как Китай, Франция, США возможности нейросетей и программного обеспечения в правоохранительной деятельности уже внедряются и используются [9]. Следует учитывать, что даже отдельные элементы, внедряемые в систему искусственного интеллекта, могут иметь существенные недостатки. Комиссар Совета Европы (СЕ) по правам человека Д. Миятович в октябре 2019 г. на конференции, посвящённой проблемами цифровых технологий в правоохранительной деятельности, напомнила, что на конечные результаты системы искусственного интеллекта влияют разработчики этого программного продукта. Они могут иметь свои вкусовые предпочтения или предрассудки, которые будут интегрированы в деятельность правоохранительных органов, что изначально может привести к дискриминации деятельности правоохранительных органов [10].

Избранный курс о создании искусственного интеллекта в МВД уже декларированы в обществе. Так, известно, что по заказу МВД России разрабатывают Федеральную информационную систему биометрических учетов (ФИСБУ). Данная система до конца 2021 г. будет внедрена в работу МВД и нацелена на поиск подозреваемых, преступников и разыскиваемых лиц с помощью установленных в городе камер видеонаблюдения.

Исследуется возможность применения искусственного интеллекта в обработке данных системы ФИСБУ, для распознавания человека по изображению лица, голо-

са, татуировкам на открытых частях тела, радужной оболочке глаза и иным идентифицирующим признакам человека. Тестирование данной системы будет проведено в части использования уже существующей сети видеоконтроля «Безопасный город».

Кроме того, 12 ноября 2019 г. на стратегической сессии Правительства РФ, для МВД России утвердили проект по внедрению искусственного интеллекта в целях выявления серийных преступлений и поиска преступников. В алгоритме внедрения искусственного интеллекта указано, что в 2020 г. МВД начнет подготовку технических заданий на проведение научно-исследовательских работ по внедрению технологий искусственного интеллекта в работе полиции, а в 2023 г. приступит к опытно-конструкторским работам по созданию конкретного софта — для поиска серийных преступников и для «определения индивидуальных анатомических признаков человека, полученных из биологического материала с мест совершения преступлений».

Так, в начале третьего тысячелетия мы наблюдаем кардинальные преобразования в сфере информационных технологий в информационном пространстве. Особенностью современных преступлений является то, что при их использовании преступникам необходимо использовать возможности информационных технологий для планирования преступлений, координации действий, осуществления платежей, переводов или вывода денежных средств, даже при совершении преступлений не в цифровом пространстве. Выбор средств получения и передачи информации используемых в преступных целях посредством современных технологий разнообразен. Сейчас при совершении преступлений сообщники могут находиться за сотни, а то и тысячи километров друг от друга, а иногда и от места совершения преступления. В таких условиях проведение необходимых оперативно-розыскных и процессуальных действий требуют совместных согласованных действий правоохранительных органов различных государств. В качестве эффективного инструмента противодействия преступности правоохранительным органам жизненно важно иметь в своем арсенале инновационные, эффективные инструменты мониторинга информационного пространства с использованием возможностей нейросетевых технологий (искусственного интеллекта). И уже давно назрела необходимость тесной интеграции правоохранительных органов не только соседних государств, но и тех, кто не имеет общих границ. Перед угрозами террористических преступлений иных опасных проявлений преступности нужна сплоченная командная работа без политических вкусов и предпочтений отдельных государств. Конечно сейчас существует международная уголовная полиция Интерпол куда входит 194 страны, но к сожалению, на работу и взаимодействие существенное значение оказывает политическая повестка. Обеспечение безопасности граждан основная задача любого государства, у преступности нет национальности, расы, вероисповедания и борьба с ней вне политической плоскости. Только комплексная международная система безопасности позволит противостоять организованной международной преступности. Объединение информационных баз различных государств в единую международную систему позволит противостоять современным вызовам преступности.

Список литературы:

1. CEPEJ European Ethical Charter on the use of artificial intelligence (AI) in judicial systems and their environment. <https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment>.

2. Загайнов В.В., Кононов Ю.Н. Оперативно-аналитическая работа как основа оперативно-розыскной деятельности в современных условиях. Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 1 (80). С. 37-46.
3. Классификация программного обеспечения профессионально-ориентированных ИС. [Электронный ресурс] https://studopedia.ru/12_92697_zadachi-upravleniya-gornim-davleniem-i-osnovnie-printsipi.html/ (1.03.2021).
4. Климов Д.А., Климов А.А. Использование результатов ОРД в качестве ориентирующей информации по делам о преступлениях в сфере экономики. В книге: Борьба с преступностью: теория и практика Материалы II Международной научно-практической конференции. 2014. С. 124-125.
5. Правительство «поздравило» Windows с юбилеем. [Электронный ресурс] http://rusplt.ru/society/society_19825.html/ (1.03.2021).
6. Итоги 2017 года: программное обеспечение. [Электронный ресурс] <https://3dnews.ru/963329/> (1.03.2021).
7. За вами следит «Зеус». [Электронный ресурс] https://www.znak.com/2016-07-27/mvd_obnarodovalo_dokumenty_o_slezhke_za_polzovatelyami_socsetey (1.03.2021).
8. Robot Law. Ed. by Calo R., Froomkin A.M., Kerr I. Cheltenham, UK. Northampton, MA, USA. Edward Elgar Publishing. 2016.
9. Marina Nagornaya. Lawyers and lawyers about artificial intelligence in legal proceedings. <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-i-yuristy-ob-iskusstvennom-intellekte-v-sudoproizvodstve/> (03.03.2021).
10. Justice in Europe facing the challenges of digital technology. <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/justice-in-europe-facing-the-challenges-of-digital-technology>

Y. A. Kovtun, A. S. Lagutochkina. On the use of specialized software by law enforcement agencies in the organization of the use of artificial intelligence // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 148-154.

The article reveals the issue of improving the operational and investigative support for countering crime by law enforcement agencies through the use of specialized software in the organization of the use of artificial intelligence. The development of information technologies requires the improvement of methods and means of law enforcement activities. Modern realities have formed the need to use the capabilities of artificial intelligence to solve law enforcement tasks. Due to the increase in the computing capabilities of software and hardware complexes, including as a result of the use of graphics processors and distributed computing system architectures, a wide application of machine learning based on a variety of computing systems organized on the principle of neural networks has become available. As an effective tool for countering crime, law enforcement agencies need to have in their arsenal tools for not only monitoring the information space and getting real-time access to information that is stored on a user's smartphone or computer, on cloud storage, in social networks, on built-in or portable storage devices. Get access to information posted, sent, stored on remote servers, devices of the person being developed through remote monitoring, be able to process large amounts of data and solve complex problems faster than the traditional algorithms currently existing. To obtain the necessary data, it is necessary to use specialized information software of the network environment aimed at solving the tasks of solving and investigating crimes.

Key words: specialized software, information, technologies, law enforcement, artificial intelligence.

Spisok literatury

1. CEPEJ European Ethical Charter on the use of artificial intelligence (AI) in judicial systems and their environment. <https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment>
2. Zagajnov V.V., Kononov YU.N. Operativno-analiticheskaya rabota kak osnova operativno-rozysknoj deyatel'nosti v sovremennyh usloviyah. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2017. № 1 (80). S. 37-46.
3. Klassifikaciya programmogo obespecheniya professional'no-orientirovannyh IS. [Elektronnyj resurs] https://studopedia.ru/12_92697_zadachi-upravleniya-gornim-davleniem-i-osnovnie-printsipi.html/ (1.03.2021).
4. Klimov D.A., Klimov A.A. Ispol'zovanie rezul'tatov ORD v kachestve orientiruyushchej informacii po delam o prestupleniyah v sfere ekonomiki. V knige: Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2014. S. 124-125.
5. Pravitel'stvo «pozdravilo» Windows s yubileem. [Elektronnyj resurs] http://rusplt.ru/society/society_19825.html/ (1.03.2021).
6. Itogi 2017 goda: programmoe obespechenie. [Elektronnyj resurs] <https://3dnews.ru/963329/> (1.03.2021).
7. Za vami sledit «Zeus». [Elektronnyj resurs] https://www.znak.com/2016-07-27/mvd_obnarodovalo_dokumenty_o_slezhke_za_polzovatelyami_socsetey (1.03.2021).
8. Robot Law. Ed. by Calo R., Froomkin A.M., Kerr I. Cheltenham, UK. Northampton, MA, USA. Edward Elgar Publishing. 2016.
9. Marina Nagornaya. Lawyers and lawyers about artificial intelligence in legal proceedings. <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-i-yuristy-ob-iskusstvennom-intellekte-v-sudoproizvodstve/> (03.03.2021).
10. Justice in Europe facing the challenges of digital technology. <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/justice-in-europe-facing-the-challenges-of-digital-technology>

УДК 343.9

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-155-162

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ О
ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
КРИПТОВАЛЮТ И ДРУГИХ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ**

Лагуточкин А. В., Ильинский И. И.

В статье раскрывается вопрос проведения оперативно – розыскных мероприятий при получении информации о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют и других виртуальных активов. Как известно к числу главных задач теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) необходимо отнести процесс совершенствования этой деятельности на основе оптимального сочетания организационно-управленческих и оперативно-тактических мероприятий, изучение передовой оперативно-розыскной практики и разработка на этой основе действенных способов организации и практического осуществления оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в различных условиях оперативной обстановки. Любые современные исследования в данной области представляются попыткой по-иному представить сложившиеся практикой процессы, сформировать новые идеи вокруг реализации поставленных перед субъектами ОРД задач. И, достаточно редко, формируются направления инновационного развития ОРД, формирования совершенно новых подходов и тактик в условиях противодействия преступлениям, совершенным с использованием криптовалют и других виртуальных активов. Представленная статья является одной из тех, которые для исследователей формируют идею, путь, методическое направление по которому в ближайшем будущем необходимо пройти. Представленные направления и способы борьбы с преступлениями, совершенными с использованием криптовалют и других виртуальных активов, уже предопределены существующими событиями в стране и в мире, а также возможны в соответствии с перспективным технологическим прогрессом человечества.

В деятельности органов внутренних дел произошли значительные изменения. Следует принять во внимание отдельные изменения законодательной и ведомственной нормативной базы, регламентирующей оперативно-розыскную деятельность, организационно-структурные перестроения в органах внутренних дел, корректировку функционирования социальных институтов в условиях постоянного развития и т.п. Указанные обстоятельства диктуют необходимость осмысления современных реалий в сфере противодействия преступлениям, совершенным с использованием криптовалют и других виртуальных активов, поиска результативных форм и методов борьбы, выработки эффективных мер по оптимизации деятельности уполномоченных субъектов и других подразделений полиции.

Ключевые слова: программное обеспечение, информация, технологии, правоохранительная деятельность, искусственный интеллект, криптовалюта, виртуальные активы.

Важно отметить, что на сегодняшний день владельцев криптовалют в России немало. По приведенным данным, наша страна входит в тройку государств – лидеров по использованию цифровых валют, а количество криптокошельков граждан РФ превышает 8 млн, – еще какое-то время придется ждать принятия такого законодательства [1]. Рассматривая спектр преступлений, совершенных с использованием криптовалют и других виртуальных активов, необходимо сделать вывод, что их число достаточно велико, а их количество и качество имеет прогрессивное состояние по отношению к общей преступности. Ограничением могут быть лишь те преступления, которые априори, не могут быть совершены с использованием сетевого цифрового пространства или спонсированы с использованием указанных финансовых активов. Например, ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными» сама

по себе не может быть связана с использованием криптовалют и других виртуальных активов кроме случаев финансовой подпитки преступников со стороны иных лиц через виртуальные активы. Так, преступление будет иметь большую общественную опасность, если осуществлялось издевательство над животными с использованием онлайн трансляции через Интернет, а финансовая сторона преступления была спровоцирована ради наживы извне, со стороны.

Сфера объектов, имеющих особое внимание оперативных подразделений, в части использования криптовалют и других виртуальных активов весьма разнообразна, что говорит о необходимости применения всех оперативно-розыскных инструментов для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступных намерения или совершившихся фактов. Сами по себе криптокошельки иные виртуальных активы являются второстепенными по отношению к самому преступлению, так как, немалая часть преступных деяний имеют нематериальный состав и получение или использование материальных ресурсов становится не важным, но имеющим доказательственное значение, например, для установления мотива преступления.

ОРД в своем понимании представляет собой систему действий и противодействий, которая осуществляется специальным субъектом, для осуществления защиты жизни и здоровья, обеспечения прав и свобод человека и гражданина, права собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств [4].

Существуют ряд оперативно-розыскных мероприятий, которые напрямую участвуют в процессе документирования действий, проверяемых и разрабатываемых, использующих криптовалюту и другие виртуальные активы в своей преступной деятельности.

Алгоритм действий оперативного сотрудника можно представить в следующей последовательности решаемых оперативно-тактических задач: 1. Выявление и осмотр электронных устройств, с помощью которых фигурант осуществляет контроль над своими виртуальными активами. 2. Получение информации об активности использования фигурантом виртуальных активов в преступной деятельности и ее документирование. 3. Реализация полученной информации, легализация ее в уголовном процессе.

Выявление устройств осуществляется: Контактным (личным) способом. 2) Бесконтактным способом. Контактный способ может быть гласным (официальным) или с применением оперативных комбинаций. Бесконтактный способ осуществляется по подготавливаемым оперативным заданиям на проведение специальных технических мероприятий в ПСТМ. Контактный способ наиболее часто используем в силу того, что фигурант может быть задержан за совершение административного правонарушения или в иных законных случаях. В естественно складывающихся условиях оперативником избирается способ досмотра электронного устройства, в том числе, исходя из оперативно-розыскной тактики. Перед досмотром определяется устройство, частники и используемая техника. Чаще всего, этими устройствами выступают: смартфоны, планшеты, ноутбуки, компьютеры и роутеры (как средство выхода в сеть). Иногда встречаются случаи использование компьютеров в Интернет-кафе или иных общественных местах.

Процесс выявления устройств, используемых преступником в последнее время осложняется тем, что у фигуранта в пользовании могут быть до десятка смартфо-

нов, компьютеров, ноутбуков. Так, Российский рынок смартфонов по итогам первого квартала 2021 г. увеличился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 27% в денежном выражении и составил 153 млрд. руб. По многим информационным данным, россияне стали больше внимания уделять выбору смартфона, среднее время интернет-сессий пользователей в онлайн-магазинах и на сайтах с отзывами про гаджеты за последний год увеличилось на 40%.

В частности, после получения доступа к техническому устройству, оперативный сотрудник самостоятельно определяет какое ОРМ необходимо для решения стоящих задач. Важным является то: 1) какая информация необходима для процесса документирования и доказывания преступных деяний; 2) необходимы ли дополнительные знания для осуществления осмотра технического устройства (привлечение специалиста).

Осуществляя оперативный осмотр, сотрудник вправе внешне определить необходимые данные. После включения устройства изучает электронные последовательности открытий и иной активности фигуранта. В случае необходимости осуществляет документирование процесса осмотра посредством использования фото-видео, результаты которого могут быть приобщены к протоколу осмотра устройства в виде фототаблицы.

Каждый оперативник с базовыми знаниями технических устройств должен знать и выявлять следующие обязательные данные: 1) для смартфонов – «абонентский номер» это – номер, идентифицирующий окончательный элемент сотовой связи. Он состоит из 11 последовательных цифр, 1-ая из которых определяет код страны, 2,3,4-ая определяют принадлежность абонентского номера к региону или оператору сотовой связи, остальные – определяющий номер клиента; 2) IMEI (International Mobile Equipment Identity – международный идентификатор мобильного оборудования) – уникальный номер сотового аппарата. Данный номер состоит из 15 последовательных чисел, из которых первые 14 определяют происхождение, модель и серийные номер сотового устройства, а 15-ая – контрольная цифра. В предоставляемых сотовыми операторами детализациях последняя контрольная цифра всегда обозначается как «0». Она не имеет целевого значения, поэтому идентификация сотового аппарата при его изъятии всегда происходит по первым 14 цифрам. Зная IMEI, посредством множества онлайн-сервисов мы можем определить марку и модель сотового телефона. Одним из самых удобных сервисов является www.imei.info. 3) IP-адрес (Internet Protocol address) – это уникальный идентификационный номер, который присваивается каждому компьютеру при выходе в сеть интернет. Он представляет собой последовательность из 4 цифр в диапазоне от 0 до 255, чередующихся через точку. Например, 178.218.36.0. IP-адрес выдается компьютеру его интернет провайдером в момент начала интернет сессии – открытия первой интернет-страницы, и заканчивается закрытием интернет-сессии – закрытием последней интернет-страницы. IP-адрес выдается компьютеру его интернет провайдером в момент начала интернет сессии – открытия первой интернет-страницы, и заканчивается закрытием интернет-сессии – закрытием последней интернет-страницы.

Таким образом, на каждом сайте («ВКонтакте», «Авито», «Юла» и др.) хранится история соединений с его пользователями, а, следовательно, и их IP-адреса. При каждом выходе в интернет преступник оставляет свой «след», по которому его можно вычислить. Также как и абонентский номер, IP-адрес имеет свой ресурс ну-

мерации, то есть каждому интернет провайдеру выделено определенное количество IP-адресов в конкретном диапазоне. При помощи интернет ресурса www.2ip.ru (прямая ссылка: www.2ip.ru/whois/), зная IP-адрес, можно определить провайдера.

1. MAC-адрес (Media Access Control – надзор за доступом к среде, также Hardware Address, также физический адрес) – уникальный идентификатор, присваиваемый каждой единице активного оборудования или некоторым их интерфейсам в компьютерных сетях Ethernet.

При проектировании стандарта Ethernet было предусмотрено, что каждая сетевая карта (равно как и встроенный сетевой интерфейс) должна иметь уникальный шестибайтный номер (MAC-адрес), «прошитый» в ней при изготовлении. Этот номер используется для идентификации отправителя и получателя фрейма; и предполагается, что при появлении в сети нового компьютера (или другого устройства, способного работать в сети) сетевому администратору не придётся настраивать этому компьютеру MAC-адрес вручную.

Уникальность MAC-адресов достигается тем, что каждый производитель получает в координирующем комитете IEEE Registration Authority диапазон из 16 777 216 адресов и, по мере исчерпания выделенных адресов, может запросить новый диапазон. Поэтому по трём старшим байтам MAC-адреса можно определить производителя. Существуют таблицы, позволяющие определить производителя по MAC-адресу; в частности, они включены в программы типа arpalert.

В широковещательных сетях (таких, как сети на основе Ethernet) MAC-адрес позволяет уникально идентифицировать каждый узел сети и доставлять данные только этому узлу. Таким образом, MAC-адреса формируют основу сетей на канальном уровне модели OSI, которую используют протоколы более высокого (сетевого) уровня. Для преобразования MAC-адресов в адреса сетевого уровня и обратно применяются специальные протоколы (например, ARP и RARP в сетях IPv4, и NDP в сетях на основе IPv6).

В случае проведения ОРМ исследования предметов (смартфоны, ноутбуки, компьютеры и роутеры) значительным является образовательный уровень оперативного сотрудника и технические возможности. Не каждое техническое устройство оснащено одинаковыми процессами и программным обеспечением. Базовые специальные знания позволяют на начальном уровне определить направления поиска и устанавливать местонахождение электронных следов проводимых фигурантом операций. Однако уровень подготовки оперативных сотрудников для работы в рассматриваемом сегменте крайне полярен и неодинаков, чаще, готовность ограничивается знаниями, приобретенными в процессе пользования информационных сетей в условиях самообучения и не имеет своей специализации. Поэтому обязательным на этапе исследования является привлечение специалиста. Специалист привлекается из числа: обладающих специальными знаниями, в тех направлениях, которые необходимы оперативному сотруднику (IT – сфера, программисты, обслуживающие сети, сотрудники информационных компаний и т.д.); сотрудники ЭКЦ; сотрудники ПСТМ.

Последние, на наш взгляд, являются более привлекательными субъектами. Во-первых, являются сотрудниками МВД, во –вторых, являются оперативными сотрудниками, обладающими и осуществляющими ОРД в полном объеме полномочий, в третьих, помимо знаний обладают возможностями использовать состоящую на вооружении специальную технику, которая по своим свойствам уникальна и из-

готовлена под решение оперативно-розыскных задач. Для организации участия специалиста ПСТМ необходимо подготовить в соответствии с нормативными и правовыми актами МВД задания и сопутствующих документов, определить и согласовать по времени, месту и тактики организации исследования.

В идеале, оперативный сотрудник должен представить информацию специалисту об исследуемом техническом устройстве, а именно: наименование, модель устройства; установленное программное обеспечение (в том числе, информация о фаерволах устройства); имеющиеся элементы блокировки; сформулировать вопросы необходимые для специалиста об устройстве.

Чаще информация специалисту поступает не в полном объеме и восполняет специалист информацию на месте исследования самостоятельно.

Специалист, исследуя устройства, определяет наиболее важные элементы: 1) Наличие установленного программного обеспечения связанного с использованием криптовалют и других виртуальных активов. 2) Устанавливает признаки использования криптовалют и других виртуальных активов при которых требуется для выявления следов дополнительного применения специального оборудования.

Важно отметить, что проведение исследования может предшествовать судебной компьютерно-технической экспертизе при расследовании преступлений, связанных с использованием криптовалюты и иных виртуальных активов.

Помимо названного выше, особый интерес вызывает зарегистрированная на фигуранта электронная почта. Достаточно часто, многие сервисы для идентификации и верификации, а также для определения «логина» используют электронную почту. Таким образом, перлюстрация представленных электронных ресурсов расширяет сферу поиска криптовалют и других виртуальных активов.

В случае выявления информации о цифровых финансовых активах действия сотрудника оперативного подразделения связано с проведением ОРМ «Наведение справок». Наведение справок – это способ собирания информации, необходимой для решения задач ОРД, путем изучения документов (в том числе архивных), а также направления запросов в любые органы физическим и юридическим лицам, имеющим информационные системы. Наведение справок предполагает сбор сведений о биографии проверяемых, их родственных связях, образовании, роде занятий, имущественном положении, месте проживания, фактах допущенных в прошлом правонарушений и других данных, необходимых для конкретных задач ОРД.

Современная концепция осуществления государственного управления, характерна для информационного общества, которое способно удаленно посредством сетей реализовывать необходимые задачи. Сегодня большинство организаций осуществляют работу в условиях использования глобальных и иных информационных сетей, представляя широкий спектр услуг. Поэтому один из способов наведения справок вытекает из сказанного – путем направления запросов (электронных) в государственные и иные организации, объединения, общества.

Так, выявленные электронные кошельки, наиболее популярными представителями которых являются «Киви банк», «Яндекс.Деньги», «ВэбМани» и «Тинькофф – мобильный кошелек», излюбленные ресурсы преступников, так как для их создания необходим только абонентский номер. Эти организации не имеют представительств, поэтому все операции производят онлайн. Обычный не идентифицированный кошелек имеет мало возможностей – хранение не более 15 000 руб., оборот не более

40 000 руб. в месяц, запрет на вывод денежных средств в иные платежные сервисы, способен совершать только интернет покупки и онлайн платежи. Полностью же идентифицированный кошелек имеет все возможности банковских карт. Что важно знать, на один электронный кошелек можно открыть бесконечное множество виртуальных платежных карт, то есть сервис электронных кошельков номинально выдает пользователю контрольные данные по платежной карте без ее пластикового носителя. Основная информация, которую возможно получить по электронному кошельку (помимо установочных данных владельца и движения денежных средств) – это привязанные к нему абонентские номера и использованные IP-адреса.

Многие фигуранты принимают денежные средства на счет абонентских номеров. У каждого сотового оператора есть свои особенности по указанному направлению: 1) расчетные операции по абонентским номерам «Билайн» проводит ЗАО «Национальная сервисная компания». Поэтому данные о движении денежных средств можно запросить как у самого оператора «Билайн», так и у ЗАО «НСК»; 2) расчетные операции по абонентским номерам «МТС» ПАО «Мобильные ТелеСистемы» проводят самостоятельно, поэтому данные о движении денежных средств можно запросить только у самого сотового оператора; 3) расчетные операции по абонентскому номеру «Мегафон» проводит ООО «банк Раунд». Данные о движении денежных средств можно запросить только у данной организации; 4) у оператора сотовой связи «теле2» нет устоявшегося корреспондента и для проведения расчетных операций он может использовать много сторонних организаций. Информацию о движении денег нужно запрашивать у самого оператора, а после – у корреспондента.

Отдельно необходимо отметить о банковских возможностях. Банковские и кредитные организации способны отслеживать транзакции клиентов, в том числе переводы на виртуальные активы или криптокошельки. Запросы в банки о наличии и движении денежных средств по счетам в определенный период времени в отношении подозреваемых, совершающих или совершивших преступления – обязательны.

Кроме электронной почты, любопытным по отношению к разработке фигуранта являются и социальные сети. Так, на начало 2020 г. в России безусловное 1 место по ежемесячному охвату аудитории занимает сеть «В Контакте» – 40,1 млн. активных пользователей. По мнению экспертов, главное преимущество соцсети – это ее техническая продвинутость. На втором месте находятся «Одноклассники» с аудиторией в 29,8 млн. аккаунтов.

Крупнейшая в мире социальная сеть Facebook, насчитывающая на сегодняшний день свыше 900 млн активных участников, в Рунете пока занимает лишь третье место – 9,8 млн. человек. Однако с сентября 2013 г., сеть демонстрирует впечатляющие темпы роста. За год ее российская аудитория выросла на 56%, также у «В Контакте» на 24%, а у «Одноклассники» на 32%. Но скорее всего, такой активный рост связан с тем, что изначально число пользователей Facebook в России было незначительным. Посмотрим, удастся ли в этом году соцсети сохранить такой темп роста.

Количество пользователей сервиса микроблогов Twitter превышает 250 мил. человек, при этом количество российских пользователей, по статистике компании «Яндекс», составляет более 2,64 млн. человек.

Запустившаяся в конце июня новая соцсеть Google+ продолжает набирать популярность. К концу 2014 г. Google+ уже насчитывала 83 млн. пользователей. Данных по количеству пользователей Google+ в Рунете нет. Представленные сайты – это

огромный банк данных, перлюстрируя которые оперативный сотрудник может получить необходимые искомые данные необходимые для решения стоящих задач.

Что очень важно в проведении ОРМ «Наведение справок» это то, что необязательно обращаться в правоприменительные органы иностранных государств с просьбой, о наведении справок на территории данного государства, ибо эти действия можно равноудалено провести с включенного в сеть ПК. Основное отличие наведения справок как оперативно-разыскного мероприятия от следственного действия, направленного на сбор информации, состоит в том, что истинные цели оперативно-разыскного мероприятия могут легендироваться, скрываться.

Считаем важным отметить ныне действующий Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», использование криптовалюты законодательно ограничено: прямо установлен полный запрет на оплату цифровой валютой товаров, работ и услуг – он распространяется на действующие на территории России юридические лица, в том числе филиалы и представительства иностранных и международных компаний, и на граждан, находящихся в РФ не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев [2].

В ФЗ об ОРД отсутствуют какие-либо ограничения на получение в процессе наведения справок информации конфиденциального характера, однако следует учитывать, что действующим российским законодательством установлены специальные режимы ограничения доступа к достаточно большому объему сведений, относящихся к частной жизни граждан, а также составляющих профессиональную тайну: государственную (см. ст. 29 Конституции РФ, Закон о государственной тайне, ст. ст. 283 и 284 УК РФ), коммерческую, служебную (см. ст. 139 ГК РФ; ст. 183 УК РФ), личную и семейную, тайну предварительного следствия (см. ст. 310 УК РФ) и др. [3]. В заключении хотелось бы отметить, что раскрытие преступлений связанным с криптовалютой и иными виртуальными активами без использования специальных знаний, является затруднительным, а нередко и вовсе невозможным.

Список литературы

1. Шувалова М. Криптовалюта в России: законодательное недорегулирование. 1 марта 2021. [Электронный ресурс] <https://www.garant.ru/news/1448450/> (10.07.2021).
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г. № 33 ст. 3349.
4. Титов М.В., Иванов С.И. Получение компьютерной информации – как новый вид оперативно-розыскного мероприятия // Молодая наука. Сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. Научный редактор Н.Г. Гончарова. 2017. С. 395-396.

A.V. Lagutochkin, I.I. Pyinskiy. Features of conducting operational investigative measures when obtaining information about crimes committed using cryptocurrencies and other virtual assets // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 155-162.

The article reveals the issue of conducting operational investigative measures when obtaining information about crimes committed using cryptocurrencies and other virtual assets. As is known, the main tasks of the theory of operational search activities (hereinafter referred to as ORD) should include the process of improving this activity on the basis of an optimal combination of organizational, managerial and operational tactical measures, the study of advanced operational search practices and the development on this basis of effective ways of organizing and practical implementation of operational search activities (hereinafter referred to as ORM) in various operational conditions. Any modern research in this area seems to be an attempt to present the processes that have developed in practice in a different way, to form new ideas around the implementation of the tasks assigned to the subjects of the ORD. And, quite rarely, directions of innovative development of

the HORDES are formed, the formation of completely new approaches and tactics in the context of countering crimes committed using cryptocurrencies and other virtual assets. The presented article is one of those that for researchers form an idea, a path, a methodological direction along which it is necessary to go in the near future. The presented directions and methods of combating crimes committed using cryptocurrencies and other virtual assets are already predetermined by existing events in the country and in the world, and are also possible in accordance with the promising technological progress of mankind. At present, significant changes have taken place in the activities of the internal affairs bodies. It is necessary to take into account certain changes in the legislative and departmental regulatory framework regulating operational and investigative activities, organizational and structural changes in the internal affairs bodies, adjustment of the functioning of social institutions in conditions of constant development, etc. These circumstances dictate the need to understand modern realities in the field of countering crimes committed using cryptocurrencies and other virtual assets, to search for effective forms and methods of fighting, to develop effective measures to optimize the activities of authorized entities and other police units.

Key words: software, information, technologies, law enforcement, artificial intelligence, cryptocurrency, virtual assets.

Spisok literary

1. Shuvalova M. Kriptovalyuta v Rossii: zakonodatel'noe nedoregulirovanie. 1 marta 2021. [Elektronnyj resurs] <https://www.garant.ru/news/1448450/> (10.07.2021).

2. Federal'nyj zakon ot 31 iyulya 2020 g. N 259-FZ «O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii»

3. Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 avgusta 1995 g. № 33 st. 3349.

4. Titov M.V., Ivanov S.I. Poluchenie komp'yuternoj informacii – kak novyj vid operativno-rozysknogo meropriyatiya // Molodaya nauka. Sbornik nauchnyh trudov nauchno-prakticheskoy konferencii dlya studentov i molodyh uchenyh. Nauchnyj redaktor N.G. Goncharova. 2017. S. 395-396.

УДК 347.73

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 163-174

ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Эляков А. Л.

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации*

Основными результатами данного исследования являются проведенный анализ нормативно-правовых основ формирования и функционирования свободных (особых) экономических зон в РФ в определенных этапах их развития, что позволило автору выделить 3 этапа развития ОЭЗ РФ и выявить их общие принципы функционирования, которые предусмотрены в законодательных документах, которые были отражены в рассмотренных законодательных документах. На основании уточнения понятий «свободные экономические зоны», «особые экономические зоны» автором предложено отождествлять оба определения понятий как единое понятие, в связи с тем, что в основе их сути лежит одно и тоже явление, предоставление налоговых и таможенных льгот. На основании анализа законодательных актов РФ удалось выявить недостатки и проблемы в принятых законодательных документах на ранних этапах развития СЭЗ и ОЭЗ в России. Для выявления перспектив развития нормативно-правовых основ ОЭЗ проведена оценка привлекательности и эффективности использования механизма особых экономических зон в Российской Федерации.

Ключевые слова. Свободная экономическая зона, особая экономическая зона, этапы, цель, понятие, категория, механизм, инвестиции, льготы, налоги, таможенные пошлины, анализ, оценка, эффективность.

В современных условиях для выполнения президентской задачи прорывного роста российской экономики необходимо ускоренное развитие «точек и локомотивов роста» во многих регионах России. Данная задача может быть выполнена за счет реализации крупных, масштабных инвестиционных проектов за счет эффективного использования механизма свободных (особых) экономических зон (ОЭЗ).

Она также является инструментом эффективной диверсификации экономики и развития имеющегося потенциала регионов России и это доказывает опыт стран Европы, Азии и Северной Америки. Но без правового обеспечения ОЭЗ и практики ее совершенствования правового обеспечения процессов создания, функционирования и реализации механизмов особых экономических зон невозможно. Особые экономические зоны создаются для развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции.

ОЭЗ – часть территории, которая определяется Правительством РФ и на которой действует преференциальный налоговый режим осуществления предпринимательской деятельности, ОЭЗ, а также может применяться процедура свободной таможенной зоны. Правительством утверждается решение о создании ОЭЗ на основе заявок от высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ.

Формирование научного подхода к созданию современных свободных зон началось с трудов А. Смит в 1776 г. («Исследования о природе и причинах богатства народов»), а затем и Д. Рикардо в 1817 г. («Принципы политэкономии и налогообложения»), которые исследовали основы международной торговли в конце XVIII — начале XIX в. Официально признано понятие свободной экономической зоны, которая в соответствии Международной конвенции по упрощению и гармонизации таможенных процедур (Киото, 1973 г.) гласит в следующей редакции: «Под свободной экономической зоной следует понимать часть территории одного государства, на которой ввезенные товары обычно рассматриваются как товары, находящиеся, за пределами таможенной территории по отношению к праву импорта и соответствующим налогам, и не подвергаются обычному таможенному контролю» [1].

Определение понятия «свободная экономическая зона» учеными экономистами определяется как «территория с выгодным географическим положением, наличием достаточной инфраструктуры, на которой устанавливаются особые режимы и механизмы в области таможенного обложения, налогообложения, ценообразования, инвестирования, а также особый валютный, режим с целью привлечения в эти районы материальных, финансовых, технологических и трудовых ресурсов» [2].

Широкое толкование данному понятию дается в научной литературе, в частности, согласно дефиниции Н. Смородинской, А. Капустина, СЭЗ – это не только и не столько обособленная географическая территория, а скорее часть национального экономического пространства, где введена и применяется определенная система льгот и стимулов, неиспользованная в других его частях [3].

Распространено определение зон, как «территории, где введением беспошлинного таможенного режима, посредством других экономических и административно-правовых мер осуществляется стимулирование внешнеэкономической деятельности и привлечение иностранного капитала и «ноу-хау» [4].

На основании анализа понятий «свободные экономические зоны», «особые экономические зоны» можно считать, что в основе их сути лежит одно и то же явление, предоставление налоговых и таможенных льгот, автором предлагается отождествлять оба определения понятий как единое понятие. Для эффективного формирования Особых экономических зон в РФ необходимо и важно также рассмотреть периоды создания СЭЗ и ОЭЗ, нормативно-правовую базу создания ОЭЗ, сроков существования ОЭЗ, целей их создания, предоставляемых льгот и преференций, негативных последствий и проблем опыта реализации ОЭЗ на практике, в результате их анализа предложить определенные этапы создания ОЭЗ в РФ.

Таблица №1. Анализ этапов создания Особых экономических зон в РФ и их нормативно-правовой основы за период 1980 г. - по настоящее время.

Периоды создания ОЭЗ	Нормативно-правовая база создания ОЭЗ	Срок существования ОЭЗ	Цель создания	Льготы и итоги создания	Недостатки, проблемы ОЭЗ
1 этап создания СЭЗ в РФ за период 1980-1996					
1980-1992	1. Единая государственная концепция СЭЗ Правительства	2 года. В 1992	Гарантия защиты осуществления внешнеэкономической деятельно-	Льготы предоставлялись оди-	1. Не было сформирована полноценная

	<p>СССР в 1980 г.</p> <p>2. Постановление Верховного Совета РСФСР от 14.07.90 N 105-I «Об основных принципах осуществления внешнеэкономической деятельности РСФСР [5].</p> <p>3. Постановления Верховного Совета РСФСР от 13.09.90 г. «165-1 «О создании зон свободного предпринимательства», положения для каждой СЭЗ, с обозначением их хозяйственно-правового статуса в качестве зоны свободного предпринимательства или специальной экономической зоны. [5].</p> <p>4. Указ Президента РФ от 04.06.92 г. «548 «О некоторых мерах по развитию свободных экономических зон (СЭЗ) на территории Российской Федерации» [6].</p>	<p>г регистрация СЭЗ временно была прекращена.</p>	<p>сти РСФСР путем создания свободных экономических зон и обеспечения стабильности договорных отношений</p> <p>Привлечение иностранных инвестиций, повышение конкурентоспособности производства, росту притока экспорта товаров и услуг, снижению расходов по покупке импортной продукции [7].</p>	<p>наковые.</p> <p>Приняты предложения Ленинградского и Выборгского городских, Приморского краевого (в том числе г. Находка), Калининградского, Сахалинского и Читинского областных Советов народных депутатов об объявлении их территорий зонами свободного предпринимательства.</p> <p>Создано 13 СЭЗ, сокращено до 11 СЭЗ в 11 регионах РСФСР (Находка, Выборг, Ленинград, Зеленоград, Калининградская, Новгородская область, Кемеровская, Читинская и Сахалинская обл.).</p>	<p>нормативно-правовая база в области правового регулирования.2. СЭЗ не до конца были реализованы и не смогли достичь окончательной цели.</p> <p>3. Не были предоставлены механизмы гарантий, льгот и господдержки на федеральном уровне.</p> <p>4.Отсутствовали в полной мере институциональные условия СЭЗ.</p>
1991	<p>Закон РСФСР от 04.07.1991 N 1545-1 «Об иностранных инвестициях в</p>	<p>8 лет</p>	<p>Привлечение иностранных инвестиций, закупки передовой импортной техники, тех-</p>	<p>Льготный режим хозяйственной деятельности</p>	<p>Закон не внес ясности в процесс создания СЭЗ</p>

	РСФСР» [8].		нологий и развитие экспортного потенциала. [8].	для иностранных инвестиций и предприятий с иностранным участием, упрощенный порядок регистрации предприятий с иностранными инвестициями	
1993	Таможенный кодекс Российской Федерации от 18.06.93 г. [9].	10 лет	Определить правовые, экономические и организационные основы таможенного дела и была направлена на защиту экономического суверенитета и экономической безопасности РФ, активизацию связей российской экономики с мировым хозяйством, обеспечение защиты прав граждан, хозяйствующих субъектов и государственных органов и соблюдение ими обязанностей в области таможенного дела	Заложил основы создания свободных таможенных зон (свободных складов), являющейся одной из разновидностей СЭЗ	
1995	Федеральный закон от 13.10.95 г. № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» [10].	4 года	Защита экономического суверенитета, обеспечение экономической безопасности РФ, стимулирование развития национальной экономики при осуществлении внешнеторговой деятельности и обеспечение условий эффективной интеграции экономики РФ в мировую экономику [10].	1. Установлена упрощенная регистрация предприятий с иностранными инвестициями и осуществление экспортно-импортных операций [10]. 2. Определен особый режим хозяйственной и	1. Прекратились работы по созданию СЭЗ, объявленных в начале 90-х годов, в связи с большими изменениями в налоговом, таможенном и валютном регулировании в банковской сфере. 2. Отрицательный опыт создания СЭЗ на больших территориях, как СЭЗ «Янтарь» в

				внешнеэкономической деятельности в СЭЗ [10]. В 1996 г. функционировали 18 СЭЗ, созданных в 15 регионах на 1/3 площади страны. Это свободные порты (Находка и Калининград), технопарки (г. Зеленоград, «Шерризон»-аэропорт Шереметьево), экспортно-производственные зоны (г. Выборг, Сахалинская обл.), концессионные участки (респ. Горный Алтай, Чита, Кемерово) [10].	Калининградской области, СЭЗ «Находка» в Приморском крае, офшоры в Республике Калмыкия и др. [7].
2 этап создания ОЭЗ в РФ за период 1997-2004 гг.					
1997	Проект Федерального закона «О свободных экономических зонах» от 24.06.97 г. была принята в третьем чтении (постановление Госдумы ФС РФ от 234.06.97 г. «1628-П ГД «О повторном рассмотрении ФЗ «О свободных экономических зонах»»), 03.07.97 г.		Поднять статус ранее созданных СЭЗ на уровень, определенный федеральным законом.		Был отклонен Президентом РФ, 21.07.97 г. Основной проблемой была стремление властей получить быстрые в крупном размере доходы в государство.

Особые экономические зоны в...

	был одобрен №259-СФ «О Федеральном законе «О свободных экономических зонах»				
1999	Федеральный закон от 22.01.96 г. N 13-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» [11].	10 лет	Определяет правовые и экономические основы создания и функционирования Особой экономической зоны в Калининградской об., учитывая ее географическое положение, значение для национальных интересов РФ.	Беспошлинный режим торговли, особый льготный иной, чем с общим, режим инвестиций и инвестиционной деятельности	Существенных успехов экономики области свободная таможенная зона не принесла.
1999	Федеральный закон РФ от 31.05.1999 № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» [12].	По н.в.	Привлечение инвестиций на развитие производительных сил, финансового и товарного рынков Магаданской области.	Режим беспошлинной торговли и особенности уплаты налогов участниками Особой экономической зоны устанавливаются законодательством РФ о налогах и сборах [12]. На тер. ОАЭ зоны применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны	
2000	Проект Федерального закона «О свободных экономических зонах», принятый ГД ФС РФ от 09.06.00 г. и одобренного СФ ФС РФ от 28.06.00 г.				Отклонен второй раз Президентом РФ, 15.07.00 г. Главная проблема отсутствие баланса интересов инвесторов и государства
3 этап создания СЭЗ в РФ за период 2005 по н.в.					

2005	Федеральный закон от 22.07.05 г. «116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»[13].	По н.в.	Развитие обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции.	Определил правовой режим особых экономических в РФ, порядок их создания, функционирования и существования, а также установил особенности ведения в ОЭЗ предпринимательской деятельности.	
------	--	---------	--	--	--

На основе проведенного анализа нормативно-правовой основы создания ОЭЗ в РФ в определенных этапах их развития позволило нам выделить 3 этапа развития ОЭЗ (табл.1) и выявить общие принципы функционирования ОЭЗ в РФ, которые были отражены в рассмотренных законодательных документах: принцип неотъемлемости территории, СЭЗ – неотъемлемая часть государственной территории» (ч. 3, ст. 4 и ч. 5 ст.13 Конституции РФ); принцип льготного налогообложения согласно механизму предоставления льгот инвесторам, в т.ч. иностранным; принцип соблюдения в практике учреждения СЭЗ, где гарантируется единство экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств.

В результате анализа законодательства РФ о СЭЗ на первом этапе были выявлены проблемы эффективного использования механизма СЭЗ, также отраженных в таблице 1. При их обобщении основными проблемами явились: несовершенство нормативно-законодательных основ создания и функционирования СЭЗ и ОЭЗ; слишком были завышены масштабы (площади) СЭЗ для строительства инфраструктурных объектов и невозможность их финансирования из бюджета; имевшийся повтор контрольных функций у ведомств. Таким образом, решение проблем затрагивала не только совершенствования законодательной базы СЭЗ и ОЭЗ, но и требовало организационно-экономических решений со стороны государства.

С 2005 г. по настоящее время правовое регулирование ОЭЗ регламентировано Федеральным законом от 22.07.2005 №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и таможенным законодательством Таможенного Союза от 18.06.10 г. в рамках ЕврАзЭС, указами Президента РФ, а также постановлений и нормативно-правовых актов Правительства РФ.

Деятельность ОЭЗ в России регламентируется Федеральным законом от 22.06.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Решение о создании ОЭЗ утверждается Правительством. Критерии создания ОЭЗ закреплены в постановлении Правительства РФ от 26 апреля 2012 г. № 398 «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны». Согласно закону в РФ предусмотрены 4 типа ОЭЗ: 1. Промышленно-производственные особые экономические зоны (ППОЭЗ); 2. Технично-внедренческие особые экономические зоны (ТВОЭЗ); 3. Туристско-рекреационные особые экономические зоны (ОЭЗ ТРТ); 4.

Портовые особые экономические зоны (ПОЭЗ) [13]. Разделение на типы ОЭЗ осуществляется в зависимости от видов деятельности, разрешенных Правительством РФ.

Впервые в ноябре 2011 г. поправками в данный закон введено понятие управляющей компании – открытого акционерного общества, которое создано в целях реализации соглашений о создании ОЭЗ, и сто процентов акций которого принадлежит РФ, или хозяйственное общество, которое создано с участием такого открытого акционерного общества в указанных целях, либо иное хозяйственное общество, которое заключило с уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти соглашение об управлении особой экономической зоной [13].

Введено понятие «кластер» – совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов, которая определяется Правительством РФ, и управление которой осуществляется одной управляющей компанией (в редакции 116-ФЗ от 30.11.2011 г.).

Для более эффективной деятельности ОЭЗ зоны одного или нескольких типов могут быть объединены решением Правительства РФ в кластер. Введенный механизм в законе возможность объединения нескольких типов ОЭЗ в кластер в рамках одной ОЭЗ может дать конкурентные преимущества, в т.ч. экспортные перед ОЭЗ одного типа. На практике такие кластеры оказались эффективнее, особенно на туристско-рекреационных кластерах Северного Кавказа. Расширена территориальная привязка ОЭЗ. Особая экономическая зона может располагаться на территории одного муниципального образования или территориях нескольких муниципальных образований в пределах территории одного субъекта РФ или территорий нескольких субъектов РФ, исключением является лишь территория муниципального образования, на которой создана зона территориального развития [13]. Использование такого механизма ОЭЗ станет, наиболее эффективным охватывая, территории нескольких соседних регионов. ОЭЗ согласно ст. 5 данного закона могут создаваться на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в том числе предоставленных во владение и (или) в пользование гражданам или юридическим лицам, а также на земельных участках, находящихся в собственности граждан или юридических лиц.

Указанные земельные участки должны принадлежать к категории земель промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земель для обеспечения космической деятельности, земель обороны, безопасности или земель иного специального назначения либо земель населенных пунктов. Туристско-рекреационные особые экономические зоны также могут создаваться на земельных участках, принадлежащих к категории земель особо охраняемых территорий и объектов или земель лесного фонда, земель сельскохозяйственного назначения [13]. Согласно новой редакции закона установлено, что земельный участок, расположенный в границах ОЭЗ, может быть изъят у собственника для государственных или муниципальных нужд, в порядке, установленном законодательством РФ. Весьма, проблемно, найти в привлекательном месте пустой крупный целостный участок госсобственности с учетом имеющихся в России сложностей с земельными вопросами. А также в нем будут нужны огромные капиталовложения на строительство инфраструктуры.

Постановлением Правительства РФ от 30 октября 2014 №1119 «Об отборе субъектов Российской Федерации, имеющих право на получение государственной поддержки в форме субсидий на возмещение затрат на создание инфраструктуры промышленных парков и технопарков» приняты механизм возмещения затрат на создание и модернизацию объектов инфраструктуры в ОЭЗ [14].

Субсидии предоставляются для возмещения следующих видов затрат на: строительство, модернизацию или реконструкцию объектов коммунальной и транспортной инфраструктур; строительство и реконструкцию зданий и сооружений для резидентов; приобретение, монтаж и пуско-наладку оборудования; на уплату основного долга и процентов по кредитам, взятым на указанные выше цели.

Максимальным объемом государственной поддержки является: объем возмещаемых затрат - сумма уплаченных налогов и таможенных пошлин резидентами в федеральный бюджет и сумма субсидий из регионального бюджета. В такой редакции закона, не допускается создание особой экономической зоны на территории муниципального образования, на которой уже создана зона территориального развития.

Особые экономические зоны создаются сроком на 49 лет. Согласно Закону об ОЭЗ за пределами территории ОЭЗ резидент ОЭЗ не вправе иметь филиалы и представительства. Решение о досрочном прекращении существования ОЭЗ принимается Правительством РФ.

Критерии создания особых экономических зон (ОЭЗ), принятые Постановлением Правительства РФ от 26 апреля 2012 г. №398 «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны» для повышения эффективности данного механизма развития территорий дополнены положениями Постановлением Правительства РФ от 15 июля 2021 г. №1211. В данном документе, фиксируется соотношение между государственными инвестициями в инфраструктуру ОЭЗ и частными вложениями должно составлять 1 к 5. Установлено требование к минимальному количеству резидентов: в том случае, если объем инвестиций составляет от 8-20 млрд руб., в ОЭЗ должно быть не менее пяти компаний, при объеме вложений свыше 20 млрд руб. допускается размещение одного резидента. Территория ОЭЗ отличается от остальной территории РФ тем, что на ней действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности. Для того, чтобы стать резидентом в ОЭЗ необходимо: выбрать вид деятельности и ОЭЗ; подготовка бизнес-плана; пройти экспертный совет и подписать соглашение о ведении деятельности. Требуемые минимальные капитальные вложения, чтобы стать резидентом в ОЭЗ составляют для промышленно-производственного типа ОЭЗ –120 млн. руб. и портового типа ОЭЗ – 120-400 млн. руб., в зависимости от типа проекта.

ВОЭЗ существует огромный плюс для инвесторов и для конкретных территорий регионов. Преимущества для бизнеса согласно докладу Министерства экономического развития РФ, Правительство РФ в течение более 15 лет создает и развивает точки роста на своей территории, где предоставляет: безопасность и гарантии от государства; особые условия для бизнеса; соответствие стандартам Всемирной торговой организации; соответствие стандартам Евразийского экономического союза.

Для инвестора в бизнес – это административное сопровождение и возможность снизить затраты до 30% при реализации инвестпроектов.

Предоставление долгосрочных льгот по уплате основных видов налогов и таможенных пошлин для производственной деятельности бизнеса, их административное

сопровождение, а также возможность реального снижения расходов при реализации инвестиционных проектов, как показывает исторический опыт зарубежных стран, и отечественная практика реализации ОЭЗ приводит к большому притоку частного российского капитала и иностранных инвестиций. Для самих территорий — это создание новых рабочих мест, использование новейших технологий в производстве товаров и услуг, долгосрочные перспективы развития регионов.

В настоящее время в РФ создано 36 ОЭЗ, из них 17 ОЭЗ промышленно-производственного типа; 7 технико-внедренческого типа, 10 туристско-рекреационного типа, 2 портового типа [15]. Анализ динамики основных показателей эффективной деятельности ОЭЗ РФ согласно материалам «Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России, 2020. Выпуск 4» авторского коллектива Ассоциации кластеров и технопарков России представлены в таблице №3.

Таблица №3. Динамика показателей эффективности ОЭЗ РФ за 2012-2019 гг.

Основные показатели эффективности ОЭЗ РФ	Годы							
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Динамика частных прямых инвестиций резидентов ОЭЗ, %	100	180,6	154,7	64,6	124,4	173,3	106,6	98,4
Динамика частных прямых инвестиций РФ, %	106,8	100,8	98,5	89,9	99,8	104,8	105,4	101,7
Совокупное количество резидентов ОЭЗ с нарастающим итогом	246	299	382	451	549	683	767	796
Количество иностранных резидентов ОЭЗ с нарастающим итогом	38	49	59	71	95	125	131	146
Динамика кол-ва созданных раб. мест в ОЭЗ нарастающим итогом	6298	9461	12954	18520	21186	28421	36869	42120
Выручка резидентов ОЭЗ, млн. руб.	29726	50143	53391	64654	115186	156101	193031	237846
Производительность труда ОЭЗ, млн. руб./чел.	4,7	5,3	4,1	3,5	5,4	5,5	5,2	5,6
Производительность труда РФ, млн. руб./чел.	2,9	3,1	3,1	4,0	4,0	4,0	4,3	5,3

По состоянию на конец 2019 г. итогами деятельности 36 ОЭЗ в РФ являются: существование совокупного количества резидентов ОЭЗ с нарастающим итогом в количестве 796, в т.ч. количество иностранных резидентов в количестве 146; создание 42120 рабочих мест; выручка резидентов ОЭЗ составило 237,8 млрд. руб.;

Если посмотреть в динамике изменения объемов частных прямых инвестиций резидентов, то можно сказать, что сумма частных прямых инвестиций резидентов ОЭЗ в 2013 и 2019 гг. росла на 1,8 раза, и только в 2015 г. резко снизилось из-за санкций Евросоюза и США, а сумма частных прямых инвестиций РФ каждый год росла, и снижалась небольшими темпами, почти оставалась неизменной и постоян-

ным. Выручка резидентов ОЭЗ по состоянию на конец ноября 2020 г., млн. руб. составило 447,6 млрд. руб., объем иностранных инвестиций равно 243,3 млрд. руб.,

В итоге 146 иностранными инвесторами из 41 стран заявлено более 14,5 млрд. долларов США инвестиций, привлечено и осуществлено более 5,5 млрд. долларов США суммы инвестиций.

Сфера деятельности инвесторов являются: стройматериалы, строительство и эксплуатация судов (воздушных и морских), машины и оборудование, автокомпоненты, информационные технологии, микроэлектроника и точное приборостроение, нанотехнологии и новые материалы, фармацевтика, электроэнергетика, нефтехимия, сельское хозяйство и пищевая промышленность, туризм.

Преимущества механизмов ОЭЗ оценили почти 800 резидентов из 41 стран с общим инвестиционным портфелем в 1 трлн. руб., в т.ч. всемирно известные иностранные компании Armstrong, Boeing, Yokohama, Ford, которые создают не только востребованные в мире высокотехнологичную продукцию, от судов, автомобилей до лекарств, но и создают высокотехнологичные рабочие места, где формируются спрос на лучшие умы, которые разрабатывают и внедряют инновационные решения. И в перспективе, в июле 2021 г. озвученным Председателем Правительства РФ М. Мишустинным в деловой поездке по регионам Дальнего Востока России – принято решение создание еще одного ОЭЗ на Курильских островах.

В результате исследования, для выявления перспектив развития нормативно-правовых основ ОЭЗ проведена оценка привлекательности и эффективности использования механизма особых экономических зон РФ. Сделан вывод, что для дальнейшего эффективного и ускоренного развития экономики территорий РФ необходима разработка единой концепция развития институтов и механизмов ОЭЗ в РФ, которая являлась бы частью законодательной системы и поступательное совершенствование нормативно-правовых основ ОЭЗ РФ.

Список литературы:

- 1.Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур. (Заключена в г. Киото 18 мая 1973 г.). Документ опубликован не был. Справочная правовая система «Консультант Плюс».
- 2.Молодован А.А. Перспективы развития свободных экономических зон в Российской Федерации. Автореф. дисс. ...канд. экон. наук. С-Пб. 2008. С. 8.
- 3.Сморозинская Н., Капустин А. Свободные экономические зоны: мировой опыт и российские перспективы // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 126-140.
- 4.См.: Зоны свободной торговли в практике международных экономических отношений // БИКИ. 1995. № 95
- 5.Постановление Верховного Совета РСФСР № 105-1 от 14.07.1990; № 165-1 от 13.09.1990 г. «О создании зон свободного предпринимательства»
- 6.Указ Президента РФ от 04.06.1992 N 548 (ред. от 29.08.2001) "О некоторых мерах по развитию свободных экономических зон (СЭЗ) на территории Российской Федерации" // [электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_539/.
- 7.Павлов П.В. Правовые аспекты и исторические предпосылки создания института особых экономических зон в Российской Федерации // Журнал российского права № 8 — 2008. С. 49-60.
8. Закон РСФСР от 04.07.1991 N 1545-1 (ред. от 10.02.1999) «Об иностранных инвестициях в РСФСР» // [электронный ресурс].
9. Таможенный кодекс Российской Федерации (от 18.06.93 № 5221). — Первоначальная редакция ТК РФ 1993 года // [электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_624/.
- 10.Федеральный закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 13.10.1995 N 157-ФЗ (последняя редакция) // [электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8043/.
11. Федеральный закон от 22.01.96 г. N 13-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» // [электронный ресурс] <https://duma.consultant.ru/documents/1157470?items=1&page=14>.
12. Федеральный закон РФ от 31.05.1999 № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» // [электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23257/.

13. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Российская газета. 2005. № 3831. 27 июля.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 октября 2014 №1119 «Об отборе субъектов Российской Федерации, имеющих право на получение государственной поддержки в форме субсидий на возмещение затрат на создание инфраструктуры промышленных парков и технопарков» (с изменениями на 5 марта 2020 года) // [электронный ресурс] <https://docs.cntd.ru/document/420230974>.
15. Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России, 2020. Выпуск 4 / А.Н. Андреев, М.М. Бухарова, Л.В. Данилов, В.И. Зверков, Е.А. Кашинова, Е.И. Кравченко, М.А. Лабудин, М.А. Махаева, А.В. Телеба, А.Г. Шипугин, А.В. Шпиленко; редакционная коллегия: А.В. Шпиленко (ответственный редактор), В.И. Зверков, А.Н. Козловский; Ассоциация развития кластеров и технопарков России. – Москва: АКИТ РФ, 2020. – 203 с.

Elyakov Alexander Lvovich. Special economic zones in the russian federation: legal aspects of development and assessment of performance // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 163-174.

Post-graduate student of the Department of Legal Support of Public Finance at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

The main results of this study are the analysis of the regulatory framework for the formation and functioning of free (special) economic zones in the Russian Federation at certain stages of their development, which allowed the author to identify 3 stages of development of the SEZ of the Russian Federation and identify their general principles of functioning, which are provided for in the legislative documents, which were reflected in the reviewed legislative documents. Based on the clarification of the concepts of "free economic zones", "special economic zones", the author proposed to identify both definitions of concepts as a single concept, due to the fact that their essence is based on the same phenomenon, the provision of tax and customs benefits. Based on the analysis of legislative acts of the Russian Federation, it was possible to identify shortcomings and problems in the adopted legislative documents at the early stages of the development of SEZs and SEZs in Russia. To identify the prospects for the development of the regulatory framework of the SEZ, an assessment was made of the attractiveness and efficiency of using the mechanism of special economic zones in the RF.

Keywords. Free economic zone, special economic zone, stages, purpose, concept, category, mechanism, investments, benefits, taxes, customs duties, analysis, assessment, efficiency.

Spisok literatury:

1. Mezhdunarodnaya konvenciya ob uproshchenii i garmonizacii tamozhennyh procedur. (Zaklyuchena v g. Kioto 18 maya 1973 g.). Dokument opublikovan ne byl. Spravochnaya pravovaya sistema «Konsultant Plyus».
2. Molodovan A.A. Perspektivy razvitiya svobodnyh ekonomicheskikh zon v Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. ...kand. ekon. nauk. S-Pb. 2008. S. 8.
3. Smorodinskaya N., Kapustin A. Svobodnye ekonomicheskie zony: mirovoj opyt i rossijskie perspektivy // Voprosy ekonomiki. 1994. № 12. S. 126-140.
4. Sm.: Zony svobodnoj trgovli v praktike mezhdunarodnyh ekonomicheskikh otnoshenij // BIKI. 1995. № 95.
5. Postanovlenie Verhovnogo Soveta RSFSR № 105-1 ot 14.07.1990; № 165-1 ot 13.09.1990 g. «O sozdanii zon svobodnogo predprinimatel'stva»
6. Ukaz Prezidenta RF ot 04.06.1992 N 548 (red. ot 29.08.2001) "O nekotoryh merah po razvitiyu svobodnyh ekonomicheskikh zon (SEZ) na territorii Rossijskoj Federacii" // [elektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_539/.
7. Pavlov P.V. Pravovye aspekty i istoricheskie predposylki sozdaniya instituta osobyh ekonomicheskikh zon v Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava № 8 — 2008. S. 49-60.
8. Zakon RSFSR ot 04.07.1991 N 1545-1 (red. ot 10.02.1999) «Ob inostrannyh investiciyah v RSFSR» // [elektronnyj resurs].
9. Tamozhennyj kodeks Rossijskoj Federacii (ot 18.06.93 № 5221). — Pervonachal'naya redakciya TK RF 1993 goda // [elektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_624/.
10. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennom regulirovanii vneshnetorgovoj deyatel'nosti» ot 13.10.1995 N 157-FZ (poslednyaya redakciya) // [elektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8043/.
11. Federal'nyj zakon ot 22.01.96 g. N 13-FZ «Ob Osoboj ekonomicheskoy zone v Kaliningradskoj oblasti» // [elektronnyj resurs] <https://duma.consultant.ru/documents/1157470?items=1&page=14>.
12. Federal'nyj zakon RF ot 31.05.1999 № 104-FZ «Ob Osoboj ekonomicheskoy zone v Magadanskoj oblasti» // [elektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23257/.
13. Federal'nyj zakon ot 22 iyulya 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskikh zonah v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2005. № 3831. 27 iyulya.
14. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 oktyabrya 2014 №1119 «Ob otbore sub"ektov Rossijskoj Federacii, imeyushchih pravo na poluchenie gosudarstvennoj podderzhki v forme subsidij na vozmeshchenie zatrat na sozdanie infrastruktury industrial'nyh parkov i tekhnoparkov» (s izmeneniyami na 5 marta 2020 goda) // [elektronnyj resurs] <https://docs.cntd.ru/document/420230974>.
15. Biznes-navigatör po osobym ekonomicheskim zonam Rossii, 2020. Vypusk 4 / A.N. Andreev, M.M. Buharova, L.V. Danilov, V.I. Zverkov, E.A. Kashinova, E.I. Kravchenko, M.A. Labudin, M.A. Mahaeva, A.V. Teleba, A.G. SHipugin, A.V. SHpilenko; redakcionnaya kollegiya: A.V. SHpilenko (otvetstvennyj redaktor), V.I. Zverkov, A.N. Kozlovskij; Associaciya razvitiya klasterov i tekhnoparkov Rossii. – Moskva: AKIT RF, 2020. – 203 s.

РЕЦЕНЗИИ

Р Е Ц Е Н З И Я

НА УЧЕБНИК ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУК РФ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Л.П. РАСКАЗОВА «История и методология юридической науки»

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В системе юридических наук история и методология юридической науки появилась не так давно. Ее появление в отечественном юридическом образовании обусловлено рядом причин. Прежде всего, это связано с тем, что в современном мире наука приобретает всё большее значение и развивается всё более быстрыми темпами. Особенно усиливается роль фундаментальной, теоретической науки, и этот процесс характерен для всех областей знания. Изменения происходят и в науках об обществе, общественных науках, в том числе и юридической. Другая причина введения истории и методологии юридической науки связана с введением многоуровневой системы подготовки высшего образования, осуществляемое по программам бакалавриата и магистратуры. Спецификой магистратуры является нацеленность ее на научно – исследовательскую работу. Таким образом, магистры должны овладеть навыками формирования новых знаний, т.е. навыками научно-исследовательской работы. Поэтому именно магистратуре предназначен предмет история и методология юридической науки.

Магистры должны быть оснащены современными знаниями о юридической науке, о различных подходах к ее истории и методологии. Эти знания необходимы, в том числе, и в научно – исследовательской деятельности, которая опирается на теорию и методологию науки. Важная роль в творчестве играет и история науки, которая позволяет правильно выбрать тот или иной прием исследования, ту или иную методологическую основу своей научной работы. Таким образом, «История и методология юридической науки» призвана стимулировать научный поиск обучающихся и оказать помощь в этом.

Предлагаемый учебник является авторским, что позволяет рассмотреть вопросы истории и методологии юридической науки комплексно, в логической связи друг с другом. Сложившаяся практика обучения истории и методологии юридической науки в различных вузах нашей страны выработала определенный перечень учебных тем, который используется большинством авторов учебников и учебных пособий и соответственно реализуется в процессе обучения. Данные темы имеются и в предлагаемом учебнике. В то же время его особенностью является то, что в нем содержатся новые подходы к истории и методологии юридической науки, делается попытка их осмысления в свете современных реалий.

В учебнике рассматриваются различные методы познания государственно-правовой материи, прошедшую проверку временем и показавшие свою эффективность в теории и практике юриспруденции. Особое внимание уделено диалектико-материалистическому методу, который широко используется не только сторонниками марксизма. Диалектико-материалистический метод используется учеными и других политических взглядов, и мировоззрений. Это вполне понятно и объяснимо, поскольку данный метод затрагивает и помогает решать не только и даже не столько мировоззренческие, политико-идеологические проблемы, сколько сугубо научные, академические вопросы. В то же время в учебнике дан анализ и новых («модных») методов научного познания к которым, в частности, относятся герменевтика, синергетика и феноменология. Подчеркивается, что юридическая наука должна творчески использовать весь арсенал методологических средств для исследования правовой реальности во всем многообразии ее закономерных связей и отношений.

Позитивным моментом в учебнике является то, что изложение основных понятий истории и методологии юридической науки дается простым языком.

Вывод: Предложенная работа позволяет студентам получить соответствующие знания государственно-правовой материи и методологическую базу для более эффективного изучения в дальнейшем специальных отраслей права. Материалы учебника характеризуется логическим построением и доступностью восприятия материала.

В целом учебник по «История и методология юридической науки», подготовленный Л.П. Рассказовым, вносит значительный вклад в получении студентами юридических вузов соответствующих знаний в области юриспруденции. Рекомендую учебник по «История и методология юридической науки», подготовленный профессором Леонидом Павловичем Рассказовым, к опубликованию в Центральном юридическом издании.

УДК 342.95

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-177-186

**ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВАНИЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В
УЧАСТИЕ В НЕСАНКЦИОНИРОВАННОМ СОБРАНИИ, МИТИНГЕ,
ДЕМОНСТРАЦИИ, ШЕСТВИИ И ПИКЕТИРОВАНИИ**

Заброда Д. Г.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализирована проблема административной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированном публичном мероприятии.

Проанализирована статистические данные, характеризующие состояние административной деликтности в области ответственности за нарушение порядка участия в публичных мероприятиях, а также вовлечения несовершеннолетних к участию в несанкционированных собраниях, митингах, шествиях и пикетированиях.

Охарактеризованы нормативное, фактическое и процессуальные основания административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.2 КоАП РФ. Осуществлен анализ объективных и субъективных признаков состава данного правонарушения. На основе судебной и правоохранительной практики детализировано содержание объективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в участие в несанкционированном публичном мероприятии.

Рассмотрены примеры закрепления административной ответственности за аналогичные противоправные действия в зарубежном законодательстве.

Сделан вывод о том, что вопросы административной ответственности за вовлечение несовершеннолетних к участию в несанкционированных собраниях, митингах и демонстрациях, шествиях и пикетированиях (ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ) являются актуальными, а их решение имеет прикладной характер, связанный с необходимостью защиты прав и свобод несовершеннолетних, обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов, в первую очередь полиции и суда.

Ключевые слова: административная ответственность, несанкционированное публичное мероприятие, вовлечение несовершеннолетних.

Участие граждан в публичных мероприятиях является одним из важнейших проявлений демократии в современном обществе. При этом Конституция России закрепила два базовых условия реализации такого права: мирный характер и отсутствие оружия, а также основные формы публичных мероприятий: собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31) [1].

Следует согласиться с утверждением российского омбудсмена о том, что «...глобальное социальное значение права на мирные публичные акции состоит в том, что оно позволяет государству и обществу принять своевременные меры к предотвращению масштабных социальных конфликтов» [2].

Статистические данные МВД России свидетельствуют, что в 2020 г. в стране было проведено 30 064 публичных мероприятия, в которых приняло участие 372 133 гражданина (из них 29 937 согласованных (259 413 участников) и 2 127 несогласованных (112 720 участников), что на 49,5 % меньше показателя 2019 г. (63 473 публичных мероприятия) (по данным ГИАЦ МВД России). Уменьшение числа публичных мероприятий в 2020 г. обусловлено введением в Россий-

ской Федерации ограничений и запретов с целью предупреждения распространения коронавирусной инфекции.

Негативной тенденцией, сопровождающей несанкционированную активность граждан, является привлечение несовершеннолетних к участию в протестных акциях и совершению ими административных правонарушений. Так, по сведениям МВД России, в 2019 г. в таких акциях участвовало 180 несовершеннолетних, в 2020 г. – 70 [3].

Отмечается также и широкое использование социальных сетей для манипуляции сознанием несовершеннолетних и побуждению их к участию в протестных мероприятиях, особенно в конце января 2021 г. Специалистами отмечается, что таким призывам присущи: эмоциональная насыщенность, максималистичность, акцентированность на миссионерской роли участников акций, алгоритмичность описание порядка действий на месте мероприятия, использование подмены понятий при обозначении целей пребывания в конкретном общественном месте (например, фразы: «не протест, а прогулка»), принятие возможности эскалации конфликта, а также позиционирование участия несовершеннолетних в акциях как личный вызов гражданина власти [4].

В отдельных случаях несовершеннолетние используются в качестве демпфера между участниками таких мероприятий и силами правопорядка, при этих организаторах не учитывается причиняемый детям психологический, а иногда и физический вред.

С целью воздействия на лиц, вовлекающих несовершеннолетнего в участие в несанкционированном публичном мероприятии, 27.12.2018 статья 20.2 «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» КоАП РФ была дополнена ч. 1.1, установившей ответственность за «...вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния» [5].

При разработке соответствующего законопроекта целями принятия данной нормы определялось «...предупреждение участия несовершеннолетних в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях, в том числе в целях недопущения причинения вреда их жизни, здоровью и развитию» [6].

Социальная обусловленность установления административной ответственности за данное правонарушение основывается на реализации принципа законодательного обеспечения прав ребенка и ответственности юридических лиц, должностных лиц, граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка (ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации») и необходимости выявления и пресечения случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий (п. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

Анализ научных публикаций показывает, что проблематика административной ответственности за рассматриваемое нами правонарушение является актуальной в связи с участвовавшими случаями вовлечения несовершеннолетних

в несанкционированные протестные акции и необходимостью анализа проблем, возникающих в ходе реализации соответствующих положений административного законодательства.

В данной части исследования предлагается систематизировать проблемы, касающиеся оснований административной ответственности за правонарушения, предусмотренные ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ (юридического, фактического, процессуального), а также охарактеризовать их с учетом теории и правоприменительной практики.

Нормативным основанием выступает нарушение гражданином, должностным или юридическим лицом запрета на совершение действий, указанных в диспозиции ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ. В данном случае это административно-правовой запрет на вовлечение несовершеннолетних в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании.

При характеристике содержания диспозиции ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ необходимо использовать положения законодательства, регулирующего порядок организации и проведения публичных мероприятий, а также постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющих применение судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, рассмотрения административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях, КоАП РФ и др.

Так, в соответствии с абз. 3 п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершением антиобщественных действий следует понимать «...действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Они могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий».

В действующем КоАП РФ «вовлечение несовершеннолетних» рассматривается как: обстоятельство, отягчающее административную ответственность (п. 3 ст. 4.3); элемент состава самостоятельного административного правонарушения (статьи 6.10, 6.23, ч. 1.1 ст. 20.2).

В отличие от уголовного законодательства, в котором перечисляются способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления: обещания, обман, угрозы или иной способ (ст. 150 УК РФ); уговоры, предложения, обещания, обман, угрозы или иной способ (ст. 151.2 УК РФ) – КоАП РФ такие способы не называет, в связи с чем их определения является предметом доказывания по делам об административных правонарушениях в каждом конкретном случае.

Как справедливо отмечает К.Д. Рыдченко, «...отсутствие рекомендаций относительно квалификации и документирования административных правонарушений провоцирует применение уголовно-ориентированных разъяснений по аналогии, что существенно снижает эффективность административно-деликтных норм» [7].

Решение данной проблемы возможно путем закрепления соответствующих способов вовлечения путем их перечисления в диспозициях ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ и других статьях Кодекса, содержащих рассматриваемую форму противоправной деятельности.

По законодательству России «несовершеннолетний» – это лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (абз. 2 ст. 1) [8]. Данное понятие является устоявшимся и не требует дополнительного разъяснения. В судебной практике несовершеннолетние, которые участвовали в несанкционированном публичном мероприятии, рассматриваются как свидетели.

Однако следует акцентировать внимание на возрасте лица, вовлекающего несовершеннолетнего, поскольку КоАП РФ он также не установлен. Считаем, что ими могут быть взрослые граждане, достигшие к моменту совершения правонарушения 18-летнего возраста.

Основным признаком публичного мероприятия, в которое вовлекается несовершеннолетний, является его противоправный (несанкционированный) характер. Под несанкционированным публичным мероприятием понимают «...публичное мероприятие, в проведении которого органом публичной власти отказано в установленных ч. 3 ст. 12 Закона о публичных мероприятиях случаях, уведомление о проведении которого не было подано по правилам ст. 7 Закона о публичных мероприятиях, в отношении которого по мотивированному предложению органа публичной власти в определенном названным законом порядке не было согласовано изменение места и (или) времени его проведения либо не устранено указанное в предложении публичного органа несоответствие обозначенных в уведомлении целей, форм и иных условий проведения публичного мероприятия требованиям Закона о публичных мероприятиях» [9].

Следует также обратить внимание на постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.05.2021 № 19-П «По делу о проверке конституционности ч. 1.1 ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 КОАП РФ в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой» в части, касающейся признания «совокупности актов пикетирования, осуществляемого одним участником, объединенных единым замыслом и общей организацией, одним публичным мероприятием в случае, когда такие акты пикетирования организуются одним и тем же лицом и осуществляются в течение нескольких дней посредством ежедневного участия в них не более одного гражданина, и привлечения их организатора к административной ответственности за проведение такого пикетирования без подачи в установленном порядке уведомления» [10].

В связи с указанным выше, участие несовершеннолетнего в несанкционированном публичном мероприятии (кроме разового пикетирования) необходимо квалифицировать как особую форму его вовлечения в административное правонарушение.

Виды публичных мероприятий и их характеристика закреплены в ст. 2 Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (пункты 1–6), а порядок организации и проведения во второй главе данного законодательного акта [11].

Таким образом, для характеристики содержания элементов диспозиции нормы ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ необходимо обратиться к содержанию понятий, которые раскрываются в других законодательных актах и актах судебного толкования норм права.

2. *Фактическим основанием* в научной литературе признается противоправное деяние конкретного субъекта, нарушающее правовые предписания, охраняемые административными санкциями (административное нарушение). Оно связано с актом человеческой деятельности, имеющим внешнюю и внутреннюю стороны, проявляющегося в объективной реальности и отраженного в сознании человека.

Изучение судебной статистики показало, что результаты рассмотрения дел об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 20.2 КоАП РФ в качестве самостоятельного показателя не учитываются, а суммируются в общих данных по ст. 20.2 КоАП РФ. Кроме этого, введение данной нормы в конце декабря 2018 г. не повлекло за собой внесения изменения в соответствующее федеральное статистическое наблюдение [12]. Не нашли они своего отражения и в ведомственной статистике МВД России, что снижает корректность их сравнения за определенные периоды [13].

Оценивание состояния научного толкования признаков противоправных деяний, связанных с нарушением законодательства о публичных мероприятиях, необходимо отметить, что особенности основных составов административных правонарушений, изучены достаточно [13]. Однако теория и практика административной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в несанкционированные публичные акции в научных исследованиях раскрыта фрагментарно или в рамках общих вопросов.

Так, исследование современного состояния данного вопроса отражено в публикациях А.А. Беженцева, А.Г. Головкиной, Д.В. Демечнука, Ж.П. Дорофеевой, А.В. Карагодина, В.А. Минора, И.Д. Мотрович, К.Д. Рыдченко, А.В. Саленко и др. Выводы и предложения указанных и других авторов могут быть использованы для юридического анализа состава рассматриваемого нами правонарушения, а также при выделении проблем, связанных с квалификацией вовлечения несовершеннолетних в несанкционированные публичные мероприятия.

С целью характеристики противоправных деяний, выступающих фактическим основанием административной ответственности, за правонарушение, предусмотренное ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ, приведем результаты анализа его объективных и субъективных признаков, отраженных в решениях судов Российской Федерации (использованы результаты анализа 52 постановлений судов из 9 регионов Российской Федерации).

Так, объективная сторона данного правонарушения характеризуется: 1) применением таких способов вовлечения несовершеннолетнего как: обещания бесплатных проезда и продуктов питания (обеда, конфет, мороженого); предложение денег (как правило, незначительных сумм), демонстрацией безнаказанности участия в мероприятии, в том числе и личного примера, разъяснения невозможности привлечь всех участвующих, в том числе и об отсутствии запретов участия несовершеннолетних в публичных мероприятиях; обещание любой поддержки за участие в незаконном митинге, включая юридическую помощь, финансовую поддержку при назначении административных

наказаний в виде административных штрафов; возбуждение интереса к свободному выражению мнения; обращение к родительскому авторитету и др.; 2) созданием условий для участия несовершеннолетних в несанкционированном мероприятии: бесплатной перевозкой к месту проведения мероприятия и обратно; завуалированием (шифрованием) участия в акции (например, предложением «кормить голубей на площади»); детальное разъяснение правил и обязанностей участников акций; блокированием доступа к интернет-каналу лиц, пытающихся сообщить несовершеннолетним о возможных негативных последствиях участия в несогласованной акции; проведением инструктажей о сокрытии реальных целей присутствия при возникновении вопросов со стороны сотрудников органов внутренних дел; 3) указанием вовлекающего субъекта на действия, которые должны совершить несовершеннолетние: места нахождения, времени участия, демонстрации средств наглядной агитации, фиксирования происходящего на средства видео- и фотофиксации; 4) использованием социальной сети «ВКонтакте» информационно-телекоммуникационной системы «Интернет», мессенджеров «Телеграмм», «What's up» и др., а также видеохостингов для размещения соответствующих агитационных материалов и расширения аудитории; 5) общественным местом совершения: площади, территория, прилегающая к образовательному учреждению, тротуар возле супермаркета, здания суда, территория парка, здание общественной организации; 6) чаще всего в правонарушение вовлекались подростки старше 14 лет, однако имело место вовлечение малолетних детей (5–8 лет).

Несанкционированные мероприятия, в которых вовлекались несовершеннолетние: проводились в виде пикетов (в большинстве случаев), митингов или в сочетании нескольких форм; как правило, длились непродолжительное время (5 мин., 40 мин., 1 ч.); сопровождалась демонстрацией средств агитации: плакатов, флагов, листовок с тематическим содержанием и др.

Субъектами рассматриваемого правонарушения являются взрослые лица, достигшие к моменту совершения противоправных действий 18-летнего возраста. В 25 % случаев субъектами таких правонарушений выступали родители несовершеннолетних, в других – активисты различных общественных или политических движений.

Субъективная сторона данного правонарушения характеризуется умышленной формой вины, в форме прямого умысла. При этом вовлекающий должен осознавать не только противоправный характер своих действий, но и быть осведомленным о возрасте вовлекаемого лица.

В постановлениях судов также устанавливалась связь между действиями лица по возбуждению у несовершеннолетнего желания принять участие в несанкционированном митинге и принятым последними соответствующего решения. При недоказанности данной связи дела прекращались по п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Доказывание события административного правонарушения и других фактических данных осуществляется с помощью: протоколов об административных правонарушениях; протоколов осмотра места происшествия, предметов (плакатов, фотографий; CD-дисков и др.) и документов, актов осмотра интернет-ресурса, аудио-, видеозаписей с камер видеонаблюдения системы «Безопасный

город»; протоколов объяснения правонарушителей, свидетелей; рапортов сотрудников полиции; распечаток скриншотов с интернет-страниц; справок о получении сведений в ходе мониторинга сети «Интернет»; других материалов (например, справок подтверждающих регистрацию аккаунта, активность пользователя), писем, сообщений органов местной власти об отсутствии обращений или уведомлений о проведении конкретного публичного мероприятия и др.

3. *Процессуальное основание* – издание уполномоченным органом правоприменительного акта, определяющего административное наказание виновному лицу.

Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ, составляются уполномоченными лицами органов внутренних дел (полиции) (ст. 28.3 КоАП РФ): инспекторами по исполнению административного законодательства (60 %), участковыми уполномоченными полиции (35 %), другими подразделениями – 5 %.

Дела об административном правонарушении рассматриваются судами (ст. 23.1 КоАП РФ). Наше исследование показало, что в 70 % случаев назначается административный штраф ниже минимального размера – 15 тыс. руб., в минимальном размере, предусмотренном санкцией ч. 1.1 п. 1 ст. 20.2 КоАП РФ, – 30 тыс. руб.; в единичных случаях – 40 тыс. руб.; обязательные работы назначаются в размере 20-25 часов; административный арест – 10 суток.

При назначении административного наказания учитываются общественно опасный характер совершенного правонарушения, личность правонарушителя, обстоятельства, отягчающие и смягчающие административную ответственность. В основном при назначении наказания судьи мотивируют размер административного штрафа, а также выбор обязательных работ или административного ареста наличием следующих смягчающих обстоятельств: полное признание правонарушителем своей вины, раскаяние в содеянном, совершение административного правонарушения впервые, имущественное положение (отсутствие источника дохода), наличие на иждивении несовершеннолетних (малолетних) и др.

В качестве обстоятельств, отягчающих ответственность, отмечены: повторность совершения однородных административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, привлечение к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступление или антиобщественную деятельность и др.

В то же время имеются факты, когда судьями назначается административный арест при отсутствии отягчающих обстоятельств и без дополнительной аргументации целесообразности такой меры ответственности. Считаем, что подобные случаи должны быть исключены, исходя их характера ограничений, которые влечет за собой применение данного вида административного наказания.

Для сравнения приведем данные об опыте закрепления ответственности за подобное правонарушение в административном законодательстве Беларуси и Казахстана – государствах-членах СНГ, имеющих наиболее сходные с российским принципы административной деликтации противоправных деяний.

Так, ст. 19.4 КоАП Республики Беларусь устанавливает административную ответственность за «...вовлечение несовершеннолетнего в участие в собрании, митинге, уличном шествии, демонстрации, пикетировании, ином массовом мероприятии, проводимых с нарушением установленного порядка» [14]. В диспозиции данной

нормы применен более широкий, чем в КоАП РФ, перечень мероприятий, вовлечение несовершеннолетних в которые может повлечь за собой ответственность.

Часть 2 ст. 128 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях устанавливает ответственность за «...вовлечение несовершеннолетнего в собрания, митинги, шествия, демонстрации и иные формы выражения общественных, групповых или личных интересов и протеста, проводимые в нарушение законодательства Республики Казахстан, а равно использование несовершеннолетнего в указанных формах выражения общественных, групповых или личных интересов и протеста» [15].

В данной норме, кроме расширенного изложения перечня массовых мероприятий, закреплена и такая форма противоправного деяния как «использование несовершеннолетнего». Ю.В. Николаева под ним (в уголовно-правовом аспекте) предлагает понимать «...активные умышленные действия совершеннолетнего лица, направленные на совершение преступления, посредством несовершеннолетнего, используя его малолетний возраст» [16, с. 22].

Считаем, что закрепление данного положения в российском законе позволит исключить избежание ответственности лицами, осознанно использующими малолетних детей при проведении несанкционированных публичных мероприятий (при себе, в детских колясках и др.).

Таким образом, вопросы административной ответственности за вовлечение несовершеннолетних к участию в несанкционированных собраниях, митингах и демонстрациях, шествиях и пикетированиях (ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ) являются актуальными, а их решение имеет прикладной характер, связанный с необходимостью защиты прав и свобод несовершеннолетних, обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов, в первую очередь полиции и суда.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Доступ из СПС «Гарант».
2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М., 2021. 445 с.
3. Ежегодный доклад Уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребенка. М., 2021. 188 с.
4. Профилактика вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в социальных сетях [Электронный ресурс]: рекомендации Общественной палаты Российской Федерации по итогам общественных слушаний, 03.02.2021. URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/rekomen-detisocseti03022021.pdf> (дата обращения: 04.05.2021).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
6. О внесении изменения в статью 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: пояснительная записка к проекту федерального закона [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/462244-7> (дата обращения: 04.05.2021).
7. Рыдченко К.Д. Особенности документирования вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 4. С. 66–72.
8. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102060520> (дата обращения: 04.05.2021).
9. О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 28. URL: <https://rg.ru/2018/07/06/meropriyatiya-dok.html> (дата обращения: 04.05.2021).
10. По делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой»: постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2021 № 19-П. Доступ из СПС «Гарант».
11. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (последняя редакция). Доступ из СПС «Гарант».

12. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения: 04.05.2021).
13. Сведения о пресеченных административных правонарушениях, предусмотренных КоАП, учет которых осуществляется в модуле «Административная практика» Сервиса обеспечения охраны общественного порядка. М.: ГИАЦ МВД России, 2020.
14. Буткевич С.А. Обеспечение общественной безопасности в Республике Крым: проблемы теории и практики // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь: Изд-во ЛИАИПИ. 2015. С. 185–191.
15. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 № 91-3 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=НК2100091&p1=1&p5=0> (дата обращения: 04.05.2021).
16. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 07.12.1984 № 8073-Х [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418317#pos=4;-106 (дата обращения: 04.05.2021).
17. Николаева Ю.В. Лифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012, 66 с.

Zabroda D.G. Characteristic of the bases of administrative responsibility for the involvement of a minor in participation in an unauthorized meeting, rally, demonstration, process and picketing // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 177–186.

The article actualizes the problem of administrative responsibility for involving a minor in participation in an unauthorized public event.

Analyzed the statistical data characterizing the state of administrative delinquency in the area of verticality for violation of the procedure for participation in public events, as well as involving minors to participate in unauthorized meetings, rallies, processions and pickets.

The normative, factual and procedural grounds of administrative responsibility for committing an offense under Part 1 of Art. 20.2 of the Administrative Code of the Russian Federation. The analysis of objective and subjective signs of the composition of this offense is carried out. On the basis of judicial and law enforcement practice, the content of the objective side of involving a minor in participation in an unauthorized public event has been detailed.

The examples of consolidation of administrative responsibility for similar unlawful actions in foreign legislation are considered.

It is concluded that the issues of administrative responsibility for involving minors to participate in unauthorized meetings, rallies and demonstrations, processions and picketing (part 1.1 of article 20.2 of the Administrative Offenses Code of the Russian Federation) are relevant, and their solution has an applied nature associated with the need to protect rights and freedoms of minors, ensuring the rule of law in the activities of law enforcement agencies, primarily the police and the court.

Key words: administrative responsibility, unauthorized public event, involvement of minors.

Snisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs]: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyimi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020. Dostup iz SPS «Garant».
2. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii. М., 2021. 445 s.
3. Ezhegodnyi doklad Upolnomochennogo pri prezidente Rossiiskoi Federatsii po pravam rebenka. М., 2021. 188 s.
4. Profilaktika вовлеченiya nesovershennoletnikh v protivopravnyu devatel'nost' v sotsial'nykh setvakh [Elektronnyi resurs]: rekomendatsii Obshchestvennoi palaty Rossiiskoi Federatsii po itogam obshchestvennykh slushanii. 03.02.2021. URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/rekomen-deti-socseti03022021.pdf> (data obrashcheniya: 04.05.2021).
5. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ [Elektronnyi resurs]. Dostup iz SPS «Garant».
6. O vnesenii izmeneniya v stat'vu 20.2 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh: novasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona [Elektronnyi resurs]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/462244-7> (data obrashcheniya: 04.05.2021).
7. Rvdchenko K.D. Osobennosti dokumentirovaniya вовлеченiya nesovershennoletnikh v sovershenie anti-obshchestvennykh deistviy // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 4. S. 66–72.
8. Federal'nyi zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ «Ob osnovakh sistemv profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh» [Elektronnyi resurs]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ins/?dochoy=&nd=102060520> (data obrashcheniya: 04.05.2021).
9. O nekotorykh voprosakh, voznikavushchikh u sudov pri rassmotrenii administrativnykh del i del ob administrativnykh pravonarusheniyakh, svyazannykh s primeneniem zakonodatel'stva o publicnykh meroprivatiyakh [Elektronnyi resurs]: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 26.06.2018 № 28. URL: <https://rg.ru/2018/07/06/meroprivativa-dok.html> (data obrashcheniya: 04.05.2021).
10. Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 1.1 stat'i 7 Federal'nogo zakona «O sobraniyakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestiviyakh i piketirovaniyakh» i chasti 2 stat'i 20.2 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh v svyazi s zhaloboi grazhdanki I.A. Nikiforovoi: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 17.05.2021 № 19-P. Dostup iz SPS «Garant».

11. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (последняя редакция). Доступ из СПС «Гарант».
12. Сведения о проведенных административных правонарушениях, предусмотренных КоАП, учет которых осуществлён в модуле «Административная практика» Сервиса обеспечения охраны общественного порядка. М.: ГИАТс МВД России. 2020.
13. Butkevich S.A. Обеспечение общественной безопасности в Республике Крым: проблемы теории и практики // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всероссий. науч.-практ. конф. Симферополь: Изд-во ДИАПИ. 2015. С. 185–191.
14. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 № 91-З [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=HK2100091&p1=1&p5=0> (дата обращения: 04.05.2021).
15. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 07.12.1984 № 8073-X [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418317#pos=4:-106(дата обращения: 04.05.2021).
16. Nikolaeva Yu.V. Дифференциация ответственности за правонарушения на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012, 66 с.

УДК 342.7

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 187-199

МЕТОДИКА АНТИКОРРУПЦИОННОГО АУДИТА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Заброда Д. Г., Капранов А. В.

В статье актуализируется проблематика проведения антикоррупционного аудита как способа выявления коррупционных рисков и инструмента предупреждения коррупционных проявлений как в сфере публичного управления, так и при осуществлении коммерческой деятельности.

Выделены и охарактеризованы основные этапы методики проведения антикоррупционного аудита: планирование проверки; проведение проверки (сбор данных на месте); составление отчета по итогам проверки (отчетность); разработка корректирующих мер (ликвидация последствий и проверка исполнения).

Раскрыты приемы проведения антикоррупционного аудита: сбор данных – это получение достоверной информации о выполнении антикоррупционных мер; наблюдение – это целенаправленное и планомерное восприятие процессов и явлений в сфере противодействия коррупции, результаты которого фиксируются наблюдателем (аудитором, экспертом); оценка – это процесс, направленный на выявление (настолько систематическое и объективное, насколько это возможно) целесообразности, эффективности, продуктивности, ценности (дополнительных преимуществ), устойчивости антикоррупционных мер и/или влияния произведенного с их помощью вмешательства; прогноз – это суждение о вероятном состоянии антикоррупционной деятельности, основанное на специальном научном исследовании (прогнозировании).

Отдельное внимание уделено таким приемам антикоррупционного аудита как: проведение антикоррупционной экспертизы; добровольная оценка на знание законодательства о противодействии коррупции традиционно связана с тестированием соответствующих категорий работников и служащих; добровольное психофизиологическое исследование с применением полиграфа; использование фокус-групп; анализ сообщений граждан, поступивших на «горячие линии» о фактах коррупции; состояния размещения на официальных сайтах федеральных органов исполнительной власти в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» актуальной информации о мерах по профилактике и противодействию коррупции.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционный аудит, методика, аудиторская проверка.

Коррупция и связанные с ней деструктивные явления продолжают оказывать негативное влияние на функционирование государств в соответствии с базовыми принципами демократии, правового государства и социальной справедливости. При этом, международные исследования, в частности проводимые в течении нескольких десятилетий Transparency International, показывают, что ни одна страна мира не свободна от тех или иных проявлений коррупции. Более того, в период пандемии, ситуация с коррупцией ухудшилась даже в странах с традиционно высокими антикоррупционными рейтингами. Индекс восприятия коррупции в 2020 г. свидетельствуют, что «COVID-19 спровоцировал не только кризис в области здравоохранения и экономики, но и волну коррупции, пагубные последствия которой, помешавшие справедливому и равноправному предоставлению глобальной помощи, привели к смерти множества людей» [1].

Что касается России, то в 2020 отмечается несущественное повышение её антикоррупционного рейтинга на 2 балла по сравнению с 2019 г. (2015-2017 гг. – 29, 2018-2019 – 28) [1]. О незначительном улучшении антикоррупционной ситуации в

нашей стране свидетельствует и официальная статистика. Так, по данным МВД России в 2020 г. было зарегистрировано 30813 преступления коррупционной направленности (в 2019 г. – 30991, 2018 г. – 30495, 2017 г. – 29634, 2016 г. – 32924) [2]. В их структуре на факты взяточничества приходится менее половины выявленных преступлений (14,5 тыс.), относительно 2019 г. их число возросло на 4,9 %. Каждый третий факт является мелким взяточничеством (2,5 %, 5,3 тыс.) [3].

Кроме уголовной ответственности необходимо обратить внимание и на результаты реагирования органов прокуратуры на нарушения антикоррупционного законодательства. В частности, в 2020 г. в ходе надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокурорами выявлено 245 532 факта нарушений законов (+4,6%) (в 2019 г. – 234760, 2018 г. – 231 115); принесено протестов – 35 088 (+8,4%) (в 2019 г. – 32 369, в 2018 г. – 31 777); привлечено лиц к дисциплинарной ответственности – 73 425 (+1,7%) (в 2019 г. – 72 208, в 2018 г. – 68 148). В 2019 г. прокурорами возбуждено 392 дела об административных правонарушениях по ст. 19.28 КоАП РФ (2018 г. – 487). По постановлениям прокуроров к административной ответственности привлечены 343 юридических лица (2018 г. – 439), им назначено наказание в виде штрафов на общую сумму 613,4 млн. руб. (2018 г. – 691 млн. рублей). В реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия (по состоянию на 11.02.2021 г.) включено 2533 чел. [4-6]. Приведенные статистические и другие данные свидетельствуют о нестабильности коррупционной ситуации в РФ и о необходимости реализации комплекса мер, направленных на минимизацию влияния коррупции на дальнейшее развитие России.

Совершенствование системы противодействия коррупции находится в зоне постоянного внимания руководителей российского государства. Так, к эффективным методам противодействия коррупции Президент России относит: расширение механизмов прямой демократии, раскрытие потенциала гражданской активности, который заложен в Конституции, поощрение и соревнование идей, предложений, подходов к решению задач развития; ликвидацию давления власти и правоохранительных органов на бизнес, цифровизацию системы государственного управления, повышение её прозрачности, внедрение проектных методов работы; повышение заинтересованности чиновников в росте своей эффективности, их нацеленности на получение конкретного результата; стимулирование продвижения современных профессиональных кадров на государственной и муниципальной службе и др. [7].

В связи с изложенным, предлагается признать актуальным рассмотрение проблематики антикоррупционного аудита (далее – АА, аудит) как способа выявления коррупционных рисков и инструмента предупреждения коррупционных проявлений как в сфере публичного управления, так и при осуществлении коммерческой деятельности.

Целью данной публикации является раскрытие основных этапов проведения антикоррупционного аудита.

В этой публикации антикоррупционный аудит предлагается рассматривать как «...разновидность контрольно-проверочной деятельности, осуществляемая внешними и внутренними уполномоченными лицами (специалистами) с применением общих и специальных методов, направленная на формирование объективного суждения о состоянии результативности антикоррупционной деятельности органа публичной власти, предприятия, организации» [8-9].

Проведение антикоррупционного аудита предусматривает применение комплекса методов и приёмов, позволяющих получить достоверный и заданный результат, отражающий реальное состояние антикоррупционной деятельности. Повышению его эффективности содействует использование соответствующих методик. Они отражают подходы к организации и проведению аудита, сложившиеся в аудиторской практике и отраженные в стандартах и правилах этой деятельности.

В одном из справочных изданий «методика аудиторской проверки (auditing procedure)» – последовательность и основные этапы проведения аудиторской проверки, определение источников получения информации, необходимой для подготовки аудиторского заключения, отбор и последовательность применения аналитических процедур с целью выбора аудиторских доказательств и их отражения в аудиторских документах» [10].

По-нашему мнению, в процессуальном аспекте АА можно представить, как процедуру, состоящую из комплекса рациональных организационно-исследовательских и информационно-технических действий, завершающихся принятием определенных решений, отражающих промежуточные и заключительные результаты оценки антикоррупционной деятельности.

В нормативных актах и научных источниках определены следующие этапы АА: планирование проверки; проведение проверки (сбор данных на месте); составление отчета по итогам проверки (отчетность); разработка корректирующих мер (ликвидация последствий и проверка исполнения) [11].

Так, при планировании проверки: определяется состав аудиторской группы; согласовывается (в случае необходимости) и утверждается график проведения аудита; аудируемому в установленном порядке направляется уведомление о проведении аудита, а также программа проверки (вопросник) [12].

На втором этапе осуществляется документальная и фактическая проверка антикоррупционных мероприятий объекта проверки и соответствие материалов первичного мониторинга реальному положению дел.

По результатам аудита составляется отчетный документ (заключение, отчет, справка, акт), в котором содержится оценка полноты, качества и эффективности выполнения соответствующих антикоррупционных мероприятий; устанавливаются причины выявленных недостатков и приводятся обоснованные предложения для их устранения; определяется наличие позитивного опыта антикоррупционной деятельности и целесообразность его распространения.

Четвертый этап позволяет обеспечить контроль за устранением выявленных недостатков и может быть осуществлен в ходе последующих проверок.

Отметим, что рекомендованный порядок аудита отражается в методиках проведения антикоррупционного аудита, а целесообразность применения совокупности тех или иных приёмов АА, определяется при проведении его в отношении конкретного объекта или направления его антикоррупционной деятельности.

Например, Методика проведения антикоррупционного аудита, проводимая в государственном органе Санкт-Петербурга, органе местного самоуправления внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга, государственного, муниципального учреждения Санкт-Петербурга, государственного, муниципального предприятия Санкт-Петербурга предполагает определение: состава рабочей группы: основного и дополнительных подразделений; порядка направления уведомле-

ния о проведении АА, в том числе: органа, направляющего уведомление, адресата уведомления, срока его направления; содержания уведомления – сведения о составе рабочей группы; даты начала и окончания; проверяемый период; перечень мероприятий; иная информация; состав и порядок проведения АА; методы АА (анализ по документам; собеседование (интервью); тестирование; исследование; опрос); вид (заключение) и содержание документа, составляемого по результатам антикоррупционного аудита, сроков его подготовки [13-14].

Отмечая связь методики АА с содержанием показателей антикоррупционного мониторинга, можно выделить следующие блоки (группы) данных, которые служат основой для выводов о состоянии антикоррупционной деятельности: а) содержание текстов правовых актов, регулирующих вопросы противодействия коррупции; должностных инструкций (регламентов, обязанностей), трудовых договоров (контрактов), определяющих порядок выполнения обязанностей, установленных антикоррупционным законодательством; плана мероприятий по противодействию коррупции (антикоррупционной программы); антикоррупционных политик и комплаенс-программ предприятий и др.: их наличие, соответствие содержания законам и нормативным правовым актам, принятым вышестоящими государственными органами; б) фактическое состояние выполнения требований антикоррупционного законодательства (органом (предприятием) в целом, государственными служащими иными лицами, выполняющими публичные функции; структурными подразделениями и должностными лицами, уполномоченными противодействовать коррупции (например, комиссий по противодействию коррупции, координации работы по противодействию коррупции, лиц, ответственных за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений)); в) информация, размещенная на официальных сайтах в Информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (например, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, состояние раздела «Противодействие коррупции»); г) результаты анализа: добровольных психофизиологических исследований с применением полиграфа; добровольной оценки на знание законодательства о противодействии коррупции; социологических исследований (анонимного анкетирования, включенного наблюдения, интервью, фокус-групп, формализованные интервью, экспертных оценок и т.п.); статистических сведений о состоянии, динамике и структуре коррупционных правонарушений; публикаций в средствах массовой информации; сообщений граждан, поступивших на «горячие линии» о фактах коррупции.

Для систематизации и структурирования показателей и информационных материалов антикоррупционного мониторинга органами власти применяются соответствующие Перечни. Например, распоряжением Администрации Губернатора Санкт-Петербурга в него включено более 450 показателей, объединенных в 13 разд. [13].

Основным приемами АА являются: сбор данных – это получение достоверной информации о выполнении антикоррупционных мер; наблюдение – это целенаправленное и планомерное восприятие процессов и явлений в сфере противодействия коррупции, результаты которого фиксируются наблюдателем (аудитором, экспертом); оценка – это процесс, направленный на выявление (настолько систематическое и объективное, насколько это возможно) целесообразности, эффективности, продуктивности, ценности (дополнительных преимуществ), устойчивости антикоррупционных мер и/или влияния произведенного с их помощью вмешательства; про-

гноз – это суждение о вероятном состоянии антикоррупционной деятельности, основанное на специальном научном исследовании (прогнозировании).

Применение рациональных методов АА является основой получения объективных данных о коррупционной ситуации и повышает вероятность её прогноза. Применение таких методов соответствует общим закономерностям познавательной деятельности. В тоже время, в отдельных нормативных актах и методических рекомендациях выделяются и их особенности.

В частности, основой оценки состояния законов и иных нормативных правовых актов, принимаемых в соответствии с полномочиями государственных органов, а также их проектов является обобщение содержащихся в них наиболее типичных проявлений коррупциогенности, является проведение антикоррупционной экспертизы [15].

Такая оценка проводится как Министерством юстиции РФ и его территориальными органами, так и уполномоченными на её проведение должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления, и независимыми экспертами (юридическими и физическими лицами, аккредитованными Минюстом РФ в установленном порядке).

По результатам антикоррупционной экспертизы готовится заключение [16]. В нем отражается: перечень нормативных правовых актов (проектов), подвергнутых экспертизе, два варианта экспертного вывода: об отсутствии коррупциогенных факторов; о выявленных коррупциогенных факторах (перечень, примеры) и способах их устранения. Добровольная оценка на знание законодательства о противодействии коррупции традиционно связана с тестированием соответствующих категорий работников и служащих.

Основная задача тестирования – формирование антикоррупционной культуры у служащих и работников, обобщение и закрепление знаний норм законодательства о противодействии коррупции, предотвращение совершения коррупционных правонарушений через углубленное информирование о коррупции и мерах по противодействию этому явлению.

Необходимо отметить, что отдельная методика тестирования, перечень типичных вопросов и критерии оценивания знаний законодательства о противодействии коррупции, отсутствуют. Органы публичной власти самостоятельно определяют порядок тестирования и содержание тестов. Например, Постановлением администрации Ермаковского сельского поселения Джанкойского р-на Республики Крым от 29 января 2019 г. № 13 утверждены тесты по вопросам противодействия коррупции для лиц, замещающих муниципальные должности в администрации Ермаковского сельского поселения Джанкойского р-на Республики Крым и замещающих должности муниципальной службы в администрации Ермаковского сельского поселения Джанкойского р-на Республики Крым. Тесты содержат по 10 заданий, позволяющих выявить лишь общие знания антикоррупционного законодательства. Они заполняются в письменной форме.

Для предварительной проверки знаний работников Федерального архивного агентства предусмотрена возможность дистанционного тестирования с использованием сайта этого органа. Проверка знаний предусматривает ответы на 14 тестовых заданий. По окончании тестирования определяется количество и процентное соотношение правильных и неправильных ответов.

Добровольное психофизиологическое исследование с применением полиграфа осуществляется в целях: оценки достоверности сведений, сообщаемых гражданами (государственными гражданскими служащими) при назначении на должности государственной гражданской службы в исполнительных органах государственной власти, гражданами (работниками) при назначении на должности, не являющиеся должностями гражданской службы, а также сведений, сообщаемых гражданами при назначении на должности руководителей государственных унитарных предприятий и государственных учреждений, подведомственных исполнительным органам государственной власти; осуществления мониторинга исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими, замещающими должности гражданской службы, деятельность которых связана с коррупционными рисками; дополнительной оценки уровня адаптированности государственного гражданского служащего к внешним событиям, стрессоустойчивости; дополнительного анализа информации, полученной в ходе проведения служебной проверки либо иной проверки, осуществляемой в соответствии с ФЗ от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

В ходе полиграфического исследования устанавливаются: наличие факта коррупционного поведения или конфликта интересов, маркеры риска коррупционного поведения; представление ложной информации при оформлении документов для приема на работу (службу); наличие опыта противоправной (в первую очередь, преступной) деятельности и связей с преступными элементами; привычек, требующих значительных затрат (например, алкогольная, наркотическая, игровая зависимости); отношение к выполнению служебных обязанностей, в том числе и готовности информировать о фактах склонения к коррупционному поведению; истинная мотивация быть назначенным на должность; добросовестность выполнения в полном объеме своих функциональных обязанностей и др.

Результаты опроса с применением полиграфа носят рекомендательный характер и используются только в качестве дополнительной информации о лице, прошедшем опрос с применением полиграфа, и не могут являться основанием для отказа в заключении служебного контракта (трудового договора) и иных решений, принимаемых должностными лицами, осуществляющими полномочия представителя нанимателя (работодателя) [18-20].

Выявление понимания различными группами граждан коррупции, связанных с ней проблем развития государства и общества, а также потенциала поддержки антикоррупционной деятельности и противостояния коррупции определяется использование фокус-групп [21].

Целью проведения фокус-групп является проверка качества анкет для формализованных опросов и одновременно определение направлений их доработки. Основные задачи проведения фокус-групп: описание понимания гражданами коррупции и взяточничества как социальных явлений; изучение коррупционных практик в определенном органе (предприятии); выявление представления граждан о: своих возможностях и возможностях структур гражданского общества в противостоянии коррупции; эффективности усилий, применяемых органами власти для борьбы с коррупцией; выявление готовности граждан обсуждать проблемы коррупции, в том числе и на их личный коррупционный (антикоррупционный) опыт; выявление от-

крытых и запретных зон и сюжетов обсуждения коррупции; сбор информации для доработки анкет формализованного опроса граждан.

Фокус-группа проводится в форме беседы модератора и небольшой гендерно сбалансированной группы, незнакомых друг-другу, социально-активных граждан (6-12 чел.). Такие группы необходимо формировать из людей, близких по своим социальным характеристикам, не являющихся экспертами в сфере противодействия коррупции.

На основе анализа составляется описание позиций участников фокус-группы по изучаемым проблемам, которые включаются в общий отчет о проведенном исследовании.

Анализ результатов фокус-групп состоит в выявлении типов высказываний и оценок участников фокус-групп по каждой обсуждавшейся теме; их подтверждении соответствующими характерными примерами высказываний участников фокус-групп; упорядочивании типов высказываний в соответствие с заданием или рубрикаторов гида; фиксации результатов в виде электронных или бумажных текстов (с выделением совпадающих и противоположных суждений); формулировании выводов об особенностях коррупционных практик, отношения к коррупции и возможностей противодействия коррупции, характерных для участников проведенных фокус-групп.

По результатам анализа проведенных фокус-групп составляется отчет, который состоит из: введения, содержащего информацию о целях исследования и его месте в общей системе антикоррупционного аудита; описания методологии, отражающего способы подбора участников и технологию проведения фокус-групп, а также перечень задач, содействующих достижению целей их проведения;) описания организации и проведения фокус-групп (сведения о количестве фокус групп, местах и времени их проведения, особенности беседы по впечатлениям ее модератора и других организаторов); фиксации результатов, посвященной описанию типологии и некоторых характерных примеров высказываний участников фокус-групп; закрепления выводов и рекомендаций: заключения по поводу наиболее важной информации, полученной в ходе проведения фокус-групп с гражданами (например, особенностей коррупционных практик). Рекомендации включаются в том случае, когда типологизация данных фокус-групп и выводы позволяют сформулировать предложения по дальнейшему ведению антикоррупционной политики, а также по корректировке анкет формализованных исследований и других методов проведения антикоррупционного мониторинга (аудита).

Анализ сообщений граждан, поступивших на «горячие линии» о фактах коррупции является одной из форм получения информации о случаях коррупции, а также идентификации лиц, совершивших коррупционные правонарушения.

Порядок работы «горячей линии» устанавливается нормативными актами органов власти и управления предприятием (организации) [22-24]. «Горячая линия» является комплексом организационных мероприятий и технических средств, обеспечивающих возможность работникам, а также иным лицам обращаться с сообщениями о признаках и фактах мошенничества и коррупции, о наличии конфликта интересов у сотрудников (работников) и контрагентов, злоупотреблений, хищений и неправомерном использовании собственности и активов, нарушениях процедур закупок товаров, работ, услуг в органе, предприятии и организации.

«Горячая линия», как механизм сбора и анализа информации, входит в многоуровневую систему противодействия коррупции, корпоративному мошенничеству и хищениям, включающая в себя, в том числе систему оценки рисков правонарушений, методологию выявления и расследования правонарушений, установление субъектов противодействия, создание нетерпимого отношения к фактам мошенничества, коррупции и хищений.

По итогам обработки информации, поступившей по «Горячей линии», принимаются решения в соответствии с действующим законодательством или локальными нормативными актами.

Например, в Группе Газпром в случаях: подтверждения информации, выявления в ходе ее обработки иных фактов, свидетельствующих о мошенничестве, коррупции и хищениях, выявления фактов предоставления недостоверной информации о бенефициарах контрагентов Группы Газпром и аффилированности контрагентов Группы Газпром с работниками Группы Газпром Служба корпоративной защиты готовит и в установленном порядке направляет Председателю Правления ОАО «Газпром» заключение.

Заключение должно содержать мотивированные предложения: о необходимости проведения служебной проверки, о создании рабочих групп (комиссий), о мерах, которые необходимо принять при выявлении случаев конфликта интересов и иных злоупотреблений, связанных с должностью, занимаемой работником Группы Газпром, о превентивных мерах, которые необходимо принять для противодействия мошенничеству, коррупции и хищениям в Группе, другие предложения, исходя из существа информации, поступившей по «Горячей линии». К заключению при необходимости прилагается исходная информация в виде справок, протоколов аудиозаписи и других материалов.

Результаты рассмотрения и информация о принятых мерах могут доводиться до заявителя в том случае, если это не принесет ущерба интересам Группы Газпром.

При наличии в сообщении, поступившем на «Горячую линию», сведений о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, а также о лице, его подготавливающем, совершающем или совершившем, обращение подлежит направлению в правоохранительные органы в соответствии с их компетенцией [23].

При оценивании состояния функционирования «горячей линии» по вопросам противодействия коррупции обращается внимание на: длительность существования «горячей линии»; наличие технической возможности сообщать информацию о коррупции посредством «горячей линии»; существование анонимного способа сообщать о возможных правонарушениях сотрудниками (работниками) органов, предприятий и организаций; количество сообщений о подозрении в коррупции или взыточничестве, поступивших через «горячую линию», а также документального подтверждения этих заявлений; содержания принятых решений по результатам обращений, поступивших на «горячую линию», в том числе и в случае подтверждения факта коррупции; наличие механизма обеспечения конфиденциальности информации, поступившей от граждан по «горячей линии» [24].

Для анализа состояния размещения на официальных сайтах федеральных органов исполнительной власти в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» актуальной информации о мерах по профилактике и противодействию кор-

рупции применяются соответствующие Методические рекомендации, разработанные Министерством труда и социальной защиты России [25].

Они направлены на установление контроля соблюдения федеральными органами исполнительной власти положений Требований к размещению и наполнению подразделов, посвященных вопросам противодействия коррупции, официальных сайтов федеральных государственных органов, Центрального банка РФ, Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, государственных корпораций (компаний), иных организаций, созданных на основании федеральных законов, утвержденных приказом Минтруда России от 7 октября 2013 г. № 530н.

Методические рекомендации предусматривают оценку соблюдения Требований по 8 направлениям, соответствующим подразделам раздела «Противодействие коррупции» официального сайта федерального органа исполнительной власти в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: расположение и наполнение раздела «Противодействие коррупции»; нормативные правовые и иные акты в сфере противодействия коррупции; антикоррупционная экспертиза; методические материалы; формы документов, связанных с противодействием коррупции, для заполнения; сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера; комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов (аттестационная комиссия); обратная связь для сообщений о фактах коррупции.

Оценка за направление равна среднему арифметическому оценок за составляющие части направления. Максимально возможная оценка за направление – 100 баллов.

По результатам проведения мониторинга предлагается ранжировать федеральные органы исполнительной власти в зависимости от итоговой оценки, предусмотрев при этом следующие градации: 76-100 баллов – Требования полностью или в основном реализованы; 51-75 баллов – значительная часть положений Требований реализована, раздел «Противодействие коррупции» нуждается в некоторой доработке; 26-50 баллов – отдельные положения Требований реализованы, раздел «Противодействие коррупции» нуждается в значительной доработке; 1-25 баллов – положения Требований практически не реализованы, раздел «Противодействие коррупции» нуждается в существенной доработке.

Важной составляющей рассматриваемых методических рекомендаций является его «Методический инструментарий», который содержит оценку расположения и наполнения соответствующих разделов. Данный инструментарий содержит в себе требования, предмет оценки и баллы, выставяемые за соответствие того или иного раздела (направления) требованиям.

В качестве критериев выставления баллов используются: наличие работающих гиперссылок на нормативные правовые акты, методические материалы, формы документов; полнота размещения тех или иных материалов, сведений; количество переходов для доступа к материалам; соответствие формата, размещенных документов, требованиям.

В целом система баллов может быть применена и для оценивания эффективности противодействия коррупции в целом. Например, распоряжением Правительства Кыргызской Республики от 12.02.2014 № 44-р утверждена «Методология антикор-

рупционного мониторинга и оценки», предусматривающая для каждого уровня оценки имеется пять возможных уровней соответствия, составляющих критерии оценки: «соответствует в полной мере» – выставляется балл «4»; «в значительной степени соответствует» – выставляется балл «3»; «частично соответствует» – выставляется балл «2»; «не соответствует» – выставляется балл «1».

В исключительных обстоятельствах оценка может также быть определена как «неприменим», в этом случае выставляется балл «0» (отсутствие институциональных и законодательных инструментариев) [26]. Итоговая оценка антикоррупционной деятельности отображается в отчетных документах (заключениях, отчетах, справках).

В органах государственной власти субъектов Российской Федерации основной формой такой отчётности является заключение. Содержание заключения по итогам антикоррупционного аудита определяется соответствующими нормативными актами или локальными нормативными актами. Например, Заключение Управления по противодействию коррупции Правительства Ярославской области по итогам анализа результатов антикоррупционного аудита, проведенного в 2016 г. и содержит в себе следующие разделы: основание проведения; субъект и объекты его проведения; предмет аудита (основные направления антикоррупционной деятельности); перечень выявленных типичных недостатков; информация об исполнении письменных рекомендаций по совершенствованию антикоррупционной деятельности; перечень направлений, которые требуют совершенствования.

Для обеспечения полноты фиксации результатов антикоррупционного аудита предлагается формализовать заключение (иные формы отчетных документов). В связи с этим можно обратиться к опыту Кыргызской Республики, в которой такая форма отчета закреплена в виде текстовой и табличной частей [12].

Таким образом, структура заключения по итогам антикоррупционного аудита может содержать: наименование документа; наименование объекта аудита (государственного органа, органа местного самоуправления и др.); характеристика объекта аудита (паспорт аудируемого), отражающая его организационную форму, функции, структуру, штатную численность, руководство, наличие лица, координирующего антикоррупционную деятельность, органа (лица), уполномоченного по вопросам противодействия коррупции; таблицу, отражающую результаты оценки соответствующих направлений антикоррупционной деятельности (соответствует в полной мере; в значительной степени соответствует; частично соответствует; не соответствует); фиксацию наиболее типичных недостатков (нарушений) с приведением конкретных примеров; рекомендации по совершенствованию направлений антикоррупционной деятельности; общий вывод о состоянии антикоррупционной деятельности.

Рассмотренные положения методики антикоррупционного аудита лишь в общих чертах позволяют выявить закономерности организационно-аналитической работы по оценке антикоррупционной деятельности. Разнообразие применяемых методов, необходимость учета специфики различных объектов антикоррупционного аудита, тесная связь антикоррупционного аудита, мониторинга и комплаенса, предполагают возможность дальнейшего исследования этой проблематики. В частности, требует типологизации методика антикоррупционного аудита, осуществляемого в органах государственной власти и местного самоуправления, совершенствование его информационного обеспечения, внедрение позитивного отечественного и зарубежного

опыта, расширение применения общественных форм оценки антикоррупционной деятельности.

В свою очередь, прикладной характер решаемых в ходе антикоррупционного аудита задач предусматривает и совершенствование подготовки специалистов, проводящих антикоррупционный аудит как в органах публичной власти, так и в коммерческих структурах.

Список литературы:

1. Индекс восприятия коррупции 2020 год. – URL: [https://transparency.org.ru/research/CPI2020_Report_RU%20\[WEB\].pdf](https://transparency.org.ru/research/CPI2020_Report_RU%20[WEB].pdf) (дата обращения: 10.06.2021)
2. Состояние преступности в России в 2020, 2019, 2018, 2017, 2016 гг. – МВД России, 2021. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics>. (дата обращения: 10.06.2021)
3. Состояние преступности в России за 2020 г. – М., ГП России ГУПСИИТ. – URL: <http://crimestat.ru/analytics>. (дата обращения: 10.06.2021)
4. Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>. (дата обращения: 10.06.2021)
5. Информация Российской Федерации о передовой практике, извлеченных уроках и трудностях, выявленных в работе по повышению эффективности антикоррупционных органов. – URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Contributions/Russia_RU.pdf (дата обращения: 10.06.2021).
6. Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия. – URL: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr>.
7. Послание Президента России В. Путина Федеральному Собранию, 01.03.2018. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.06.2021).
8. Заброра Д. Г. Понятия, содержание и виды антикоррупционного аудита // Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 19.05.2020 г. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 29-35.
9. Заброра Д. Г. Антикоррупционный аудит: теория, правовая основа, методика проведения / Д. Г. Заброра. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – 106 с.
10. Методика аудиторской проверки. – URL: http://finance_loan.academic.ru/990/МЕТОДИКА_АУДИТОРСКОЙ_ПРОВЕРКИ (дата обращения: 10.06.2021)
11. Подлевских Ю.М. Методика проведения аудита в соответствии с международными стандартами аудита // Электрон. научн. журн. – 2018. – № 14(34). – URL: <https://sibac.info/journal/student/35/115468> (дата обращения: 10.06.2021).
12. Распоряжение Правительства Кыргызской Республики от 12.02.2014 № 44-р «Об утверждении Методологии антикоррупционного мониторинга и оценки». – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/210934> (дата обращения: 10.06.2021).
13. Распоряжение Правительства и Администрации Губернатора Санкт-Петербурга от 07.07.2016 № 23-ра «Об утверждении методических рекомендаций по проведению антикоррупционного мониторинга в Санкт-Петербурге». – URL: <http://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2017/07/12.docx> (дата обращения: 10.06.2021)
14. Указ Президента Республики Татарстан 08.04.2005 № УП-127 «О стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан». – URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/118563/> (дата обращения: 10.06.2021).
15. Правовые акты: антикоррупционный анализ: научно-практическое пособие (Власов И.С. и др.) (отв. ред. В.Н. Найденко) («Контракт», «Волтерс Клувер», 2010). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СМВ&n=16441> (дата обращения: 10.06.2021).
16. Приказ Минюста РФ от 21.10.2011 г. № 363 «Об утверждении формы заключения по результатам независимой антикоррупционной экспертизы». – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/197633/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.06.2021).
17. Постановление администрации Ермаковского сельского поселения Джанкойского района Республики Крым от 29.01.2019 № 13 «О тестировании в 2019 г. лиц, замещающих муниципальные должности и должности муниципальной службы в администрации Ермаковского сельского поселения Джанкойского р-на, на знание законодательства о противодействии коррупции и его актуальных изменений». – URL: <http://xn--80aehcxbksclcrd.xn--p1ai/?p=1972> (дата обращения: 10.06.2021).
18. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 26.12.2014 № 1252 «О проведении добровольных психофизиологических исследований с применением полиграфа». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СПВ&n=172565#09295566655160201> (дата обращения: 10.06.2021).
19. Указ Губернатора Пермского края от 19.07.2018 № 69 «Об утверждении Порядка проведения добровольных психофизиологических исследований с применением полиграфа». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/550143526> (дата обращения: 10.06.2021).
20. Распоряжение Правительства № 311-Рп от 26.05.2017 «Об организации проведения добровольных психофизиологических исследований с применением полиграфа в отношении граждан Российской Федерации при назначении на должность государственной гражданской службы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и государственных гражданских служащих Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». – URL: <http://depgs.admhmao.ru/dokumenty/hmao/925414/> (дата обращения: 10.06.2021).

21. Распоряжение Заместителя Губернатора Калужской области – руководителя Администрации Губернатора Калужской области от 02.03.2009 № 116-ра «О проведении ежегодного антикоррупционного мониторинга». – URL: http://tmt.tarusa.ru/data/antikor/trsko116_2009_03_02.rtf. (дата обращения: 10.06.2021).
22. Решение Межведомственной комиссии по противодействию коррупции в Казани от 10 июля 2009 г. № 8 «О порядке рассмотрения обращений граждан и юридических лиц, поступивших по телефону «горячей линии» Межведомственной комиссии по противодействию коррупции в Казани». – URL: <http://www.kzn.ru/meriya/ispolnitelnyu-komitet/upravlenie-kontrolya-i-antikorrupsionnoy-raboty/gorachliniya/> (дата обращения: 10.06.2021).
23. Приказ ОАО «Газпром» от 4 сентября 2014 г. № 423 «Положение о «Горячей линии» по вопросам противодействия мошенничеству, коррупции и хищениям в Группе Газпром». – URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/2014-09-04-regulation-hotline-ru.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).
24. Процедура антикоррупционной комплексной проверки «АрселорМиттал». – URL: http://arcelormittal.com/images/pdf/Due_Diligence_Procedure_Rus.pdf. (дата обращения: 10.06.2021)
25. Методические рекомендации для проведения мониторинга размещения на официальных сайтах федеральных органов исполнительной власти в ИТ «Интернет» актуальной информации о мерах по профилактике и противодействию коррупции. – URL: <http://rosmintrud.ru/ministry/programs/anticorruption/8/5> (дата обращения: 10.06.2021)
26. Распоряжение Правительства Кыргызской Республики от 12.02.2014 № 44-р «Об утверждении Методологии антикоррупционного мониторинга и оценки». – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/210934> (дата обращения: 10.06.2021).
27. Заключение управления по противодействию коррупции Правительства Ярославской области по итогам анализа результатов антикоррупционного аудита, проведенного в 2016 г. – URL: <http://www.yarregion.ru/depts/ubb/Documents/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%287718656%20v4%29.docx> (дата обращения: 10.06.2021).

Zabroda D.G., Kapranov A.V. Anti-corruption audit method: theory and practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – С. 187-199.

The article actualizes the problem of conducting an anti-corruption audit as a way to identify corruption risks and a tool for preventing corruption manifestations both in the field of public administration and in the implementation of commercial activities. The main stages of the anti-corruption audit methodology are highlighted and characterized: planning the audit; verification (on-site data collection); drawing up a report on the results of the audit (reporting); development of corrective measures (elimination of consequences and verification of implementation). The methods of conducting anti-corruption audit are disclosed: data collection is obtaining reliable information on the implementation of anti-corruption measures; observation is a purposeful and systematic perception of processes and phenomena in the field of combating corruption, the results of which are recorded by an observer (auditor, expert); Evaluation is a process aimed at identifying (as systematically and objectively as possible) the appropriateness, effectiveness, productivity, value (added value), sustainability of anti-corruption measures and / or the impact of their intervention; forecast is a judgment about the likely state of anti-corruption activities based on special scientific research (forecasting).

Special attention is paid to such anti-corruption audit techniques as: conducting anti-corruption expertise; voluntary assessment of knowledge of anti-corruption legislation is traditionally associated with testing the relevant categories of workers and employees; voluntary psychophysiological research using a polygraph; use of focus groups; analysis of messages from citizens received on hot lines about corruption facts; the state of posting on the official websites of federal executive bodies in the information and telecommunications network "Internet" up-to-date information on measures to prevent and combat corruption.

Key words: corruption, anti-corruption audit, methodology, audit.

Snisok literaturey:

1. Indeks vosnriativa korrupsii 2020 god. – URL: // https://transparencv.org.ru/research/CPI2020_Report_RU%20WEB1.pdf (data obrashcheniya: 10.06.2021).
2. Sostoyanie prestupnosti v Rossii v 2020. 2019. 2018. 2017. 2016 gg. – MVD Rossii, 2021. – URL: <https://xn--b1aew.xn--n1ai/Deliatelnost/statistics>. (data obrashcheniya: 10.06.2021).
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za 2020 g. – M., GP Rossii GUPSIIT. – URL: <http://crimestat.ru/analytics>. (data obrashcheniya: 10.06.2021).
4. Rezul'tatv devatel'nosti organov prokuratury Rossiiskoi Federatsii. – URL: // <https://enp.genproc.gov.ru/web/enrf/aktivty/statistics/office/result>. (data obrashcheniya: 10.06.2021).
5. Informatsiya Rossiiskoi Federatsii o peredovoi praktike. izvlechennykh urokakh i trudnostyakh. vvvavlen'nykh v rabote po novvsheniyu effektivnosti antikorrupsionnykh organov. – URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Contributions/Russia_RU.pdf (data obrashcheniya: 10.06.2021).
6. Reestr lits. uvolen'nykh v svyazi s utratoi doveriya. – URL: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr>.
7. Poslanie Prezidenta Rossii V. Putina Federal'nomu Sobraniyu, 01.03.2018. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>(data obrashcheniya: 10.06.2021).
8. Zabroda D. G. Ponvativa. sodержanie i vidy antikorrupsionnogo audita // Preduprezhdenie korrupsii v organakh gosudarstvennoi vlasti Rossiiskoi Federatsii: sbornik nauchnykh statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Simferopol', 19.05.2020 g. – Simferopol': OOO «Izdatel'stvo Tipografiya «Ariol». 2020. – S. 29-35.
9. Zabroda D. G. Antikorrupsionnyi audit: teoriya. pravovaya osnova, metodika provedeniya / D. G. Zabroda. – Krasnodar: Krasnodarskii universitet MVD Rossii. 2020. – 106 s.
10. Metodika auditor'skoi proverki. – URL: http://finance_loan.academic.ru/990/METODIKA_AUDITORSKOI_PROVERKI (data obrashcheniya: 10.06.2021)

11. Podlevskikh Yu.M. Metodika provedeniya audita v sootvetstviy s mezhdunarodnymi standartami audita // Elektron. nauchn. zhurn. – 2018. – № 14(34). – URL: <https://sibac.info/journal/student/35/115468> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
12. Rasporyazhenie Pravitel'stva Kvrzvzskoi Respubliki ot 12.02.2014 № 44-r «Ob utverzhdenii Metodologii antikorrupsionnogo monitoringa i otsenki». – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/210934> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
13. Rasporyazhenie Pravitel'stva i Administratsii Gubernatora Sankt-Peterburga ot 07.07.2016 № 23-ra «Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsii po provedeniyu antikorrupsionnogo monitoringa v Sankt-Peterburge». – URL: <http://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2017/07/12.docx> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
14. Ukaz Prezidenta Respubliki Tatarstan 08.04.2005 № UP-127 «O strategii antikorrupsionnoi politiki Respubliki Tatarstan». – URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/118563/> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
15. Pravovye aktv: antikorrupsionnyi analiz: nauchno-prakticheskoe sobobie (Vlasov I.S. i dr.) (otv. red. V.N. Naidenko) («Kontrakt». «Volters Kluver». 2010). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=16441> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
16. Prikaz Minvusta RF ot 21.10.2011 g. № 363 «Ob utverzhdenii formv zaklvucheniya no rezul'tatam nezavisimoi antikorrupsionnoi ekspertizy». – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/197633/paragraph/1:0> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
17. Postanovlenie administratsii Ermakovskogo sel'skogo poseleniya Dzhankoiiskogo raiona Respubliki Krvn ot 29.01.2019 № 13 «O testirovaniy v 2019 g. lits. zameshchavushchikh munitsipal'nye dolzhnosti i dolzhnosti munitsipal'noi sluzhby v administratsii Ermakovskogo sel'skogo poseleniya Dzhankoiiskogo r-na. na znanie zakonodatel'stva o protivodeistvii korrupsii i ego aktual'nykh izmeneniy». – URL: <http://xn--80aehcxhksclerd.xn--n1ai/?n=1972> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
18. Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 26.12.2014 № 1252 «O provedenii dobrovol'nykh psikhofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=172565#09295566655160201> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
19. Ukaz Gubernatora Permskogo kraja ot 19.07.2018 № 69 «Ob utverzhdenii Porvadka provedeniya dobrovol'nykh psikhofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/550143526> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
20. Rasporyazhenie Pravitel'stva № 311-Rp ot 26.05.2017 «Ob organizatsii provedeniya dobrovol'nykh psikhofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa v otnoshenii grazhdan Rossiiskoi Federatsii pri naznachanii na dolzhnost' gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby Khantv-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry». – URL: <http://dengs.admhmao.ru/dokumentv/hmao/925414/> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
21. Rasporyazhenie Zamestitelva Gubernatora Kaluzhskoi oblasti – rukovoditelva Administratsii Gubernatora Kaluzhskoi oblasti ot 02.03.2009 № 116-ra «O provedenii ezhegodnogo antikorrupsionnogo monitoringa». – URL: http://tmt.tarusa.ru/data/antikorr/rreko116_2009_03_02.rtf (data obrashcheniya: 10.06.2021).
22. Reshenie Mezhhvedomstvennoi komissii po protivodeistviyu korrupsii v Kazani ot 10 ivulva 2009 g. № 8 «O porvadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan i yuridicheskikh lits. postupivshikh po telefonu «gorvachei linii» Mezhhvedomstvennoi komissii po protivodeistviyu korrupsii v Kazani». – URL: <http://www.kzn.ru/meriva/ispolnitelnyy-komitet/upravlenie-kontrolya-i-antikorrupsionnoy-raboty/gorachliniya/> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
23. Prikaz OAO «Gazprom» ot 4 sentvabrva 2014 g. № 423 «Polozhenie o «Gorvachei linii» no voprosam protivodeistviya moshennichestvu, korrupsii i khishcheniyam v Grunne Gazprom». – URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/2014-09-04-regulation-hotline-ru.pdf> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
24. Protsedura antikorrupsionnoi kompleksnoi proveri «ArselorMittal». – URL: http://arcelormittal.com/images/ndf/Due_Diligence_Procedure_Rus.ndf (data obrashcheniya: 10.06.2021).
25. Metodicheskie rekomendatsii dlva provedeniya monitoringa razmeshcheniya na ofitsial'nykh saitakh federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti v ITS «Internet» aktual'noi informatsii o merakh no profilaktike i protivodeistviyu korrupsii. – URL: <http://rosmintrud.ru/ministry/programs/anticorruption/8/5> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
26. Rasporyazhenie Pravitel'stva Kvrzvzskoi Respubliki ot 12.02.2014 № 44-r «Ob utverzhdenii Metodologii antikorrupsionnogo monitoringa i otsenki». – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/210934> (data obrashcheniya: 10.06.2021).
27. Zaklvuchenie unpravleniya no protivodeistviyu korrupsii Pravitel'stva Yaroslavskoi oblasti no itogam analiza rezul'tatov antikorrupsionnogo audita, provedennogo v 2016 g. – URL: <http://www.varregion.ru/dents/ubb/Documents/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8F%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%287718656%20v4%29.docx> (data obrashcheniya: 10.06.2021).

УДК 331.5

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 200-208

**РОБОТИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО РЫНКА ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ,
ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕГУЛИРОВАНИЕ НОРМАМИ
ЕВРОПЕЙСКОГО ТРУДОВОГО ПРАВА**

Саранкина Ю. А., Стрельников К. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируется влияние роботизации на европейский рынок труда, проблемы внедрения роботов в различные сферы трудовой деятельности человека, возможность полной замены человеческого труда роботизированным, а также дальнейшие перспективы использования роботов в различных сферах общественной жизни. Рассмотрены перспективы дальнейшей роботизации и внедрения современных технологий в европейский и российский рынки труда, а также влияние роботизации на трудовые процессы европейских стран. Особое внимание уделяется рассмотрению таких сфер трудовой деятельности, в которых роботизация не только не нецелесообразна, но и не особо эффективна, может повлечь за собой негативные последствия, а также причинить вред охраняемым государством интересам. Приведены конкретные примеры таких сфер, в которых полностью заменить человека роботом не представляется возможным, ввиду отсутствия у автоматизированных роботов, так называемых «человеческих умений», способности в принятии оперативных решений в процессе возникновения нестандартных ситуаций, требующих от робота необходимых профессиональных умений.

Ключевые слова: роботизация, цифровизация, европейский рынок труда, автоматизированные роботы, умная машина.

Современный мир представляет собой революционный период в развитии мирового производства, межгосударственного взаимодействия, общественных и иных взаимоотношений. Несколько десятков лет назад человек не мог себе представить, что совершать покупки, взаимодействовать с другими людьми, в том числе вне государственных пределов, организовывать рабочий процесс и (или) непосредственно принимать участие в трудовой деятельности возможно, не выходя из дома.

Новейшие информационно-технологические преобразования можно связать с провозглашением четвертой промышленной революции на экономическом форуме, проходившем в г. Давос 2016 году. Результаты развития указанных технологий можно наблюдать уже сегодня: интернет вещи, 3-D печать, беспилотный автотранспорт, виртуальная реальность, общественная роботизация и прочее. Все это не только имеет огромный потенциал в части повышения уровня развития общества и государства, но и формирует новые потребности, вызовы в экономической, политической, правовой и трудовой сфере.

В современных условиях глобальной цифровизации и роботизации, важным аспектом является выявление и оценка не только конструктивных особенностей их влияния на государственные и общественные процессы, но и выявление, анализ рисков, возникающих в связи с научно-техническими преобразованиями.

Одной из таких сфер, требующих глубокого научного и футурологического изучения, выступает определение степени влияния роботизации на рынок труда в контексте европейского трудового права. В этой связи важно определить отрасли,

наиболее подверженные роботизации, а также трудовые сферы, применение роботизации в которых не представляется возможным. Кроме того, целесообразно проанализировать степень затратности роботизации, ее целесообразность. На основе проведенного анализа суммы затраченных средств на роботизацию в странах Европы спрогнозировать возможность или несбыточность замены человеческого труда искусственным интеллектом и автоматизированными роботами, определить возможные проблемы, связанные с безработицей, как следствием процесса роботизации.

В общем смысле роботизация представляет собой процесс автоматизации какой-либо сферы на основании применения роботов. В контексте международных трудовых общественных отношений, роботизацию можно определить, как процессы автоматизации производства на основании применения промышленных роботов в таких производственных процессах, автоматизация которых другими средствами нецелесообразна [2]. В то же время есть и иные определения рассматриваемого процесса. Наиболее популярными среди них являются: роботизация – процесс, происходящий в сфере экономических общественных отношений, связанный с вытеснением человеческого труда из производства, с его заменой на автоматизированное и роботизированное оборудование, в связи с чем высвобождаются ресурсы для развития сферы услуг [3]; роботизация – это процесс, ведущий к негативным социальным последствиям, поскольку непосредственно вытесняет человека из экономической деятельности, тем самым лишая возможности для получения материальной выгоды и приобретения средств существования [4]; роботизация – это эпохальная инновация, отличающаяся сменой технологического фонда и ландшафта экономического развития [5].

Анализ указанных выше определений понятия «роботизация» позволяет сделать ряд следующих выводов: во-первых, процессы роботизации представляют собой переход от ручного труда к автоматизированному; во-вторых, основной сферой роботизации являются экономические отношения, которые главным образом связаны с процессами производства, торговлей и выполнением трудовых функций; в-третьих, размытым является представление о конструктивности или деструктивности процессов роботизации в той или иной сфере.

В то же время авторами не сформулировано понятие роботизации рынка труда. В результате сложно проследить и систематизировать закономерности влияния на рынок труда процесса роботизации, определить позитивные и негативные аспекты, а также сформулировать научно-обоснованный прогноз развития рынка труда в аспекте европейского трудового права.

Исходя из проведенного анализа, под роботизацией рынка труда следует понимать инновационный процесс, направленный на внедрение в трудовую деятельность человека автоматизированных роботов, с целью облегчения труда человека, повышения качества и эффективности выполнения различных трудовых функций, отличающихся рутинностью или трудоемкостью, а также обезопасить человека от выполнения работ, связанных с непосредственной угрозой для его жизни и здоровья.

Говоря о возможном влиянии процессов роботизации на рынок труда, следует отметить, что в соответствии с отчетом Всемирного экономического форума (WEF) прогнозировалось, что к 2020 г. новые технологии лишат работы 7,1 млн человек – преимущественно «белых воротничков», занятых офисной и административной ру-

тиной. При этом появится лишь 2 млн новых рабочих мест в сфере информационных технологий, архитектурной и инженерно-технической областях [7].

Отсюда вытекает, что при помощи роботизации европейского рынка труда можно значительно облегчить трудовую деятельность человека, ведь «умным машинам» можно делегировать новые функции, которые человек никогда не выполнял в силу различных причин, например, там, где требуются очень высокая скорость, крупные масштабы реализации или комплексность систем. Это будет полезно в таких сферах, как медицина (наноустройства), материаловедение, спутниковая связь [9].

В то же время, анализируя современные процессы, связанные с безработицей на территории Европейского Союза за период с 2019 по 2020 годы следует отметить, что действительно тенденция потери трудовой занятости возрастает, однако это в меньшей степени связано с заменой ручного труда. Объективные обстоятельства, главным образом связанные с массовым распространением новой коронавирусной инфекции, в большей степени повлияли на рост безработицы, чем роботизация. По данным многочисленных исследований в сфере занятости, государства, наиболее пострадавшие от распространения Covid-19 более подвержены возникновению серьезных трудностей в сфере рынка труда [8].

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на необходимость проведения всестороннего адекватного и научно обоснованного анализа, посвященного вопросам определения степени вреда или пользы, которые могут являться следствием роботизации рынка труда.

Говоря о возможностях влияния роботизации на конкретные трудовые отрасли, следует согласиться с мнением И.М. Макарова и Ю.И. Топчеева, которые указывают на то, что роботы, созданные на базе самых последних достижений науки и техники, применяются во всех сферах человеческой деятельности. По мнению авторов, человечество получило помощника, способного не только выполнять опасные для жизни человека работы, но и освободить человечество от однообразных рутинных операций.

Соглашаясь с мнением авторов, рассмотрим классификацию роботов в зависимости от трудовой сферы, в которых они применяются: промышленный робот (шарнирные роботы, SCARA – роботы, мобильные роботы, автономные дроны); транспортный робот (робомобиль Google, беспилотный автобус ULTra, робот-грузчик); подводный робот (телеуправляемые необитаемые подводные аппараты, автономные подводные аппараты, подводный планер) [13]; бытовой робот (робот-пылесос, с/х робот, робот-косилка, модульные роботы); боевой робот (разведывательные, инженерные, тыловые роботы); летающий робот (дрон Matrice 300 RTK, портативный складной квадрокоптер DJI Mavic 2 Enterprise, автономные летающие дроны); медицинский робот (роботы ассистенты, диагностические роботы KUKA, роботы биопринтеры, лучевой робот ACCURAY) [14]; аптечный робот; микроробот; робот-хирург; социальный робот.

Представленная классификация роботов, как главных факторов, оказывающих воздействие на рынок труда, дает основания полагать, что модернизация трудовых отношений целесообразна в основном для промышленной, транспортной, военной, медицинской, правоохранительной, социальной и бытовой сфер.

Так, например, в европейской правоохранительной сфере широко используются как компактные готовые к полету квадрокоптеры, так и сложные

многофункциональные полетные платформы и беспилотные комплексы (дрон Matrice 300 RTK, полётная платформа Matrice 210, портативный складной квадрокоптер DJI Mavic 2 Enterprise), которые применяются при охране общественного порядка, патрулировании больших территорий, документировании противоправных действий участников массовых беспорядков, координации действий сотрудников полиции с воздуха при выполнении ими служебных задач, а также поиске и обнаружении людей с помощью тепловизора.

Таким образом, можно было бы сделать прогноз о роботизации всех отраслей европейского рынка труда, однако такие выводы были бы некорректны. Невозможность полномасштабного изменения на рынке труда в странах Европы связана с рядом обстоятельств.

Во-первых, следует акцентировать внимание на том, что современное европейское законодательство направлено на регулирование процессов роботизации в контексте создания наименьших угроз для трудовых отношений на территории Европы. Так, из смысла Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. [1] следует, что масштабное проникновение робототехники не должно оказать серьезное влияние на трудовую деятельность человека и полную замену человеческих ресурсов возможностями робототехники. По мнению Европейского парламента, процессы автоматизации должны быть направлены лишь на те сферы трудовой деятельности, которые требуют значительных физических затрат и (или) специальных навыков, трудно приобретаемых человеком. Отдельно в тексте представленного правового акта, акцентируется внимание на необходимости роботизации трудовых процессов, связанных с непосредственной угрозой для жизни человека. Ввиду чего в одних отраслях найдут применение стационарные роботы, в других – дроны, в третьих – скорее человекоподобные роботы.

Во-вторых, следует согласиться с тем, что процессы роботизации некоторых трудовых сфер не только нецелесообразны, но и не особо эффективны, а для некоторых сфер трудовой деятельности еще и могут создавать опасность для жизни и здоровья людей. Например, роботы, которые делают операции, способны перевозить лекарства, будить пациентов и выполнять ряд других медицинских функций [5]. В то же время подобные роботы скорее всего не будут эффективными в экстремальных условиях, когда необходимо принять решение в экстренной ситуации, возникающей в процессе оказания медицинской помощи, от чего может зависеть жизнь человека. Поэтому роботизировать сферы трудовой деятельности, в которых принятие оперативных решений в процессе возникновения внештатных ситуаций, требующих от робота необходимых «человеческих умений», не является целесообразным. Ввиду чего полномасштабная замена человеческого ресурса на робототехнику в таких отраслях, как медицина, образовательная сфера, воспитательная сфера и ряд других отраслей, где необходимо непосредственное присутствие человека при осуществлении трудовой деятельности не представляется возможным.

В-третьих, данные зарубежных исследований свидетельствуют о том [6], что Европа не имеет собственного производства на территории своих государств, следовательно, уступает иным странам (в большей степени азиатскому региону) в количестве установленных роботов. В данной сфере лидерами являются Южная

Корея, Япония, Китай. Исключением является немецкая компания «Kuka» и шведская компания «ABB» (рис. 1).

Отдельное место занимает объем продаж роботов на территории Европы, который характеризуется небольшими показателями (рис. 2).

В-четвертых, ограниченное финансирование роботизации на территории современного Европейского Союза не позволяет провести масштабную роботизацию на трудовом рынке и полностью его изменить, поэтому европейским государствам стоит задуматься о создании целевых фондов по финансированию указанной сферы.

В-пятых, процессы роботизации трудовой деятельности требуют подготовки новых специалистов для обслуживания роботов, а также специалистов, которые имеют навыки обращения с роботами (ведь новые технологии будут вытеснять первым делом работников с низкой квалификацией), в тех сферах, где роботам будут делегированы функции, которые человек может по-прежнему выполнять, однако, «умная машина» сделает это в разы быстрее и качественнее. Примером могут служить такие сферы, как: фармацевтика (химические компоненты и реакции), здравоохранение (диагностика и визуализация), фермерство и сельское хозяйство (мониторинг и контроль), государственная безопасность [9].

В-шестых, внедрение автоматизированных роботов в различные отрасли трудовой деятельности, с большей долей вероятности приведет к снижению количества рабочих мест и, как следствие, – к повышению уровня безработицы. В виду чего европейским государствам необходимо задуматься о создании новых рабочих мест и целевых программ по подготовке специалистов для обслуживания автоматизированных роботов. В подтверждение сказанного можно привести доклад Future of Jobs («Будущее рабочих мест 2020»), опубликованный Всемирным экономическим форумом (ВЭФ), согласно которому, к 2025 г. новые технологии уничтожат 85 млн рабочих мест, но создадут взамен 97 млн новых [10].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что, хотя на территории ЕС процесс роботизации рынка труда протекает не столь интенсивно как в странах азиатского региона, в то же время он обладает глубоким потенциалом для развития современного рынка труда. В целях благоприятного влияния процессов роботизации на трудовую сферу, недопущения утраты рабочих мест, создания новых трудовых направлений, важно уделять внимание качественному процессу правового регулирования общественных отношений в сфере роботизации рынка труда.

Если говорить о роботизации рынка труда РФ, то указанный процесс в нашей стране протекает достаточно медленно. На данный момент наблюдается отставание в указанной сфере от многих стран Европейского союза и стран Азиатского региона. Основными причинами являются: отсутствие необходимого спроса, недостаточная компетенция работников, слабая культура производства и технологий. Согласно данным, представленным Национальной ассоциацией участников рынка робототехники (НАУРР) на 2020 г. в нашей стране в эксплуатации находится порядка 5 тыс. промышленных роботов [11]. Эти данные говорят о том, что на 10 тыс. рабочих приходится 5 роботов, то есть в 17 раз ниже среднемирового уровня и, например, в 142 раза меньше, чем в Южной Корее. Исходя их данных полученных Национальной ассоциацией участников рынка

робототехники (НАУРР) в России около 220 компаний заняты разработкой роботов и новейших технологий. Из них по большей части – это интеграторы и производители компонентов. На данный момент в России большинство автоматизированных роботов являются иностранной разработкой, однако, промышленных роботов в России производят такие компании, как: «АРКОДИМ», «АвангардПЛАСТ», «AripiXRobotics», «Битроботикс», «Рекорд-Инжиниринг», Eidos Robotics («Эйдос-Робототехника») – резидент Инновационного центра «Сколково», которые направляют свои усилия на разработку автоматизированных машин, способных облегчить и обезопасить трудовую деятельность человека в таких отраслях, как автомобилестроение, машиностроение, пищевая промышленность, химическая и нефтяная промышленность [12]. В целом роботизация рынка труда в России имеет положительную динамику, но все же во многом отстает от стран Европейского союза и стран Азиатского региона. Однако, Россия направляет все усилия на внедрение искусственного интеллекта, промышленных роботов, а также коллаборативных роботов в трудовую сферу, которые могут работать совместно с человеком, значительно упрощая трудовую деятельность человека и повышая качество выполняемой работы.

Таким образом, наиболее целесообразным способом поддержания стабильности рынка труда является формирование международно-правовых норм в контексте европейского трудового права, регламентирующих данный процесс. Созданные правовые нормы должны устанавливать возможные сферы для замены человеческого труда автоматизированным, регламентировать порядок и условия внедрения роботов в трудовые процессы, а также обеспечивать гарантиями лиц, потерявших работу в связи с процессами роботизации.

Проведенное исследование в сфере познания процесса роботизации и его влияния на рынок труда охватило теоретические и прикладные вопросы, связанные с понятием и сущностью роботизации, её возможным влиянием на рынок труда и целесообразность правовой регламентации процессов роботизации в аспекте европейского трудового права.

В ходе исследования предпринята попытка определить отрасли, наиболее подверженные роботизации, а также трудовые сферы, на которые оказание влияния роботизации не представляется возможным. Оценено количество продаж роботов в европейском регионе, целесообразность замены человеческого труда искусственным интеллектом и роботами в отдельных отраслях, определены проблемы, связанные с безработицей в контексте рассматриваемой тематики. В ходе проведенного исследования европейского опыта роботизации рынка труда, проблем и дальнейших перспектив в указанной сфере были сделаны такие выводы:

1. Активная разработка и исследование процессов роботизации позволило определить её понятие, сущность и характеристики. В то же время исследователями не было сформулировано понятие «роботизация рынка труда». Отсюда предлагается следующее определение: Роботизация рынка труда – это инновационный процесс, направленный на внедрение в трудовую деятельность человека автоматизированных роботов, с целью облегчения труда человека, повышения качества и эффективности выполнения различных трудовых функций, отличающихся рутинностью или трудоемкостью, а также обезопасить человека от выполнения работ, связанных с непосредственной угрозой для его жизни и здоровья.

2. Процессы роботизации не только обуславливают необходимость замены человеческих трудовых ресурсов автоматизированными роботами, что может привести к росту уровня безработицы, но в то же время ставят вопрос о необходимости создания новых трудовых сфер, главным образом связанных с интеллектуальной деятельностью, а также обеспечением квалифицированных кадров для обслуживания робототехники.

3. Всплеск уровня безработицы, произошедший в период с 2019 по 2020 годы на территории Европы, в большей степени связан не с процессами роботизации трудовой сферы, а с влиянием новой коронавирусной инфекции Covid-19.

4. В целом роботизация рынка труда в России имеет положительную динамику, но все же во многом отстает от стран ЕС и стран Азиатского региона.

5. Масштабная роботизация не способна полностью заменить человеческие ресурсы на рынке труда. Отсутствие интеллекта, специальных навыков и умений не позволяют принимать решения в резкомменяющейся экстренной ситуации. Отсюда роботизация, хотя и затрагивает многие сферы рынка труда, но не может полностью вытеснить человека. Например, робототехника не способна принимать решения в экстренных ситуациях, возникающих в процессе оказания медицинской помощи, от чего может зависеть жизнь человека.

6. Поддержание стабильности рынка труда возможно лишь в условиях созданной законодательной базы, в связи с чем требуется создание правового акта на уровне европейского права, регламентирующего процесс роботизации.

Приложения

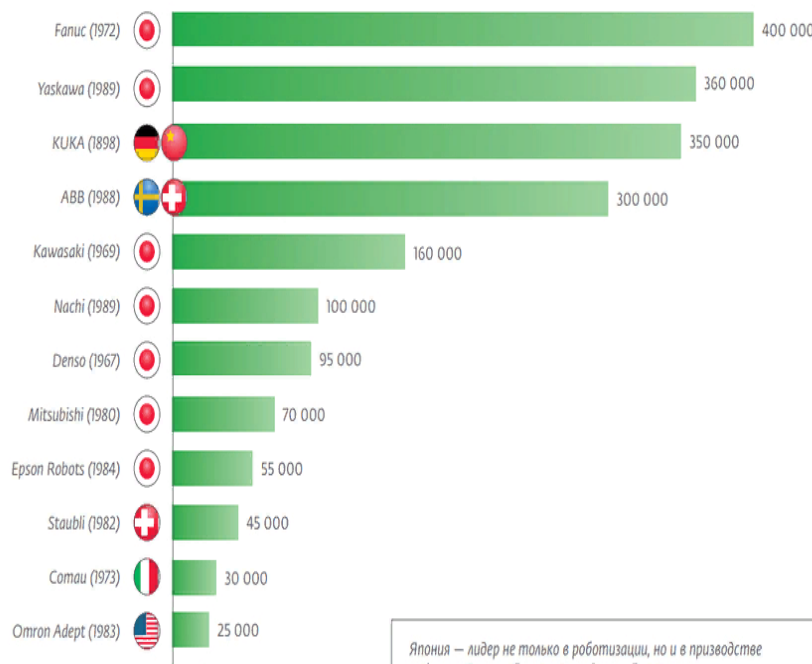

Рис. 1 Мировые лидеры – компании и количество установленных ими роботов по данным за 2018 г.

Рисунок 8. Динамика продаж промышленных роботов по регионам в 2016–2017 гг. и прогноз на 2018–2021 гг., тыс. шт.

Рисунок 9. Топ-15 стран мира по продажам промышленных роботов в 2017 г., тыс. ед.

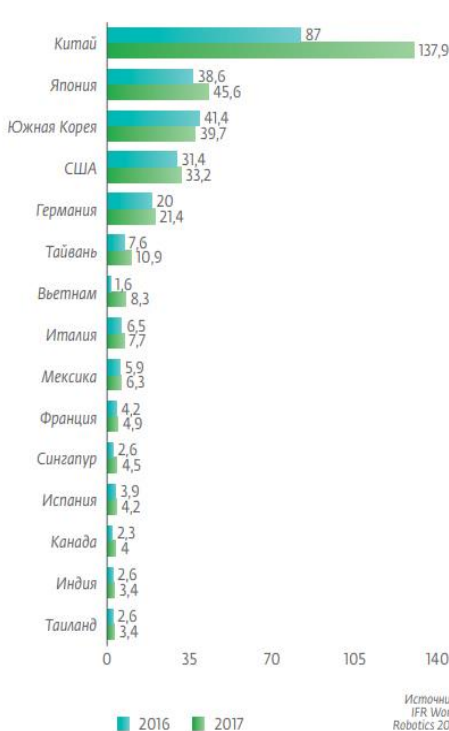

Рисунок 10. Динамика продаж промышленных роботов в Китае, тыс. шт.

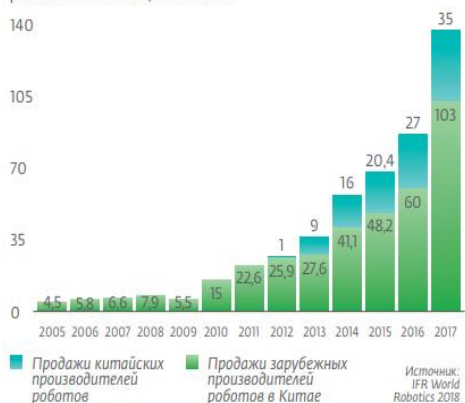

Рис. 2 Объем продаж роботов по регионам за 2016-2017 гг., а также прогноз на 2018-2021 гг.

Список литературы:

1. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051, включает текст Хартии робототехники. – СПС «Гарант» (дата обращения: 20.03.2021).
2. Сырецкий Г.А. Робототехника и автоматизация производства: современное состояние // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2017. – № 2. – С. 24–29.
3. Карпов В.К. Роботизация и ее место в цифровой экономике // Агропродовольственная политика России. – 2017. – № 8. – С. 32–39.
4. Солдунов А.В Роботизация как тренд в современных трудовых отношениях // Актуальные проблемы права и экономики: сборник научных трудов. – 2017. – С. 74–77.
5. Хорос В.Г. Различные последствия роботизации (обзор дискуссии) // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – № 12. – С. 82–88.
6. Робототехника (мировой рынок). – URL: <https://www.tadviser.ru/a/411954> (дата обращения: 20.03.2021).
7. Отчет Всемирного экономического форума. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FOJ_Executive_Summary_Jobs.pdf (дата обращения: 20.03.2021).
8. Пандемия увольнений: COVID-19 плодит безработицу в мире. – URL: https://finance.rambler.ru/other/43951429/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 20.03.2021).
9. Роботизация и цифровые технологии. – URL: https://ethics.cdto.center/6_3#pic20 (дата обращения: 22.03.2021).
10. Цифровизация рынка труда. – URL: <https://clck.ru/RrDpw> (дата обращения: 22.03.2021).
11. Роботизация производства. – URL: <https://expert.ru/2019/09/19/robotyi/> (дата обращения: 24.03.2021).

12. Рынок робототехники России. – URL: <https://clck.ru/TvAR4> (дата обращения: 24.03.2021).
13. Подводные роботы. – URL: <http://robotrends.ru/robopeedia/katalog-podvodnyh-robotov> (дата обращения: 22.03.2021).
14. Роботы в медицине. – URL: <https://top3dshop.ru/blog/the-latest-medical-robots.html> (дата обращения: 22.03.2021).

Sarankina J.A., Strelnikov K. N. Robotization of the european labor market: problems, future prospects and regulation by the norms of european labor law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 200-208.

The article analyzes the impact of robotics on the European labor market, the problems of introducing robots into various spheres of human labor activity, the possibility of completely replacing human labor with robotic labor, as well as further prospects for using robots in various spheres of public life. The prospects of further robotization and the introduction of modern technologies in the European and Russian labor markets, as well as the impact of robotization on the labor processes of European countries are considered. Special attention is paid to the consideration of such areas of labor detail in which robotization is not only not impractical, but also not particularly effective, can lead to negative consequences, as well as harm the interests protected by the state. Specific examples are given of such areas in which it is not possible to completely replace a person with a robot, due to the lack of automated robots, the so-called "human skills", the inability to make operational decisions in the process of emergency situations that require the robot to have the necessary professional skills.

Key words: robots, robotization, digitalization, European labor market, automated robots, smart machine.

Spisok-literatury:

1. Rezolyuciya Evroparlamenta ot 16 fevralya 2017 goda 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051, vlyuchaet tekst Hartii robototekhniki. – SPS «Garant» (дата obrashcheniya: 20.03.2021).
2. Syreckij G.A. Robototekhnika i avtomatizaciya proizvodstva: sovremennoe sostoyanie // Interekspo Geo-Sibir'. – 2017. – № 2. – S. 24-29.
3. Karpov V.K. Robotizaciya i eyo mesto v cifrovoj ekonomike // Agroprodovol'stvennaya politika Rossii. – 2017. – № 8. – S. 32-39.
4. Soldunov A.V Robotizaciya kak trend v sovremennyh trudovyh otnosheniyah // Aktual'nye problemy prava i ekonomiki: sbornik nauchnyh trudov. – 2017. – S. 74-77.
5. Horos V.G. Razlichnye posledstviya robotizacii (obzor diskussii) // mirovaya eko nomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2017. – № 12. – S. 82-88.
6. Robototekhnika (mirovoy rynek). – URL: <https://www.tadviser.ru/a/411954> (дата obrashcheniya: 20.03.2021).
7. Otchet Vsemirnogo ekonomicheskogo foruma. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FOJ_Executive_Summary_Jobs.pdf (дата obrashcheniya: 20.03.2021).
8. Pandemiya uvol'nenij: COVID-19 plodit bezraboticu v mire. – URL: https://finance.rambler.ru/other/43951429/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата obrashcheniya: 20.03.2021).
9. Robotizaciya i cifrovyte tekhnologii. – URL: https://ethics.cdto.center/6_3#pic20 (дата obrashcheniya: 22.03.2021).
10. Cifrovizaciya rynka truda. – URL: <https://clck.ru/RrDpw> (дата obrashcheniya: 22.03.2021).
11. Robotizaciya proizvodstva. – URL: <https://expert.ru/2019/09/19/robotyi/> (дата obrashcheniya: 24.03.2021).
12. Rynek robototekhniki Rossii. – URL: <https://clck.ru/TvAR4> (дата obrashcheniya: 24.03.2021).
13. Podvodnye roboty. – URL: <http://robotrends.ru/robopeedia/katalog-podvodnyh-robotov> (дата obrashcheniya: 22.03.2021).
14. Roboty v medicine. – URL: <https://top3dshop.ru/blog/the-latest-medical-robots.html> (дата obrashcheniya: 22.03.2021).

УДК 343.2/.7

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 209-222

ВУАЙЕРИЗМ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ¹

Шевелева С. В., Тененёва И. В.

Юго-Западный государственный университет

Одним из видов парафилий является вуайеризм, т.е. тайное подглядывание за интимными действиями других людей. С позиции медицины вуайеризм признается расстройством сексуального предпочтения, в искусстве он нашел отражение в полотнах известных мастеров, однако с точки зрения морали остается в плоскости религиозно обусловленных запретов, а психологи утверждают, что рассматриваемая форма сексуального поведения опасна не только для психики актора, но и для жертвы. В рамках представленного исследования авторами предлагается анализ правовой реакции зарубежных государств на данную форму сексуальной девиации, рассмотрены виды наказаний, а также представлен криминологический портрет вуайериста. В правовых системах зарубежных государств (Великобритания, Бельгия, Сингапур) вуайеризм признается половым преступлением; в США, Германии, Новой Зеландии, некоторых штатах Австралии рассматриваемое деяние признается преступлением, нарушающим «право на приватность». Представлены отдельные статистические сведения по указанным деяниям в отдельных странах (там где ведется такой подсчет), определены причины роста такого рода посягательств и способы их совершения. В России подобного рода деяния получают уголовно-правовую оценку по признакам ст. 137 УК РФ, что следует оценивать как в некий «законодательный компромисс», т.к. в действиях вуайериста основным мотивом является сексуальный, а нарушение неприкосновенности частной жизни целью не является. Отдельные статистические данные свидетельствуют о росте такого рода посягательств в мире, однако в России рассматриваемая парафилия является в основном предметом исследования психологов, сексологов, и журналистов. Серьезных криминологических либо уголовно-правовых исследований не проводилось. Представленное исследование является первой попыткой изучения данного явления в правовом аспекте, предполагающим начало научной дискуссии. Делается вывод, что в условиях цифровизации общества, вуайеризм как форма сексуальной девиации будет и далее развиваться, поэтому необходимо принятие комплекса правовых мер, нацеленных на защиту прав потерпевших.

Ключевые слова: сексуальная патология, вуайеризм, преступления против частной жизни, половые преступления.

Согласно Международной классификации болезней (МКБ-10) вуайеризм относится к группе диагнозов F65 «Расстройства сексуального предпочтения», которая также включает такие формы половой девиации (парафилии, перверсии), как фетишизм, трансвестизм, эксгибиционизм, педофилия, садомазохизм.

Вуайеризм (фр. *voir* видеть/смотреть) представляет собой тайное наблюдение (подглядывание) за полностью или частично обнаженными людьми во время полового акта и других интимных процессов (купания, раздевания и т. п.) с целью удовлетворения сексуальной потребности. В зависимости от степени выраженности вуайеристских тенденций можно говорить о вуайеризме как отклонении не только от социальных, но и медицинских норм. В последнем случае рассматриваемая парафилия становится доминирующим способом сексуальной активности, вытесняя все остальные [1].

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства».

Несмотря на многочисленные попытки своеобразной «легитимизации» вуайеризма в произведениях искусства в разные эпохи (достаточно вспомнить полотна всемирно известных французских живописцев Эдгара Дега и Анри Тулуз-Лотрека), в обществе, придерживающемся традиционных норм и ценностей, вуайеризм всегда оставался в плоскости религиозно и культурно обусловленных табу [2]. Более того, в настоящее время во многих странах такое поведение расценивается как преступное и уголовно наказуемое [3; 4; 5].

Целесообразность криминализации рассматриваемой половой девиации может показаться необоснованной. Безусловно, нельзя отрицать того, что хотя вуайеристское посягательство оказывает психотравмирующее воздействие на жертву, его последствия, как правило, несравнимы по своей деструктивности с последствиями насильственных половых преступлений. Кроме того, в то время как сексуальное насилие может повлечь причинение вреда здоровью различной тяжести и смерть потерпевшего лица, в случае с вуайеризмом потерпевший нередко даже не догадывается о совершенном против него преступлении.

Тем не менее, было бы неверно недооценивать то обстоятельство, что рассматриваемая парафилия относится к числу так называемых принудительных, поскольку совершается тайно и без согласия того, за кем вуайер подглядывает, и поэтому является социальным злом, как и любое другое преступление на сексуальной почве [6; 7; 8; 9].

Кроме того, едва ли будет справедливо представлять парафиликов невинными жертвами психического расстройств, заслуживающими не наказания, а сострадания. В этом смысле нам близка позиция видного британского юриста Кортни Кенни (1847-1930), который утверждал, что среди лиц с извращенной психикой немало тех, кому свойственны некоторые элементы душевного заболевания, однако они «легко поддаются под влияние обычных надежд и страхов, которые управляют поведением нормальных людей, <...> и не дали бы воли своей болезни, если бы около них находился полисмен» [10, с. 55]. С позиций отечественного уголовного законодательства такие лица признаются ограниченно вменяемыми, а следовательно, подлежащими уголовной ответственности.

Наконец, как нам представляется, реальную общественную опасность вуайеризма следует усматривать не столько в последствиях для самой жертвы, наступающих «здесь и сейчас», сколько в его влиянии на дальнейшую деформацию личности виновного лица, влекущую за собой формирование насильственной сексуальной мотивации. Как отмечает И.А. Басинская со ссылкой на результаты исследований зарубежных ученых, различные формы парафилий могут не только пересекаться друг с другом, но и имеют «потенциальную возможность преобразования ... в насильственные формы сексуального поведения» [11, с.17]. Таким образом, вуайеризм, эксгибиционизм, фроттеризм и другие перверсии, «являются началом "развала психики"» [12, с. 42]. Поэтому, хотя вуайеризм как морально-этический феномен обычно регулируется нормами сексуальной культуры, к которой принадлежит индивид, клинические проявления данной парафилии должны быть предметом не только психиатрической науки, но и криминологии и уголовного права.

Пионером криминализации вуайеризма следует, очевидно, считать США, где самостоятельные нормы, предусматривающие уголовную ответственность за указанное деяние, стали появляться в законодательстве некоторых штатов уже в 1990-е

годы, а принятый в 2004 году Закон о предотвращении видеонаблюдения [13] дополнил федеральное законодательство аналогичным уголовно-правовым запретом (§1801 Кодекса США) [14].

Самостоятельные нормы, регламентирующие ответственность за вуайеризм, закреплены также в уголовных кодексах и иных источниках уголовного права целого ряда стран Содружества наций и континентальной Европы: Акт о половых преступлениях 2003 года Англии и Уэльса (ст.ст. 67, 67А) [15], Закон о преступлениях 1900 г. Нового Южного Уэльса (ст.ст. 91J, 91K, 91L, 91P) [16], Закон о преступлениях 1961 г. Новой Зеландии (ст. 216Н) [17], УК Канады (ст. 162) [18], УК Индии (ст. 354С) [19], УК Сингапура (ст. 377ВВ) [20], УК Германии (ст. 201а) [21] и др.

При этом законодатели разных стран демонстрируют различное понимание того, что является объектом вуайеристских посягательств. Так, в Великобритании, Бельгии, Сингапуре вуайеризм признается половым преступлением. В то же время в уголовном законодательстве Германии, США, Новой Зеландии, некоторых штатов Австралии видовой объект рассматриваемого преступления составляет право на приватность.

Отнесение вуайеризма к числу преступлений против неприкосновенности частной жизни имеет место в Уголовном кодексе Испании. Однако здесь вуайеристское посягательство не образует самостоятельного преступления, а альтернативно входит в состав ст. 197, которая регламентирует ответственность за такие способы незаконного вторжения в частную жизнь, как завладение личными документами и письмами (в т.ч. электронными), подслушивание разговоров (в т.ч. телефонных), а также запись изображения другого лица без его согласия [22]. Данную формулировку правоприменители трактуют в том числе как использование технических средств для получения интимных фото- и видеоизображений потерпевшего без его согласия.

Аналогичный подход характерен и для отечественной правоприменительной практики, в которой негласное визуальное наблюдение и (или) фиксация интимных процессов и/или интимных частей тела потерпевшего квалифицируется по ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни», содержащей общий запрет на незаконное собирание информации о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия (ч.1 ст. 137). Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 25.12.2018 N 46 "О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)" под собиранием таких сведений понимает умышленные действия, состоящие **в личном наблюдении** (*выделено авт.*), прослушивании, фиксации всеми способами информации, следовательно, вуайеризм рассматривается законодателем как посягательство на конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни, а не половую свободу как это предусмотрено в отдельных зарубежных государствах. Полагаем, такой подход можно именовать как компромиссный. Дело в том, что вуайеризм, являясь одним из видов парафилии, характеризуется системностью, а цель вуайериста – получение сексуального удовлетворения в порицаемой обществом форме, т.е. противоречащей принципам половой морали. Поэтому с точки зрения уголовного права объектом охраны должна являться общественная нравственность, но никак не половая свобода (или неприкосновенность), или тайна личной жизни. К преступлениям, посягающим на господствующую

щие принципы половой морали² относятся ст. 240-242.2 УК РФ [23, с. 485]. Уголовно наказуемыми являются деяния, связанные с предоставлением/получением услуг сексуального характера (при наличии определенных условий, указанных в ст. 240-241 УК РФ), а также незаконный оборот порнографической продукции (242-242.2 УК РФ). Действия вуайериста не подпадают ни под одну из указанных норм при условии, что его целью является исключительно получение сексуального удовольствия, поэтому определенный законодательный «компромисс», когда объектом такого посягательства признается тайна личной жизни, а не господствующие принципы половой морали вполне оправдан.

В соответствии с уголовным законодательством рассмотренных нами зарубежных стран виновный в совершении вуайеристского посягательства подлежит наказанию в виде штрафа, тюремного заключения или штрафа и тюремного заключения одновременно. Санкция ст. 137 УК РФ предусматривает альтернативное наказание в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ареста, лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Штрафы могут исчисляться в размере заработной платы за определенный период (УК Испании), а также выражаться в абсолютной денежной сумме (УК Франции) или штрафных единицах (уголовное законодательство Нового Южного Уэльса).

Максимальный срок тюремного заключения, предусмотренного санкцией основного состава, обычно не превышает 3-х лет. Исключение составляют санкции УК Испании и Бельгии с верхним пределом 4 и 5 лет соответственно.

Кроме того, в законодательстве ряда стран устанавливается повышенная ответственность за вуайеристское посягательство, если оно совершено:

- в отношении несовершеннолетнего (например, максимальное наказание по УК Бельгии (ст. 371/1) [24] составляет 10 и 15 лет тюремного заключения в зависимости от того, превышает ли возраст потерпевшего 16 лет или нет);
- специальным субъектом (например, квалифицированный состав ст. 226-1 УК Франции [25] предполагает совершение преступления супругом, сожителем или партнером по Пакту гражданской солидарности с увеличением срока тюремного заключения с 1 года до 2 лет и размера штрафа с 45 до 60 ты. евро);
- с использованием служебного положения (примером может служить квалифицированный состав, предусмотренный ч. 2 ст. 137 УК РФ, согласно которой срок ареста и лишения свободы, в частности, увеличивается с 4 до 6 месяцев и с 2 до 4 лет соответственно).

Уголовный кодекс Индии также предусматривает усиление мер уголовной ответственности за рецидив преступления с увеличением верхнего предела санкции основного состава в виде лишения свободы (от 1 года до 3 лет) на 4 года (от 3 до 7 лет).

² В доктринальных источниках специалисты в области уголовного права все преступления против общественной нравственности делят на три группы: преступления, посягающие на господствующие принципы половой морали; преступления, посягающие на памятники истории и культуры, преступления, посягающие на общественную нравственность в сфере социальной памяти и гуманного обращения с животными.

Несмотря на существование подобных уголовно-правовых запретов количество вуайеристских посягательств во всем мире продолжает неуклонно расти, что вызывает серьезную обеспокоенность общественности и органов правопорядка. Так, в 2019 г. полицией Англии и Уэльса было зарегистрировано свыше 10 тыс. случаев вуайеризма и эксгибиционизма, что почти на 10% больше, чем в 2018 г. [26]. При этом важно учитывать, что, как отмечают исследователи разных стран, реальные цифры в десятки раз превышают официальную статистику [27].

Во-первых, это обусловлено высокой степенью латентности вуайеризма, что отмечалось выше. Во-вторых, даже в случае обнаружения факта вуайеристского вторжения в частную жизнь, жертвы не всегда обращаются в полицию, поскольку могут не осознавать криминальный характер поведения виновного, либо хотят избежать нежелательной огласки. Кроме того, еще одной причиной является несовершенство реагирования правоохранительных органов на данный вид преступления. Например, согласно имеющейся статистике по Великобритании, более чем в 50% случаев полиции не удается установить личность виновного или собрать достаточную доказательную базу для передачи дела в суд [26].

Основной причиной «пандемии» вуайеризма, начавшейся в XXI в., можно считать научно-технический прогресс. Хотя развитие высоких технологий преимущественно рассматривается как детерминанта роста уровня экономической преступности [28], ситуация в странах, где получили широкое распространение передовые цифровые технологии – в том числе в России – свидетельствует о том, новые технические возможности могут быть использованы для совершения самых разных видов преступлений, в основе которых лежит не только корысть, но и месть, ревность, хулиганские или сексуальные побуждения и т.д. Объяснение этому очевидно: достижения научно-технической мысли выводят преступность на качественно новый уровень, поскольку значительно облегчают реализацию преступного умысла.

Это в полной мере справедливо и в отношении вуайеризма: в настоящее время большая часть вуайеристских посягательств совершается с использованием различных технических средств, арсенал которых чрезвычайно широк.

Наиболее распространенным орудием совершения данного вида преступления являются мобильные телефоны со встроенной камерой. Так, в июне 2014 г. Прокуратурой Железнодорожного района г. Ульяновска было утверждено обвинительное заключение в отношении жителя областного центра, который вел скрытую видеосъемку в женском туалете фирмы, охранником которой он являлся, с помощью камеры сотового телефона, прикрепленного к раковине [29]. В 2015 г. аналогичное уголовное дело, связанное со скрытой видеосъемкой на мобильный телефон в туалете, были возбуждено в отношении грузчика торговой компании в Бурятии [30]. В Курской области возбуждено уголовное дело по ч.1 ст. 137 УК РФ за то, что гражданин... находясь у дома..., увидев в одном из окон квартиры, расположенной на первом этаже данного дома, что девушка ... лежит обнаженной на кровати, достал свой мобильный и при помощи имеющейся на нем фотокамеры сделал снимки обнаженной девушки, после чего сохранил указанные фотоснимки на своем мобильном телефоне [31].

Незаконное вторжение в частную жизнь с использованием средств сотовой связи носит в настоящее время интернациональный характер, однако наиболее широкое распространение получило за рубежом. С целью воспрепятствовать этому явлению

власти предпринимают различные меры. Так, уже в 2005 г. в школах Великобритании, США, Канады, Австралии и других стран, действовали жесткие ограничения на использование мобильных телефонов, чтобы предотвратить скрытую фотосъемку учениками друг друга в раздевалках [32]. В женских туалетных комнатах японских университетов можно увидеть таблички, напоминающие об опасности стать жертвой вуайериста и призывающие к бдительности [33].

Еще одним негативным последствием широкого использования смартфонов является рост числа случаев такой разновидности вуайеризма, как апскертинг. Термин появился в английском языке (< англ. *upskirting*) и буквально означает «заглядывание под юбку». В отличие от «классических» вуайеристов, апскертеры поджидают своих жертв обычно в местах большого скопления людей (торговые центры, общественный транспорт в час пик, культурно-массовые мероприятия). Их цель – с помощью смартфона или другого средства фото/видеосъемки сделать снимок гениталий, ягодиц, промежности под одеждой жертвы. Этот вид преступного посягательства распространен во многих странах, но наибольшую «популярность» приобрел в Японии. В этой связи, с целью обезопасить женщин от злоумышленников в стране разрешена продажа только мобильных телефонов, в которых нельзя отключить звук срабатывания затвора встроенной камеры, чтобы преступнику было трудно остаться незамеченным [33].

Помимо сотовых телефонов в качестве орудия вуайеристских посягательств могут использоваться видеокамеры и видеорегистраторы, а также различные «шпионские» гаджеты – камеры, закамуфлированные под предметы, имеющие другое функциональное назначение или встроенные в них (датчики движения и пожарной сигнализации, авторучки, зажигалки, брелоки, очки, смартбраслеты, фоторамки, вешалки и крючки для одежды и даже щетки для унитаза) [34]. Применение специальных технических средств для негласного получения информации (СТС НПИ) более характерно для зарубежных стран, где они доступны в свободной продаже. Так, на протяжении нескольких последних лет достоянием общественности неоднократно становились вуайеристские скандалы, жертвами которых оказывались клиенты Airbnb, онлайн-площадки для временной аренды жилья, которая пользуется популярностью среди туристов и бизнесменов во всем мире. Причиной скандалов служило обнаружение скрытых камер в спальнях и санузлах сдаваемого жилого помещения, которые были установлены хозяевами или предыдущими арендаторами [35; 36].

В Российской Федерации, несмотря на действующий запрет на незаконный оборот СТС НПИ (ст. 138.1 УК РФ), также фиксируются случаи использования данных технических средств, поступающих в страну из зарубежных интернет-магазинов [37]. Например, в 2018 г. следственным отделом по Усть-Куломскому району СУ СК РФ по Республике Коми было возбуждено уголовное дело в отношении учителя одной из сельских школ, который, как было установлено, вел скрытую съемку в женском туалете образовательного учреждения, где он работал. В качестве орудия преступления мужчина использовал спрятанную под плинтусом рядом с унитазом миниатюрную видеокамеру с объективом с вынесенным зрачком входа [38]. Данное техническое средство визуального наблюдения входит в перечень СТС НПИ, приведенный в постановлении Правительства РФ от 10 марта 2000 г. № 214.

Кроме того, следственными органами РФ пресекаются попытки совершения вуайеристских посягательств с применением средств для негласного визуального наблюдения, изготовленных кустарным способом. В частности, в 2017 г. обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, было предъявлено следственными органами СК РФ по Костромской области жителю областного центра, который по заказу директора одного из частных медицинских учреждений Костромы изготовил и установил в двух врачебных кабинетах, в т.ч. гинекологическом, скрытые видеокamеры, закамуфлированные под датчики пожарной сигнализации [39].

Арсенал технических средств для осуществления цифрового вуайеризма постоянно расширяется, о чем свидетельствует мировая следственная практика. Примером может служить расследование, начатое в 2017 г. по заявлению жительницы Мюнхена, которая стала жертвой вуайеристов, когда загорала обнаженной на крыше собственного дома. Для наблюдения за женщиной преступники использовали радиоуправляемый дрон для аэрофотосъемки [40].

Для совершения преступлений вуайеристы, как показывают вышеприведенные примеры, выбирают самые разные места, где можно увидеть жертву частично или полностью обнаженной. Но чаще всего это туалеты в общественных зданиях и местах досуга и отдыха, примерочные торговых центров, раздевалки и душевые фитнес-клубов и бассейнов. Рост числа случаев вуайеристских посягательств в общественных местах, в частности, вызвал волну массовых протестов в Южной Корее, начало которой положила прошедшая летом 2018 г. в Сеуле крупнейшая в истории страны демонстрация за права женщин. Десятки тысяч участниц акции прошли по улицам столицы под лозунгом «Моя жизнь – не твоё порно!». Основным требованием протестующих было ужесточение мер борьбы с вуайеристскими посягательствами и сексуальными домогательствами. Власти страны отреагировали на эти требования созданием мобильных групп, в состав которых входили сотрудники полиции и волонтеры из числа гражданских лиц. Их задачей являлось проведение рейдов по примерочным и общественным туалетам с целью выявления установленных в них скрытых камер. Кроме того, в стране стартовал сбор подписей под общенациональной онлайн-петицией о запрете продажи «шпионских» камер на территории страны, под которой подписались более 200 тысяч человек [41; 42; 43].

Современные технические средства для негласного визуального наблюдения в отличие от их предшественников (биноклей и камер с длиннофокусными объективами) не только позволяют преступнику наблюдать за своей жертвой практически повсеместно, но и избавляют его от необходимости находиться в непосредственной близости от нее. Достаточно разместить устройство в нужном месте и управлять им дистанционно. Латентность совершаемого таким образом преступления позволяет избегать разоблачения и долгое время оставаться безнаказанным. По этой причине специфической особенностью вуайеристских посягательств является то, что круг потерпевших в большинстве случаев достаточно широк и может насчитывать от нескольких десятков до нескольких сотен и даже тысяч человек.

Например, в декабре 2015 г. лондонской полицией по подозрению в несанкционированной видеосъемке интимного характера был задержан сотрудник британской аудиторско-консалтинговой компании Ernst & Young. В ходе следствия было установлено, что в период с 2009 по 2015 годы задержанный установил скрытые камеры

в душевых и туалетах по месту работы, в туалетах нескольких столичных кафе, а также в спальнях и санузлах собственного дома. Отснятые видеоматериалы были обнаружены на служебном компьютере вуайериста, жертвами которого, по данным полиции, стали свыше 3,5 тысяч человек [44].

Гораздо реже вуайеристские посягательства совершаются в отношении конкретного лица. Так, в 2016 г. в Татарстане был вынесен обвинительный приговор в отношении жителя г. Альметьевск, который в июле-августе 2015 г. вел скрытую видеосъемку своей соседки в обнаженном виде через окно ее квартиры, расположенной на первом этаже, используя камеру своего мобильного телефона [45].

Анализ следственно-судебной отечественной и зарубежной практики свидетельствует о том, что потерпевшими от данного вида преступных посягательств в большинстве случаев являются лица женского пола, в том числе несовершеннолетние, а субъектом преступления – мужчина.

Довольно часто жертвы вуайеристов незнакомы с преступником или их знакомство ограничивается соседскими или служебными отношениями. Однако среди потерпевших также встречаются лица, которые состояли с преступником в родстве различной степени, в т.ч. в супружеских отношениях, и проживали совместно с ним. Приведем несколько примеров.

В 2005 г. жителю штата Айдахо было предъявлено обвинение в вуайеризме в отношении 14-летней падчерицы и других членов семьи. В ходе обыска в доме задержанного полиция обнаружила две скрытые видеокамеры в ванной комнате и спальне девушки [46].

В июле 2020 г. на основании доказательств, собранных следственными органами СК РФ по Республике Коми, суд вынес обвинительный приговор в отношении жителя г. Сыктывкар, который тайно снимал на камеру своего телефона 15-летнюю дочь своей сожительницы, когда девушка принимала душ [47].

При анализе личности преступников, совершающих вуайеристские посягательства, обращает на себя внимание то, что в их числе часто встречаются лица с высоким образовательным уровнем и социальным статусом, в том числе представители политической и экономической элиты. Наглядным примером может служить скандал, связанный с установкой скрытой видеокамеры в женском туалете в здании муниципалитета одного из городов японской префектуры Ямагата в 2018 году, фигурантом которого оказался высокопоставленный чиновник городской администрации [48]. В том же году в Веллингтоне было возбуждено уголовное дело в отношении военного атташе Новой Зеландии в США, обвиняемого в осуществлении тайной видеосъемки в туалете посольства, при котором он проходил службу [49].

Хотя, как правило, вуайеристы действуют в одиночку, известны случаи вуайеристских посягательств, совершенных группой лиц. Так, в 2019 г. в Южной Корее начались аресты причастных к скрытой видеосъемке в нескольких десятках отелей, расположенных в разных городах страны. «Шпионские» камеры, которые использовали участники преступной группы, были встроены в розетки и держатели для фенов. Жертвами вуайеристов стали свыше 1,5 тысяч человек [50].

Еще одно «преимущество» современных СТС НПИ заключается в том, что они позволяют преступником как наблюдать за своей жертвой в реальном времени, так и сохранять полученные фото- и видеоизображения для последующего просмотра и удовлетворения половой страсти. Однако в настоящее время все чаще вуайерист-

ские посягательства совершаются из корыстных побуждений, при этом сексуальный мотив, если и присутствует в действиях посягающего лица, не является доминирующим. В данном случае речь идет о съемке с целью последующего размещения фото- и видеоматериалов на платных порносайтах, специализирующихся на вуайеристском контексте, платформой для которых выступают, в частности, Facebook, Instagram, Twitter, Reddit, ВКонтакте и другие социальные сети.

Так, в 2015 г. виновным в нарушении неприкосновенности частной жизни суд признал жителя Санкт-Петербурга, который в 2013-2014 гг. выкладывал на платном сайте видеоролики, предварительно снятые его сообщницей в женских душевых кабинках и раздевалках одного из спортивных клубов города [51]. В 2016 г. южнокорейская полиция ликвидировала крупнейший в стране (1 млн. пользователей) вуайеристский порносайт Soganet, созданный в 1999 г. [52]. В 2017 г. полиция Канады закрыла действовавший около года Twitter-аккаунт CanadaCreep, где размещались видеоролики вуайеристского характера, снятые преимущественно на улицах и в общественных местах Калгари [53]. В период с 2017 по 2019 годы в Сингапуре было вынесено пять обвинительных приговоров участникам вуайеристской группы, которые вели скрытую съемку в туалетах и примерочных и размещали видеоматериалы на порнофоруме Sammyboy, а также в специально созданных Google-группах SG Horizon Club и Little SG [54; 55]. К сожалению, как отмечают многие исследователи, популярность подобных сайтов неуклонно растет в последние годы, что делает цифровой вуайеризм весьма прибыльным бизнесом [56; 57].

В нашей стране, несмотря на имеющее место случаи вуайеризма, данный вид преступных посягательств, по мнению специалистов, не относится в настоящее время к числу наиболее серьезных криминологических рисков, в отличие от сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в сети Интернет, порномести и других негативных последствий развития ИКТ, которые, в частности, обсуждались в октябре 2020 г. на онлайн-заседании Международного дискуссионного научного клуба «Уголовно-правовые посиделки у Лопашенко»³. Однако, тенденция, наблюдаемая как в России, так и за рубежом, дает все основания полагать, что в условиях дальнейшей цифровизации на фоне сокращения традиционных межличностных контактов, обусловленного политикой социального дистанцирования и массового перехода на дистанционные формы взаимодействия в различных областях, трансформация отношений между людьми в сексуальной сфере, частным проявлением которой является вуайеризм, будет продолжаться. В этой связи актуальным становится вопрос об эффективности действующей уголовно-правовой нормы как превентивного и охранительного инструмента эпохи цифросексуализма.

Список литературы:

1. Бабина С.В. Возможности психокоррекционных лечебных мероприятий в отношении лиц с аномальным сексуальным предпочтением / С.В. Бабина, Н.В. Дворянчиков // Психология и право. – 2015. – №2. – С. 53-66.
2. Арзамасцев М.В. Сравнительно-правовой обзор зарубежных моделей криминализации отклоняющихся форм сексуального поведения / М.В. Арзамасцев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6. – С. 134-141.

³ Заседание международного дискуссионного научного клуба по проблематике цифросексуализма // Университет Лобачевского. Юридический факультет: [сайт]. URL: <http://www.law.unn.ru/novosti/zasedanie-mezhdunarodnogo-diskussionnogo-nauchnogo-kluba-po-problematike-tsifroseksualizma/>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.

3. Сапранкова Т.Ю. Особенности регламентации уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни в законодательстве зарубежных стран / Т.Ю. Сапранкова // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2016. – №4. – С. 124-127.
4. Sheveleva S. Ethics of applying compulsory treatment as a preventive measure in criminal law / S. Sheveleva, A. Baumstein, V. Novichkov, A. Baybarin // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2019. № 10(3). – P. 910-916.
5. Bennett T.D.C. Triangulating Intrusion in Privacy Law / T.D.C. Bennett. – doi.org/10.1093/ojls/gqz024 // Oxford Journal of Legal Studies. – 2019. – Vol. 39. – Iss. 4. – P. 751–778.
6. Вишневецкий К.В. Определение и виды насильственных преступлений, совершаемых на сексуальной почве / К.В. Вишневецкий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 5. – С. 112-120.
7. Blagden N. Making Sense of Denial in Sexual Offenders: A Qualitative Phenomenological and Repertory Grid Analysis / N. Blagden, B. Winder, M. Gregson, K. Thorne // Journal of Interpersonal Violence. – 2014. – Vol. 29. – Iss. 9. – P. 1698-1731.
8. Blagden N. Working With Denial in Convicted Sexual Offenders: A Qualitative Analysis of Treatment Professionals' Views and Experiences and Their Implications for Practice / N. Blagden, B. Winder, M. Gregson, K. Thorne // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2013. – Vol. 57. – Iss. 3. – P. 332-356.
9. Duff S. Voyeurism. A Case Study / S. Duff // Palgrave Pivot, 2018. – 121 p.
10. Кенни К. Основы уголовного права / К. Кенни / М.: Изд-во «Иностранная литература», 1949. – 599 с.
11. Басинская И.А. Психопатологические механизмы и оценка общественной опасности больных, совершивших сексуальные правонарушения / И.А. Басинская // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2010. – № 39. – С. 14-23.
12. Ильюк Е.В. Психопатологический механизм общественно опасных действий лиц с психическими расстройствами как основа психологического портрета серийного преступника / Е.В. Ильюк // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 4 (113). – С. 34-48.
13. S.1301 - Video Voyeurism Prevention Act of 2004. URL: <https://www.congress.gov/bill/108th-congress/senate-bill/01301>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
14. 18 U.S. Code §1801.Video voyeurism. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (дата обращения: 12.11.2020). – Текст электронный.
15. Sexual Offences Act 2003. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/contents> (дата обращения: 23.11.20). – Текст электронный.
16. Crimes Act 1900 No 40 (NSW). URL: <https://www.legislation.nsw.gov.au/view/html/inforce/current/act-1900-040>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
17. Crimes Act 1961 No 43 (NZ). URL: <http://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM327382.html>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
18. Criminal Code (R.S.C., 1985). URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/page-1.html#h-115006>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
19. The Indian Penal Code 1860. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2263/1/A1860_45.pdf. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
20. The Penal Code of Singapore 2008 (version in force from 1/7/2020). URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PC1871>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
21. Strafgesetzbuch 1998. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/StGB.pdf>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
22. Código Penal (España). URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Penal/lo10-1995.html. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
23. Уголовное право России. Часть Особенная: учеб. для вузов / Л.Л. Кругликов, Б.В. Волженкин, Р.Р. Галиакбаров [и др.]; отв. ред. Л.Л. Кругликов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 880 с.
24. Le Code pénal belge. URL: <http://ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/75281/78243/F1120289441/BEL-75281.pdf>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
25. Le Code pénal (France). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/2020-11-29/. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
26. Gouk A. Reports of flashers and peeping toms in Surrey almost double in eight years / A. Gouk, I. Hughes // SurreyLive. – 2020. – April 18. – URL: <https://www.getsurrey.co.uk/news/surrey-news/reports-flashers-peeping-toms-surrey-18111099>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
27. Långström N. Exhibitionistic and Voyeuristic Behavior in a Swedish National Population Survey / N. Långström, M.C. Seto. – DOI: 10.1007/s10508-006-9042-6 // Archives of Sexual Behavior. – 2006. – №35. – P. 427-435.
28. Щербаков А.Д. «Цифровизация» преступности в Великобритании и Норвегии: краткая заметка / А.Д. Щербаков // Пермский юридический альманах. – 2019. – №2. – С. 741-751.
29. Ульяновец обвиняется в нарушении неприкосновенности частной жизни // Прокуратура Железнодорожного района г. Ульяновска. URL: http://ulzelpoc.ucoz.ru/news/uljanovec_obvinjaetsja_v_narushenii_neprikosnovennosti_chastnoj_zhizni/2014-06-20-172. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.

30. В Октябрьском районе перед судом предстанет молодой человек, обвиняемый в незаконном соби- рании сведений интимного характера о частной жизни своих коллег // Новости Следственного комитета РФ: [сайт]. URL: <https://sledcomrf.ru/news/182765-v-oktyabrskom-rayone-pered.html>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
31. Новости Следственного комитета по Курской области. URL: <https://kursk.sledcom.ru>. (дата обраще- ния: 12.06.2021) – Текст электронный. Parry G. Camera/video phones in schools: law and practice / G. Parry. – doi.org/10.1080/09539960500334053 // Education and the Law. – 2005. – Vol. 17. Iss. 3. – P. 73-85.
32. Russell J. Silent camera apps blamed for increased voyeurism in Japan / J. Russell // TNW. – 2011. – De- cember 31. – URL: <https://thenextweb.com/asia/2011/12/31/silent-camera-apps-blamed-for-increased-voeurism-in-japan/>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
33. Voyeurism in Japan. URL: <https://maguronosoushi.wordpress.com/2015/02/10/voyeurism-in-japan/>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
34. Балябин В.Н. К вопросу об уголовной ответственности за незаконный оборот специальных техни- ческих средств, предназначенных для негласного получения информации / В.Н. Балябин // Вестник МГЭИ (online). – 2018. – №2. – С. 52-55.
35. Reilly K. Couple Finds Hidden Camera in Their Airbnb / K. Reilly // Time. – 2017. – October 11. – URL: <https://time.com/4977477/airbnb-florida-video-voyeurism/>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст элек- тронный.
36. Perkel C. Ontario judge says officers had no right to seize hidden bedside camera from Airbnb condo / C. Perkel // Global News. – 2020. – February 6. – URL: <https://globalnews.ca/news/6516591/ontario-airbnb-hidden-camera-voyeurism/>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
37. Тарасова Л.Я. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для не- гласного получения информации. Проблемы правоприменения / Л.Я. Тарасова // Вестник Барнаульско- го юридического института МВД России. – 2019. – №1 (36). – С. 165-167.
38. В Усть-Куломском районе вынесен приговор бывшему работнику школы, который снимал на скрытую в туалете камеру своих коллег // Прокуратура Республики Коми. Официальный сайт. URL: http://www.prockomi.ru/news/?ELEMENT_ID=9409. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
39. В Костроме применена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа к обвиняемо- му в незаконном изготовлении и сбыте устройств для негласного получения информации // Следствен- ное управление Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области: [сайт]. URL: <https://kostroma.sledcom.ru/news/item/1161323>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
40. German police hunt sunbather drone perverts in Munich // Deutsche Welle. 2017. Apr. 07. URL: <https://www.dw.com/en/german-police-hunt-sunbather-drone-perverts-in-munich/a-38342790>. (дата обраще- ния: 12.06.2021) – Текст электронный.
41. Taylor A. 'My life is not your porn': South Korea's war against spy cameras and sexual harassment / A. Taylor, J.K. Min // Independent. – 2018. – July 31. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/south-korea-spy-cams-metoo-sexual-harassment-ahn-hee- jung-a8470771.html>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
42. Wong P.T. The Big Read: Singapore's voyeurism problem – what's wrong with men, or the world? / P.T. Wong // TODAYOnline. – 2019. – April 27. – URL: <https://www.todayonline.com/big-read/big-read-singapores-voyeurism-problem-whats-wrong-men-or-world>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст элек- тронный.
43. Lawson K. 'My Life Is Not Your Porn': Women Lead Historic Spy Cams Protest in South Korea / K. Law- son // Vice. – 2018. – June 12. – URL: <https://www.vice.com/en/article/ywex7v/south-korea-spy-cam-women-protest-porn>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
44. Finnigan L. Ernst & Young employee, who filmed thousands of people by planting hidden cameras in toilets, has been jailed / L. Finnigan // The Telegraph. – 2015. – December 21. – URL: <https://archive.is/cjKVx#selection-925.0-925.109>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
45. Альметьевским городским судом вынесен приговор за нарушение неприкосновенности частной жизни // Альметьевская городская прокуратура. Официальный сайт. URL: <https://almprok.ru/almetevskim-gorodskim-sudom-vyinesen-prigovor-za-narushenie-neprikosnovennosti-chastnoy-zhizni>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
46. Brodwater T. Post Falls man charged with video voyeurism / T. Brodwater // The Spokesman-Review. – 2005. – December 29. – URL: <https://www.spokesman.com/stories/2005/dec/29/post-falls-man-charged-with-video-voyeurism/>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
47. Житель Эжвинского района г.Сыктывкара признан виновным в нарушении неприкосновенности частной жизни // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Рес- публике Коми: [сайт]. URL: <https://komi.sledcom.ru/news/item/1485946>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
48. Secretary General Fired For Voyeurism // Nippon TV News 24 Japan. 2018. Jan. 11. URL: http://www.ntv.co.jp/englishnews/society/secretary_general_fired_for_voyeurism/. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
49. Hurley S. NZ's former top military attaché Alfred Keating on trial over Washington embassy hidden cam- era incident / S. Hurley // NZ Herald. – 2019. – April 8. – URL: <https://www.nzherald.co.nz/nz/nzs-former-top-military-attache-alfred-keating-on-trial-over-washington-embassy-hidden-camera-incident/OBHQ055YCDAWMMH3MWNHMUWWXI/>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электрон- ный.
50. Gesinde W. South Korea: Porn ring filmed over 1,500 guests through hotel spycam / W. Gesinde // Open Eye Perspective. – 2019. – March 21. – URL: <https://openeyeperspective.home.blog/2019/03/21/south-korea-porn-ring-filmed-over-1500-guests-through-hotel-spycam/>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст элек- тронный.

51. В Санкт-Петербурге завершено расследование уголовного дела о нарушении неприкосновенности частной жизни // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/953774/>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
52. My life is not your porn: 18,000 South Korean women protest against hidden cameras // DNA. 2018. July 07. URL: <https://www.dnaindia.com/world/report-my-life-is-not-your-porn-18000-south-korean-women-protest-against-hidden-cameras-2634377>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
53. Fletcher R. Hundreds of Calgary women secretly photographed, posted to 'CanadaCreep' Twitter account / R. Fletcher // CBC. – 2017. – June 14. – URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/calgary/canadacreep-twitter-account-calgary-voyeurism-1.4158523>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
54. Chong E. First member of voyeuristic video ring convicted / E.Chong // The New Paper. – 2017. – September 22. – URL: <https://www.tnp.sg/news/singapore/first-member-voyeuristic-video-ring-convicted>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
55. Alkhatib S. Man linked with Sammyboy Forum jailed for filming women in toilet / S. Alkhatib // The Straits Time. – 2019. – March 21. – URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/courts-crime/jail-for-man-linked-to-the-sammyboy-forum-who-recorded-videos-of-women-in>. (дата обращения: 12.06.2021) – Текст электронный.
56. Burton K.J. New Visual Recording Offences / K.J. Burton // Queensland Lawyer. – 2006. – Iss. 26(4). – P. 188-191.
57. McGlynn C. Image-Based Sexual Abuse / C. McGlynn, E. Rackley. – DOI: 10.1093/ojls/gqw033 // Oxford Journal of Legal Studies. – 2017. – Vol. 37. – Iss.3. – P. 534-561.

Sheveleva S.V., Teneneva I.V. Voyeurism: criminal and criminological aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 209-222.

One of the types of paraphilia is voyeurism, i.e., secretly spying on the intimate actions of other people. From the point of view of medicine, voyeurism is recognized as a disorder of sexual preference, in art it has found expression in the paintings of famous masters, but from the point of view of morality it remains in the plane of religiously conditioned prohibitions, and psychologists say that the considered form of sexual behavior is dangerous not only for the psyche of the actor, but also for the victim. Within the framework of the presented research, the authors offer an analysis of the legal reaction of foreign countries to this form of sexual deviation, consider the types of punishments, and also present a criminological portrait of voyeurism. In the legal systems of foreign countries (Great Britain, Belgium, Singapore), voyeurism is recognized as a sexual crime; in the United States, Germany, New Zealand, and some states of Australia, the act in question is recognized as a crime that violates the "right to privacy". Separate statistical data on the specified acts in separate countries (where such counting is conducted) are presented, the reasons of growth of such encroachments and ways of their implementation are defined. In Russia, such acts receive a criminal-legal assessment on the grounds of Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation, which should be considered as a "legislative compromise", since in the actions of a voyeur, the main motive is sexual, and violation of privacy is not the goal. Some statistical data indicate an increase in such attacks in the world, but in Russia, the paraphilia in question is mainly the subject of research by psychologists, sexologists, and journalists. No serious criminological or criminal law studies were conducted. The presented research is the first attempt to study this phenomenon in the legal aspect, suggesting the beginning of a scientific discussion. It is concluded that in the conditions of digitalization of society, voyeurism as a form of sexual deviation will continue to develop, so it is necessary to adopt a set of legal measures aimed at protecting the rights of victims.

Key words: sexual pathology, voyeurism, crimes against privacy, sexual crimes.

Spisok literatury:

1. Babina S.V. Vozmozhnosti psihokorrekcionnyh lechebnyh meropriyatij v otnoshenii lic s anomal'nym seksual'nym predpochteniem / S.V. Babina, N.V. Dvoryanchikov // Psihologiya i pravo. – 2015. – №2. – S. 53-66.
2. Arzamascev M.V. Sravnitel'no-pravovoj obzor zarubezhnyh modelej kriminalizacii otklonyayushchihya form seksual'nogo povedeniya / M.V. Arhamazcev // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2018. – № 6. – S. 134-141.
3. Saprankova T.YU. Osobennosti reglamentacii ugovolnoj otvetstvennosti za narushenie neprikosnovennosti chastnoj zhizni v zakonodatel'stve zarubezhnyh stran / T.YU. Saprankova // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal. – 2016. – №4. – S. 124-127.
4. Sheveleva S. Ethics of applying compulsory treatment as a preventive measure in criminal law / S. Sheveleva, A. Baumstein, V. Novichkov, A. Baybarin // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2019. № 10(3). – P. 910-916.
5. Bennett T.D.C. Triangulating Intrusion in Privacy Law / T.D.C. Bennett. – doi.org/10.1093/ojls/gqz024 // Oxford Journal of Legal Studies. – 2019. – Vol. 39. – Iss. 4. – P. 751-778.
6. Vishneveckij K.V. Opredelenie i vidy nasil'stvennyh prestuplenij, sovershaemyh na seksual'noj pochve / K.V. Vishneveckij // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2019. – № 5. – S. 112-120.
7. Blagden N. Making Sense of Denial in Sexual Offenders: A Qualitative Phenomenological and Repertory Grid Analysis / N. Blagden, B. Winder, M. Gregson, K. Thorne // Journal of Interpersonal Violence. – 2014. – Vol. 29. – Iss. 9. – P. 1698-1731.
8. Blagden N. Working With Denial in Convicted Sexual Offenders: A Qualitative Analysis of Treatment Professionals' Views and Experiences and Their Implications for Practice / N. Blagden, B. Winder, M. Gregson, K. Thorne // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2013. – Vol. 57. – Iss. 3. – P. 332-356.

9. Duff S. Voyeurism. A Case Study / S. Duff // Palgrave Pivot, 2018. – 121 p.
10. Kenni K. Osnovy ugovolnogo prava / K. Kenni / M.: Izd-vo «Inostrannaya literatura», 1949. – 599 s.
11. Basinskaya I.A. Psihopatologicheskie mekhanizmy i ocenka obshchestvennoj opasnosti bol'nyh, sovershivshih seksual'nye pravonarusheniya / I.A. Basinskaya // Nauchno-medicinskij vestnik Central'nogo Chernozem'ya. – 2010. – № 39. – S. 14-23.
12. Il'yuk E.V. Psihopatologicheskij mekhanizm obshchestvenno opasnyh dejstvij lic s psihicheskimi rasstrojstvami kak osnova psihologicheskogo portreta serijnogo prestupnika / E.V. Il'yuk // Lex russica (Russkij zakon). – 2016. – № 4 (113). – S. 34-48.
13. S.1301 - Video Voyeurism Prevention Act of 2004. URL: <https://www.congress.gov/bill/108th-congress/senate-bill/01301>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
14. 18 U.S. Code §1801.Video voyeurism. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (data obrashcheniya: 12.11.2020). – Tekst elektronnyj.
15. Sexual Offences Act 2003. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/contents> (data obrashcheniya: 23.11.20). – Tekst elektronnyj.
16. Crimes Act 1900 No 40 (NSW). URL: <https://www.legislation.nsw.gov.au/view/html/inforce/current/act-1900-040>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
17. Crimes Act 1961 No 43 (NZ). URL: <http://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM327382.html>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
18. Criminal Code (R.S.C., 1985). URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/page-1.html#h-115006>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
19. The Indian Penal Code 1860. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2263/1/A1860_45.pdf. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
20. The Penal Code of Singapore 2008 (version in force from 1/7/2020). URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PC1871>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
21. Strafgesetzbuch 1998. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/StGB.pdf>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
22. Código Penal (España). URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Penal/lo10-1995.html. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
23. Uголовное право Rossii. CHast' Osobennaya: ucheb. dlya vuzov / L.L. Kruglikov, B.V. Volzhenkin, R.R. Galiakbarov [i dr.]; otv. red. L.L. Kruglikov. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Volters Kluver, 2005. – 880 s.
24. Le Code pénal belge. URL: <http://ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/75281/78243/F1120289441/BEL-75281.pdf>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
25. Le Code pénal (France). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/2020-11-29/. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
26. Gouk A. Reports of flashers and peeping toms in Surrey almost double in eight years / A. Gouk, I. Hughes // SurreyLive. – 2020. – April 18. – URL: <https://www.getsurrey.co.uk/news/surrey-news/reports-flashers-peeping-toms-surrey-18111099>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
27. Långström N. Exhibitionistic and Voyeuristic Behavior in a Swedish National Population Survey / N. Långström, M.C. Seto. – DOI: 10.1007/s10508-006-9042-6 // Archives of Sexual Behavior. – 2006. – №35. – P. 427-435.
28. SHCHerbakov A.D. «Cifrovizaciya» prestupnosti v Velikobritanii i Norvegii: kratkaya zametka / A.D. SHCHerbakov // Permskij juridicheskij al'manah. – 2019. – №2. – S. 741-751.
29. Ul'yanovec obvinjaetsya v narushenii neprikosnovennosti chastnoj zhizni // Prokuratura ZHeleznodorozhnogo rajona g. Ul'yanovska. URL: http://ulzelproc.ucoz.ru/news/uljanovec_obvinjaetsja_v_narushenii_neprikosnovennosti_chastnoj_zhizni/2014-06-20-172. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
30. V Oktyabr'skom rajone pered sudom predstanet molodoj chelovek, obvinjaemyj v nezakonnom sobiranii svedenij intimnogo haraktera o chastnoj zhizni svoih kolleg // Novosti Sledstvennogo komiteta RF: [sajt]. URL: <https://sledcomrf.ru/news/182765-v-oktyabrskom-rayone-pered.html>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
31. Novosti Sledstvennogo komiteta po Kurskoj oblasti. URL: <https://kursk.sledcom.ru>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
32. Parry G. Camera/video phones in schools: law and practice / G. Parry. – doi.org/10.1080/09539960500334053 // Education and the Law. – 2005. – Vol. 17. Iss. 3. – P. 73-85.
33. Russell J. Silent camera apps blamed for increased voyeurism in Japan / J. Russell // TNW. – 2011. – December 31. – URL: <https://thenextweb.com/asia/2011/12/31/silent-camera-apps-blamed-for-increased-voyeurism-in-japan/>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
34. Voyeurism in Japan. URL: <https://maguronosoushi.wordpress.com/2015/02/10/voyeurism-in-japan/>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
35. Balyabin V.N. K voprosu ob ugovolnoj otvetstvennosti za nezakonnyj oborot special'nyh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennyh dlya neglasnogo polucheniya informacii / V.N. Balyabin // Vestnik MGEI (online). – 2018. – №2. – S. 52-55.
36. Reilly K. Couple Finds Hidden Camera in Their Airbnb / K. Reilly // Time. – 2017. – October 11. – URL: <https://time.com/4977477/airbnb-florida-video-voyeurism/>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
37. Perkel C. Ontario judge says officers had no right to seize hidden bedside camera from Airbnb condo / C. Perkel // Global News. – 2020. – February 6. – URL: <https://globalnews.ca/news/6516591/ontario-airbnb-hidden-camera-voyeurism/>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.

37. Tarasova L.YA. Nezakonnyj oborot special'nyh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennyh dlya neglasnogo polucheniya informacii. Problemy pravoprimeneniya / L.YA. Tarasova // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – №1 (36). – S. 165-167.
38. V Ust'-Kulomskom rajone vnesen prigovor byvsheму rabotniku shkoly, kotoryj snimal na skrytuyu v tualete kameru svoih kolleg // Prokuratura Respubliki Komi. Oficial'nyj sajt. URL: http://www.prockomi.ru/news/?ELEMENT_ID=9409. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
39. V Kostrome primenena mera ugolovno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa k obvinyaemomu v nezakonnom izgotovlenii i sbyte ustrojstv dlya neglasnogo polucheniya informacii // Sledstvennoe upravlenie Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Kostromskoj oblasti: [sajt]. URL: <https://kostroma.sledcom.ru/news/item/1161323>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
40. German police hunt sunbather drone perverts in Munich // Deutsche Welle. 2017. Apr. 07. URL: <https://www.dw.com/en/german-police-hunt-sunbather-drone-perverts-in-munich/a-38342790>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
41. Taylor A. 'My life is not your porn': South Korea's war against spy cameras and sexual harassment / A. Taylor, J.K. Min // Independent. – 2018. – July 31. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/south-korea-spy-cams-metoo-sexual-harassment-ahn-hee-jung-a8470771.html>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
42. Wong P.T. The Big Read: Singapore's voyeurism problem – what's wrong with men, or the world? / P.T. Wong // TODAYOnline. – 2019. – April 27. – URL: <https://www.todayonline.com/big-read/big-read-singapores-voyeurism-problem-whats-wrong-men-or-world>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
43. Lawson K. 'My Life Is Not Your Porn': Women Lead Historic Spy Cams Protest in South Korea / K. Lawson // Vice. – 2018. – June 12. – URL: <https://www.vice.com/en/article/ywex7v/south-korea-spy-cam-women-protest-porn>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
44. Finnigan L. Ernst & Young employee, who filmed thousands of people by planting hidden cameras in toilets, has been jailed / L. Finnigan // The Telegraph. – 2015. – December 21. – URL: <https://archive.is/cjKVx#selection-925.0-925.109>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
45. Al'met'evskim gorodskim sudom vnesen prigovor za narushenie neprikosnovennosti chastnoj zhizni // Al'met'evskaya gorodskaya prokuratura. Oficial'nyj sajt. URL: <https://almprok.ru/almetevskim-gorodskim-sudom-vvnesen-prigovor-za-narushenie-neprikosnovennosti-chastnoj-zhizni>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
46. Brodwater T. Post Falls man charged with video voyeurism / T. Brodwater // The Spokesman-Review. – 2005. – December 29. – URL: <https://www.spokesman.com/stories/2005/dec/29/post-falls-man-charged-with-video-voyeurism/>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
47. ZHitel' Ezhvinskogo rajona g.Syktyvkara priznan vinovnym v narushenii neprikosnovennosti chastnoj zhizni // Sledstvennoe upravlenie Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Respublike Komi: [sajt]. URL: <https://komi.sledcom.ru/news/item/1485946>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
48. Secretary General Fired For Voyeurism // Nippon TV News 24 Japan. 2018. Jan. 11. URL: http://www.ntv.co.jp/englishnews/society/secretary_general_fired_for_voyeurism/. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
49. Hurley S. NZ's former top military attaché Alfred Keating on trial over Washington embassy hidden camera incident / S. Hurley // NZ Herald. – 2019. – April 8. – URL: <https://www.nzherald.co.nz/nz/nzs-former-top-military-attache-alfred-keating-on-trial-over-washington-embassy-hidden-camera-incident/OBHQO55YCDAWMMH3MWNHMUWWXI/>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
50. Gesinde W. South Korea: Porn ring filmed over 1,500 guests through hotel spycam / W. Gesinde // Open Eye Perspective. – 2019. – March 21. – URL: <https://openeyeperspective.home.blog/2019/03/21/south-korea-porn-ring-filmed-over-1500-guests-through-hotel-spycam/>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
51. V Sankt-Peterburge zaversheno rassledovanie ugolovnogo dela o narushenii neprikosnovennosti chastnoj zhizni // Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii: [sajt]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/953774/>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
52. My life is not your porn: 18,000 South Korean women protest against hidden cameras // DNA. 2018. July 07. URL: <https://www.dnaindia.com/world/report-my-life-is-not-your-porn-18000-south-korean-women-protest-against-hidden-cameras-2634377>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
53. Fletcher R. Hundreds of Calgary women secretly photographed, posted to 'CanadaCreep' Twitter account / R. Fletcher // CBC. – 2017. – June 14. – URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/calgary/canadacreep-twitter-account-calgary-voyeurism-1.4158523>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
54. Chong E. First member of voyeuristic video ring convicted / E.Chong // The New Paper. – 2017. – September 22. – URL: <https://www.tnp.sg/news/singapore/first-member-voyeuristic-video-ring-convicted>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
55. Alkhatib S. Man linked with Sammyboy Forum jailed for filming women in toilet / S. Alkhatib // The Straits Time. – 2019. – March 21. – URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/courts-crime/jail-for-man-linked-to-the-sammyboy-forum-who-recorded-videos-of-women-in>. (data obrashcheniya: 12.06.2021) – Tekst elektronnyj.
56. Burton K.J. New Visual Recording Offences / K.J. Burton // Queensland Lawyer. – 2006. – Iss. 26(4). – P. 188-191.
57. McGlynn C. Image-Based Sexual Abuse / C. McGlynn, E. Rackley. – DOI: 10.1093/ojls/gqw033 // Oxford Journal of Legal Studies. – 2017. – Vol. 37. – Iss.3. – P. 534-561.

УДК.342

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 223-230

**МОНИТОРИНГ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО
ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**

Орлова Е. Е.

ФГБОУ ВО «ТГТУ»

В статье анализируются особенности федерального и регионального законодательства о мониторинге правоприменения и определения места и роли мониторинга в системе мониторинговых технологий в целях повышения эффективности государственного управления. На основании действующего законодательства проанализированы понятия «мониторинг», «мониторинг правоприменения»; определено организационно-управленческое назначение мониторинга правоприменения; определена цель, задачи, признаки, субъекты и содержание мониторинга правоприменения, а также проанализирована система мониторинга правоприменения. Мониторинг правоприменения представляется в статье масштабным и эффективным средством совершенствования правовой системы, с помощью которого возможно комплексное воздействие на ее основные элементы для создания наиболее конкурентно способной и адаптированной к современным условиям модели государственной власти и правового регулирования.

Ключевые слова: Мониторинг, правоприменение, текущий мониторинг, оперативный мониторинг, правотворческая работа, деятельность органов государственной власти, мониторинговые технологии, правотворческая деятельность, органы государственной власти.

Мониторинг правоприменения в рамках современной системы государственного управления представляется вполне известной и хорошо обеспеченной в правовом смысле процедурой. С момента принятия двух важнейших нормативных правовых актов, сформировавших нормативную основу законодательства о мониторинге правоприменения (далее – мониторинг): Указа Президента РФ от 20.05.2011 № 657 [1], утвердившего Положение о мониторинге правоприменения, и Постановления Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 [2], утвердившего методiku осуществления мониторинга правоприменения, прошло достаточно времени для выявления большей части всех достоинств и недостатков этого института. Вместе с тем, даже сегодня приходится констатировать тот факт, что его потенциал этого правового явления раскрыт не в полной мере. Актуальность изучения действующего законодательства и нормативной трактовки понятия мониторинга правоприменения определяется попыткой рассмотреть его в качестве одного из средств оптимизации правотворческого процесса, повышения его эффективности. Важно понять, какими нормативными нитями правотворчество связано с мониторингом правоприменения, в каком направлении развивается законодательство о мониторинговых технологиях и достигает ли оно своей конечной цели.

Общие вопросы правового мониторинга разрабатывались Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Предметная работа в этом направлении началась синхронно с административной реформой в начале 2000-х. Ключевыми исследованиями, составляющие теоретическую базу, стали работы А.Н. Алексеева, В.В. Астанина, С.Р. Бекишиевой, Д.Б. Горохова,

С.А.Варковой, Ю.А. Тихомирова и других ученых [3,4,5,6,7,8]. Сегодня, тематика правового мониторинга является одним из самых популярных направлений правовой науки. Существуют специальные сайты и периодические издания, посвященные этой проблематике.

Для того, чтобы рассуждать о сущностных характеристиках мониторинга правоприменения и его значении для правообразования в целом (и гармонизации правового регулирования в частности), необходимо определиться с фактической стороной дела: разобраться в причинах создания национальной системы мониторинга правоприменения, описать особенности федерального и регионального законодательства о мониторинге правоприменения, определить место и роль мониторинга правоприменения в системе мониторинговых технологий оптимизации государственного управления, оценить его в качестве одного из средств повышения эффективности правотворческой деятельности органов государственной власти и возможности его использования в целях гармонизации правового регулирования в сфере занятости.

Широкая интерпретация понятия «мониторинг» предполагает его употребление в значении системы регулярного сбора, обобщения и анализа социально значимой информации для последующего использования полученных данных при принятии управленческих решений. Разработка и внедрение мониторинговых технологий в социальную архитектуру становится своеобразным требованием времени. Без мониторинга уже невозможно представить эффективное обеспечение политических, социальных, экономических и, конечно же, правовых процессов. Это становится правилом или условием развития не только национальной правовой системы, но и всей системы международного права. Актуальность мониторинговых технологий становится особенно очевидной, когда возникает вопрос о взаимодействии национального и международного права. Например, при создании механизмов (средств) гармонизации правового регулирования как одной из правовых форм международной интеграции (сближения права).

Термин «мониторинг» все чаще используется и в теории права. Так, «осознание комплексного характера правоприменительной деятельности, понимание правоприменения как определенной фазы в общих циклах правового развития»[9]. О теории мониторинга правоприменения написано достаточно, и, на наш взгляд, нет нужды в подробном описании (изложении) всех подходов и концепций, описывающих суть правовых явлений, связанных с мониторингом правоприменения в сфере права, а также терминологических значений, использующихся в них понятий. Тем не менее, по этому вопросу необходимо сделать несколько замечаний, для более четкого понимания сущности государственного подхода (концепции) к организации и функционированию системы мониторинга правоприменения и его связях с другими средствами совершенствования национальной правовой системы.

Необходимо признать, что в отечественной науке до сих пор идет дискуссия по вопросам терминологии. В своих исследованиях авторы используют разные понятия: «правовой мониторинг», «мониторинг законодательства», «мониторинг правового пространства», «мониторинг правоприменения» и другие дефиниции. Применение различных понятий мониторинга сужает, либо наоборот – необоснованно расширяет, размывает содержание исследуемого явления. Обеспечение терминологического единства обеспечивается применением общеупотребительного термина «правовой мониторинг», научное обоснование которого было сделано Тихомиро-

вым Ю.А. [8] и другими исследователями [10, 11] еще в самом начале разработки проблематики мониторинга.

В качестве родового понятия, правовой мониторинг охватывает все аспекты правовой деятельности связанной с использованием мониторинговых технологий: правотворчество, толкование права, правоприменение, надзор и контроль, юридическое образование, мониторинг реализации нормативных правовых актов в социально-экономической сфере, оценку их фактического воздействия на предмет правового регулирования. В практическом плане, правовой мониторинг сводится мониторингу действующего законодательства посредством изучения результатов правоприменительной практики и выработке предложений по ее совершенствованию. Именно такой концепт получил нормативное закрепление в действующем законодательстве и терминологическое выражение в понятии «мониторинг правоприменения». С точки зрения структурно-функционального содержания, мониторинг правоприменения представляет собой наиболее системно формализованную часть правового мониторинга. Изучение указанного явления позволит сделать вывод о направлениях дальнейшей эволюции средств совершенствования национальной правовой системы.

Как большинство государственно-правовых явлений, мониторинг правоприменения имеет дуальную природу, одновременно проявляющуюся в организационно-управленческом и правовом измерении. Речь идет о единстве комплексного инструмента государственного управления и механизма правового регулирования такой деятельности. Поэтому зачастую в целях поиска наиболее оптимальных решений в области государственного управления возникает необходимость обращения к зарубежному опыту с целью дальнейшего использования наиболее успешных практик в отечественной системе публичного администрирования». В настоящее время систему мониторинга правоприменения можно представить в виде трёх подсистем: субъекты – объекты – содержание [12].

Организационно-управленческое назначение мониторинга правоприменения заключается в понимании его как одной из ключевых функций федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Эта функция имеет универсальный характер и не зависит от «отраслевой принадлежности» ее исполнителей. На универсальность мониторинга правоприменения как государственной функции указывает, в том числе и характер ее кадрового и финансового обеспечения. Федеральные органы государственной власти осуществляют мониторинг в пределах установленной численности их работников, а также в пределах предусмотренных бюджетом ассигнований. На региональном уровне мониторинг также осуществляется без привлечения дополнительных управленческих и финансовых ресурсов. Другими словами, мониторингом должны заниматься все органы государственной власти в рамках системы публично-правового регулирования общественных отношений, параметры которой четко определяются действующим законодательством. Функционирование такой системы предполагает достижение вполне конкретных целей, определяющих ее структуру, порядок взаимодействия субъектов мониторинга и методику его проведения.

В институциональном смысле, центральным звеном системы мониторинга правоприменения как одного из инструментов государственного управления является Министерство юстиции Российской Федерации, в организационном – процедура

подготовки ежегодного доклада Президенту РФ о результатах мониторинга правоприменения.

В соответствии с Указом Президента РФ от 20.05.2011 № 657, Минюст РФ наделен двумя функциями: 1) осуществление мониторинга правоприменения в целях выполнения решений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека, в связи с которыми необходимо принятие, изменение или признание утратившими силу нормативных правовых актов Российской Федерации; 2) координация мониторинга правоприменения, осуществляемого федеральными органами исполнительной власти, и его методическому обеспечению [1].

Принятие Указа Президента РФ от 20.05.2011 № 657 и Постановления Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 запустило процесс формирования законодательства о мониторинге правоприменения одновременно на федеральном и региональном уровнях. В течение последующих двух лет, органы государственной власти утверждают собственные порядки проведения мониторинга правоприменения с учетом требований Положения о мониторинге. Кроме того, для обеспечения работы по наиболее актуальным направлениям мониторинга правоприменения могут быть приняты дополнительные нормативные правовые акты, мониторинг правоприменения включается в мероприятия по реализации государственных программ Российской Федерации.

Согласно п. 2 Положения, мониторинг правоприменения определяется как комплексная и плановая деятельность, осуществляемая органами государственной власти РФ в рамках своих полномочий. Содержание этой деятельности определяют четыре процедуры: сбор, обобщение, анализ и оценка информации для обеспечения правотворческой функции государственных органов [2].

Методика определяет два вида мониторинга правоприменения: текущий и оперативный. Текущий мониторинг правоприменения осуществляется на регулярной основе в отношении отрасли (подотрасли) законодательства и группы нормативных правовых актов. Оперативный мониторинг правоприменения осуществляется в течение первого года действия нормативных правовых актов Российской Федерации, выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и постановлений Европейского Суда по правам человека.

Если обратиться к официальному определению мониторинга правоприменения и других требований Указа Президента РФ от 20.05.2011 № 657, можно выделить следующие признаки этого правового явления.

Мониторинг правоприменения представляет собой юридически значимую деятельность органов государственной власти, осуществляемую ими в пределах своих полномочий. Основной составляющей системы мониторинга правоприменения, его основными субъектами, являются государственные органы исполнительной власти. Компетенция субъектов мониторинга правоприменения формируется в соответствии с федеральными и региональными нормативными правовыми актами.

В связи с описанием данного признака принципиально важно отметить два обстоятельства. Во-первых, при всей довольно жесткой определенности роли и места субъектов и участников мониторинга правоприменения, правовой механизм обеспечения функционирования такой системы предусматривает возможность реализации инициативного сценария. В соответствии с ним, «...федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и

органы местного самоуправления могут осуществлять мониторинг правоприменения по собственной инициативе» [1]. Такая особенность правового регулирования придает всей системе известную степень устойчивости, способность привлекать дополнительные ресурсы для обеспечения наиболее эффективного государственного управления.

Во-вторых, в Указе Президента РФ от 20.05.2011 № 657 формализована возможность привлечения к мониторингу правоприменения органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и средств массовой информации: «... органы исполнительной власти, ... при подготовке предложений к проекту плана мониторинга правоприменения учитывают в пределах своей компетенции предложения институтов гражданского общества и средств массовой информации о принятии (издании), изменении или признании утратившими силу (отмене) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, поступившие в соответствующий орган». Некоторые исследователи не без оснований прямо связали вопрос о «негосударственной» составляющей мониторинга правоприменения с проблемой обеспечения правового регулирования участия структур гражданского общества в лоббистской деятельности. Например, по мнению профессора В.В. Астанина, «использование мониторинга правоприменения для целей лоббизма во многом сокращает традиционный путь влияния на социально, политически и экономически значимые вопросы, которые находятся в ведении законодательной или исполнительной власти» [16].

Через процедуру мониторинга правоприменения общество получает легальную возможность принимать участие в осуществлении правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов. Таким образом, для решения своих управленческих задач государство привлекает дополнительные ресурсы, и, как минимум, формирует достаточно надежный канал получения информации «из первых рук» о результатах своих управленческих усилий и эффективности принимаемых законов. В каком-то смысле созданная система мониторинга правоприменения является следствием и одной из правовых форм выражения государственной концепции внедрения в органах исполнительной власти принципов и процедур управления по результатам. «Юридическая наука подошла к тому, чтобы признать определяющую роль субъекта правоприменения, деятельность которого детерминирована его правосознанием, а также совокупностью правовых и неправовых факторов» [9].

Включение гражданского общества в процедуру мониторинга правоприменения, пусть даже и на уровне участников, безусловно, является оправданной мерой. Такой подход придает всей процедуре мониторинга правоприменения дополнительную степень объективности, позволяющую надеяться на определенное качество результата. В противном случае, выводы и оценки по поводу правоприменительной практики государственных органов делали бы сами органы, т.е. субъекты мониторинга правоприменения оценивали бы свою же работу. Другой вопрос – это вопрос о способности и квалификации общества профессионально участвовать в мониторинге правоприменения. Для этого требуются вполне конкретные навыки, опыт и умения, которыми обладают достаточно ограниченное количество институтов гражданского общества.

Мониторинг правоприменения имеет определенную структуру и включает в себя следующие направления: а) сбор информации (согласно п. 3 «Методики осуществления мониторинга правоприменения в РФ», под информацией понимается главным образом практика применения нормативных правовых актов) б) обобщение такой информации (правоприменительной практики государственных органов) в) анализ и оценка информации (выработка рекомендаций по повышению эффективности правотворчества).

Непосредственный результат мониторинга правоприменения выражается в обеспечении соответствия правотворческой работы органов государственной власти основным задачам правовой политики государства. В определении мониторинга правоприменения прямо говорится о целях такого правотворчества, основанного на результатах мониторинговой деятельности: от выполнения решений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека, до устранения противоречий между действующими нормативными правовыми актами.

Главной целью осуществления мониторинга правоприменения является совершенствование правовой системы Российской Федерации. Цель мониторинга правоприменения достигается посредством реализации следующих основных задач:

- получения информации о практике применения нормативных правовых актов Российской Федерации, выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека;
- выработке предложений по совершенствованию нормативных правовых актов Российской Федерации и деятельности органов государственной власти Российской Федерации.

Такая формулировка цели мониторинга правоприменения, при соответствующем, установленном в законодательстве наборе средств и задач ее достижения, требует отдельного пояснения.

Глобализация и повышение конкуренции практически во всех сферах, от идеологии и ценностных моделей развития, до экономического противостояния в условиях санкционной политики как инструмента гибридных войн толкает национальное государство на весьма тяжелый путь трансформации, глубокого преобразования своих институтов. В этом смысле право одновременно выступает с одной стороны, в качестве инструмента целеполагания, с другой – нормативной основой таких преобразований. Правовое государство не может игнорировать правовые (конституционные) основы государственной власти в стране, в тоже время оно использует право в качестве основного рычага для перестройки социальной действительности и всей системы общественных отношений. От эффективности процесса создания национального права сегодня зависит успешность национального государства, его адекватность внутренним и внешним условиям его существования.

Не случайно, что сегодня (на текущем этапе своего развития) национальное государство начинает активно модернизировать средства и инструменты правотворчества. Процесс создания права должен быть постоянным, непрерывным, эффективным и, по возможности, адекватно реагирующим на все внутренние и внешние вызовы, возникающие перед страной и государством. Для достижения такого качества правотворческой работы государственные органы стараются максимально приблизить к процессу создания права институты гражданского общества, привлечь уже на

начальном этапе создания проектов нормативных актов независимых экспертов, способных дать объективную оценку правотворческой инициативе.

Этой же проблемы касается и оценка действия уже принятых норм. Сегодня, эффективное правотворчество уже невозможно представить без всестороннего анализа результатов правоприменения, на основе которого, например, строится планирование правотворческой работы, формируется содержание нормативного материала. Правотворчество и правоприменение, направления и технологии развития которых определяются положениями правовой идеологии, представляют собой важнейшие компоненты национальной правовой системы. В этом заключается суть процесса ее совершенствования, а его организационной и правовой основой являются процедуры мониторинга правоприменения.

Таким образом, если говорить о мониторинге правоприменения как о средстве объективной оценки деятельности национальных органов публичной власти, можно сделать вывод о трех фундаментальных качествах этого явления. Во-первых, с точки зрения эволюции национальной системы государственного управления, мониторинг правоприменения представляет собой поле для совместной работы государства и общества, по оценке действующего законодательства. Надо признать, что этот потенциал мониторинга правоприменения еще в полной мере не раскрылся. По мнению многих экспертов, установленные в законодательстве процедуры по большей части реализуются весьма формально. Роль институтов гражданского общества пока что невелика, хотя правовые основы для ее увеличения имеются.

Во-вторых, мониторинг правоприменения позволяет обеспечить высокий уровень динамики (непрерывности) и эффективности правотворческого процесса. Возможность системного сбора, обобщения, анализа и оценки информации о правоприменительной практике позволяет правотворческим субъектам более четко «видеть» проблемы и перспективы принятия разрабатываемых ими проектов нормативных правовых актов. Такая связанность правотворчества с его конечными результатами в виде правоприменительной практики позволяет добиться его непрерывности.

В-третьих, мониторинг правоприменения охватывая все уровни государственного управления, представляется самым масштабным и эффективным средством совершенствования правовой системы, с помощью которого возможно комплексное воздействие на ее основные элементы для создания наиболее конкурентно способной и адаптированной к современным условиям модели государственной власти и правового регулирования. Это тем более актуально сейчас, когда национальные государства все активнее вовлекаются в различные глобальные процессы, связанные с политической, экономической и правовой интеграцией.

Список литературы:

- 1 О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 21. – Ст. 2930.
- 2 Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 35. – Ст. 5081.
3. Алексеев А.Н. К вопросу о понятии и сущности правового мониторинга // Российская юстиция. – 2011. – №10. – С.2-6.
4. Астанин В.В. Методологические основы мониторинга правоприменения в контексте научной доктрины и требований законодательства // Административное и муниципальное право. – 2012. – №4. – С.5-13.

5. Бекишиева С.Р. Роль правового мониторинга в реализации функции правовой системы // История государства и права. – 2011. – №12. – С. 9-11.
6. Горохов Д.Б. Правовой мониторинг как средство обеспечения законности // Законность в Российской Федерации. М. – 2008. – С. 130–140.
7. Варкова С.А. Проблемы организации мониторинга законодательства и правоприменения // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 10. – С. 30–34.
8. Тихомиров Ю.А. Организация и проведение правового мониторинга // Право и экономика. – 2006. – № 10. – С. 13
9. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений. Вестник СПбГУ. Право. – 2020. – Т. 11, Вып. 1. – С. 35-49.
10. Клейменов М.П., Ерохин Д.В. Методология политики правоприменения – Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 5–15.
11. Пуляевская И.А. Правоприменение в сфере оказания публичных услуг. Правоприменение. – 2019. – Т. 3, № 4. – С. 82–90.
12. Клейменов М.П., Иванов Е.С., Козловская М.Г. Мониторинг правоприменения в России // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 4(53). – С. 123–129.
13. Астанин В.В. О возможностях участия структур гражданского общества в лоббистской деятельности через мониторинг правоприменения // Мониторинг правоприменения. – 2012. Вып. 3. – С. 4-6.

Elena E. Orlova. Law enforcement monitoring as an instrument of objective assessment of public administration // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 223-230.

The paper analyzes the features of federal and regional legislation on law enforcement monitoring and determining the place and role of monitoring in the system of monitoring technologies to improve the efficiency of public administration. On the basis of the current legislation, the concepts of “monitoring”, “law enforcement monitoring” have been analyzed; the organizational and management goal of law enforcement monitoring has been determined; the goal, objectives, signs, subjects and content of law enforcement monitoring have been determined; the law enforcement monitoring system has been analyzed. Law enforcement monitoring is regarded as a large-scale and effective instrument for improving the legal system, providing a complex effect on its main elements to create the most competitive and adapted model of state power and legal regulation.

Keywords: Monitoring, law enforcement, current monitoring, operational monitoring, lawmaking, public administration, monitoring technologies, public authorities.

Spisok literatury:

- 1 O monitoringe pravoprimereniya v Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 20.05.2011 № 657 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2011. – № 21. – St. 2930.
- 2 Ob utverzhdenii metodiki osushchestvleniya monitoringa pravoprimereniya v Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 19.08.2011 № 694 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2011. – № 35. – St. 5081.
3. Alekseev A.N. K voprosu o ponyatii i sushchnosti pravovogo monitoringa // Rossijskaya yusticiya. – 2011. – №10. – S.2-6.
4. Astanin V.V. Metodologicheskie osnovy monitoringa pravoprimereniya v kontekste nauchnoj doktriny i trebovanij zakonodatel'stva // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2012. – №4. – S.5-13.
5. Bekishieva S.R. Rol' pravovogo monitoringa v realizacii funkcii pravovoj sistemy // Istoriya gosudarstva i prava. – 2011. – №12. –S.9-11.
6. Gorohov D.B. Pravovoj monitoring kak sredstvo obespecheniya zakonnosti // Zakonnost' v Rossijskoj Federacii. М. – 2008. – S.130–140.
7. Varkova S.A. Problemy organizacii monitoringa zakonodatel'stva i pravoprimereniya // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2011. – № 10. – S. 30–34.
8. Tihomirov YU.A. Organizaciya i provedenie pravovogo monitoringa // Pravo i ekonomika. – 2006. –№ 10. – S. 13
9. Pashencev D.A. Osobennosti pravoprimereniya v usloviyah cifrovizacii obshchestvennyh otnoshenij. Vestnik SPbGU. Pravo. – 2020. – Т. 11, Vyp. 1. – S.35-49.
10. Klejmyonov M.P., Erohin D.V. Metodologiya politiki pravoprimereniya – Pravoprimerenie. – 2018. – Т. 2, № 4. – S. 5–15.
11. Pulyaevskaya I.A. Pravoprimerenie v sfere okazaniya publicnyh uslug. Pravoprimerenie. – 2019. – Т. 3, № 4. – S. 82–90.
12. Klejmenov M.P., Ivanov E.S., Kozlovskaya M.G. Monitoring pravoprimereniya v Rossii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2017. – № 4(53). – S. 123–129.
13. Astanin V.V. O vozmozhnostyah uchastiya struktur grazhdanskogo obshchestva v lobbistskoj deyatel'nosti cherez monitoring pravoprimereniya // Monitoring pravoprimereniya. – 2012. Vyp. 3. – S. 4-6.

УДК 347.44

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 231-239

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА ПОКУПКИ ДОЛИ В ПРАВЕ ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Семенуха Т. Б.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

Статья посвящена анализу права преимущественной покупки доли в праве общей долевой собственности, выявлению возникающих в процессе его реализации обязательственных отношений, рассмотрению структуры данных обязательственных отношений. Автор анализирует способы защиты субъективных прав, возникающих в ходе реализации права преимущественной покупки доли, срок исковой давности, предусмотренный для такой защиты, дает оценку сроку, отведенному для приобретения отчуждаемой доли, и очерчивает круг необходимых действий для реализации преимущественного права. Также в статье дается оценка последствий расторжения договора, заключенного с нарушением права преимущественной покупки.

Ключевые слова: преимущественное право, субъективное право, секундарное право, абстрактная правоспособность, динамическая правоспособность.

Правовая конструкция преимущественного права покупки имеет существенное значение для гражданского оборота, что обуславливает необходимость углубления ее исследования как в целях совершенствования правоприменения, так и в целях совершенствования действующего гражданского законодательства.

Однако в научных публикациях, посвященных преимущественному праву покупки, да и преимущественному праву вообще, больше наблюдается стремление обосновать гражданско-правовую природу преимущественных прав (как вещных, обязательственных или секундарных), чем углубиться в содержание соответствующих действующих законодательных положений, что позволило бы не только разработать рекомендации для правоприменения, но и создать фундамент для последующих научных поисков. С учетом изложенного, тема настоящей статьи, предполагающая попытку углубленного исследования действующих положений о преимущественном праве покупки доли в праве общей долевой собственности, должна быть признана актуальной.

Преимущественное право покупки привлекало внимание многих российских дореволюционных, советских и постсоветских российских ученых – Д.И. Мейера, К.П. Победоносцева, Г.Ф. Шершеневича, К.Н. Аненкова, И.А. Покровского, Д.М. Генкина, О.С. Иоффе, Е.А. Суханова, В.В. Витрянского, К.С. Скловского, В.А. Белова, И.А. Емелькиной и др.

Целью настоящей статьи является попытка сформулировать новые научные положения на основе углубленного анализа положений действующего законодательства, касающегося покупки (продажи) доли в праве общей долевой собственности.

Познанию сущности преимущественного права препятствует поспешная его квалификация либо как вещного, либо как обязательственного, либо как секундарного и столь же поспешное указание на способы его защиты. Так, В.А. Белов, едва приступив к изложению материала, посвященного преимущественному праву, пишет: «Игнориро-

вание этого преимущества дает обладателю секундарного права, относящегося к ряду преимущественных, право на иск о переводе на себя прав и обязанностей, возникших в результате реализации посторонними лицами своей гражданской правоспособности в обход его преимущественного права (особый преобразовательный иск)» [1, с.894]. Представляется, однако, что до того, как у обладателя права преимущественной покупки возникнет право предъявить иск о переводе прав и обязанностей, он имеет возможность защищать это свое право и иными способами. А вопрос о том, является ли преимущественное право секундарным, надо было бы решать с учетом действующего гражданского законодательства Российской Федерации.

Правда, есть и другие примеры. Так К. И. Скловский и М. Б.Смирнова совершают пространный дискурс в поисках возможности квалификации преимущественного права покупки как вещного или обязательственного и делают вывод о том, что указанное право следует признать секундарным [2, абз.69]. Но и здесь мы не нашли стремления к более полному обоснованию характера преимущественного права как секундарного.

В соответствии с п.1 ст. 17 ГК «способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами». При богатом содержании гражданской правоспособности (ст.18 ГК) она может признаваться «в равной мере за всеми» только при условии, что она будет пониматься предельно абстрактно и не будет приближаться ни к конкретным субъектам, ни к субъективным правам, ни к конкретным юридическим обязанностям, ни к конкретным правоотношениям.

Равенство правоспособности, писал М.М. Агарков, «не означает, например, что каждый может в данный момент сделаться собственником определенной вещи» [3, с. 284]. Далее ученый делает вывод о том, что «правоспособность должна быть понята динамически. Гражданская правоспособность для каждого данного лица в каждый определенный момент означает возможность иметь определенные конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами» [3, с. 285].

Эти исходные положения должны учитываться всегда: между правоспособностью, о которой речь идет в ст.17 и 18 ГК, и конкретными правоотношениями находится правоспособность, понимаемая динамически, которая может быть непосредственной предпосылкой конкретных прав, обязанностей и правоотношений, содержание которых они образуют.

После изложенной констатации попробуем определить, что же является непосредственной предпосылкой преимущественного права покупки в соответствии со ст.250 ГК и когда это право возникает. Полагаем, что в данном случае таковой не может быть правоспособность, даже понимаемая динамически. Правоотношения, возникающие между участниками долевой собственности могут быть признаны обязательствами так же, как и отношения между участниками простого товарищества, которые (отношения) уже потому должны на данное время признаваться обязательствами, поскольку их законодательная основа включена в раздел IV Гражданского кодекса «Отдельные виды обязательств». Квалификация рассматриваемых правоотношений как корпоративных [4, с. 227] *de lege ferenda*, возможно, и перспективна, но *de lege lata* неприемлема совершенно. Уж очень она далека от действующего законодательства.

При внимательном анализе обязательственные отношения между участниками долевой собственности могут быть структурированы. Следуя М.М. Агаркову [3, с. 267-268], можно будет выделить основные и вспомогательные обязательства. В данном

случае нас будут интересовать вспомогательные обязательства информационного содержания. В них участник долевой собственности, намеревающийся продать свою долю, несет обязанность известить об этом «остальных участников долевой собственности», а эти «остальные участники» имеют право на получение указанной информации. В дальнейшем нам необходимо выявить юридический факт, являющийся основанием возникновения указанных вспомогательных обязательств, а вместе с тем и момент возникновения указанных обязательств.

Основанием возникновения указанных вспомогательных информационных обязательств является появление намерения продать долю. Намерение – это явление из области психологического мира. Поэтому это возникновение может быть зафиксировано только при его объективном проявлении в словах или в действиях. Уже сами по себе права участников на получение информации могут защищаться, путем предъявления, в том числе в суде, требования о предоставлении такой информации: раз намерение продать долю постороннему лицу возникло, и есть доказательства этого, продавец обязан известить об этом в письменной форме остальных участников долевой собственности, как это предусмотрено абзацем первым п. 2 ст. 250 ГК. Указанной обязанности продавца доли корреспондирует субъективное право остальных участников долевой собственности на получение информации.

После получения извещения участником долевой собственности (если он один, не считая продавца доли) тотчас возникает организационное обязательство, в котором продавец доли несет обязанность заключить договор купли-продажи доли, а другой участник долевой собственности имеет право на заключение такого договора.

В науке гражданского права успела утвердиться идея организационных обязательств после того, как О.А. Красавчиков опубликовал статью, посвященную гражданским организационно-правовым отношениям [5]. Так А.Г. Карапетов говорит преимущественно об организационных обязанностях [6, с.26-29], но допускает употребление термина «обязательства по предварительному договору» [6, с. 894]. В.А. Белов считает, что, когда говорят об обязательстве заключить договор, то термин «обязательство» употребляется «в специфическом, обычно не свойственном ему значении, а именно – в значении относительной юридической обязанности совершения определенных действий» [1, с. 853]. Однако же И.Б. Новицкий словосочетание «обязательство заключить договор» использовал даже в названии своей монографии» [7].

Признание существования указанного организационного обязательства имеет существенное практическое значение: отзыв продавцом доли извещения о продаже доли, изменения условий извещения о продаже доли будут означать нарушение этого обязательства и повлекут возможность предъявления к продавцу доли иска о понуждении его к заключению договора на условиях, которые были указаны в первоначальном извещении о продаже доли. Кроме того, следует учитывать, что в соответствии с п.1 ст.407 ГК «обязательство прекращается полностью или частично по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором». Ни одним из названных в этом законодательном положении источником не предусмотрено какое-либо правило, которое бы позволяло сделать вывод о том, что отзыв извещения о продаже доли может прекратить возникшее на его основании обязательство.

Более сложный характер приобретают рассматриваемые отношения в случаях, когда остальных участников долевой собственности двое или несколько. Каждый из участ-

ников долевой собственности, получив извещение о продаже доли, может сообщить продавцу о намерении приобрести долю. Эта возможность сугубо конкретна, поэтому она не может считаться входящей в содержание правоспособности, хотя бы и понимаемой динамически. С другой стороны, эта возможность не составляет и содержание субъективного права, поскольку последнее характеризуется способностью приобрести признак требования, наличием корреспондирующей обязанности и возможностью судебной защиты. Очевидно, как раз для обозначения прав, подобных рассматриваемому здесь праву участников долевой собственности сообщить продавцу доли о намерении ее приобрести, и был введен в научный оборот термин «вторичные права».

Если намерение приобрести долю выразил лишь один из так называемых «остальных» участников долевой собственности, из факта получения продавцом доли сообщения о намерении приобрести долю, возникает организационное обязательство, содержание которого составляют обязанность продавца заключить договор купли-продажи доли и корреспондирующее этой обязанности субъективное право участника долевой собственности. В случаях, когда намерение приобрести долю выразили несколько участников долевой собственности, указанное организационное обязательство возникает не сразу, а после реализации продавцом доли своего вторичного права на выбор покупателя.

Участник долевой собственности может выразить свое намерение приобрести долю путем направления продавцу доли оферты. Продавец доли может её акцептовать. При этом применяются правила ст.435, 438 ГК. Продавец доли не несет обязанности акцептовать оферту именно от данного участника долевой собственности, но он не может уклониться от заключения договора хотя бы с одним из участников долевой собственности выразившим волю на заключение договора.

Обращает на себя внимание особенность технико-юридического закрепления права участников долевой собственности на приобретение продаваемой доли: оно закрепляется логически в гипотезе правовой нормы, которая выражена текстуально в положении абзаца второго п.2 ст.250 ГК и предоставляет участнику право на продажу доли постороннему лицу только при условии, что другие участники не приобретут продаваемую долю. Раз право продавать долю любому лицу возникает только при условии, что ее не приобретут другие участники долевой собственности, последние приобретают при соответствующих условиях субъективное право на приобретение доли.

Установленный п.2 ст.250 ГК срок, в течение которого извещенные о продаже доли участники долевой собственности могут «приобрести» долю, является пресекательным (его истечение прекращает указанное право участников долевой собственности и порождает на стороне продавца доли право продать ее любому лицу). Поэтому очень важно понять, какие же действия должен совершить участник долевой собственности в течение соответствующего установленного положением абзаца второго п. 2 ст. 250 ГК срока. «Приобретение», очевидно, означает стать обладателем права на долю. Момент «приобретения» должен быть отождествлен с моментом перехода доли, который определяется в соответствии со ст.251 и ст. 223 ГК, включая государственную регистрацию такого перехода. При этом правила этих статей должны применяться с учетом основного начала добросовестности (п. 3, 4 ст. 1 ГК) и запрета злоупотребления правом (ст.10 ГК). С учетом этих основного начала и запрета участник долевой собственности в течение упомянутых выше сроков должен совершить все зависящие от него действия, направленные на приобретение доли. За пределы этих действий, очевидно, выходят

действия, направленные на государственную регистрацию права на долю в общей долевой собственности. Безусловно, участник долевой собственности должен успеть в соответствующий срок направить оферту продавцу доли. Если продавец доли совершит все зависящие от него действия, то в этот срок может быть заключен договор. При уклонении продавца доли от ее продажи другому участнику общей долевой собственности отношения продавца доли и потенциального покупателя будут регулироваться п. 1 ст. 445 ГК. Но при этом следует учитывать специальный характер правовой нормы, установленной положением абзаца второго п. 2 ст. 250 ГК, по сравнению с правовыми нормами, предусмотренными ст. 445 ГК, а потому на правоотношения по заключению договора в силу преимущественного права не могут распространяться нормы п.1 ст.445 ГК о возможности отказа от акцепта, либо акцепта оферты на иных условиях. В части сроков (30 дней на акцепт) норма, установленная п. 1 ст. 445 ГК является совместимой с нормой, установленной п. 2 ст. 250 ГК, а потому продавец доли обязан в течение 30 дней с момента получения оферты сособственника акцептовать ее (направить извещение об акцепте). С этого момента, уже не только продавец доли обязан к заключению договора, но и покупатель (сособственник) не может отозвать свою оферту. При этом, следует отметить, что в силу действующих положений п.1.1 ст. 42 Федерального закона от 13.07.2015 №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» сделки по отчуждению долей в праве общей собственности на недвижимое имущество подлежат нотариальному удостоверению, а потому договор купли-продажи доли в недвижимом имуществе будет считаться заключенным не с момента принятия акцепта, а с момента нотариального удостоверения договора купли-продажи, что, конечно, для сделок между сособственниками является излишней предосторожностью. В этой части целесообразно дополнить исключения, содержащиеся в п.1.1. ст. 42 №218-ФЗ положением о том, что нормы этой статьи не применяются в случае заключения договора по отчуждению долей между участниками общей собственности. В остальных случаях нотариальная форма договора снижает риски нарушения преимущественных прав при отчуждении доли посторонним лицам.

Возникает вопрос о том, какое отношение имеет субъективное право участников долевой собственности приобрести продаваемую долю к преимущественному праву покупки. Преимущественное право покупки, на наш взгляд, установлено правовой нормой непрямого действия, которая закреплена в п.1 ст. 250 ГК. А право приобрести продаваемую долю существует в обязательстве, которое возникает на основании п.2 ст.250 ГК, является правовой формой реализации преимущественного права покупки, установленного нормой непрямого действия, закреплённой в п.1 ст.250 ГК. Заметим, что при анализе п.2 ст.250 ГК нам не удалось обнаружить какое-либо положение, которое давало бы основание для утверждения о том, что это преимущественное право является секундарным. С другой стороны, однозначно фиксируется возникновение обязательства (организационного), в котором одна сторона имеет субъективное право, способное приобретать форму требования и защищаемое судом, а другая сторона несет обязанность, корреспондирующую указанному субъективному праву. К исполнению этой обязанности соответствующее лицо может быть понуждено судом, что исключает квалификацию права участника долевой собственности на приобретение доли как секундарного.

В случаях, когда продавец доли нарушает свою существующую в обязательстве обязанность продать долю одному из участников долевой собственности и продает ее

постороннему лицу, имеет место нарушение не только со стороны продавца. Постороннее лицо также нарушает свою существующую в абсолютном правоотношении обязанность не нарушать субъективное право участника долевой собственности на приобретение доли. Такие абсолютные правоотношения существуют так же, как и вещные правоотношения. Но они менее ярко выражены, а потому менее заметны, чем вещные правоотношения по той причине, что вероятность их нарушения со стороны третьих лиц неизмеримо меньше, чем вероятность нарушения третьими лицами вещного права. Так, вероятность воздействия на вещь (на вещное право) третьим лицом гораздо выше, чем вероятность воздействия третьим лицом на обязательство (на обязательственное право).

Вместе с тем вероятность нарушения того субъективного права, которое обозначается законодателем как преимущественное, является гораздо более высокой, чем вероятность нарушения иных субъективных прав. Это обусловлено тем, что установление преимущественного права приводит к отступлению от принципа равенства. И это отступление производится в интересах соответствующих управомоченных лиц и вопреки интересам лиц, обязанных в упомянутых выше абсолютных правоотношениях, как раз в тех случаях, когда вероятность нарушения преимущественного права является высокой. Поэтому рассматриваемые субъективные права законодатель обозначил как преимущественные. Таким образом, преимущественное право имеет сложную структуру: в одной своей части оно обращено к носителю встречной обязанности и существует, как и эта обязанность, в относительном правоотношении (обязательстве), а в другой части преимущественное право обращено против всех, что и дало повод для его квалификации как вещного [8], хотя оно абсолютное, но не вещное.

На случай нарушения преимущественного права покупки доли законодатель установил специальный, учитывающий содержание нарушенного субъективного права, характер и последствия нарушения, способ защиты: место третьего лица в обязательстве, возникшем на основании договора, которым нарушено преимущественное право, занимает субъект преимущественного права. Третье лицо из обязательства выбывает, освобождаясь от обязанностей, которые оно несло в обязательстве и утрачивая субъективные права, которые оно получило в результате исполнения указанного обязательства.

Таким образом, следует признать, что в п.3 ст. 250 ГК РФ не только определяется способ защиты нарушенного преимущественного (субъективного) права участника долевой собственности на приобретение продаваемой доли, но и закрепляется норма материального права, наделяющая названного участника правом стать стороной договора купли-продажи доли, заключенного продавцом доли с третьим, и стороной обязательств, возникших на основании указанного договора. Этому праву корреспондирует обязанность покупателя доли (постороннего лица) передать права и обязанности по договору (передать договор) и обязанность продавца доли не препятствовать такой передаче. Наличие такой обязанности, установленной специальной правовой нормой, логически закрепляемой в п.3 ст. 250 ГК, исключает применение к рассматриваемым отношениям по передаче договора ст. 392.3 и п.2 ст. 391 ГК в части согласия другой стороны договора купли-продажи доли (продавца доли) на передачу договора. Указанные обязанность передать договор и обязанность не препятствовать такой передаче существуют в соответствующих обязательствах, возникающих одновременно с заключением договора (естественно только с нарушением преимущественного права) купли-

продажи доли продавцом – участником общей долевой собственности и покупателем доли – посторонним лицом.

На это обязательство никак не влияет расторжение договора купли-продажи доли его сторонами, когда бы такое расторжение ни состоялось (тотчас после его заключения, во время судебного процесса по делу о переводе прав и обязанностей покупателя доли или после принятия судом решения). Между тем, М. Козлов солидаризируется с позицией судов, которые, как он утверждает, отказывают в исках о переводе прав и обязанностей по договорам купли-продажи долей в общей долевой собственности, если стороны таких договоров заключают соглашение об их расторжении [9, абз. 24]. Кроме того, следовало бы также учесть, что соглашение о расторжении договора купли-продажи доли в праве общей долевой собственности – это сделка, которая является ничтожной в случаях, когда она нарушает права и охраняемые законом интересы третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК). Такое нарушение налицо, когда расторгается договор купли-продажи доли в праве общей долевой собственности в условиях, когда лицо, чье право нарушено, предъявило иск о переводе на себя прав и обязанностей по договору.

Участник долевой собственности, преимущественное право покупки которого нарушено, может обратиться за судебной защитой своего нарушенного права в течение срока исковой давности продолжительностью три месяца. Представляется, что именно так должна толковаться формулировка п.3 ст.250 ГК «участник долевой собственности имеет право в течение трех месяцев требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя». В постановлении Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда от 29 апреля 2010 г. №10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой прав собственности и других вещных прав» (п.14) разъясняется: «по смыслу пункта 3 статьи 250 ГК РФ при продаже доли в праве общей собственности с нарушением преимущественного права покупки других участников долевой собственности любой участник долевой собственности имеет право в течение трех месяцев со дня, когда ему стало известно или должно было стать известно о совершении сделки, требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя». Вполне логичным является дополнение этого разъяснения: «исковые требования, предъявленные с пропуском указанного срока, удовлетворению не подлежат. В то же время по заявлению гражданина применительно к правилам статьи 205 ГК РФ этот срок может быть восстановлен судом, если гражданин пропустил его по уважительным причинам». Эти разъяснения критически оценил Е.А. Суханов: «Судебная практика оценивает природу этого срока неоднозначно: признавая его пропуск основанием к отказу в иске (т.е. по сути его пресекающую природу), она одновременно допускает возможность его восстановления по правилам об исковой давности, не относящейся к пресекающим срокам, и только для граждан, пропустивших его по уважительным причинам» [10, с. 99]. Формулировка «исковые требования, предъявленные с пропуском указанного срока, удовлетворению не подлежат», содержащаяся в приведенном разъяснении, правильно интерпретирована Е.А. Сухановым как признание пропуска рассматриваемого срока основанием к отказу в иске. И на истечение срока исковой давности как на основание к отказу в иске указывается в абзаце втором п.2 ст.199 ГК. Поэтому приведенная выше цитата из указанного выше Постановления никак не могла быть истолкована как признание срока, установленного п.3 ст.250 ГК РФ, пресекающим. А поскольку это – срок исковой давности, то совершенно понятно, что он может быть восстановлен в соответствие со

ст. 205 ГК, причем только для граждан, поскольку для остальных участников гражданских правоотношений гражданское законодательство не предусматривает возможности восстановления срока исковой давности, независимо от причин его пропуска.

Утрата третьим лицом права долевой собственности предполагает использования субъектом преимущественного права (участником долевой собственности) дополнительных средств защиты – предъявление им требования о передаче ему третьим лицом, которое незаконно приобрело долю в праве общей долевой собственности, в натуре той части объекта общей долевой собственности, которую оно получило во владение и пользование вследствие незаконного приобретения доли в праве общей долевой собственности.

Здесь достаточно подробно проанализированы правоотношения, в которых реализуются преимущественное право покупки доли в праве общей долевой собственности. Этот анализ не обнаружил каких-либо оснований для: 1) отрицания права приобретения продаваемой доли как субъективного гражданского права, существующего в организационном обязательстве; 2) отрицания возможности защиты указанного субъективного права путем предъявления требования о понуждении к исполнению в натуре обязанности, корреспондирующей этому праву; 3) утверждения о возникновении на основании ст. 250 ГК секундарного права на приобретение продаваемой доли в праве общей долевой собственности.

Что касается утверждения Э. Зеккеля о том, что преимущественное право покупки относится к секундарным правам [11, абз.14], то это обусловлено широким пониманием секундарных прав, которое в российской науке не прижилось [12, абз.47]. Поэтому Э. Зеккель относит к секундарным правам наряду с явлениями, которые действительно имеют признаки секундарных прав (право на отказ от договора, право выбора в альтернативных обязательствах и т.п.), и субъективные права (право на уменьшение чрезмерного исполнения по договору, право на расторжение договора и т.п.) [11, абз.14]. Очевидно, от Э. Зеккеля идут и утверждения в отечественной литературе о том, что, например, субъективное право на «судебное расторжение договора» «традиционно относится к секундарным правам [6, с. 37].

Полагаем, что путь к конструктивным выводам о гражданско-правовой природе прав, обязанностей и правоотношений, возникающих при продаже доли в праве общей долевой собственности, открывает только детальный анализ этих прав, обязанностей и правоотношений.

Список литературы:

1. Белов, В. А. Гражданское право в 4 т. Том IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавров/ В.А. Белов. – Москва: Издательство Юрайт, 2013. – 1085 с. – Серия : Бакалавр. Углубленный курс.
2. Скловский, К. И, Смирнова, М.Б. Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве [Электронный ресурс] / К. И. Скловский. М.Б. Смирнова // Хозяйственное право. – 2003. – №10. – С. 88 – 98: №11. – С. 103 – 108. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2021). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.
3. Агарков, М.М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2-х томах. Т.1. М. : АО «Центр ЮрИнформ», 2002. – 490 с.
4. Белов, В. А. Гражданское право в 4 т. Том III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавров/ В.А. Белов. – Москва: Издательство Юрайт, 2013. – 1089 с. – Серия : Бакалавр. Углубленный курс.
5. Красавчиков, О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. – М.: Наука, 1966, №10. – С. 50-57
6. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 – 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.
7. Новицкий И.Б. Обязательство заключить договор / проф. И. Б. Новицкий; Под ред. М. С. Липецкера; Моск. юрид. ин-т. – Москва : тип. ТАСС, 1947. – 50 с.

8. Емелькина, И.А. Вещное преимущественное право покупки недвижимости [Электронный ресурс] И.А. Емелькина // Вестник гражданского права. – 2010. – №3. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2021). – URL: по подписке. – Текст: электронный.
9. Козлов, М. Предпочтение перед посторонними [Электронный ресурс] М. Козлов // ЭЖ-Юрист. – 2005. – №29. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2021). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.
10. Гражданское право / под ред. Е.А. Суханова : учебник в 4 т. Т. II. – М.: Статут, 2019. – 464 с.
11. Зеккель, Э. Секундарные права в гражданском праве [Электронный ресурс] Э. Зеккель // Вестник гражданского права. – 2007. – Т. 7. вып. №2. – С. 236. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2021). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.
12. Третьяков, С.В. Формирование концепции вторичных прав в германской цивилистической доктрине (К публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве» [Электронный ресурс] С.В. Третьяков // Вестник гражданского права. – 2007. – Т. 7. вып. №2. – С. 236. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2021). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

Seменukha T. B. Legal forms of implementation and protection of the priority right to purchase a share in the right of common share property // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 231-239.

The article is devoted to the analysis of the right of first refusal in the right of common shared ownership, identification of obligations arising on its basis, consideration of the structure of these obligations. The author analyzes the ways of protecting subjective rights arising in the course of exercising the right of first refusal, the limitation period provided for such protection, evaluates the time allotted for the acquisition of an alienated share, and outlines the range of necessary actions to exercise the right of first refusal. The article also provides an assessment of the consequences of terminating an agreement concluded in violation of the right of first refusal.

Keywords: Right of first refusal, subjective right, transformation rights, abstract legal capacity, dynamic legal capacity.

Spisok literatury:

1. Belov, V. A. Grazhdanskoe pravo v 4 t. Tom IV. Osobennaja chast'. Otnositel'nye grazhdansko-pravovye formy: uchebnik dlja bakalavrov/ V.A. Belov. – Moskva.: Izdatel'stvo Jurajt, 2013. – 1085 s. – Serija : Bakalavr. Uglublennyj kurs.
2. Sklovskij, S.K., Smirnova, M.B. Institut preimushhestvennoj pokupki v rossijskom i zarubezhnom prave [Elektronnyj resurs] / S.K. Sklovskij, M.B. Smirnova // Hozjajstvennoe pravo. – 2003. – №10. – S. 88 – 98; № 11. – S. 103 – 108. – URL: <http://www.consultant.ru/>.
3. Agarkov, M.M. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu : v 2-h tomah. T.1. M. : AO «Centr JurInform», 2002. – 490 s.
4. Belov, V. A. Grazhdanskoe pravo v 4 t. Tom III. Osobennaja chast'. Absolutnyje grazhdansko-pravovye formy: uchebnik dlja bakalavrov/ V.A. Belov. – Moskva.: Izdatel'stvo Jurajt, 2013. – 1089 s. – Serija : Bakalavr. Uglublennyj kurs.
5. Krasavchikov, O. A. Grazhdanskije organizatsionno-pravovye otnosheniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – M.: Nauka, 1966, #10. – S. 50-57
6. Dogovornoe i objazatel'stvennoe pravo (obshhaja chast'): postatejnyj kommentarij k stat'jam 307 – 453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / Otv. red. A.G. Karapetov. – M.: M-Logos, 2017. – 1120 s.
7. Novickij I.B. Objazatel'stvo zakljuchit' dogovor / prof. I. B. Novickij; Pod red. M. S. Lipeckera; Mosk. jurid. in-t. – Moskva : tip. TASS, 1947. – 50 s.
8. Emel'kina, I.A. Veshhnoe preimushhestvennoe pravo pokupki nedvizhimosti [Elektronnyj resurs] I.A. Emel'kina // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2010. – №3. – URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 20.08.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske. – Tekst: elektronnyj.
9. Kozlov, M. Predpochtenie pred postoronnimi [Elektronnyj resurs] M. Kozlov // Jezh-Jurist. – 2005. – №29. – URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 20.08.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske. – Tekst: elektronnyj.
10. Grazhdanskoe pravo / pod red. Suhanova : uchebnik v 4 t. T. II. – M.: Statut, 2019. – 464 s.
11. Zekkel', Je. Sekundarnye prava v grazhdanskom prave [Elektronnyj resurs] Je. Zekkel' // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2007. – Т. 7, vyp. №2. – S. 236. – URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 20.08.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske. – Tekst: elektronnyj.
12. Tret'jakov, S.V. Formirovanie koncepcii sekundarnyh prav v germanskoj civilisticheskoj doktrine (K publikacii russkogo perevoda raboty Je. Zekkel'ja «Sekundarnye prava v grazhdanskom prave» [Elektronnyj resurs] S.V. Tret'jakov // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2007. – Т. 7, vyp. №2. – S. 236. – URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 20.08.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske. – Tekst: elektronnyj.

УДК 342

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-240-252

ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Сафронова Е. В., Шайрян Г. П.

В статье исследуется история самодержавия в России, время существования которого исчисляется с середины XVI в. и до начала XX в. Исключение составили незначительные периоды междуцарствия, лишь подтвердившие приверженность русского народа к единоличным формам верховной власти - княжескому единодержавию, окончательно сформировавшемуся в конце XV в. в Московском государстве, и к сменившему его царскому самодержавию, которое было упразднено 2(15) марта 1917 г. Исследование самодержавия осуществляется с привлечением обширного источниковедческого и историографического материала. Это обстоятельство позволило раскрыть правовую природу верховной власти российского монарха, выделить и описать ее свойства, показать исключительность государственно-канонического правового статуса ее царственного обладателя. Изучение самодержавия как правового феномена, отражающего самобытность политической власти в России, является важнейшим условием дальнейшего совершенствования современной модели российской государственности, которая сильно отличается от ее традиционного и привычного иерархического варианта с единоличной верховной властью. Примененный методологически новый цивилизационно-культурный подход открывает для этого широкие научные перспективы и предлагает еще неиспользованные практические возможности.

Ключевые слова: Российское самодержавие, форма верховной власти, Московское царство, Российская империя.

До недавнего времени российское научно-юридическое сообщество в основном сходилась на мысли о том, что государственная власть как одна из форм политической власти, ее частное проявление (41, с. 17) и ее ядро, является доминирующей и верховной. В более современной трактовке, государственная власть представляется как разновидность публичной власти и ее высшая форма, имеющая ряд своих особенностей и принципов (18, с. 320). Господство обладателя государственной власти, будь-то единоличный правитель или коллективный орган, способный подчинять себе волю других подвластных ему структур, достигается как добровольным повиновением подчиненных ему субъектов, так и методами их принуждения, которыми государственная власть располагает в соответствии с ее статусом власти верховной. Государственная власть обладает также исключительным правом на принятие нормативно-правовых актов, имеющих высшую юридическую силу и общегосударственное значение. Все сказанное квалифицирует государственную власть с позиций ее иерархического статуса и общеправовой конструкции, ее функциональных полномочий и правовых возможностей. По сути, здесь по-разному интерпретируется изложенное еще в веберовской концепции понимание власти, при котором отношения господства в государстве «рассматриваются по аналогии с отношениями в сфере частного предпринимательства» [23, с. 43]. Такой подход волю или неволю унифицирует понятие о власти государства, а лишает ее национальной оригинальности, хотя «У каждого государства своя особая власть...» [16, с. 133].

Многочисленные исследования самодержавия, в том числе, принадлежащие известным российским и зарубежным ученым, содержащие многочисленные исторические факты и события, предлагают образцы глубокой аналитики закономерностей

исторического процесса, но в силу особенностей предмета научного интереса историков, зачастую оставляют без внимания юридические аспекты эволюции российской государственности. Многие продуктивные в научном плане работы правоведов периода Российской империи, советского и постсоветского времени, посвященные исследованию истории отечественного государства и права в силу различных причин не были ориентированы на изучение цивилизационно-культурных и религиозных оснований формирования уникальной формы верховной власти в России. В результате упускалась возможность рассмотреть форму верховной власти в качестве традиционного и ключевого властного института отечественной государственности, которая определила форму Российского государства как в период Московского царства, так и Российской империи.

Дополняя уже имеющиеся работы по этой тематике, авторы статьи ставят своей целью раскрыть особенности российского самодержавия, выявив его содержание и юридическую природу.

История отечественного государства и права знает такие существовавшие до начала XX в. формы власти как вече, выборные земские власти, начало существования которым было положено губной реформой 1539 г. и указом 1556 г., земские соборы XVI – XVII в., органы дворянского сословного самоуправления, начавшие свою деятельность по указу 1766 г. [8, с. 344]. В 1864 г. создаются всесословные земские учреждения [45, с. 179] правовой статус которых был скорректирован в сторону усиления государственного контроля за их деятельностью в 1890 г. и 1892 г., а также отделенные от администрации и обособленные от общих судебных установлений мировые суды и органы сословного крестьянского самоуправления [21, 1687].

Верховная самодержавная власть, ставшая результатом многовекового исторического и правового опыта, занимает среди них определяющее место. Как правовой феномен, она сохранила в себе колоссальный традиционный потенциал тысячелетнего русского государства, имела свою длительную историческую традицию. В качестве формы верховной власти, самодержавие, несмотря на формальную схожесть с западноевропейскими системами королевской власти и Византийской империей, обладало особенностями, которые были присущи исключительно России. Самодержавие не было ни у кого не заимствовано, ни у греков, ни у норманнов, ни у монголов. Его историко-правовая характеристика как самобытного правового явления исключает избыточность его теоретического обобщения с другими формами монархической власти, поскольку лишает исследователя его достоверной научной оценки. Более того, заводит его в тупик. В стороне остается главное - понимание юридической природы верховной самодержавной власти, которая была неразрывным образом связана с цивилизационно-культурной эволюцией российской государственности, с тысячелетним религиозным мирозерцанием русского народа, при котором в силу христианского вероучения царская власть коронованного российского монарха воспринималась как Богоустановленная и наследственно-родовая. Вследствие этого, кроме власти главы государства, во-первых, у российского монарха возникало право на особый церковный статус, принадлежавший исключительно царской особе как Главе Церкви. Во-вторых, устанавливалась связь между семейной властью правящего суверена и публично-династическим интересом в законодательном регулировании порядка замещения Всероссийского Престола. В-третьих, формировалось

право на престолонаследие, имевшие агнатско-когнатическую юридическую основу, заметным образом повлиявшую на историко-правовой генезис единоличной верховной власти русских государей. Сначала на княжеское единодержавие, которое с середины XVI в. трансформировалось в более совершенную форму верховной власти, в царское самодержавие, сохранявшееся в Российской империи до 2(15) марта 1917 г.

Понять уникальную юридическую природу самодержавия и исключительность государственно-канонического статуса его наследственного обладателя, возможно обратившись к тем широким возможностям, которые предлагает исследователям цивилизационно-культурный подход в правоведении (26, с. 31). По сути, он является развитием цивилизационного и социокультурного подходов, продолжением идей отечественных ученых Н.Я. Данилевского [9] и К.Н. Леонтьева (22), славянофилов, части евразийцев, а также зарубежных авторов, таких как П. Сорокин [35], Т. Парсонс [63], Р.К.Мертон [61], О. Шпенглер, Г.Риккерт [31] и их последователей А. Тойнби [66] и С.П. Хантингтона [58]. Заимствовав у них лучшее, цивилизационно-культурный подход дает возможность преодолеть нынешнее «прохладное» отношение к проблемам методологии в отечественной юриспруденции [39, с. 6]. В нем обоснованно совмещаются такие методологические инструменты социокультурного подхода как междисциплинарность в исследованиях общества и государства, а также неразрывность теории и практики при изучении правовых явлений в динамике их эволюции с теми преимуществами, которые дает цивилизационный подход, предполагающий акцентировать внимание ученых на системности, типологизации, устойчивости крупных объектов правового исследования в их связи с этническими, религиозными и геополитическими особенностями развития народов, что положительно сказывается на выработке типа государства и форме верховной власти.

Необходимость достоверного описания столь сложного правового феномена как самодержавие русских государей требует создания соответствующего научного глоссария. Многие термины в силу изменения исторических реалий или полностью утратили свое первоначальное значение, или в силу политических предпочтений советского и частично постсоветского периода стали пониматься и трактоваться исследователями неоднозначно, с совершенно различными пояснениями их историко-правовой семантики и этимологии, порой далекой от их первоначального значения и смысловой нагрузки. Эти соображения впрямую относятся к терминологии, применяющейся для изучения верховной власти, ее наследственного преемства, царско-церковных и династических правоотношений, поскольку «номенклатура понятий и терминов, используемая современным правоведением, не может полностью использоваться для изучения правовых явлений и процессов предшествующих стадий и эпох [37, с. 373]. Применить современный инструментарий правового исследования для оценки правовых явлений далекого прошлого крайне сложно [20, с. 160-168]. Кроме того, правовые традиции прошлых времен могут «создавать новое право которое толкуется таким образом, что блокируются все изменения» [6, с. 144]. Отсюда возникает непростая задача не только, по возможности вернее, отразить содержание юридической терминологии, которая ретроспективно употреблялась в минувшие эпохи, но и предложить более современное и научно выверенное разграничение историко-правовых дефиниций.

Исследования юридического смысла самодержавия в отечественной и в зарубежной историографии, хотя имеет в своей основе часто не совпадающие методологические подходы, предложить существенно отличающиеся друг от друга выводы оказываются не в состоянии. Интересы ученых скорее касаются поиска совпадающих черт, но не различий между королевским абсолютизмом и царским самодержавием с его самобытными цивилизационно-культурными корнями российской государственности. Значительная часть авторов продолжает смотреть на эволюцию верховной власти в России через призму вестернизации, не замечая того, что «культурная карта остается, по существу, той же, какой была до того, как западное общество начало свои экономические и политические завоевания» [42, с. 76]. В результате, ряд зарубежных авторов полагает, что «княжеский абсолютизм» имел место уже в XIV в. [57, с. 116] и полностью отождествляется с самодержавием [59, с. 239], игнорируя уникальность его историко-правового генезиса. Форму верховной власти в Российской империи именуют «русским абсолютизмом», ставя ее историческое развитие в зависимость от якобы опережавшей ее западной цивилизации, зачастую упоминая, что до реформ Петра I Россия была полуазиатской страной, заимствовавшей, то ли на Западе, то ли у монголов идею самодержавия и организацию государственных институтов [56, с. 227].

Впрочем, так думают не все зарубежные ученые. Есть и те, кто констатирует, что еще Древняя Русь была передовым государством [65, с. 16], где был учрежден ряд политических и социальных институтов, не имеющих аналогов в западном мире» [60, с. 369]. Некоторые ученые замечают, что Россия «представляла собой автономный мир, обращенный к себе самой, который обладал своим собственным культурным этосом и наследственным опытом позитивных исторических достижений» [54], в котором русский царь всегда оставался тем, кто определял цель и направление государственной политики [64, с. 207]. Меняется в зарубежной историографии и взгляд на абсолютизм как универсальную форму верховной власти, характерную как для западноевропейских средневековых монархий, так и для России. Особенно это стало заметно после появления на свет работ, авторы которых сумели показать, что, на самом деле, абсолютизма, как формы правления, которая предполагал юридическую безграничность верховной власти ее обладателя, в Европе *de facto* не было, за исключением краткосрочного исторического периода во Франции XVI-XVII в.в., и то с рядом оговорок. Наиболее показательна в этом отношении работа Р.Хеншела «Миф абсолютизма» [55, с. 22-23]. Многие зарубежные авторы поддерживали его выводы, полагая, что западноевропейский абсолютизм являлся, по большей части, теоретическим предположением [62, с. 534-564; 53, 116].

Активное изучение историко-правовых аспектов верховной власти российского монарха среди отечественных юристов, началось со второй половины XIX – начала XX вв., но лишь немногие из них, как П.Е. Казанский, обращались к изучению свойств ее юридической природы [13], и как Н.А. Захаров пришли к выводу о существовании в системе русской государственной власти одновременно власти управления, законодательной и судебной властей, а также верховной самодержавной власти [10]. Вопрос о форме верховной власти и формы правления в период Московского царства, по сути, не менялся. Споры среди отечественных юристов в большей степени затрагивали существо верховной власти в Российской империи начала XX в. после принятия Основных государственных законов в их новой редакции в 1906

г., но зачастую сводились к выяснению вопроса о сохранении или утрате верховной властью ее неограниченности с момента созыва Государственной думы [19, с. 107].

В работах русских эмигрантов, которые были посвящены российскому престолонаследию как традиционному способу преемства самодержавия [12] и установлению порядка наследования престола после упразднения Российской империи [15], на самодержавие указывалось как на исторически сложившуюся форму правления в России, утверждалась необходимость взгляда на самодержавие венчаных на царство русских государей как на результат самобытной российской государственности с ее многовековым правовым опытом едиnodержавного княжеского правления и царского верховенства, источником которого является Божественное установление [11, с. 64]. Ряд ученых, которые придерживались консервативных взглядов на природу верховной власти и отстаивали мнение о том, что природа самодержавия осталась неизменной и после принятия ОГЗ 1906 г., обращали внимание на сохранившееся существенное отличие самодержавия от власти «чисто» государственной. Этот вывод они обосновывали обращением к сравнению ст. 1 и ст. 4 Основных государственных законов в редакции 1823 г. и 1906 г. соответственно, в которых наследственная власть российского монарха именовалось «верховой самодержавной властью Императора Всероссийского», законодательно отражавшей идею государственно-политической триады «официальной народности»: «Православие. Самодержавие. Народность» [44, с. 103]. Они обращали также внимание на то, что верховная власть российского монарха, по-прежнему, распространялась на область династических и царско-церковных правоотношений.

Феномен самодержавия как явления истории и права привлекал внимание российских ученых и в советский период, но с иной точки зрения. Им ставилась задача показать неизбежность эволюции российской государственности в силу господствовавшей формационной теории общественно-экономического развития в сторону ее социалистического настоящего и коммунистического будущего. Несмотря на привлечение большого исторического материала, опыт многолетних споров о характере и природе верховной власти в период Московского царства и Российской империи остался далек от своего разрешения. Марксистская концепция возникновения государства, абсолютизовавшая роль экономики и классовой борьбы, оказалась неподъемным политическим грузом, накрепко сковавшим творческое научное мышление большинства исследователей. Самодержавие было признано тождественным абсолютизму. Различие сводилось лишь к ряду российских особенностей, которые не выходили за рамки формационного подхода. Началась эта работа М.Н. Покровским с доказательства того, что абсолютизм являлся следствием разрушения феодального государства [29, с. 296]. Критиковавшие эту идею ученые, такие ученые как Г.Д. Алексеева [4, с. 47], П.Н. Милюков [24, с. 144] З.В. Мосина [25, с. 68], Б.Ф. Поршнев [30, с. 323], С.Д. Сказкин [33, с. 341], не сходились только в понимании исторических рамок существования абсолютизма и в подборе его признаков для России. Идею установления абсолютной монархии в России посчитали продуктивной и поддержали ее российские юристы Б.И. Сыромятников [36, с. 93] и С.В. Юшков [52], а также историки А.Я. Аврех [1, с. 82], А.Л. Шапиро [50, с. 69], М.П. Павлова-Сильванская [27, с. 217], С.М. Троицкий [43, с. 130], А.Н. Чистозвонов, мнение которого том, что в России господствовал азиатский тип абсолютизма, победило [49, с. 46]. Впрочем, ожидать иного, принципиально отличного результата было бы

опрометчиво. Ведь в этом случае, следовало отказаться от идеи нарастания классовой борьбы и необходимости революции, признав узурпацию законной власти наследственного российского монарха. Общей ситуации не изменило и появление в конце 70-х гг. XX в. исторических исследований о возникновении отечественного государства, которое не было напрямую связано с классовой борьбой и основывалось на традициях, «идуших из глубин восточнославянского, а затем и древнерусского общества», на которых «возникла своеобразная общинно-вечевая цивилизация на Руси XI – начала XIII столетий» [47, с. 504], ставшая основой княжеского единодержавия, а затем царского самодержавия. В большинстве учебников отечественной истории государства и права, во многих исследованиях формы правления в Российской империи в основном, речь идет о «формирования «национальной» модели абсолютистского государства» [38, с. 198], и самодержавие продолжает рассматриваться как разновидность западноевропейского абсолютизма.

Под общим термином самодержавие в российской историографии понимается несколько взаимосвязанных понятий. Во-первых, – самодержавие как форма верховной власти, которая сосуществовала в Московском царстве и Российской империи совместно с органами дворянского, местного (земского) самоуправления. Во-первых, в отечественной историографии, а частично и в зарубежной, самодержавием называют исторически сложившуюся, религиозно обоснованную и законодательно установленную царскую власть российского монарха. Во-вторых, под самодержавием понимается главное ее свойство, существующее наряду с юридической неограниченностью, царским верховенством и священностью. В-третьих, – под самодержавием часто понимается форма правления, юридически установленная в Московском государстве вследствие венчания на царство Ивана IV в 1547 г. и фактически реализованная по завершению реформ 50-60 гг. того же столетия, которая имела свое продолжение в Российской империи. С небольшими историческими перерывами междуцарствия и Смутного времени, не сумевшими изменить правовую традицию единодержавия русских государей, самодержавие просуществовало до 2(15) марта 1917 г. В-четвертых, в историографических исследованиях воцарившийся государь зачастую именуется самодержцем, государство называется самодержавным, а власть монарха в силу закона определяется как верховная и самодержавная.

Самодержавие, таким образом, представляет собой исторически сложившуюся, религиозно обоснованную и законодательно оформленную, передающуюся по наследству, юридически неограниченную, «Верховную Самодержавную Власть Императора Всероссийского» и «Государя Императора»– особы священной и неприкосновенной, которому также принадлежала власть законодательная, власть верховного и подчиненного управления, судебная власть (32, с. 457), а также власть главы Церкви и главы династии на единой и нераздельной территории Государства Российского, юридически безответственным обладателем которой безраздельно являлся царствующий монарх. Ему же принадлежала и власть Державного Вождя Армии и Флота. Это означало, что российский монарх одновременно и совокупно персонифицировал в своей особе всю наследственную верховную власть. Отсюда и родственный как по лексическому значению корня, так и по юридическому содержанию, отражающему единоличное право обладания верховной властью, термин «самодержец» – то есть, вступивший на Престол и венчанный на Царство Всерос-

сийское наследственный монарх православного вероисповедания, располагающий суверенными правами и прерогативами воцарившегося государя, источником власти которого в силу христианского учения о царской власти и действовавшего закона являлось Божественное установление [32, с. 457].

Наилучшим образом она проявляется через ее свойства. Свойств этих четыре: наследственное самодержавие, юридическая неограниченность, царское верховенство и священность. Среди них наследственное самодержавие было наиболее важным и определяющим юридическую природу верховной власти в Московском царстве и Российской империи, поскольку «Самодержавием в современном русском государственном праве называется Власть, которая служит источником для всякой другой власти в государстве» [17, с. 155], является «основным догматом русского государственного права» [48, с. 1], его «основным и вполне бесспорным началом» [43, с. 63]. Зарождение правовой идеи самодержавия относится к периоду трансформации права условного пожизненного владения княжеским уделом в право «отчинного» наследия княжений» [46, с. 169]. Изменение правового статуса князя, бывшего временным удельным владельцем выделенной ему великим князем территории, в ее наследственного правообладателя-вотчинника сделало местного князя «самовластцем», у которого «появляются монархические черты в княжеской власти» [14, с. 56]. В процессе образования централизованного Московского государства вотчинное право наследственного землевладения, принадлежавшее великому князю, с 1547 г. становится царским правом единоличного наследственного обладания государственной территорией, неразрывно совмещенным с правом наследственного правления, которое впоследствии передается Императору Всероссийскому. Он продолжал распоряжаться, как и его предки в Московском государстве, «имениями частных лиц» [48, с. 1] со «всею безусловностью владельческих прав» [28, с. 207]. Исторически сложившийся правовой симбиоз государственного правления и наследственного обладания государственной территорией, на которую безраздельно распространялась верховная власть правящего монарха, был присущ исключительно российскому самодержавию как уникальной в этом отношении форме верховной власти. Уже по этой причине было бы опрометчиво поддерживать мнение о том, что идея самодержавия была или могла быть заимствована извне, не от библейской традиции царской власти, а от западноевропейских королей, власть которых во многом зависела от договорных начал земельного владения с крупными феодалами, или от византийских василевсов, никогда не имевших наследственных прав на обладание территорией Ромейской империи, а также от кочевых азиатов, на чем строятся различные варианты евразийской концепции российской государственности.

По сравнению с самодержавием, юридическая неограниченность не являлась оригинальным, поскольку любая верховная власть не ограничена во всех государствах [3, с. 173], но имела свои заметные отличия. Их следует искать в понимании того, что юридическая неограниченность российского монарха в своем практическом осуществлении 1) строго следовала законодательству, определявшему, что «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке» [32, с. 459]; 2) в источнике верховной власти; 3) в исключительном государственно-каноническом правовом статусе ее верховного органа, каким для России являлся вступивший на престол самодержец. Согласно христиан-

скому учению о царской власти, заимствованному в законодательство Московского царства и Российской империи, источником власти правящего государя считалось Божественное установление [32, с. 457]. Это означало, что российский монарх не мог осуществлять верховную самодержавную власть без учета норм религиозной морали, канонических установлений и догматов православной веры с ее Евангельскими заповедями. Это также означало, что юридическая ограниченность самодержца в принципе не могла иметь места, поскольку «...всякое ограничение власти царя людьми освобождало бы его от ответа перед совестью и пред Богом. Окруженный ограничениями, он уже подчинился бы не правде, а тем или иным интересам, той или иной земной силе» [41, с. 17]. Юридически неограниченный и безответственный российский самодержец не отвечал за свои решения и поступки перед подданными, оставаясь в силу христианкой веры ответственным за сохранение и совершенствование христианской государственности лишь перед Богом.

Царское верховенство поднимало власть самодержца на недостижимую высоту по сравнению с другими формами власти, имевшими место в России, поскольку лишь российский самодержец обладал исключительным наследственным государственно-каноническим правовым статусом. Его обладатель подчинял себе не только высшую государственную власть, но и распространял его на царско-церковные и династические отношения, вследствие чего верховная власть российского самодержца имела более высокий статус, чем обычная верховная власть правящего государя. Своим идейно-богословским обоснованием царское верховенство имело христианское учение и «поставлялось законом в зависимость от Бога» [2, с. 10], что в условиях глубоко религиозного народного правосознания придавало царскому верховенству особую императивность и неоспоримую легитимность.

Священность, по сравнению с другими свойствами, характеризующими юридическую природу царской власти, хотя и стояла несколько особняком, но, несомненно, соотносилась как с христианским вероучением о царской власти, так и с русским государственным правом, поскольку сама царская власть «является институтом не только государственного, но и церковного права» [11, с. 174]. Единый и неразрывный взгляд на религиозную и юридическую природу царской власти как на священную, наряду с другими основаниями, формировал представления о ней как о суверенной, действующей по собственному праву и ни от кого, кроме Бога, не зависимую. Представления о царской власти как о священной, подтверждением чему служил установленный законом церковный чин священного коронования и миропомазания, с одной стороны, заметно легитимировали права и прерогативы занимающего престол монарха, поддерживая народную уверенность в их справедливости и наследственной династической законности. С другой стороны, устанавливали для царственного законодателя религиозно-нравственные пределы его волеизлияния, сообразные с духом христианской морали и православной веры.

Исключительный государственно-канонический правовой статус российского монарха представляет собой совокупность прав и прерогатив занявшего наследственный престол российского монарха православного вероисповедания, особы священной и неприкосновенной, характеризующийся юридической безответственностью и наличием титула Императорского Величества. Этот статус являлся исключительным и наследственным. Он имел религиозное обоснование и возник как

следствие длительной эволюции российской правовой традиции династического престолонаследия. Его существенным отличием являлось отсутствие у монарха юридических обязанностей, что указывало на особое положение наследственного самодержавного государя, ставившее его выше любых интересов любых лиц, групп, сословий и партий, и делавшего его независимым от них. В силу его правового статуса, принадлежавшие российскому монарху права безраздельно распространялись на область верховного и подчиненного управления, законодательства, суда и военное строительство. Монарх также являлся обладателем династических публично-семейных прав главы Императорского Дома, прав главы Церкви, которые распространялись на всю церковную деятельность за исключением прав на изменение церковных догматов.

Исследование правового феномена самодержавия с позиций цивилизационно-культурного подхода доказывает историко-теоретическую обоснованность его осмысления как уникального политико-правового властного института тысячелетней отечественной государственности, не изученного юридической наукой в достаточной степени. История возникновения и эволюции самодержавия как формы верховной власти, уходящая своим корнями в далекое прошлое, не является анахронизмом. Проведенный анализ формирования самодержавия, его свойств и юридической природы, раскрывший самобытность эволюции и содержания верховной власти в России, показал, что теоретико-методологический, историко-правовой и цивилизационно-культурный потенциал самодержавия, как высокоцентрализованного и единоличного способа государственного правления, многие века обеспечивавшего сохранение политического единства народов России с ее исторически сложившимся этноконфессиональным и религиозно-культурным разнообразием под эгидой государствообразующего русского народа на значительной по своему размеру территории, еще не исчерпан. Верховная власть как инструмент государственного правления, необходимого в условия громадной территории России, делают востребованными многие элементы традиционного института самодержавного властвования и единоличного управления при совершенствовании современной модели российской государственности.

Список литературы:

1. Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России [Текст] / А.Я. Аврех // История СССР, 1968. № 2. С. 82–104.
2. Айвазов И.Г. Религиозная правда русского самодержавия [Текст] / И.Г. Айвазов // Изд. 2-е. – Харьков: Типография Губернского Правления, 1907. – 19 с.
3. Алексеев А.С. Русское государственное право [Текст] / А.С. Алексеев. – М., 1892. – 473 с.
4. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.) [Текст] / Г. Д. Алексеева // АН СССР. Ин-т истории. – М.: Наука, 1968. – 300 с.
5. Артизов А.Н., М.Н.Покровский: финал карьеры – успех или поражение? [Текст] / А.Н. Артизов // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 77–96.
6. Ван Хук М. Методология сравнительно-правовых исследований [Текст] / М. Ван Хук // Правоведение, 2013. – № 3 (308). – С. 121–147.
7. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры [Текст] / А. Вебер. – СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 15. (565 с.)
8. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства [Текст] // Полное собрание законов Российской империи СЗРИ. – Собр. Первое. – Т. XXII. – № 16187. – СПб., 1830. С. 344.
9. Ланилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н.Я. Данилевский. – СПб.: Издание Н. Страхова, 1895. – XLII, 629 с.
10. Захаров Н.А. Система русской государственной власти [Текст] / Н.А. Захаров. – Новочеркасск: Электро-Типография Ф. Туникова, 1912. – 390 с.
11. Зызыкин, 1924:174 Зызыкин М.В. Царская власть и закон о престолонаследии в России [Текст] / М.В. Зызыкин. – София: Типография «Новая жизнь», 1924. – 195 с.

12. Иоанн Шанхайский (Максимович). Происхождение закона о престолонаследии в России [Текст] / М.Б. Максимович. – Шанхай. Издание Русского просветительного Комитета в г. Шанхай. 1936. Сайт «Монахист». – Режим доступа: <http://www.imperialhouse.ru/rus/monograph/monograph/1326.html>. – (Дата обращения 10.08.2021).
13. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора [Текст] / П.Е. Казанский. – Одесса: Тип. «Техник», 1913. – XL, 960 с.
14. Кобрин, 1991; 56 Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) [Текст] / В.Б. Кобрин, А.Л. Юрганов // История СССР, 1991. – № 4. – С. 54–64.
15. Корево Н.Н. Императорский Всероссийский Престол. Наследование Престола по Основным Государственным законам: Справка по некоторым вопросам, касающимся Престола [Текст] / Н. Корево. – Париж: О-во объединения русских в Ницце, 1922. – 139 с.
16. Коркунов Н.М. Указ и закон: Исследования Н.М. Коркунова [Текст] / А.В. Коркунов / СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. – VIII, 408 с.
17. Котляревский С.А. Юрические предпосылки русских Основных Законов [Текст] / С.А. Котляревский. – М.: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. – С. 217.
18. Кузин Д.А. Публичная власть в Российской Федерации: понятие, принципы [Текст] / Д.А. Кузин // Ученые записки Орловского государственного университета, 2014. – №1 (57). – С. 317–321.
19. Лазаревский Н. И. Русское государственное право: в 2-х т. – Т. 1. Конституционное право [Текст] / Н.И. Лазаревский – Изд. 2-е. – СПб.: Типография Акционерного общества «Слово», 1910. – 479 с.
20. Лаптева Л.Е. Проблема адекватности сравнения в исследованиях по истории отечественного государственного права [Текст] / Л.Е. Лаптева // Методология сравнительно-правовых исследований. – М., 2013. – С. 160–168.
21. Лаптева Л.Е., Немытина М.В., Цыбик Ц.М. Земство и мировой суд в России: организация публичной власти на местном уровне [Текст] / Л.Е. Лаптева, М.В. Немытина, Ц.М.Цыбик // Былые годы. Российский исторический журнал, 2019. – № 54 (4). – с. 1679-1691.
22. Леонтьев К. Н. Дополнение к двум статьям о панславизме [Текст] / К.Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство. Сборник статей. – Т. I. – М.: Типолитография Н.Н. Кушнерова и К⁰, 1885. – 323 с.
23. Меньшиков В.В. М. Вебер о власти [Текст] / В.В. Меньшиков // Человек. Сообщество. Управление. – КГУ, 2012. – № 1. – 41–48 с.
24. Милоков П.Н. Величие и падение Покровского [Текст] / П.Н. Милоков // Вопросы истории, 1993. – № 4. – С. 114–126.
25. Мосина З. В. К обсуждению проблемы абсолютизма [Текст] / З.В. Мосина // Историк-марксист, 1940. – № 6. – С. 68–72.
26. Немытина М.В. Самодержавие и судебные преобразования второй половины XIX – начала XX века в России [Текст] / М.В. Немытина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – Курск: КГУ, 2014. – №9–2. – с. 85–103.
27. Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России [Текст] / М.П. Павлова-Сильванская // История СССР, 1969. – № 6. – С. 217-234.
28. Платонов, 2007: 207 Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории [Текст] / С.Ф. Платонов. – М., 2007.
29. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов [Текст] / М.Н. Покровский. – Вып. 1. – М.–Л.: Соцгиз, 1933. – С.322–326.
30. Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы [Текст] / Б.Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1964. – С. 323–326.
31. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре [Текст] / Г. Риккерт // Культурология XX век. Антология. – М., 1995. – С. 69–101.
32. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. – Т. XXVI. – Отд. 1. 1906 г. [Текст]. – СПб: Государственная типография, 1909. – 1157 с.
33. Сказкин С.Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (Время и условия его возникновения) [Текст] / С.Д. Сказкин // Избранные труды по истории. – М.: Наука, 1973. – С. 341–356.
34. Сокольский В.В. Русское государственное право [Текст] / В.В. Сокольский. – Одесса, 1890. – 334, X с.
35. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика [Текст] / П. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
36. Сыромятников Б.И., 1943:93 Сыромятников Б.И. «Реглярное» государство Петра Первого и его идеология [Текст] / Б.И. Сыромятников. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1943. – Ч. 1. – 218 с.
37. Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник [Текст] / В. М.Сырых. – М.: Норма, 2012. – 463 с.
38. Талина Г.В. Утверждение династии: общественная мысль и государственная идеология о царской власти первых Романовых [Текст] / Г.В. Талина // Знание. Понимание. Умение, 2015. – № 3. – С. 195–207.
39. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки [Текст] / Н.Н.Тарасов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. – 264 с.
40. Тихомиров Л.А. Критика демократии [Текст] / Л.А. Тихомиров. – М.: Ред. журн. «Москва», 1997. – С. 531–665 с.
41. Тихомиров Ю.А. Социализм и политическая власть [Текст] / Ю.А. Тихомиров // Советское государство и право, 1974. – № 5. – С. 11-19.
42. Тойнби А.Дж. Исследование истории: в 3-х т. [Текст] / А.Дж. Тойнби. – СПб, 2006. – Т. 1. – 407 с.
43. Троицкий, 1969:130, Троицкий С.М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России [Текст] / С.М. Троицкий // История СССР, 1969. – № 3. – С. 130–149.

44. Уваров С. С. Государственные основы. [Текст] / С.С. Уваров //– М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 600 с.
45. Указ Правительствующему Сенату «Об учреждении судебных установлений и Судебных уставов» // ПСЗРИ. – Т. XXXIX. – № 41473. – С. 179.
46. Фроянов И.Я. Дневная Русь IX-XIII веков: народные движения, княжеская и вечевая власть [Текст] / И. Я. Фроянов. – М.: Русский издательский центр, 2012. – 1087 с.
47. Фроянов И.Я. О некоторых особенностях русской истории [Текст] / И.Я. Фроянов // МНЕМОН Исследования и публикации по истории античного мира. – Вып. 12: Из истории античности и нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013. – С. 503-521.
48. Черняев, 2011:1 Черняев Н.И. Русское самодержавие [Текст] / Н.И. Черняев. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 856 с.
49. Чистозвонов А.Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма [Текст] / А.Н. Чистозвонов // Вопросы истории, 1968. – № 5. – С. 46–62.
50. Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России [Текст] / А.Л. Шапиро // История СССР, 1968. – № 5. – С. 69–82.
51. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории [Текст] / О. Шпенглер. – М.: «Мысль», 1998. – 671 с.
52. Юшков С.В. Возникновение самодержавия при царе Алексее Михайловиче. Стенограмма лекции (на правах рукописи) [Текст] / С.В. Юшков. – М., 1945 // Сайт «История». – Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/history/35687>. – (Дата обращения 8.08 2021).
53. Bendix, R. Kings Or People: Power and the Mandate to Rule. – Berkeley etc.: University of California Press, 1980. – 704 p.
54. Bassin M. Geographies of imperial identity// Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 45-66.
55. Henshall N. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy. – London: Longman, New York, 1992. – 245 p.
56. Hughes L. The Courts of Moscow and St Petersburg. 1547-1725 // The Princely Courts of Europe: Ritual Politics and Culture under the Ancien Regime 1500-1750. – London: Seven dials, 2000. – 313, il. p.
57. Hamburg G.M. Russian political thought: 1700–1917 // Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. –Vol. II. – Pp. 116–143.
58. Huntington S. P. The Clash of Civilizations? Foreign Affairs. – 1993. – Vol. 72. – No 3. – Pp. 22–49.
59. Lieven D. The elites // Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. – Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – Pp. 227–244.
60. Madariaga I. Autocracy and Sovereignty. – Canadian-American Slavic Studies. – 1982. – Vol. 16. – No. 3–4. – Pp. 369–387.
61. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. – New York: The Free Press, 1949. – 423 p.
62. Ostrowski D. The Facade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. – Vol. 44. – Iss. – 3. Jul. – Harvard University, 2002. – Pp. 534-563.
63. Parsons T. The Structure of Social Action. A study in social theory with special reference to a group of recent European writers. – L.: Collier-Macmillan Ltd. Canada, Toronto, Ontario: Fourth Printing, 1966. – 847 p.
64. Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. – New Haven: Yale University Press, 1983. – Pp. 707-717.
65. Tibor S. The Russian tradition. – London: Fontana press, 1988. – XIII, 591 с.
66. Toynbee A. J. A Study of History. – New York: Oxford University Press, 1947. – 646 p.

Safronova E.V., Shairyan G.P. Legal phenomenon of russian authority // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 240-252.

The article examines the history of autocracy in Russia, the time of its existence is calculated from the middle of the 16th century. and before the beginning of the twentieth century. The exception was the insignificant periods of the interregnum, which only confirmed the adherence of the Russian people to the sole forms of supreme power - the princely autocracy, which was finally formed at the end of the 15th century in the Moscow state, and to the tsarist autocracy that replaced it, which was abolished on March 2 (15), 1917. The study of autocracy is carried out using extensive source research and historiographic material. This circumstance made it possible to reveal the legal nature of the supreme power of the Russian monarch, to highlight and describe its properties, to show the exclusivity of the state-canonical legal status of its royal owner. The study of autocracy as a legal phenomenon reflecting the uniqueness of political power in Russia is the most important condition for the further improvement of the modern model of Russian statehood, which is very different from its traditional and customary hierarchical version with one-man supreme power. The methodologically applied new civilizational and cultural approach opens up broad scientific perspectives for this and offers still untapped practical opportunities.

Key words: Russian autocracy, form of supreme power, Muscovy, Russian Empire.

Spisok literatury:

1. Avrex A.Ya. Russkij absolyutizm i ego rol' v utverzhenii kapitalizma v Rossii [Tekst] / A.Ya. Avrex // Istoriya SSSR, 1968. № 2. S. 82–104.
2. Ajvazov I.G. Religioznaya pravda russkogo samoderzhaviya [Tekst] / I.G. Ajvazov // Izd. 2-e. – Xar'kov: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1907. – 19 s.
3. Alekseev A.S. Russkoe gosudarstvennoe pravo [Tekst] / A.S. Alekseev. – М., 1892. – 473 s.

4. Alekseeva G. D. Oktyabr'skaya revolyuciya i istoricheskaya nauka v Rossii (1917-1923 gg.) [Tekst] / G. D. Alekseeva // AN SSSR. In-t istorii. – M.: Nauka, 1968. – 300 s.
5. Artizov A.N., M.N.Pokrovskij: final kar'ery – uspeh ili porazhenie? [Tekst] / A.N. Artizov // Otechestvennaya istoriya. – 1998. – № 1. – S. 77–96.
6. Van Xuk M. Metodologiya sravnitel'no-pravovy`x issledovanij [Tekst] / M. Van Xuk // Pravovedenie, 2013. – № 3 (308). – S. 121–147.
7. Veber A. Izbrannoe: Krizis evropejskoj kul'tury` [Tekst] / A. Veber. – SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. – S. 15. (565 s.)
8. Gramota na prava, vol'nosti i preimushhestva blagorodnogo Rossijskogo Dvoryanstva [Tekst] // PSZRI. – Sobr. Pervoe. – T. XXII. – № 16187. – SPb., 1830. S. 344.
9. Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa: vzglyad na kul'turny`e i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu / N.Ya. Danilevskij. – SPb.: Izdanie N. Straxova, 1895. – XLII, 629 s.
10. Zaxarov N.A. Sistema russkoj gosudarstvennoj vlasti [Tekst] / N.A. Zaxarov. – Novocherkassk: E`lektro-Tipografiya F. Tunikova, 1912. – 390 s.
11. Zy`zy`kin, 1924:174 Zy`zy`kin M.V. Czarskaya vlast` i zakon o prestolonasledii v Rossii [Tekst] / M.V. Zy`zy`kin. – Sofiya: Tipografiya «Novaya zhizn'», 1924. – 195 s.
12. Ioann Shanxajskij (Maksimovich). Proisxozhdenie zakona o prestolonasledii v Rossii [Tekst] / M.B. Maksimovich. – Shanxaj, Izdanie Russkogo prosvetitel'nogo Komiteta v g. Shanxaj, 1936. Sajt «Monarxist». – Rezhim dostupa: <http://www.imperialhouse.ru/rus/monograph/monograph/1326.html>. – (Data obrashheniya 10.08.2021).
13. Kazanskij P.E. Vlast` Vserossijskogo Imperatora [Tekst] / P.E. Kazanskij. – Odessa: Tip. «Texnik», 1913. – XL, 960 s.
14. Kobrin,1991;56 Kobrin V. B., Yurganov A. L. Stanovlenie despoticheskogo samoderzhaviya v srednevekovoj Rusi (k postanovke problemy`) [Tekst] / V.B. Kobrin, A.L. Yurganov // Istoriya SSSR, 1991. – № 4. – S. 54–64.
15. Korevo N.N. Imperatorskij Vserossijskij Prestol. Nasledovanie Prestola po Osnovny`m Gosudarstvenny`m zakonam: Spravka po nekotory`m voprosam, kasayushhimsya Prestolonaslediya [Tekst] / N. Korevo. – Parizh: O-vo ob`edineniya russkix v Nitsze, 1922. – 139 s.
16. Korkunov N.M. Ukaz i zakon: Issledovaniya N.M. Korkunova [Tekst] / A.V. Korkunov / SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1894. – VIII, 408 s.
17. Kotlyarevskij S.A. Yuridicheskie predposy`lki russkix Osnovny`x Zakonov [Tekst] / S.A. Kotlyarevskij. – M.: tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1912. – S. 217.
18. Kuzin D.A. Publichnaya vlast` v Rossijskoj Federacii: ponyatie, principy` [Tekst] / D.A. Kuzin // Ucheny`e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. – №1 (57). – S. 317 – 321.
19. Lazarevskij N.I. Russkoe gosudarstvennoe pravo: v 2-x t. – T. 1. Konstitucionnoe pravo [Tekst] / N.I. Lazarevskij – Izd. 2-e. – SPb.: Tipografiya Akcionernogo obshhestva «Slovo», 1910. – 479 s.
20. Lapteva L.E. Problema adekvatnosti sravneniya v issledovaniyax po istorii otechestvennogo gosudarstvennogo prava [Tekst] / L.E. Lapteva // Metodologiya sravnitel'no-pravovy`x issledovanij. – M., 2013. – S. 160–168.
21. Lapteva L.E., Nemy`tina M.V., Cybik Cz.M. Zemstvo i mirovoj sud v Rossii: organizaciya publichnoj vlasti na mestnom urovne [Tekst] / L.E. Lapteva, M.V. Nemy`tina, Cz.M.Cybik // By`ly`e gody`. Rossijskij istoricheskij zhurnal, 2019. – № 54 (4). – s. 1679-1691.
22. Leont`ev K. N. Dopolnenie k dvum stat'yam o panslavizme [Tekst] / K.N. Leont`ev // Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. Sbornik statej. – T. I. – M.: Tipolitografiya N.N. Kushnereva i K0, 1885. – 323 s.
23. Men'shikov V.V. M. Veber o vlasti [Tekst] / V.V. Men'shikov // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. – KGU, 2012. – № 1. – 41–48 s.
24. Milyukov P.N. Velichie i padenie Pokrovskogo [Tekst] / P.N. Milyukov // Voprosy` istorii, 1993. – № 4. – S. 114–126.
25. Mosina Z. V. K obsuzhdeniyu problemy` absolyutizma [Tekst] / Z.V. Mosina // Istorik-marksist, 1940. – № 6. – S. 68–72.
26. Nemy`tina M.V. Samoderzhavie i sudebny`e preobrazovaniya vtoroj polo`viny` XIX – nachala XX veka v Rossii [Tekst] / M.V. Nemy`tina // Istoriko-pravovy`e problemy`: novy`j rakurs. – Kursk: KGU, 2014. – №9–2. – s. 85 – 103.
27. Pavlova-Sil`vanskaya M. P. K voprosu ob osobennostyax absolyutizma v Rossii [Tekst] / M.P. Pavlova-Sil`vanskaya // Istoriya SSSR, 1969. – № 6. – S. 217-234.
28. Platonov, 2007: 207 Platonov S.F. Polny`j kurs lekcij po russkoj istorii [Tekst] / S.F. Platonov. – M., 2007.
29. Pokrovskij M.N. Istoricheskaya nauka i bor`ba klassov [Tekst] / M.N. Pokrovskij. – Vy`p. 1. – M.–L.: Socz`giz, 1933. – S.322–326.
30. Porshnev B.F. Feodalizm i narodny`e massy` [Tekst] / B.F. Porshnev. – M.: Nauka, 1964. – S. 323 – 326.
31. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Tekst] / G. Rikkert // Kul'turologiya XX vek. Antologiya. – M., 1995. – S. 69 – 101.
32. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie tret`e. – T. XXVI. – Otd. 1. 1906 g. [Tekst]. – SPb: Gosudarstvennaya tipografiya, 1909. – 1157 s.
33. Skazkin S.D. Problema absolyutizma v Zapadnoj Evrope (Vremya i usloviya ego vozniknoveniya) [Tekst] / S.D. Skazkin // Izbranny`e trudy` po istorii. – M.: Nauka, 1973. – S. 341–356.
34. 34. Sokol'skij V.V. Russkoe gosudarstvennoe pravo [Tekst] / V.V. Sokol'skij. – Odessa, 1890. – 334, X s.
35. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya dinamika [Tekst] / P. Sorokin. – M.: Astrel`, 2006. – 1176 s.
36. Sy`romyatnikov B.I. , 1943:93 Sy`romyatnikov B.I. «Regulyarnoe» gosudarstvo Petra Pervogo i ego ideologiya [Tekst] / B.I. Sy`romyatnikov. – L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1943. – Ch. 1. – 218 s

37. Sy`ry`x V. M. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: uchebnik [Tekst] / V. M.Sy`ry`x. – M.: Norma, 2012. – 463 s.
38. Talina G.V. Utverzhdenie dinastii: obshhestvennaya my`sl` i gosudarstvennaya ideologiya o czarskoj vlasti pervy`x Romanovy`x [Tekst] / G.V. Talina // Znanie. Ponimanie. Umenie, 2015. – № 3. – S. 195–207.
39. Tarasov N.N. Metodologicheskie problemy` yuridicheskoy nauki [Tekst] / N.N.Tarasov. – Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit. un-ta, 2001. – 264 s.
40. Tixomirov L.A. Kritika demokratii [Tekst] / L.A. Tixomirov. – M.: Red. zhurn. «Moskva», 1997. – S. 531 – 665 s.
41. Tixomirov Yu.A. Socializm i politicheskaya vlast` [Tekst] / Yu.A. Tixomirov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1974. – № 5. – S. 11-19.
42. Tojnbi A.Dzh. Issledovanie istorii: v 3-x t. [Tekst] / A.Dzh. Tojnbi. – SPb, 2006. – T. 1. – 407 s.
43. Troiczkiy, 1969:130), Troiczkiy S.M. O nekotory`x sporny`x voprosax istorii absolyutizma v Rossii [Tekst] / S.M. Troiczkiy // Istoriya SSSR, 1969. – № 3. – S. 130–149.
44. Uvarov S. Š. Gosudarstvenny`e osnovy`. [Tekst] / S.S. Uvarov //– M.: Institut ruskoj civilizacii, 2014. – 600 s.
45. Ukaz Pravitel`stvuyushhemu Senatu «Ob uchrezhdenii sudebny`x ustanovlenij i Sudebny`x ustavov» // PSZRI. – T. XXXIX. – № 41473. – S. 179.
46. Froyanov I.Ya. Drevnyaya Rus` IX-XIII vekov: narodny`e dvizheniya, knyazheskaya i vechevaya vlast` [Tekst] / I. Ya. Froyanov. – M.: Russkij izdatel`skij centr, 2012. – 1087 s.
47. Froyanov I.Ya. O nekotory`x osobennostyax ruskoj istorii [Tekst] / I.Ya. Froyanov // MNEMON Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. – Vy`p. 12: Iz istorii antichnosti i novogo vremeni. Sbornik statej k 80-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E`. D. Frolova. – SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny`j universitet, 2013. – S. 503-521.
48. Chernyaev, 2011:1 Chernyaev N.I. Russkoe samoderzhavie [Tekst] / N.I. Chernyaev. – M.: Institut ruskoj civilizacii, 2011. – 856 s.
49. Chistozvonov A.N. Nekotory`e aspekty` problemy` genezisa absolyutizma [Tekst] / A.N. Chistozvonov // Voprosy` istorii, 1968. – № 5. – S. 46–62.
50. Shapiro A. L. Ob absolyutizme v Rossii [Tekst] / A.L. Shapiro // Istoriya SSSR, 1968. – № 5. – S. 69–82.
51. Shpengler O. Zakat Evropy`. Ocherki morfologii mirovoj istorii [Tekst] / O. Shpengler. – M.: «My`sl`», 1998. – 671 s.
52. Yushkov S.V. Vozniknovenie samoderzhaviya pri czare Aleksee Mixajloviche. Stenogramma lekcii (na pravax rukopisi) [Tekst] / S.V. Yushkov. – M., 1945 // Sajt «Istoriya». – Rezhim dostupa: <https://www.portal-slovo.ru/history/35687>. – (Data obrashheniya 8.08 2021).
53. Bendix, R. Kings Or People: Power and the Mandate to Rule. – Berkeley etc.: University of California Press, 1980. – 704 p.
54. Bassin M. Geographies of imperial identity// Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 45-66.
55. Henshall N. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy. – London: Longman, New York, 1992. – 245 p.
56. Hughes L. The Courts of Moscow and St Petersburg, 1547-1725 // The Princely Courts of Europe: Ritual Politics and Culture under the Ancien Regime 1500-1750. – London: Seven dials, 2000. – 313, il. p.
57. Hamburg G.M. Russian political thought: 1700–1917 // Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. –Vol. II. – Pp. 116–143.
58. Huntington S. P. The Clash of Civilizations? Foreign Affairs. – 1993. – Vol. 72. – No 3. – Pp. 22–49.
59. Lieven D. The elites // Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. – Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – Pp. 227–244.
60. Madariaga I. Autocracy and Sovereignty. – Canadian-American Slavic Studies. – 1982. – Vol. 16. – No. 3–4. – Pp. 369–387.
61. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. – New York: The Free Press, 1949. – 423 p.
62. Ostrowski D. The Facade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. – Vol. 44. – Iss. – 3. Jul. – Harvard University, 2002. – Pp. 534-563.
63. Parsons T. The Structure of Social Action. A study in social theory with special reference to a group of recent European writers. – L.: Collier-Macmillan Ltd. Canada, Toronto, Ontario: Fourth Printing, 1966. – 847 p.
64. Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. – New Haven: Yale University Press, 1983. – Pp. 707-717.
65. Tibor S. The Russian tradition. – London: Fontana press, 1988. – XIII, 591 c.
66. Toynbee A. J. A Study of History. – New York: Oxford University Press, 1947. – 646 p.

УДК 343

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-253-263

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Рудик М.В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Автором проанализированы динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов на территории Республики Крым в 2016–2020 гг. Кроме этого была проанализирована структура преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов на территории Республики Крым. Отдельные статистические данные говорят о том, что большинство преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершают лица, не имеющие постоянного источника дохода. Автором отмечается, что в настоящее время эффективное противодействие наркопреступлениям имеет ряд сложностей, возникающих в виду перехода от контактных видов сбыта к бесконтактным, которые активно используют лица, осуществляющие распространение и сбыт наркотических средств и психотропных веществ. В противодействии таким электронным способам бесконтактной продажи наркотических средств правоохранительными органами зачастую проводится работа в недостаточном, а порой в усеченном формате. Основные сложности в её качественном проведении сводятся к сложностям в осуществлении технической обработки используемых для её осуществления интернет мессенджеров, операций с криптовалютами, применением анонимайзеров.

Ключевые слова: преступление, наркотические средства, психотропные вещества, аналоги, сбыт, лево-конструктор, анализ наркопреступности

На 01.01.2021 число лиц, зарегистрированных с диагнозом «наркомания», на территории Республики Крым составило 4273 человек (в 2020 г. – 4217 чел.), из них женщин 367 (в 2019 г. – 615 чел.).

Из числа лиц, зарегистрированных с диагнозом «наркомания», 52,2% (2387 человек) являются потребителями опиоидов (в 2018 г. – 2599), количество лиц, потребляющих другие наркотики и их сочетания (полинаркомания), 39% (1788 чел., в 2018 г. – 1658 чел.), 355 человек, или 7,7% является потребителем каннабиноидов (в 2018 г. – 381), 43 человека, почти 1% употребляют психостимуляторы (в 2018 г. – 45).

В 2019 г. отмечается увеличение общего количества лиц, наблюдающихся в профилактической группе с диагнозом «пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков» – 6274 человек (в 2018 г. – 6144), из них женщины – 395 человек (в 2018 г. – 398), несовершеннолетние – 44 (в 2018 г. – 52).

Таблица №1. Динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов на территории Республики Крым и Российской Федерации в 2016–2020 гг. Динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов на территории Республики Крым и Российской Федерации в 2016–2020 гг.

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Республика Крым	1638	2049	2314	1905	2253
Российская Федерация	201165	208681	200306	230271	227854

В 2016 г. – зарегистрировано 1638 (2015 – 1743, -6,0%) наркопреступлений. Снизилось количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на территории обслуживания ОМВД России по г. Феодосии (59; -31,4%), ОМВД России по Бахчисарайскому району (44; -25,4%), МОМВД России «Красноперекопский» (37; -43,1, %), ОМВД России по Раздольненскому району (26; -33,3%).

В 2017 г. зарегистрировано 2049 (2016 – 1638, +25,1%) наркопреступлений. Снизилось количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на территории обслуживания ОМВД России по Нижнегорскому району (25; -34,2%), ОМВД России по Первомайскому району (26; -31,6%), ОП № 2 УМВД России по г. Керчи (31; 31,1%), ОМВД России по Черноморскому району (37; -26,0%), МОМВД России «Красноперекопский» (29; 21,6%), ОМВД России по г. Судаку (26; 16,1%), ОМВД России по Советскому району (61; -14,1%), ОП № 3 «Центральный» УМВД России по г. Симферополю (122; -9,0%), ОП № 3 УМВД России по г. Керчи (26; 7,1%).

В 2018 г. зарегистрировано 2314 (2017 – 2049, +12,9%) наркопреступлений. Снизилось количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на территории обслуживания ОМВД России по Черноморскому (21; -43,2%), Советскому району (38; -37,7%), Белогорскому (47; -28,8%), Бахчисарайскому (51; -27,1%), Симферопольскому (111; -24,0%), Красногвардейскому (81; -21,4%), Раздольненскому (30; -18,9%) районам, ОМВД России по г. Армянску (38; -13,6%), ОМВД России по Первомайскому району (25; -3,8%), УМВД России по г. Ялте (237; -1,7%), МО МВД России «Сакский» (119; -0,8%).

В 2019 г. зарегистрировано 1905 (2018 – 2314, -17,7%) наркопреступлений. Снизилось количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на территории обслуживания ОМВД России по Ленинскому (38; -54,2%), Раздольненскому (14; -53,3%) районам, ОМВД России по г. Евпатории (112;

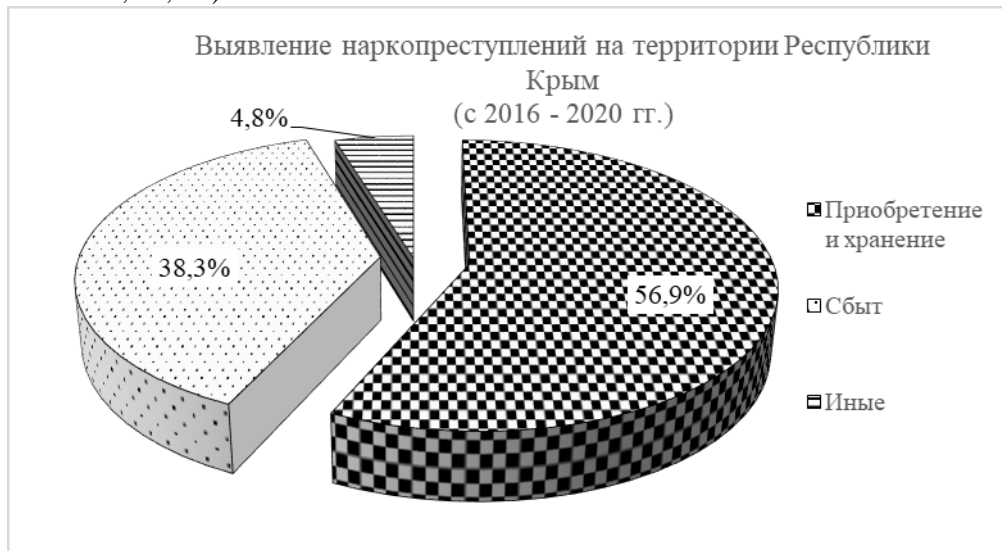
-53,1%), ОП № 3 «Центральный» УМВД России по г. Симферополю (83; -51,7%), ОМВД России по Первомайскому району (15; -40,0%), Красногвардейскому (55; -32,1%), Нижегородскому (31; -31,1%), Советскому (28; -26,3%) районами, УМВД России по г. Ялте (177; -25,3%).

По итогам работы за 2020 год по фактам незаконного оборота наркотиков на территории Республики Крым возбуждено 2253 уголовных дела (АППГ – 1905, +18,3%), в их числе 1145 преступлений категории тяжких и особо тяжких (АППГ – 1156, -1,0%). Увеличилось на 10% количество уголовных дел категории тяжких и особо тяжких, направленных в суд (с 542 (2019 г.) до 598), в том числе по фактам сбыта (с 345 (2019 г.) до 367).

Снизилось количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на территории обслуживания ОМВД России по г. Армянску (20; -42,9%), ОМВД России по г. Алуште (51; -32,9%), ОМВД России по Нижегородскому району (21; -32,3%), МО МВД России «Красноперекопский» (48; -23,8%), МО МВД России «Джанкойский» (89; -21,2%).

В 2020 г. на территории республики выявлено 1145 (2019 – 1156; -1,0%) тяжких и особо тяжких преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

По фактам незаконного изготовления, приобретения и хранения наркотических средств задокументировано 1281 (2019 – 890; +43,9%) преступление, их сбыта – 863 (2019 – 880; -1,9%).

На протяжении трех последних лет в Республике Крым наблюдается незначительное снижение общей и первичной заболеваемости наркоманией. Большинство наркопортебителей находится в возрастной группе от 20 до 39 лет. Наблюдается тенденция снижения первичной заболеваемости опиоидной наркоманией, что в свою очередь говорит об увеличении популярности среди наркопотребителей других видов наркотических средств, таких, как синтетические наркотики.

Таблица №2. Структура преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов на территории Республики Крым в 2016–2020 гг.

Год	Всего	Показатели							
		Ст. 228 УК РФ		Ст. 228.1 УК РФ		Ст. 231 УК РФ		Иные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	
		количество	Доля %	количество	Доля %	количество	Доля %	количество	Доля %
2016	1638	1037	67	480	28	65	2,8	56	2,2
2017	2049	1213	62	665	28	76	3,5	95	6,5
2018	2314	1195	45	971	35	61	5	87	15
2019	1905	890	48,5	880	45,5	56	2,8	79	3,2
2020	2253	1281	57	863	38	54	2,4	55	2,6

Сравнение структуры преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов на территории Республики Крым в 2016 и 2020 гг., показывает, что наиболее часто встречающееся общественно-опасное деяние, связанное с незаконным оборотом наркотических средств – это ст. 228 УК РФ, предусматривающая незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. С некоторым отставанием от количества вышеназванного преступления идет статья 228.1 УК РФ, на которую приходится почти 40% от выявленного количества наркопреступлений на территории Республики Крым. В 2019 г. произошло снижение количества преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 231 УК РФ по сравнению с 2016-2018 гг. Однако показатели выявленных преступлений по ст. 228.1 УК РФ по сравнению с 2016-2018 гг. существенно возросли. Их доля существенно возросла с 28% (2016) до 48,5% (2019) гг.

По окончанным уголовным делам из незаконного оборота изъято 223,2 кг (2019 – 151,7 кг) наркотических средств и психотропных веществ, в т.ч. в т.ч. опийной группы (1,4 кг), каннабиса (167,3 кг), синтетических наркотиков (43,7 кг), 1,7 кг психотропных веществ.

В 2020 г. правоохранительными органами задокументировано 19 фактов контрабанды наркотических и сильнодействующих веществ (ст.ст. 226.1 и 229.1 УК РФ) (2019 – 13, +46,2%). В суд направлено 13 уголовных дел указанной категории (2019 – 10, +30,0%). По итогам 2020 года в судебные органы направленно уголовное дело в отношении преступного сообщества, которое на территории Республики Крым, а также г. Севастополя, Краснодарского края, г. Москвы и Московской области осуществляло бесконтактный сбыт наркотических средств, а производство их было налажено на территории Псковской области, где и был задержан организатор.

По результатам проведенных мероприятий сотрудниками органов внутренних дел ликвидирован «магазин» под наименованием «The Vinus Project», которые осу-

ществлял свою преступную деятельность на протяжении более 2 лет.

Так, в процессе своего существования в преступную деятельность указанного «магазина», происходило вовлечение новых его членов. Организатором данного преступного сообщества вменено совершение 14 преступлений тяжкой и особо тяжкой категории в их числе ч. 2 ст. 210 УК РФ, п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ и ч. 2 ст. 174.1 УК РФ [1]. Из незаконного оборота изъято около 1,5 кг наркотических средств и психотропных веществ, более 29 кг различных прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, лабораторное оборудование, предназначенное для производства наркотиков, многочисленные средства связи и телекоммуникации, а также транспортные средства, и денежные средства, добытые преступным путем на общую сумму более 3 млн рублей, наложен арест на недвижимое имущество фигурантов.

Далее следует рассмотреть сведения об изъятии наркотических средств в Республике Крым. Всего в 2016–2020 гг. на территории указанного региона правоохранительными органами за указанный период было изъято более 710 кг наркотических средств.

Таблица №3. Сведения об изъятии наркотических средств наркотических средств в Республике Крым в 2016-2020 годах (в граммах).

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Всего наркотических средств	115496	176465	97283	175129	145886
наркотические средства из мака	2483	1839	935	1352	1078
в том числе героин	0	0	13	0	0
наркотические средства из конопли	110730	157799	82047	156536	111614
в том числе марихуана	110617	157687	81977	156384	111513
наркотические средства из кокаинового куста	17	230	2	49	104
амфетамин и другие стимуляторы	737	8572	2889	2045	2919
иные наркотические средства	1529	8025	11510	15147	30171

Из приведенной выше таблицы видно, что наиболее распространённым наркотическим средством, изъятым сотрудниками МВД по Республике Крым в указанный период, являлась наркотические средства каннабисной группы, в том числе марихуана. Из приведенной таблицы видно, что ее процентное соотношение к остальным изъятым наркотическим средствам составляет около 84 %. На втором месте находятся наркотические средства из мака, доля которых составляет 6 %. На третьем месте по количеству изъятых средств – амфетамин и другие стимуляторы 3 %.

Наименее распространенным среди изымаемых наркосодержащих из представленного перечня средств являются: наркотические средства из кокаинового куста, а также героин [4].

Таблица №4. Сведения об изъятии наркосодержащих растений, сильнодействующих веществ, прекурсоров в Республике Крым в 2016-2020 годах (в граммах)

от 0 до 14 лет	0	0	0	0	0	5	5	3	3	5
15-17 лет	2	1	1	0	0	93	82	49	41	47
18-19 лет	4	3	2	2	5	73	65	72	73	64
20-39 лет	2897	2853	2777	2672	2447	7204	4377	4256	4547	4246
40-59 лет	1756	1781	1851	1838	1972	3329	1623	1689	1718	1857
60 лет и старше	41	41	58	61	95	100	67	75	86	97

В течение 2019 г. число лиц с диагнозом «синдром зависимости от наркотических средств (наркомания)», установленным впервые в жизни сократилось на 2,5%.

В то же время количество лиц с впервые в жизни установленным диагнозом «пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков» уменьшилось на 23,4% в сравнении с прошлым годом (в 2018 г. – 691 человек, в 2019 г. – 560).

По итогам 2019 г. показатель числа лиц, зарегистрированных с впервые в жизни установленным диагнозом «синдром зависимости от наркотических средств», наиболее высокий в г. Симферополе (44 чел.), в г. Керчи (39 чел.), в г. Ялте (16). В Черноморском, Раздольненском, Нижнегорском, Кировском районах и г. Судак данный показатель равен 0.

Выявление наркопотребителей на стадии злоупотребления наркотическими веществами свидетельствует об эффективности раннего выявления и способствует более раннему началу профилактических мероприятий, предотвращая развитие синдрома зависимости от наркотиков [2].

По итогам 2019 г. в структуре наркопотребления среди лиц, зарегистрированных с диагнозом «синдром зависимости от наркотических средств», 52,2% составляют потребители опийных наркотиков, что на 8,9% меньше аналогичного показателя 2018 года. В 2019 году в структуре наркопотребления потребители каннабиноидов составляют 7,8% (-7,3%), потребители психостимуляторов – 0,94% (- 4,6%), потребители других наркотиков и сочетанного потребления – 39,1% (+7,3%).

В 2020 г. Государственным бюджетным учреждением здравоохранения Республики Крым «Крымский научно-практический центр наркологии» зарегистрировано 10063 человек, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества, из них, 4217 состоят на диспансерном учете с диагнозом «синдром зависимости» и 5846 на профилактическом учете с диагнозом «пагубное употребление наркотиков». На протяжении пяти последних лет отмечается тенденция снижения количества лиц на 16,3 % с диагнозом «пагубное употребление наркотиков» среди молодежи: в возрасте 15-17 лет на 59,7% (в 2016 – 96, в 2017 г. – 82, в 2018 г. – 49, в 2019 г. – 41, в 2020 – 25). В течении 2020 года число лиц с диагнозом «синдром зависимости от наркотических средств (наркомания)», установленным впервые в жизни сократилось на 6,8 %.

Значительное снижение по количеству лиц, привлеченных к уголовной ответственности за сбыт наркотиков, наблюдается в УМВД России по г. Ялте (на 17 лиц;

с 28 до 11), ОМВД России по г. Армянску (на 8 лиц; с 13 до 5) и ОМВД России по Советскому району (на 4 лица; с 8 до 4).

Также необходимо принять во внимание результаты анкетирования граждан по вопросам, связанным с проблемой наркомании в регионе. По результатам социологического опроса населения общее количество опрошенных составило 6593 чел., что составляет 0,34% от населения Республики Крым.

Актуальность проблемы наркомании выделяют 17,7% респондентов. Среди наиболее острых проблем, требующих решения, респонденты в первую очередь выделяют качество дорог (58,3%), на втором месте качество медицинского обслуживания (48%), затем безработица (41,8%), состояние жилищно-коммунальной сферы (39,4%), алкоголизм (38,9%), нехватка жилья (36,7%).

39,8% опрошенных считают, что проблема наркомании в Республике Крым распространена, но не больше, чем в других регионах страны и 8,7% считают данную проблему очень распространенной. По мнению 16,8% опрошенных считают проблему наркомании совсем не распространенной. Наиболее актуальными причинами распространения наркомании у респондентов по-прежнему остаются социальные причины: моральная деградация общества 41%, безработица, неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие 35 %.

83,1 % опрошенных, не общаются с людьми, употребляющими наркотики, 92,3% указали, что не пробовали наркотические средства; 85,2% респондентов ответили, что ни они, ни их знакомые не прибегали к услугам сети «Интернет» для получения сведений о наркотиках или способах их употребления; 87,3 % респондентов сообщили, что, если бы им предложили попробовать наркотики, они бы отказались.

Необходимо отметить, что, несмотря на предпринимаемые усилия, уровень осведомленности населения о правовой ответственности за употребление, хранение и сбыт наркотических веществ остается низким. Почти каждый второй (47,7 %) респондент отмечает о своей правовой информированности лишь «в общих чертах».

При этом 34,7% опрошенных считают, что достать наркотики сегодня достаточно легко или легко.

Осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков характерно для 58,1% респондентов. Факторами, удерживающими респондентов от употребления наркотиков, являются боязнь ранней смерти (28,4%), опасность заболеть ВИЧ-инфекцией и вирусными гепатитами В и С (25,6%). Среди наименее значимых факторов респонденты отметили боязнь остаться ненужным обществу (14,3%), боязнь оказаться в тюрьме (11,3%) [4].

Отдельные статистические данные говорят о том, что, что большинство преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершают лица, не имеющие постоянного источника дохода.

Таблица №7. Количество и удельный вес лиц, не имеющих постоянного источника дохода, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в Республике Крым в 2016–2020 гг.

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Количество лиц	996	1108	998	876	1014
Доля, %	81,4%	81%	77,1%	79,6%	81,3%

Изучив полученные данные можно прийти к выводу, что доля лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в Республике Крым в 2016–2020 гг. выглядит достаточно стабильной, без значительных колебаний. В среднем это 80%.

В структуре выявленных на территории Республики Крым наркопреступников достаточно высока и доля лиц, ранее совершавших подобного рода преступления.

Таблица №8. Количество и удельный вес лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и ранее совершавших преступления, в Республике Крым в 2016–2020 гг.

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Количество лиц	582	664	636	593	652
Доля, %	47,6%	48,6%	49,1%	53,9%	52,2%

Из приведенной таблицы видно, что доля лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и ранее совершавших подобного рода преступления на территории Республики Крым, в целом не имеет сильных колебаний.

Эффективное противодействие наркопреступлениям в настоящее время имеет ряд сложностей, возникающих в виду перехода от контактных видов сбыта к бесконтактным, которые для обеспечения связи использует информационные технологии. Новейшие средства электронной коммуникации, которые набирают популярность среди пользователей глобальной сети Интернет, такие, как «Skype», «Jabber», «Viber», «WhatsApp», «Brosix», «Vipole», «Telegramm» довольно активно используются преступниками, которые используют указанные выше мессенджеры для связи с потенциальными покупателями наркотических средств и психотропных веществ. Оплата таких покупок зачастую проходит через платежные системы «QIWI Wallet», «WebMoney», «Yandex-Money», кроме этого отдельные лица используют для расчетов также и криптовалюты, в том числе Bitcoin. В противодействии таким электронным способам бесконтактной продажи наркотических средств правоохранительными органами зачастую проводится работа в недостаточном, а порой в усеченном формате. Основные сложности в её качественном проведении сводятся к сложностям в осуществлении технической обработки используемых для её осуществления интернет мессенджеров, операций с криптовалютами, а также применением аннонимайзеров. Отдельно следует упомянуть о набирающей популярность в преступной среде так называемых «Лего-конструкторов», позволяющих даже человеку далекому от азов химии, прочитав пошаговую инструкцию овладеть навыками приготовления и производства наркотических средств.

Примерами использования приобретения и использования «Лего-конструкторов» на территории Республики Крым могут быть следующие. Жительница Симферопольского района осенью 2018 г. по месту своего проживания в подвале собственного дома оборудовала помещение для производства наркотического средства «мефедрон». Для этого она приобрела набор реактивов и химических веществ «Лего-конструктор» для производства наркотического средства «мефедрон». Как стало известно правоохранительным органам, она познакомилась с ранее ей не знакомым К. От последнего ей стало известно о том, что тот умеет изготавливать наркотическое средство «мефедрон». В ноябре 2018 г. К. переехал к ней жить и предложил

ей научиться изготавливать наркотическое средство «мефедрон». Она согласилась на его предложение, поскольку хотела полученное наркотическое средство реализовать в магазин «Old School», а также в иные магазины. С целью изготовления наркотического средства «мефедрон» она и К. заказали необходимые реактивы в магазине «Меф-мания», действующем на платформе интернет-сайта «HYDRA». После чего необходимое оборудование было приобретено ими на территории Республики Крым.

Заказанные реактивы «Лего-конструктор», пришли к ним посредством услуг транспортной компании «Кит». Они получили указанную посылку по поддельным ксерокопиям паспортов (выданных на других лиц) в офисе транспортной компании «Кит» в г. Симферополе. Всё необходимое оборудование и реактивы находилось по месту её проживания. Всего наркотическое средство «мефедрон» изготавливалось ею 4 раза, при этом 2 раза она изготавливала указанное наркотическое средство с К. 2 раза – самостоятельно. Ранее она указывала, что изготавливала наркотическое средство 5 раз. Пояснила, что одна из попыток изготовления не увенчалась успехом, поскольку у нее взорвалась банка, в результате чего изготовить мефедрон не получилось. Произведённое наркотическое средство продавалось ею в интернет-магазин «Всё по чесноку», интернет-магазин «Old School», а также в иные интернет-магазины. Администрации интернет-магазина «Old School» было известно о том, что она изготавливала наркотическое средство мефедрон. При этом она параллельно работала «логистом» в магазине «Old School». Последний раз она изготавливала наркотическое средство «мефедрон» в январе 2020 г. Рецепт приготовления наркотического средства «мефедрон» ей сообщил К. Указанный рецепт был зафиксирован в виде фотоснимка листа бумаги на её телефоне «Xiaomi 8 Pro», который у неё изъят сотрудниками полиции в ходе проведения.

Кроме этого имеется еще один задокументированный факт приобретения так называемого «Лего-конструктора» для производства наркотических средств. Жительница Сакского района С. в период с ноября 2018 г. до 27.05.2020 приискала подробную методику получения путём синтеза указанного наркотического средства из иных химических веществ, в том числе прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, после чего, в указанный период приобрела у неустановленных лиц необходимое для изготовления наркотического средства мефедрон.

07.05.2020, в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «Обследование жилого помещения» по месту жительства С. в подсобном помещении, расположенном на территории ее домовладения, сотрудниками правоохранительных органов обнаружено и изъято оборудование и предметы, используемые С. при незаконном производстве наркотического средства мефедрон (4-метилметкатион), в том числе: фрагмент стекла с наслоением вещества светло-бежевого цвета; металлическая ложка и пластиковая карта с надписью «Viza» с наслоением вещества бежевого цвета; три фрагмента ткани с наслоениями вещества бежевого цвета; прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ, средства индивидуальной защиты.

Общая масса изъятого по месту жительства С. наркотического средства мефедрон (4-метилметкатион) составляет 9,13 г. В соответствии с «Перечнем наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (список 1), утверждённым постановлением Правительства Российской Федерации № 681 от 30 июня 1998 г. (с последующими изменениями и

дополнениями) мефедрон (4-метилметкатаинон) является наркотическим средством. Своими умышленными действиями С. совершила преступление, предусмотренное п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, то есть незаконное производство наркотических средств, совершенное в крупном размере. Таковы основные статистические показатели преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов на территории Республики Крым.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ Система ГАРАНТ URL: <http://base.garant.ru/10108000/#ixzz6mY6bqi7a> (дата обращения 11.03.2021 г.).
2. Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета» от 27 ноября 2013 г. № 267.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ Система ГАРАНТ. – URL: <http://base.garant.ru/12125267/#ixzz6p66NFKtz> (дата обращения: 11.03.2021).
4. Комплексный анализ состояния преступности на территории обслуживания и результатов оперативно-служебной деятельности Министерства внутренних дел по Республике Крым за 2020 год.
5. Рудик М.В., Юсупов Т.А. Проблемные вопросы противодействия бесконтактному сбыту наркотических средств на территории Республики Крым. В сборнике: Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2021. С. 231–237.

Rudik M. V. Characteristic of crime related to the illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues in the territory of the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 253-263.

The author analyzed the dynamics of crimes related to the illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues on the territory of the Republic of Crimea in 2016–2020. In addition, the structure of crime related to the illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues in the territory of the Republic of Crimea was analyzed. Some statistics indicate that the majority of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances are committed by persons who do not have a permanent source of income. The author notes that at present, effective counteraction to drug-related crimes has a number of difficulties arising from the transition from contact types of sale to non-contact ones, which are actively used by persons distributing and selling narcotic drugs and psychotropic substances. In countering such electronic methods of contactless sale of narcotic drugs, law enforcement agencies often work in an insufficient, and sometimes in a truncated format. The main difficulties in its high-quality implementation are reduced to the difficulties in the implementation of technical processing of the Internet messengers used for its implementation, operations with cryptocurrencies, as well as the use of anonymizers.

Keywords: crime, narcotic drugs, psychotropic substances, analogues, sale, lego-constructor, analysis of drug crime.

Spisok literatury:

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ Sistema GARANT URL: <http://base.garant.ru/10108000/#ixzz6mY6bqi7a> (data obrashcheniya 11.03.2021 g.).
2. Federal'nyj zakon ot 25 noyabrya 2013 g. № 313-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // «Rossijskaya gazeta» ot 27 noyabrya 2013 g. № 267.
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ Sistema GARANT. – URL: <http://base.garant.ru/12125267/#ixzz6p66NFKtz> (data obrashcheniya: 11.03.2021).
4. Kompleksnyj analiz sostoyaniya prestupnosti na territorii obsluzhivaniya i rezul'tatov operativno-služebnoj deyatel'nosti Ministerstva vnutrennih del po Respublike Krym za 2020 god.
5. Rudik M.V., YUsupov T.A. Problemye voprosy protivodejstviya beskontaktnomu sbytu narkoticheskikh sredstv na territorii Respubliki Krym. V sbornike: Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie napravleniya protivodejstviya prestupnosti. Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov. Simferopol', 2021. S. 231–237.

УДК 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-264-269

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОЦМАНОВ ВНУТРЕННИХ ВОДНЫХ ПУТЕЙ В СССР В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Никитина А. П.

Севастопольский государственный университет

В статье указано, что только после принятия кодекса торгового мореплавания СССР 1929 г. удалось определить основные составляющие устава внутреннего водного транспорта 1930 г., в том числе вопросам, связанным с плотовыми командами и лоцманов плотоводов (глава 4 Устава). Главой 5 устава устанавливался круг ответственных органов и способы их взаимодействия, а глава 6 вопросам бечевника и пристанских участков. Вопросы статуса, положения, задач и обязанностей лоцманов на внутренних водных путях не нашли своего отражения в уставе, очевидно потому, что данные лоцманы впоследствии включались в состав судовых команд или же являлись обычными служащими различных ведомств, лишившись своего независимого статуса и отдельной организации. Разрешение ситуации стало возможно в 1931-1932 гг. с выделением водного транспорта в отдельный наркомат. После чего начался активный процесс регулирования деятельности речных лоцманов различными заинтересованными ведомствами.

Ключевые слова: лоцманы внутренних водных путей, кодекс, устав, сплав, плоты, буксировка, наркомат.

С принятием в 1929 г. кодекса торгового мореплавания СССР, в 1930 г. Постановлением совета народных комиссаров был принят и «Устав внутреннего водного транспорта» (далее – УВВТ) [1, с. 1060-1086], в котором нашли свое отражение и вопросы регулирования деятельности плотовых команд сплавов.

Так, в частности, глава 4 УВВТ посвящалась экипажам судов и плотов, которой регулировался состав судового экипажа (п. 22); устанавливался «Порядок найма и увольнения судового экипажа, условия службы на судах, служебные права и обязанности судового экипажа» (п. 23) и порядок его назначения и увольнения (п. 24) предоставленный капитану. Особо указывалось, что экипаж буксируемых судов и плотов, в вопросах управления и дисциплины должен подчиняться во время буксировки капитану буксирующего судна. При этом распределение полномочий капитана буксирующего судна и экипажа буксируемых судов и плотов возлагалось на отдельные нормы, что правда, не указывалось, кем они будут разрабатываться и приниматься (п. 30).

В главе 5 «Сплав» неоднозначно подчеркивалось, что в каждом сплавному районе сплав леса мог производиться только одной государственной лесосплавляющей организацией. Этим, закон однозначно монополизировал за государством деятельность как по лесозаготовке, так и лесосплаву, а установление такого права лишь за одной организацией, очевидно, было предусмотрено с целью большего упорядочения данного процесса и более рациональной организации как лесозаготовок, так и лесосплава.

Такая организация УВВТ обязывалась в рамках своих технических возможностей обрабатывать и реализовывать требования (заявки) по транспортировке всех иных предприятия, органов и лиц. Эта норма была необходима хотя бы в связи с тем, что на территории района сплава действительно действовали и иные государственные органы, в том числе занятые разработкой полезных ископаемых, а также не стоит забывать потребности местного населения сел и городов, также испытывающего определенные потребности как в лесоматериалах, так и в совокупно сплавляемых материалах.

С целью обеспечения интересов всех заинтересованных сторон надзорным органам давалось право временной приостановки сплава (п. 33).

На ВСНХ СССР, для организации сплава возлагались такие задачи:

- а) контроль за соответствующим состоянием и улучшением путей, по которым производился сплав;
- б) выработка и публикация соответствующих правил сплава, с обязательным взаимодействием в этом вопросе с народным комиссариатом путей сообщения;
- в) изучение и определение задач в деле рационализации сплава, а также непосредственное управление занятых в нем предприятий;
- г) производство опытно-показательных представлений в данном деле;
- д) проектирование вопросов предварительного финансирования, судами, буксирами, питания, фуражом, такелажем, а также иным необходимым для работ по сплаву;
- е) установление предельных параметров основных районов деятельности и назначение в каждом конкретном районе ответственной лесосплавной организации;
- ж) разработка и введение в действие стандартного договора о сплаве между лесосплавающей организацией и собственником лесоматериалов;
- з) определение максимального предела оплаты за сплав со стороны соответствующих организаций;
- и) совместно с наркомпути, базируясь на предельной возможности используемых водных путей, определяет максимальное число сплавляемых материалов;
- к) контроль за укладкой древесины, сооружением плотов и прочих форм сплава (п. 35).

В свою очередь, на наркомпути возлагалось:

- а) совместно с ВСНХ определять и внедрять нормы по сплаву на судоходных путях;
- б) осуществление контроля за сплавом на этих направлениях;
- в) следить за соответствующим содержанием, эксплуатацией и улучшением направления сплава и собственно за сплавом в тех вопросах, которые непосредственно касались интересов судоходства. Так, к примеру, наркомпути поручался контроль за сплоткой плотов, которые готовились к транспортировке по поднадзорным ему рекам (п. 36).

Также устанавливалось, что начальники сплава должны были оказывать содействие органам, занимающимся лесным хозяйством, а также финансово-контрольным органам по вопросам наблюдения за законностью покупки и за сплотченностью сплавляемой древесины (п. 37).

Глава 6 устава посвящена вопросам бечевника и пристанских участков, как важным опорным точкам как для судоходства вообще, так и для сплава в частности.

Важным было, впервые в истории отечественного регулирования подобных вопросов, установление не только термина «бечевник», но и определение правил и норм его использования. В ней также указывалось, что «Правила пользования бечевником для нужд судоходства и сплава на судоходных путях издаются НКПС по соглашению с ВСНХ СССР и Народным комиссариатом земледелия СССР» (п. 39), с предупреждением о том, что «размеры бечевника на судоходных путях могут быть уменьшены органами, в ведении которых находятся соответствующие участки земли, по соглашению с подлежащими местными органами Народного комиссариата путей сообщения».

Что весьма необычно для общесоюзного законодательства, предусматривалось, что размеры бечевника и условия его использования на сплавных реках должны устанавливаться законодательством союзных республик (п. 41).

Особо оговаривалось, что право общего пользования бечевником не распространялось на те участки берега, которые были заняты под сельскохозяйственные нужды с соответствующими насаждениями, различные сооружения, а также «на пространство берегов, укрепленных специальными сооружениями или насаждениями» (п. 42).

Одновременно подчеркивались права местных исполкомов в отношении таких земель и их использование под постройку сооружений (п. 43).

Вопросам организации и деятельности пристанских участков в уставе посвящались пар. 45-46. Они выделялись для бесплатного пользования при кратковременном использовании со стороны судов, плотоводов и т.п. Организация и обустройство таких участков общего пользования возлагалось на местные органы власти, а детализация прав и обязанностей их заведующих производилась уже подзаконными нормативными актами, в первую очередь различными инструкциями.

В тоже время, все заботы по пристанским участкам специального пользования были однозначно переданы на заинтересованных их собственников и пользователей.

Однако, так или иначе, все проекты устройства пристанских участков следовало представлять местными органами наркомпути для соответствующего согласования.

И, наконец, последней главой, содержание которой необходимо рассмотреть в рамках нашего исследования, является гл. 16 УВВТ – «Буксировка» (п. 162-167) с упоминанием договора буксировки, так как, участниками этого процесса, практически в обязательном порядке, как это отмечалось нами выше, были и лоцманы внутренних водных путей.

Не вдаваясь в детали данного договора, укажем лишь что его регламентация была довольно скудной и поверхностной, что давало возможность широкой его трактовки и включения различных дополнительных условий. Главное, что законодатель стремился обязательно предписать в отношении такого договора – это нормы и формы его заключения, специфику оформления. Какой-либо ответственность за невыполнение или некачественное выполнение взятых на себя обязанностей обеих сторон в уставе даже не упоминалось.

Причины этого не совсем ясны. Толи они в том, что сам договор буксировки был еще достаточно новым явлением в советской теории судоходства, толи в том, что универсальные условия буксировки невозможно было выписать, т.к. для каждого

участка реки, озера и т.п. они были разными, как и обязанности и технические возможности буксира, так и буксируемых.

Вполне возможно, что законодатель предпочел лишь ограничиться указанием общих направлений заключения и оформления таких договоров, оставив их детали на усмотрение заинтересованных сторон, организаций, ведомств, что в прочем, подтверждает и п. 167 устава, которым установлено, что «Правила настоящей главы применяются постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное» [1, с. 1060-1086].

Таким образом, можно заключить, что подготовка и издание устава внутренних водных путей сообщения в 1930 г., безусловно, стало важной вехой в урегулировании как деятельности внутреннего водного транспорта, так и эксплуатации соответствующих водных путей. Однако, законодатель, при его разработке, в виду становления данной отрасли народного хозяйства, основное внимание уделил наиболее острым вопросам, некоторым специфическим моментам, оставив множество пробелов и лакун для широкого местного и межведомственного нормотворчества, с учетом специфики каждого конкретного региона и выполняемых в нем перевозок, сообщений.

Вопросы статуса, положения, задач и обязанностей лоцманов на внутренних водных путях не нашли своего отражения в уставе, очевидно потому, что данные лоцманы впоследствии включались в состав судовых команд или же являлись обычными служащими различных ведомств, лишившись своего независимого статуса и отдельной организации.

В тоже время, такой подход на фоне подчинения морских лоцманов торговым портам, соответствовал общей тенденции их организации в стране и не исключал возможности изменения как подчиненности лоцманов, так и их способов организации.

Принятие УВВТ лишь заложило начало целой серии реформ по управлению водным транспортом в СССР [2, с. 61–77], в рамках преобразования всей системы управления транспортом страны. Учитывая существенное внимание исследователей к изучению данного процесса, в том числе и в диссертационном исследовании А. В. Ковалю, мы не станем на нем подробно останавливаться, однако укажем, что соответствующее постановление «Об образовании народного комиссариата водного транспорта Союза ССР», принято в январе 1931 г. [3, с. 142].

Данный документ носил, по нашему мнению, скорее декларативный характер, так как определял лишь общие направления последующей реорганизации, а собственно разработка положения о новом наркомате затянулась на год, так лишь 27 января 1932 г. было утверждено Положение о Народном комиссариате водного транспорта [4], усовершенствованное (или же разработанное заново) уже в 1934 г. Как известно, первым его руководителем (1931-1934 гг.) был Николай Михайлович Янсон, что правда, расстрелянный в 1938 г. [5, с. 2-3].

Разделение НКПС и создания самостоятельного наркомата водного транспорта союза, безусловно, было адекватной реакцией на происходившие в стране системные преобразования в деле развития пути сообщений. Такой шаг позволил каждому новому ведомству сконцентрироваться на своих задачах более детально.

Об этом говорят и материалы из иных источников: «1930-1938 годы – с образованием Народного комиссариата водного транспорта СССР, проведение путевых

работ в бассейне передается Ангарскому и Селенгинскому пароходствам. В их составе работало 4-е технических участка. Создание управления по освоению рек Восточной Сибири. Изыскательскими партиями этого управления проведены большие работы по изучению рек. На основе этих изысканий издаются лоцманские карты рек: Верхней Ангары, Селенги в пределах Монголии, Баргузина, Чикоя, Оки и Ангары от Истока до г. Братска» [6].

Кроме того, создание нового комиссариата способствовало разработке и принятию сопутствующих нормативно-правовых актов, среди которых можно назвать «Тарифное соглашение Карельского комитета Союза Лесдреврабочих на сплавные работы с лесозаготовительными и лесосплавающими организациями, находящимися на территории Карелии на 1931 год» [7]; «Тарифное соглашение Карельского комитета Союза СХЛР на сплавные работы с лесозаготовительными и лесосплавающими организациями, находящимися на территории Карелии на 1932 год» [8], и, конечно-же, постановление ЦИК СССР № 60, СНК СССР № 307 от 7 марта 1933 г. «об условиях труда рабочих и служащих, занятых в лесной промышленности и в лесном хозяйстве» [9].

Последним рассматриваемым документом существенно были подняты стандарты социальной защиты и обеспечения постоянных рабочих и служащих лесной промышленности, в том числе и занятых на сплаве леса, посредством установления обязанности работодателя обеспечивать их надлежащего качества жильем, питанием, обеспечением иного рода, оплачивать и предоставлять отпуска, доставку к месту работы, более четко прописаны условия труда, льготы для членов семей и т.д.

Все выше указанное, безусловно, относилось и лоцманам на внутренних водных путях, однако не следует забывать, что кроме таких общих норм продолжали развиваться и внедряться исключительно внутриведомственные нормативно-правовые акты, которыми непосредственно на местах устанавливался статус, права и обязанности лоцманов.

Список литературы:

- 1.«Устав внутреннего водного транспорта». Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год, стр. 1060-1086.
- 2.Коваль, А. В. Реформа управления речным и морским транспортом 1930 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. Т. 3 (69). – № 3. – С. 61–77.
- 3.31 января 1931 г. СЗ СССР 1931 г. № 8, ст. 85. Об образовании народного комиссариата водного транспорта Союза ССР. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1931 год, стр. 142.
- 4.Положение о Народном комиссариате водного транспорта от 27 января 1932 года. С. 3. СССР 1932 г. № 8, ст.ст. 43а и 43б.
- 5.Расулев Ш. А., Конталев В. А. Руководители морского и речного флота. М.: Морские вести, 2015. 97 с.
- 6.О нас | ФБУ "Администрация Байкало-Ангарского бассейна". URL bagbu.ru.
- 7.Тарифное соглашение Карельского комитета Союза Лесдреврабочих на сплавные работы с лесозаготовительными и лесосплавающими организациями, находящимися на территории Карелии на 1931 год. - Петрозаводск: Гостипография, 1931. - 75 с.
- 8.Тарифное соглашение Карельского комитета Союза СХЛР на сплавные работы с лесозаготовительными и лесосплавающими организациями, находящимися на территории Карелии на 1932 год / Наркомтруд. - Петрозаводск : Типография им. Анохина, 1932. - 39 с.
- 9.Постановление ЦИК СССР N 60, СНК СССР N 307 ОТ 07.03.1933 «об условиях труда рабочих и служащих, занятых в лесной промышленности и в лесном хозяйстве». Законы России. – URL: Поста-

новление ЦИК СССР N 60, СНК СССР N 307 ОТ 07.03.1933 Об условиях труда рабочих и служащих, занятых в лесной промышленности и в лесном хозяйстве (lawrussia.ru).

Nikitina A.P. Regulation of the activities of pilots of inland waterways in the USSR in the early 1930s. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 264-269.

The article indicates that only after the adoption of the USSR Merchant Shipping Code of 1929, it was possible to determine the main components of the charter of inland water transport of 1930, including issues related to raft crews and pilots of raft breeders (Chapter 4 of the Charter). Chapter 5 of the charter established the circle of responsible bodies and the methods of their interaction, and chapter 6 on the issues of the coastline and marinas. The issues of the status, position, tasks and duties of pilots on inland waterways were not reflected in the charter, obviously because these pilots were subsequently included in the ship's crews or were ordinary employees of various departments, having lost their independent status and separate organization. The resolution of the situation became possible in 1931-1932. with the allocation of water transport in a separate People's Commissariat. After that, an active process of regulating the activities of river pilots by various interested departments began.

Key words: pilots of inland waterways, code, charter, rafting, rafts, towing, People's Commissariat.

Spisok literatury:

1. «Ustav vnutrennego vodnogo transporta». Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR za 1930 god, str. 1060-1086.
2. Koval', A. V. Reforma upravleniya rechnym i morskim transportom 1930 g. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2017. T. 3 (69). – № 3. – S. 61–77.
3. 31 yanvarya 1931 g. SZ SSSR 1931 g. № 8, st. 85. Ob obrazovanii narodnogo komissariata vodnogo transporta Soyuza SSR. Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR za 1931 god, str. 142.
4. Polozhenie o Narodnom komissariate vodnogo transporta ot 27 yanvarya 1932 goda. S. 3. SSSR 1932 g. № 8, st.st. 43a i 43b.
5. Rasulev SH. A., Kontalev V. A. Rukovoditeli morskogo i rechnogo flota. M.: Morskie vesti, 2015. 97 s.
6. O nas | FBU "Administraciya Bajkalo-Angarskogo bassejna". URL bagbu.ru.
7. Tarifnoe soglasenie Karel'skogo komiteta Soyuza Lesdrevrabochih na splavnye raboty s lesozagotovitel'nymi i lesosplavlyayushchimi organizacijami, nahodyashchimisya na territorii Karelii na 1931 god. - Petrozavodsk: Gostipografiya, 1931. - 75 s.
8. Tarifnoe soglasenie Karel'skogo komiteta Soyuza SKHLR na splavnye raboty s lesozagotovitel'nymi i lesosplavlyayushchimi organizacijami, nahodyashchimisya na territorii Karelii na 1932 god / Narkomtrud. - Petrozavodsk : Tipografiya im. Anohina, 1932. - 39 s.
9. Postanovlenie CIK SSSR N 60, SNK SSSR N 307 OT 07.03.1933 «ob usloviyah truda rabochih i sluzhashchih, zanyatyh v lesnoj promyshlennosti i v lesnom hozyajstve». Zakony Rossii. – URL: Postanovlenie CIK SSSR N 60, SNK SSSR N 307 OT 07.03.1933 Ob usloviyah truda rabochih i sluzhashchih, zanyatyh v lesnoj promyshlennosti i v lesnom hozyajstve (lawrussia.ru).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. Ч. 2. – С. 270-277.

УДК 342.951:351.82

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-270-277

ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Русанова С. Ю., Пономарев А. В.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

В статье делается попытка осуществить анализ становления и развития законодательства, регулирующего привлечение к административной ответственности военнослужащих, совершивших административные правонарушения при исполнении служебных обязанностей. Акцентируется внимание на особенностях законодательства в послереволюционный период российской истории. Авторы проводят исследование административной ответственности военнослужащих в период Великой Отечественной Войны, советский и постсоветский периоды. Анализируются особенности привлечения военнослужащих к административной ответственности.

Ключевые слова: «административная ответственность», «военнослужащий», «государственное принуждение», «законодательство об административной ответственности», «меры административного принуждения», «административное наказание».

Административная ответственность военнослужащих, являясь частью института административной ответственности, имеет определенные особенности, приобретённые вследствие изменений общественных отношений в области устройства вооружённых сил, правового статуса военнослужащих и их взаимодействия с другими субъектами правового общества. Соответственно, указанная специфика, закреплённая в современных правовых нормах, имеет исторические и социальные предпосылки и обусловленности. С целью их всестороннего исследования необходимо рассмотреть развитие законодательства в сфере привлечения военнослужащих к административной ответственности.

Начало формирования института административной ответственности военнослужащих в послереволюционный период российской истории учёные-административисты связывают с началом деятельности ротных товарищеских судов [1, с. 131].

В указанный период времени вопросы, связанные со службой в армии вновь образованной Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее – РСФСР), находились в ведении Народного Комиссариата по Военным Делах, которым 23.07.1918 изданы приказы № 612 об учреждении фронтовых полковых (отрядных) местных судов и № 613 о введении в действие Положения о ротных товарищеских судах [2, с. 738].

Указанными правовыми актами разграничивалась компетенция революционных трибуналов, местных народных, фронтовых полковых и ротных товарищеских судов. Соответственно, дифференцировалась ответственность военнослужащих за неисполнение боевых приказов, за совершение уголовных преступлений, а также за совершение ими незначительных проступков.

Так, пунктами 17 и 18 приказа № 613 к компетенции ротного товарищеского суда относилось применение к служащим в Рабоче-Крестьянской Красной Армии та-

ких наказаний как выговор, лишение отпуска, штраф (денежное взыскание), обязательные работы либо несение наряда вне очереди. Указанные наказания назначались по делам о неисполнении небоевых приказов, о незначительной растрате и умышленной порче войскового имущества на сумму не более 300 рублей, об оскорблении сослуживцев, о пьянстве, азартных играх, предосудительном поведении, опоздании из отпуска, самовольных отлучках, а также и о всех маловажных проступках.

Несмотря на отсутствие детального разграничения дисциплинарной и административной ответственности, общий характер некоторых понятий, например, «маловажный проступок», «предосудительное поведение», можно сделать вывод о первоначальном закреплении в законодательстве рассматриваемого периода оснований и порядка применения к военнослужащим административных наказаний.

С целью обеспечения воинской дисциплины и порядка, а также правового регулирования прав и обязанностей военнослужащих Красной Армии, Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом как высшим органом власти РСФСР 30.01.1919 утвержден Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в состав которого вошли положения приведенного выше приказа № 613 о ротных товарищеских судах [3, с. 129].

Вместе с тем, Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров 23.06.1921 издан Декрет «О порядке наложения административных взысканий» [4]. Данным правовым актом установлено, что за нарушение обязательных постановлений местной власти на граждан в административном порядке налагаются взыскания, к которым отнесены: лишение свободы сроком до двух недель; принудительные работы сроком до одного месяца; штраф на сумму не более 50 тыс. рублей; назначение вместо неисполненной повинности другой либо наложение денежного взыскания. Важным положением рассматриваемого Декрета явилось примечание о том, что в случае, если указанные нарушения совершены лицами, состоящими на военной службе при исполнении ими служебных обязанностей, то местная власть вправе применить административное взыскание через соответствующего начальника, согласно соответствующего устава Рабоче-Крестьянской Красной Армии [5, с. 163].

Таким образом, в исследуемый период законодательно впервые установлено, что к военнослужащим, совершившим административные правонарушения при исполнении служебных обязанностей, применялись дисциплинарные взыскания, в порядке и на основаниях, определенных уставом.

В то же время, высшими государственными органами власти продолжалась законодательная работа с целью правового регулирования общественных отношений в сфере общественного порядка и безопасности, дорожного движения, здравоохранения, образования, торговли и уплаты налогов и т.п. В связи с чем, Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (далее – ВЦИК) и Советом Народных Комиссаров (далее – СНК) принято Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке [6]. Указанным нормативным документом местные органы власти наделялись полномочиями издавать обязательные для населения соответствующей губернии, уезда постановления во исполнение действующих декретов и постановлений высших органов власти в вышеуказанных сферах общественных отношений, а также по

вопросам местного управления и правопорядка. Данным документом прямо устанавливалась обязательная административная ответственность за неисполнение требований постановлений местных органов с назначением таких административных наказаний как штраф или принудительные работы.

Важным положением Декрета от 27.07.1922 стало наделение соответствующих Исполнительных Комитетов полномочиями по назначению административных взысканий лицам, состоящим на военной службе, вместе с тем, указанные органы были ограничены в исполнении данных наказаний. Пункт 13 рассматриваемого нормативно-правового акта предусматривал необходимость направления командиру постановления о применении административного взыскания с целью приведения его в исполнение.

Среди последствий завершения Гражданской войны, прекращения иностранного военного участия в данном вооружённом конфликте и образования Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР), явилось сокращение численности Красной Армии. Переход к новой системе государственного устройства обусловил необходимость совершенствования нормативно-правовых основ военной службы, а также всей системы военного управления. Создаются Революционный военный совет и подчинённые ему штабы и управления как органы управления и политического руководства Вооружёнными силами РСФСР, вводится полное и неполное единоначалие как основной принцип военного управления, командиры наделяются широкими полномочиями в отношении деятельности подчинённых, в частности, и армии, в целом.

Указанные элементы военной реформы нашли своё отражение в нормах Всесоюзного Закона «Об обязательной военной службе» от 08.08.1928 [7]. В частности, особый интерес в рамках исследуемой темы, представляют нормы статьи 229 о том, что к военнослужащим, равно как и военнообязанным, за совершение административных правонарушений применяются дисциплинарные взыскания в соответствии с дисциплинарным уставом. При этом, правом наложения таких взысканий наделён исключительно командир части на основании сведений, предоставленных органами, уполномоченными на применение административных взысканий, с извещением последних о наложении на виновное лицо соответствующего дисциплинарного взыскания. Аналогичные нормы содержал также Закон СССР «Об обязательной военной службе» от 13.08.1930 [8].

Таким образом, на законодательном уровне рассматриваемого периода определено, что за совершение административных правонарушений наказания к военнослужащим применялись исключительно в порядке дисциплинарного производства, и, в отличие от рассмотренных ранее норм Декрета от 27.07.1922, гражданские органы власти лишались полномочий по применению к военнослужащим и военнообязанным взысканий в административном порядке.

В июне 1941 года с началом Великой Отечественной Войны в отдельных регионах страны вводится военное положение. В течении первых часов после нападения германских войск высшими органами власти и высшими должностными лицами государства в экстренном режиме изданы и подписаны исторические документы, которые определили основные цели дальнейшей деятельности в реалиях военного времени – защита страны и победа в крупнейших военных действиях XX века. В

указанных условиях выполнение поставленных задач невозможно без жёсткой дисциплины и суровой организованности в рядах Красной Армии.

Согласно нормам Указа «О военном положении» правомочия органов государственной власти, в том числе в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности, переходят к военному командованию и военным советам [9, с.213]. Соответственно, претерпевает изменения в сторону ужесточения и порядок привлечения военнослужащих к ответственности, хотя в целом основания и виды ответственности для военнослужащих сохранились.

В сфере, исследуемой авторами административной ответственности военнослужащих особый интерес представляют положения пункта 4 Указа от 22.06.1941, которым военным властям в областях, находящихся на военном положении, предоставлено право издавать постановления обязательные для выполнения и введена административная ответственность за их неисполнение вплоть до лишения свободы сроком до полугода. Вместе с тем, в случае совершения административных правонарушений военнослужащими соответствующему административному органу в обязанность вменялось лишь сообщение об этом командиру части или в ближайший орган военного управления, которым решался вопрос о привлечении военнослужащего к ответственности в дисциплинарном порядке.

Соответственно наказания назначались на основании действовавшего на тот момент Дисциплинарного Устава Красной Армии от 12.10.1940, которым военному командованию предоставлены достаточно широкие и жёсткие полномочия. Например, Дисциплинарный Устав содержал нормы о том, что с целью обеспечения воинской дисциплины и исполнения военных приказов командир вправе применять силу и оружие. Перечень видов дисциплинарных взысканий, которые налагались на военнослужащих как за совершение проступков по службе, так и за нарушение общественного порядка, дифференцировался в зависимости от статуса последнего (рядовые, младший начальствующий состав и т.д.) [10, с. 180].

После окончания Великой Отечественной Войны военное положение на большей части территорий, ранее объявленных таковыми, отменено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21.09.1945 «О признании утратившими силу указов Президиума Верховного Совета СССР об объявлении в ряде местностей СССР военного положения» [11], соответственно с этого момента правоотношения в части назначения административных наказаний военнослужащим регулировались Положением об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке, утверждённым Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 30.03.1931 [12].

Указанный нормативно-правовой акт, а именно пункт 29, содержал прямое указание о неприменении к военнослужащим взысканий в административном порядке на основании данного Положения от 30.03.1931. Кроме того, исходя из смысла норм Дисциплинарного Устава Вооружённых Сил СССР, принятого 01.06.1946, под понятием «воинская дисциплина» подразумевалось строгое и неукоснительное соблюдение военнослужащими всех действующих законов, порядков и правил, таким образом под дисциплинарную ответственность попадали не только деяния, которыми нарушались воинские законы, приказы и правила, но и «гражданские» правонарушения влекли за собой наложение дисциплинарных взысканий.

Следует отметить, что такой порядок применения наказаний к военнослужащим сохранялся и в период, вошедший в историю как «холодная война» и «гонка вооружений». СССР занял своё место среди военных держав, что повысило статус военнослужащего в государстве и обусловило определённые гарантии. Так, нормы Дисциплинарных Уставов Вооружённых Сил СССР как 1960 [13], так и 1975 г. [14], развивая положения Закона СССР от 12.10.1967 № 1950-VII «О всеобщей воинской обязанности» [15], однозначно определяли, что за совершение правонарушений, за исключением уголовно наказуемых деяний, военнослужащие несут дисциплинарную ответственность.

Дальнейшие изменения институт административной ответственности военнослужащих претерпел в результате проведённой масштабной кодификации законодательства в сфере административных проступков и ответственности за их совершения. Итогом указанной законотворческой работы стали Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, принятые Верховным Советом СССР 23.10.1980 [16].

Особенностям административной ответственности военнослужащих законодатель посвятил часть 1 ст. 9 указанных Основ и определил, что за совершенные административные правонарушения военнослужащие и призванные на сборы военно-обязанные несут дисциплинарную ответственность, кроме правонарушений в сфере безопасности дорожного движения, охоты, рыболовства и охраны рыбных запасов, а также за нарушение таможенных правил и контрабанду. В данных случаях указанные лица подлежат привлечению к административной ответственности на общих основаниях. Таким образом, дальнейшее развитие законодательства осуществлялось по пути разграничения административной и дисциплинарной ответственности военнослужащих в зависимости от вида совершенных ими правонарушений.

В части применения административных взысканий рассматриваемые правовые нормы содержали запрет на применение к указанным лицам штрафа, исправительных работ и административного ареста.

Аналогичные нормы введены в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях [17], принятый 20.06.1984 в соответствии с Основами административного законодательства и действовавший с вносимыми изменениями и дополнениями достаточно долгий период времени – Кодекс признан утратившим силу с 01.07.2002 Федеральным законом от 31.12.2001 № 196-ФЗ «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [18].

В Кодексе РСФСР об административных правонарушениях от 20.06.1984 особенностям ответственности военнослужащих посвящалась статья 16, которая фактически дублировала положения Основ союзного законодательства в рассматриваемом вопросе. В таком виде исследуемая правовая норма просуществовала вплоть до распада СССР.

После распада СССР, произошедшего 26 декабря 1991 г. Россия объявила себя правопреемником Советского Союза. Перед страной вновь возникло ряд задач, в том числе в законотворческой деятельности, результатом решения которых явилась разработка актуальной нормативно-правовой базы, регулирующей важнейшие стороны общественных отношений. Одной из таких сфер государственной и общественной деятельности оставалась военная служба и, соответственно, военное право.

В связи с принятием 22.01.1993 Закона Российской Федерации № 4338-1 «О статусе военнослужащих» вносятся изменения в статью 16 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, согласно которым к военнослужащим не применяется такой вид наказания как лишение права управлять транспортными средствами [19]. Таким образом законодатель подчеркнул важность и первостепенность выполнения военнослужащими поставленных перед ними государственных задач, которые не могут ставиться под угрозу их невыполнения, в том числе, из-за лишения права управления транспортным средством в административном порядке. Следует отметить, что анализ исключений из общих правил назначения административных наказаний, которые законодатель установил для военнослужащих, связан со служебной деятельностью последних и необходимостью неукоснительного выполнения поставленных задач. Вместе с тем, подобные «исключения» не освобождают военнослужащих от административной ответственности, а отсылают к нормам дисциплинарного права [20, с. 490].

В современном виде институт административной ответственности военнослужащих регулируется, в том числе, нормами Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ (в редакции от 16.10.2019) «О статусе военнослужащих» [21], вышеупомянутого Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001, а также Указа Президента Российской Федерации от 10.11.2007 № 1495 (в редакции от 21.02.2019) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» [22].

Таким образом, действующее российское законодательство в сфере административной ответственности военнослужащих и назначения последним административных наказаний развивалось в тесной взаимосвязи с историческими событиями, которые выступили первопричинами специфики правовых норм, регулирующих обозначенные общественные отношения. Основными особенностями являются, что военнослужащие и военнообязанные лица, призванные на сборы, подлежат привлечению к административной ответственности лишь в тех случаях, которые прямо обозначены законодателем, а в случае совершения ими иных правонарушений – указанные субъекты подлежат дисциплинарной ответственности. Также на законодательном уровне ограничен круг административных наказаний, применяемых к военнослужащим.

Список литературы:

1. Лопатин А.С. Административная ответственность военнослужащих и порядок её реализации: Автореф...дис. канд. юр. наук. – М.: 1996. – С. 15; Лумпов Е.А. История развития института ответственности военнослужащих за административные правонарушения // Военное право. 2015. № 3 (35). – С. 131-149.
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М.: 1942. – С. 736-739.
3. Первухин Д.В. Организация и деятельность полковых судов в Вооруженных силах России с 1867 по 1921 год. Диссертация канд. юр. наук. – М.: 2017. – С. 129.
4. Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 52. – Ст. 310.
5. Ивенин А.Э. Этапы становления и развития института административной ответственности военнослужащих в России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. – С. 162-166.
6. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 27.07.1922 «Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 48. – Ст. 603.

7. Собрание законодательства СССР. 1928. № 51. – Ст. 449.
8. Собрание законодательства СССР. 1930. № 40. – Ст. 424.
9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941// Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. - июль 1956 г. – М.: Гос. изд-во юридической литературы. 1956. – С. 213-215.
10. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 - 21.06.1941. – М.: Терра, 1994. – т. 13. – С. 180-183.
11. Ведомости ВС СССР. 1945. № 71.
12. Собрание узаконений РСФСР. 1931. № 17. – Ст. 186.
13. Указ Президиума ВС СССР от 23.08.1960 «О Дисциплинарном уставе и Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Союза ССР» // Ведомости ВС СССР. 1960. № 34. – Ст. 325.
14. Дисциплинарный устав Вооруженных Сил СССР, утв. Указом Президиума ВС СССР от 30.07.1975 // Свод законов СССР. – 1990. – Т. 9. – С. 463.
15. Ведомости ВС СССР. 1967. № 42. – Ст. 552.
16. Ведомости ВС СССР. 1980. № 44. – Ст. 909.
17. Ведомости Верховного Совета РСФСР, 05.07.1984. № 27. – Ст. 909.
18. Российская газета, 31.12.2001. № 256.
19. Российская газета, 09.02.1993. № 26.
20. Пономарев А.В., Русанова С.Ю.Профилактика административных правонарушений среди военнослужащих Российской Федерации / Пономарев А.В., Русанова С.Ю. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 1. С. 489-499.
21. Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. – Ст. 2331.
22. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 47. – Ст. 5749.

Rusanova S., Ponomarev A. The genesis of the legislation of the Russian Federation in the field of administrative responsibility of military personnel // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 270-277.

The article attempts to analyze the formation and development of legislation regulating the bringing to administrative responsibility of military personnel who have committed administrative offenses in the performance of official duties. Attention is focused on the peculiarities of legislation in the post-revolutionary period of Russian history. The authors conduct a study of the administrative responsibility of military personnel during the Great Patriotic War, the Soviet and post-Soviet periods. The features of bringing military personnel to administrative responsibility are analyzed.

Keywords: "administrative responsibility", "serviceman", "state coercion", "legislation on administrative responsibility", "measures of administrative coercion", "administrative punishment".

Spisok literaturi:

- 1.Lopatın A.S. Administrativnaya otvetstvennost' voennosluzhashchih i poryadok eyo realizacii: Avtoref...dis. kand. jur. nauk. – М.: 1996. – S. 15; Lumpov E.A. Istoriya razvitiya instituta otvetstvennosti voennosluzhashchih za administrativnye pravonarusheniya // Voennoe pravo. 2015. № 3 (35). – S. 131-149.
- 2.Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917-1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. – М.: 1942. – S. 736-739.
- 3.Pervuhin D.V. Organizaciya i deyatel'nost' polkovyh sudov v Vooruzhennyh silah Rossii s 1867 po 1921 god. Dissertaciya kand. jur. nauk. – М.: 2017. – S. 129.
- 4.Sobranie uzakonenij RSFSR. 1921. № 52. – St. 310.
- 5.Ivenin A.E. Etapy stanovleniya i razvitiya instituta administrativnoj otvetstvennosti voennosluzhashchih v Rossii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 12. – S. 162-166.
- 6.Dekret VCIK, SNK RSFSR ot 27.07.1922 «Polozhenie o poryadke izdaniya obyazatel'nyh postanovlenij i o nalozhenii za ih narushenie vzyaskanij v administrativnom poryadke» // Sobranie uzakonenij RSFSR. 1922. № 48. – St. 603.
- 7.Sobranie zakonodatel'stva SSSR. 1928. № 51. – St. 449.
- 8.Sobranie zakonodatel'stva SSSR. 1930. № 40. – St. 424.
- 9.Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 22.06.1941// Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. - iyul' 1956 g. – М.: Gos. izd-vo yuridicheskoy literatury. 1956. – S. 213-215.
10. Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR. 1937 - 21.06.1941. – М.: Terra, 1994. – т. 13. – S. 180-183.
11. Vedomosti VS SSSR. 1945. № 71.

12. Sобрание узаконений RSFSR. 1931. № 17. – Ст. 186.
13. Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 23.08.1960 «O Disciplinarnom ustave i Ustave vnutrennej sluzhby Vooruzhennyh Sil Soyuzа SSR» // Vedomosti VS SSSR. 1960. № 34. – St. 325.
14. Disciplinarnyj ustav Vooruzhennyh Sil SSSR, utv. Ukazom Prezidiuma VS SSSR ot 30.07.1975 // Svod zakonov SSSR. – 1990. – T. 9. – S. 463.
15. Vedomosti VS SSSR. 1967. № 42. – St. 552.
16. Vedomosti VS SSSR. 1980. № 44. – St. 909.
17. Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR, 05.07.1984. № 27. – St. 909.
18. Rossijskaya gazeta, 31.12.2001. № 256.
19. Rossijskaya gazeta, 09.02.1993. № 26.
20. Ponomarev A.V., Rusanova S.YU. Profilaktika administrativnyh pravonarushenij sredi voennosluzhashchih rossijskoj federacii / Ponomarev A.V., Rusanova S.YU. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2020. № 1. S. 489-499.
21. Sобрание zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1998. № 22. – St. 2331.
22. Sобрание zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2007. № 47. – St. 5749.

НАШИ АВТОРЫ

Абдуллаев Л. Ш.	аспирант Севастопольского государственного университета
Аблятипова Н. А.	к.ю.н., доц., доцент кафедры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь
Абрамов А. М.	аспирант кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
Арямов А. А.	д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Биджиева А. У.	помощник заместителя председателя Арбитражного суда Республики Крым, г. Симферополь
Волкова И. Ю.	студентка Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь
Даниелян А. С.	к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета
Дорофеева Я. В.	соискатель кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета
Евсикова Е. В.	к.ю.н., доц. кафедры административного и финансового права – начальник отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Эляков А. Л.	аспирант кафедры правового обеспечения публичных финансов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Заброда Д. Г.	к.ю.н., доц., профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Змерзлый Б. В.	д.и.н., д.ю.н., проф. проф. к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского
Ильинский И. И.	к.ю.н., доцент кафедры оперативно-разыскной дея-

	<i>тельности Московского университета МВД Российской Федерации имени В.Я. Кикотя</i>
<i>Ищенко В. И.</i>	<i>мировой судья судебного участка № 80 Симферопольского судебного района (Симферопольский муниципальный район) Республики Крым, преподаватель кафедры уголовного права Крымский филиал Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»</i>
<i>Капранов А. В.</i>	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры судебной экспертизы и криминалистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)</i>
<i>Ковтун Ю. А.</i>	<i>к.ю.н., доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»</i>
<i>Лагуточкин А. В.</i>	<i>к.ю.н., доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
<i>Лазаренко Л. Б.</i>	<i>к.ю.н., доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», заместитель председателя Арбитражного суда Республики Крым</i>
<i>Латынин О. А.</i>	<i>доцент, к.ю.н., доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» председатель Арбитражного суда Республики Крым</i>
<i>Луценко В. В.</i>	<i>адъюнкт факультета по подготовке кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования Санкт–Петербургский ордена Жукова военный институт войск национальной гвардии РФ</i>
<i>Мариева А. А.</i>	<i>аспирант кафедры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского</i>
<i>Миронова О. А.</i>	<i>к.ю.н., доцент, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
<i>Мишина Ю. В.</i>	<i>преподаватель кафедры специальной подготовки Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова</i>
<i>Никитина А. П.</i>	<i>к.ю.н., доц., зав. к-ры международного, морского и таможенного права</i>

Овдиенко Е. Б.	к.ю.н., доц., проф. кафедры гражданского права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия
Орлова Е. Е.	к.ю.н., доц. к-ры «Гражданское право и процесс» ФГБОУ ВО «ТГТУ», директор Юридического института ТГТУ.
Пономарёв А. В.	доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Рудик М. В.	к.ю.н., старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Русанова С. Ю.	к.ю.н., доц. кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Саранкина Ю. А.	к.ю.н., заместитель начальника к-ры государственных и гражданско-правовых наук Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Стрельников К. Н.	3 курс, специальность 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
Сафронова Е. В.	д.ю.н., проф., проф. к-ры теории и истории государства и права ФГАОУ О «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Семенуха Т. Б.	к.ю.н., доцент кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института Севастопольского государственного университета
Тененёва И. В.	к.фил.н., доц., доц. к-ры иностранных языков Юго-Западного государственного университета
Тихомаева В. С.	специалист по обработке информации отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Цындря В. Н.	к.ю.н., доцент, заместитель начальника кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Шайрян Г. П.	к.ю.н., к.и.н., доц. Департамента правоведения АНО ВО «Международная академия бизнеса и управления
Шевелёва С. В.	д.ю.н., проф. декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета.
Эляков А. Л.	аспирант кафедры правового обеспечения публичных финансов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

<i>Юзьвак С. А.</i>	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
----------------------------	---

СОДЕРЖАНИЕ

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

<i>Арямов А. А.</i> Административная преюдиция в уголовном праве и требования юридической техники.....	3
<i>Евсикова Е. В., Тихомаев В. С.</i> Некоторые особенности осуществления производства по делам об административных правонарушениях в сфере домашнего насилия и проблемы их разрешения.....	13
<i>Евсикова Е. В., Пономарев А. В.</i> К вопросу об усовершенствовании законодательства в сфере установления административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан.....	22
<i>Миронова О. А.</i> Ответственность за нарушение установленного порядка передвижения по территории Российской Федерации.....	35
<i>Мишина Ю. В.</i> Проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство.....	42
<i>Цындра В. Н.</i> Актуализация проблематики реализации административно-наказательной политики Российской Федерации в современных условиях.....	50
<i>Цындра В. Н., Юзьвак С. А.</i> Применение административного наказания за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированном публичном мероприятии: отечественной и зарубежный опыт	58

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

<i>Абдуллаев Л. Ш.</i> Применение аналогии закона к гражданским правоотношениям.....	66
<i>Аблятинова Н. А., Волкова И. Ю.</i> Добросовестное приобретение от неуправомоченного лица: анализ понятия и системности правоприменительной практики.....	74
<i>Абрамов А. М.</i> Неправомерные действия при банкротстве: ключевые проблемы законодательства и пути решения.....	82
<i>Даниелян А. С., Шеколенко А. П.</i> К вопросу компенсации морального вреда в рамках гражданского процесса и уголовного процесса, причиненного в связи с совершением преступления.....	89
<i>Дорофеева Я. В.</i> Договор условного депонирования (эксроу) и депонирование имущества нотариусом.....	96
<i>Латынин О. В.</i> Цивилистическая методология: понятие и основные этапы развития.....	103

Луценко В. В.	Юридические пределы правового режима контртеррористической операции: понятия и виды.....	115
Лазаренко Л. Б., Биджиева А. У.	Вопросы, связанные с приобретением права собственности на «брошенные» бездокументные акции за эмитетом.....	120
Овдиенко Е. Б.	Медиативное соглашение как результат индивидуального регулирования гражданских правоотношений.....	127
Ищенко И. В.	Характер и степень общественной опасности преступлений и неправомерных деяний: проблемы понятия и критериев определения.....	133
Ковтун Ю. А., Лагуточкина А. С.	О применении правоохранительными органами специализированного программного обеспечения в организации использования искусственного интеллекта.....	148
Лагуточкин А. В., Ильинский И. И.	Особенность проведения оперативно-розыскных мероприятий при получении информации о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют и других виртуальных активов.....	155
Эляков А. Л.	Особые экономические зоны в Российской Федерации: правовые аспекты развития и оценка эффективности деятельности.....	163

РЕЦЕНЗИИ

Змерзлый Б. В.	На учебник заслуженного деятеля наук РФ, доктора юридических наук, доктора исторических наук, профессора Л.П. Расказова «История и методология юридической науки».....	175
-----------------------	--	-----

СРОЧНО В НОМЕР

Заброда Д. Г.	Характеристика оснований административной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированном собрании, митинге, демонстрации, шествии и пикетировании.....	177
Заброда Д. Г., Капранов А. В.	Методика антикоррупционного аудита: вопросы теории и практики.....	187
Саранкина Ю. А., Стрельников К. Н.	Роботизация европейского рынка труда: проблемы, дальнейшие перспективы и регулирование нормами европейского трудового права.....	200
Шевелева С. В., Тенёва И. В.	Буайеризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты.....	209
Орлова Е. Е.	Мониторинг правоприменения как средство объективной оценки деятельности органов публичной власти.....	223
Семенуха Т. Б.	Правовые формы реализации и защиты преимущественного права покупки доли в праве общей долевой собственности.....	231
Сафронова Е. В., Шайрян Г. П.	Правовой феномен российского самодержавия.....	240

Рудик М. В.	
Характеристика преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов на территории Республики Крым.....	253
Никитина А. П.	
Регулирование деятельности лоцманов внутренних водных путей в СССР в начале 1930-х гг.....	264
Русанова С. Ю., Пономарев А. В.	
Генезис законодательства Российской Федерации в сфере административной ответственности военнослужащих.....	270